Альдана
Четыре новых человека

Альдана - 1

Надежда Владимировна Кархалёва

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Part 1. Повествование о том, что обернувшаяся былью сказка перестаёт быть детской… Или как выжить в магическом мире четырём представителям мира современного, если жизнь осложняется деятельностью вампиров и борцов за их права, а так же многими другими событиями и людьми…

- Надежда Владимировна Кархалёва
  - Глава 1 Дорога в неизвестность
  - Глава 2 Пути расходятся
  - Глава 3 Предсказанные Великими Ветрами
  - Глава 4 Винсенты
  - Глава 5 Новые жизни, новые начала
  - Глава 6 Джессика
  - Глава 7 Решение
  - Глава 8 Первое испытание
  - Глава 9 Удар
  - Глава 10 До свидания, солнце
  - Глава 11 На поворотах заносит, держитесь крепче
  - Глава 12 «Ты можешь летать»
  - Глава 13 Школа выживания, урок первый
  - Глава 14 Перестановка в голове
  - Глава 15 Время жажды крови
  - Глава 16 Неживая
  - Глава 17 Опасность и надежда
  - Глава 18 Кризис
  - Глава 19 Перерыв
  - Глава 20 Против правил
  - Глава 21 Всё ближе и ближе
  - Глава 22 Пора принимать себя иную
  - Глава 23 Предательство
  - Глава 24 Игры в любовь
  - Глава 25 Назад пути нет
  - Глава 26 Последние дни старой Альданы
  - Глава 27 Свет и тьма
  - Глава 28 Свершилось!
  - Глава 29 Мы лишь говорим «До свидания»…

Надежда Владимировна Кархалёва
Альдана Четыре новых человека

Глава 1 Дорога в неизвестность

Дима подошел к обрыву и осторожно посмотрел вниз. Там располагалась крохотная деревенька, состоящая из нескольких коттеджей, обнесённых ажурными решётками, кучки облезлых деревянных домиков, во дворах которых пестрели разноцветные «Запорожцы» и прочие чудеса советской автопромышленности, а также небольшого магазинчика.

— Ну что, видно? — раздался за спиной Димы нетерпеливый голос.

— Нет!!!

— То есть?! — парень, секунду назад задавший вопрос, потеснил Диму, пихнув его локтем в бок, вытаращился на крыши деревушки. — Идиот, куда ты нас затащил?

Дима увернулся от него, забрался на здоровенный пень, как на трибуну, и крикнул:

— Народ! Последний раз повторяю: дело дрянь!

Шестнадцать человек лениво повернулись к оратору.

— Уже почти семь, электричка через два часа! Товарищи, не хочется вас огорчать, но нам предстоит мозговой штурм.

Товарищи расселись на травке. Некоторые усердно пытались изобразить, что в их головах происходит некий мыслительный процесс, большинство принялось самозабвенно сплетничать, травить анекдоты и заниматься прочей деятельностью, имеющей к сложившейся ситуации весьма косвенное отношение.

А ситуация была следующая. Сегодня утром студенты-первокурсники группы 1613-А института массовых коммуникаций Дальневосточного Государственного Университета поехали отмечать своё зачисление в оный на дачу Димы Фёдорова, старосты. Для поднятия настроения ещё в электричке было выпито несколько двухлитровых бутылок пива, и к месту назначения все прибыли счастливые настолько, что решили вскарабкаться на какую-нибудь сопку и исполнить там гимн Российской Федерации. Затея удалась наполовину. Студенты покорили один из местных Эверестов, на вершине очень душевно проорали «Россия — священная наша держава…», спустились обратно и… С возвращением на дачу как-то не заладилось. Дорога, по которой компания добралась до сопки, лабиринтом шла через лес; его преодолели, руководствуясь интуицией, женской логикой и твердокаменной верой в то, что интуиция и женская логика не подведут. Сомнения стали закрадываться в протрезвевшие умы тогда, когда лес кончился, а село с Фёдоровской дачей начинаться не спешило. Вскоре и дорога

завершилась обрывом. С него наблюдался населённый пункт, но он был без недвижимости, принадлежащей семье Фёдоровых.

Впрочем, через него тянулась широкая полоса асфальта, и она должна была куда-нибудь привести. Проверить, куда именно, мешало одно обстоятельство: студенты слишком удобно развалились возле пня, на котором вещал Дима, чтобы совершать активные действия.

Староста хищно оглядел группу в поисках студента, не успевшего ещё задремать или включиться в задушевную беседу, и соображал, каким же образом заставить этого несчастного… Ну, надо заставить его сделать что-нибудь ради блага группы, не должен ведь Дима в гордом одиночестве суетиться и искать выход из положения.

Вскоре Фёдоров с жертвой определился: Дашка Сотникова сидела на камне и задумчиво грызла сухарики, царапая взглядом небо и верхушки деревьев. Только староста подлетел к ней, как девушка к фауне охладела и, прищурившись, принялась изучать Диму, будто оценивала его и надеялась найти в парне какой-нибудь недостаток.

— Тебе чего?

— Надо сходить выяснить, куда можно попасть по дороге через деревню внизу.

Ожидаемой реакции типа «А почему я?», «С какой стати?» или «Нет уж, другого попроси» не последовало. Совершенно спокойно Дашка спрыгнула с камня и поинтересовалась:

— Напарник не прилагается?

Дима покосился на одногруппников, равномерно распластавшихся по всему обозреваемому пространству, не занятому деревьями и валунами:

— Если планируешь ночевать дома, то нет.

— Отлично! — мирно ответила Дашка и тут же исчезла из поля зрения Фёдорова. Он сперва не понял, девушка сорвалась с места потому, что ей действительно понравилась идея сгонять в разведку, или Дашке просто надоело слушать старосту.

Однако через пару минут Сотникова нарисовалась под обрывом, помахала Диме рукой и скрылась за поворотом. Парень ей тоже помахал. Странная какая-то эта Дашка. Совсем не думает, что говорит, и не осознаёт, что творит. Вечно молчит, иногда может с кем-нибудь парой фраз перебросится, но других слушает очень внимательно. На лекциях в университете сочиняет рассказы, пишет песни и стихи. И всегда всем улыбается. Выглядит не женственно, но мило и трогательно: сильно накрашенные (тёмные тени, чёрная подводка и сантиметра два туши) глаза, так что кажется — они у Дашки в пол-лица;

короткие, чуть выше плеч, волосы, желтые, с рыжими и шоколадными прядями, сильно разлохмаченные, штанишки широкие, кроссовки (хотя ростом девушка на голову или две ниже своих однокурсников). Однако непохожесть на других и делала её привлекательной. Парень из группы, Саша Верников, безнадёжно влюблён в Дашку, она обожает его как самого родного человека на свете, как лучшего друга, и только. Верников — единственный, с кем эта девушка тесно общается. Ещё Алина Волкова ей кто-то вроде подруги, но не совсем — в первый день занятий случайно оказались на соседних партах в аудитории, так и стали держаться вместе, но только в пределах университета.

Проводив Дашку, староста плюхнулся на землю и закурил.

Тем временем Сотникова уже стояла на мостике через грязную речку, в которой плавали консервные банки, пластиковые бутылки и целлофановые пакеты, а вода была цвета кофе с молоком. Облокотившись о перила, девушка опять обратилась к небу. Оно, пожалуй, самая красивая часть пейзажа вокруг, в пушистых облаках не прослеживалось ни малейших признаков цивилизации. По земле же змеилась дорога, вдоль утыканная рекламными щитами; длиннющая, как река Нил. Нет, не Нил — Стикс, через царство мёртвой природы, потускневшей и задохнувшейся в выхлопных газах. Перед глазами расплывается огромное серо-зелено-коричневое пятно, в котором невозможно что-либо разобрать.

И ведь считается, что за городом человек отдыхает от проблем и обязанностей, преследующих его в повседневной жизни, напичканной высокими технологиями, СМИ, душными тесными помещениями, где не хватает солнечного света и свежего воздуха. В действительности же, очутившись на природе, представитель рода Homo Sapiens не спешит с ней воссоединяться. Наоборот, начинает воспринимать её как пространство, которое надо чем-то заполнить и как-то использовать. До тех пор, пока в ней не появится что-то искусственное, природа для человека — нечто непонятное и поэтому бесполезное. Вот из окон Дашкиной квартиры недавно открывался чудесный вид на море, на горизонте — кардиограмма гор. Теперь море закрывает собой десятиэтажный кирпичный урод из десяти подъездов, перед ним ехидно сверкают припаркованные автомобили.

Стоит думать о том, чтобы спасаться. От прогресса, пожирающего каждую частичку планеты Земля. От бесчисленных торговых центров, вылезающих, как прыщи, пока памятники архитектуры давно минувших столетий умирают. От идиотских неоновых вывесок, под натиском которых звёзды болезненно

ссыхаются и становятся незаметными. От самих себя, читающих статью об экологической катастрофе дома, а на улице выбрасывающих банку из-под пива в кусты, решив, что десять метров до урны для мусора — это слишком далеко. Нет, человек не венец природы, а главная её ошибка.

Под натиском столь печальных мыслей Дашка опустилась на ковёр из пыли и обхватила голову. Нет смысла тащиться дальше, однозначно дорога прямо до Владивостока, а деревня в глубинке, куда, после того, как высадишься с электрички, сорок минут спортивной ходьбы. В череп стала долбиться досада. Ну почему всё получается именно так? Иногда девушке казалось, что она родилась не в то время и не в том месте, слишком уж часто она ощущала себя не Дашкой, не Дарьей Александровной Сотниковой, а исправно функционирующей биологической единицей. В самом деле, как-то странно именовать жизнью перемещения от места жительства к месту учёбы (работы, отдыха) и обратно. Хотя кто-то на подобное существование не жалуется, кто-то даже в нём умудряется находить счастливые моменты, ими и дышит; кто-то и вовсе из таких кусочков радости строит себе что-то, немного похожее на такую жизнь, какой она должна быть: яркую, разноцветную, кипящую, где, может быть, даже выплавляется добро для других. Дашка выбрала наихудший вариант: стремление создать что-то в этом роде при полнейшем нежелании хотя бы план действий наметить.

Чувство собственной бесполезности грызло Сотникову с тех пор, как она научилась мечтать. Другие девочки грезили карьерой или богатыми кавалерами. Дашка же в своих фантазиях спасала вымирающих животных, изобретала лекарство от смерти и устанавливала государственный строй, при котором не существует денег, потому что из-за них — большая часть преступлений, убийства, грабежи и прочие кошмары. И профессию люди выбирали бы по велению сердца, не заботясь о прибыли, которую она может приносить — если бы не придумали деньги. Любили бы не за счета в банке, а за ум, красоту и широту души. Но так не бывает, да и не будет. Никогда.

Поэтому для Дашки один из самых жестоких философских вопросов — каково моё призвание — оставался открытым, и уже начинал нарывать, как необработанная рана. Обработать нечем — рецепт может выписать только сама Дашка, но и она не знает точный диагноз.

Стал накрапывать противный, мелкий дождик. Девушка ещё чуть-чуть посидела, впадая в состояние, когда в голове всплывает туча мыслей, они сталкиваются, отлетают друг от друга, ударяясь о стенки души, выбивают оттуда новые; и оказывается, что в душе

им тесно, они рвутся наружу и причиняют почти реальные физические мучения. Дашку слегка подташнивало, всё тело ныло. Дальше здесь находиться сил не было, под тонкую курточку пробирались холодноватые капли, насквозь промокли кеды. Окончательно добила внезапная жалость к себе, одинокой и нечастной. Зачем она вообще поехала на дачу к старосте?! Ведь догадывалась, что на приятные впечатления день окажется беден.

Сотникова встала, побрела назад, к одногруппникам. Хотелось повернуть в другую сторону. Дашка замедлила шаг, над каждой лужей останавливалась и смотрела, как её отражение распадается под кругами от врезающихся в воду капель.

— Что ты там застряла, поднимайся, живо!

Как ни старалась, а всё-таки возвратилась. С обрыва по камням почти бегом спустился Верников и, не дав опомниться, потянул за собой наверх. Там её поджидали довольно кислые и потрёпанные физиономии, упорно молчавшие, как партизаны на допросе. Староста процедил:

— Явилась. И что расскажешь?

По Дашкиной щеке побежала слезинка, вторая, третья… Дождь превратился в ливень, он скрывал, что девушка плачет. Дашка выдохнула: «Ничего», — и слилась с толпой. Верников, невероятно расстроенный, выцепил Сотникову, стиснув руку девушки так, что у неё хрустнули пальцы, притянул к себе, обнял сзади за талию. Даша закрыла глаза. Шум дождя, перебранки и выкрики одногруппников слились в далёкий неясный гул, девушка почти успокоилась. В сознании наконец-то наступило затишье. Чтобы ненароком не вызвать новую волну переживаний, Дашка стала вслушиваться в ровное Сашино дыхание, ни на что не отвлекаясь и ни о чём не думая. Верников понял, что он сейчас тот, ради кого она ещё не сошла с ума, и обнял девушку крепче. Вокруг них выросла невидимая стена, защищающая от происходившего тут безобразия.

— Вы, двое, заканчивайте с нежностями, все собрались уже! — Фёдоров одним ударом снёс полстены, в образовавшуюся дыру со свистом ворвался ветер вперемешку с обрывками нецензурных дискуссий на тему, кто без спроса ополовинил последнюю бутылку пива и как отвратительно прошёл день.

Не выдержав такого напора, стена рухнула. Оказалось, за ней смеркалось, народ в спешке собирал вещи и плавно стекал к дороге. Дашка отделилась от Верникова, выудила из грязи свой рюкзак (на котором красовался отпечаток чьего-то ботинка сорок пятого размера), покидала туда барахлишко, что привозила с собой (к слову, утром это было не барахлишко, а пластиковые контейнеры с салатами; салаты употребили по назначению, а

контейнеры постигла участь рюкзака, и они малость деформировались). У Саши из ручной клади (не употребляемой в пищу) имелась только гитара (прекрасно сохранившаяся), он схватил её, и Дашка с Верниковым поплелись за группой.

Чистейшая дождевая вода, падая на землю, обращалась в липкую жижу, сперва затруднявшую движение; вскоре к этому привыкли и не обходили коричневые болота, терпели булькающую в обуви и под штанинами грязь, шли прямо, прямо. Даже самые убеждённые оптимисты не отрицали, что группа сбилась с пути окончательно.

В полвторого спохватились, что незачем торопиться с целью успеть на электричку (разве что на утреннюю) и что потребность во сне требует удовлетворения. Решили: пока все восполняют её прямо на обочине, два человека голосуют (если один заснёт тоже, второй его тормошит). Утомятся настолько, что будут валиться с ног, — разбудят следующую пару. И так, пока не поймают попутный транспорт.

Первыми на вахту определили старосту и Верникова. Компания пыталась заснуть. Вместо постели — куртки и ветровки, у некоторых роскошь — вместо подушек рюкзаки и животы рядом храпящих. Ливень прекратился. Саша бренчал что-то на гитаре, Дима напевал себе под нос. Остальных, кроме Дашки, задушил Морфей.

Сотникова ворочалась. Коленкой ударилась о столб с дорожным знаком. Выругалась. Потянулась. Зевнула. На посту вместо Верникова и Фёдорова торчали Шабанов и Колесников. Получается, Дашка всё-таки прикорнула ненадолго. Её организм посчитал, что этого достаточно, и девушка ощущала просто неправдоподобную в это время суток бодрость. Ещё было очень скучно. Она попробовала вступить в разговор с парнями, но те лишь невнятно мычали, терпя поражение в борьбе со сном. Дашка их подменила. Скучища. Принялась дефилировать взад-вперёд до легкого головокружения. Сделала зарядку — зря, новый прилив энергии. И вдруг…

Вдалеке — две фары!!! То, чему они принадлежали, резко остановилось. Это удивило. Стоит плотный туман, видимость отвратительная, на расстоянии нескольких метров разобрать уже ничего нельзя. Машину возможно было разглядеть исключительно из-за горящих фар, а группу студентов туман скрывает надёжно.

Прошло пять минут. Два светящихся пятна оставались на месте. Мотор заглох? В машинах Дашка разбиралась плохо, но была уверена, что в подобных случаях водитель не станет сидеть в салоне и ждать, когда мотор заработает снова. Туман мешал

видеть, но не слышать: там, где желтели фары, возня ещё не раздавалась. Пойти да глянуть, что там происходит?

— Саша!

Парень разлепил веки:

— Ммммм…..

— По-моему, там машина! До нас не доехала, затормозила, вроде у них технические неполадки. Проверим?

— Не шутишь?! — Верников подскочил и дёрнул на трассу. — Где?!

Сотникова указала кивком и рванула за Сашей.

Друзья не успели добежать до цели — водитель продемонстрировал на редкость неадекватное поведение: развернулся и покатил обратно. Задние фары у авто не были включены.

Дашка и Саша, будто привязанные к багажнику, понеслись за машиной. Разумеется, не угнались. Подозрительное транспортное средство бесследно растворилось.

Секундная тишина — и Дашку сразил приступ истерического хохота, классика жанра, с принятием горизонтального положения и битьём кулаками по земле.

— Я… я… я бы удивилась, если бы сейчас нас подбросили до города и всей этой пьесе абсурда пришёл бы конец! За… закон подлости, — скрючившись в вопросительный знак, Дашка проковыляла на разделительную полосу, выпрямилась, театрально откинула руку. — Что теперь? Молния? Метеорит? Не тяните, я морально готова! Кончилось воображение? Ладно, я согласна на более приземлённое — пусть меня собьёт джип! Хорошо, легковушка! Мотоцикл!! Мопед!!!

Саша сорвал где-то дохленький белый цветочек, вложил в Дашкину ладонь.

— Браво, браво, — похлопал ей.

Девушка расшаркалась и раскланялась, понюхала цветок, элегантным жестом бросила его Саше. Верников схватил заморыша, тот с хрустом рассыпался. Романтика; Даша, в лунном свете кружившаяся в вальсе, неотразима, сногсшибательна, великолепна… и недосягаема. Дашка втянула в танец Верникова, мурлыкая под нос «На небо за звездой…» Невесомая и беззаботная, как солнечный зайчик. Огоньки в глазах — точь-в-точь стёклышки в калейдоскопе, складываются в разные картинки, разные настроения. Чертёнок с нимбом над рожками, крепко держит за руку, он чувствует, как её тепло разливается по его клеткам. Сердце Верникова трусливо съёжилось — стоп, надо как-то уйти от продолжения, пока не поздно…

Он познакомился с Дашкой в пору вступительных экзаменов, столкнулся с ней возле стенда, где висели результаты теста по русскому. Жизнерадостная девчушка, узнав, что набрала девяносто баллов из ста, кинулась душить в объятиях подвернувшегося ей Сашу. Через минуту он получил свободу, но ненадолго — глянули его результат (восемьдесят пять баллов), и девушка снова повисла на Верникове с визгом: «Поздравляю!!!». Она настолько искренне радовалась его успеху, что Саша, не находящий ничего особенного в своих высоких баллах (русский ему давался легко), сам пришёл в дикий восторг. Только вчера то, что он поступит в университет, было само собой разумеющимся; теперь это представлялось чудом — он же принадлежит удивительному студенческому сообществу, где каждый день — сплошной праздник. Этот день не исключение, вот девушка и празднует, почему бы ни присоединиться к ней?

Потом они гуляли по центру города, кормили голубей булочками, кидались друг в друга кусочками сахарной ваты, брызгались водой из фонтанов, катались на колесе обозрения и объелись в кафе пирожными. На остановке прощались с клятвами позвонить на следующий день. Идиллию нарушила подоспевшая Дашкина маршрутка. Когда основная масса спешащих домой погрузилась в автобус, то и девушка робко отступила к его дверям, поднялась было в салон, но в последний момент, крикнув водителю: «Подождите!», обратно выбежала на остановку, чмокнула Сашу в щёку — и пулей обратно.

Двери захлопнулись, автобус тронулся, Верникову стало ясно: это *Она*.

Верников с Дашкой виделись ежедневно, уже не дурачились, а делились самым сокровенным и наболевшим, любовались Владивостоком с видовых площадок.

Через неделю знакомства, Верников признался ей в любви. Заветные слова были произнесены, когда Саша и Даша встречали закат на сопке возле дома Сотниковой, откуда открывался вид на море. Радостно-нежным шёпотом девушка ответила: «Я тебя тоже» и… остолбенела, вникнув в смысл Сашиного признания. Она начала что-то объяснять, запинаясь, вымучивая из себя по слову, словно каждое щетинилось, как дикобраз, и иглы мешали им выскакивать из горла. Суть её стыдливого оправдания перекрыла Верникову кислород. Нет. Нет… НЕТ!!!

Он не помнил, как добрался до квартиры. Утром пришла Дашка, отпаивала его чаем, успокаивала, на самом деле пытаясь внушить *себе*, что трагедия Верникова, черневшая и над ней, безболезненно рассосётся. Как бы то ни было, к началу учебного года Саша смирился со своей участью, Дашка — со своей. Группа

терялась в догадках: в каких отношениях состоят Верников и Сотникова: брат и сестра или парочка?

Нелепый и гадкий случай произошёл на гулянке по поводу дня рождения Алины Волковой. Развлекались всю ночь, Алинины родители благоразумно решили временно предоставить доченьке апартаменты в личное пользование и дематериализоваться к знакомым. После энного количества бокалов, фужеров, стопок и рюмок за именинницу Сашина страсть к Сотниковой, с таким трудом забитая до коматозного состояния, вновь разгорелась. Дашка в спальне прихорашивалась перед зеркалом, Верников проскользнул к ней. Девушка, увидев его отражение, обернулась. Саша провёл ладонью по её щеке.

— Я люблю тебя.

Она отвела от своего лица Сашину руку, пристально посмотрела на Верникова. Он был готов принять за знак взаимности любую Дашкину реакцию, исключающую решительный отказ. Такового не было.

Саша наклонился к девушке, поцеловал. Предпочёл не заметить, что она не отвечала на поцелуй; не отрывался от её губ, сильнее прижимая Дашку к себе. Контроль целиком утерян, свободной рукой Саша настойчиво гладил её по бедру. Дашка сдалась, запустила пальцы в его волосы, сплелась с ним в одно целое. Они переместились на кровать, не прекращая поцелуя, в процессе кое-как разделись… Верников стал у Дашки первым мужчиной.

После всего, когда через порыв первобытной страсти начал пробиваться голос разума, над Сашей постепенно сгущались тучи подозрений. Чего-то тут недоставало, но чего именно? Вроде всё превосходно было, он и не ожидал, что Дашка отдастся ему с таким безрассудством, можно подумать, она этого так же долго хотела. Природная скромность ей раньше мешала? Вряд ли, судя по тому, как требовательно Дашка впивалась ногтями в его спину и плечи. Принципы, по которым секс с любимым человеком возможен только по истечении определённого срока? Но она признала Верникова своим парнем два часа назад. Стремительно падающий с души камень безответного чувства застыл в воздухе. Что с Дашкой? Парень только сообразил: она, перейдя под его власть, ни разу не посмотрела ему в глаза, как будто боялась.

В дверь деликатно постучали: народ угомонился и желал немного поспать, извиняющимся голосом Алина из коридора проинформировала, что в спальне, занятой Сашей и Дашкой, кроме кровати, есть софа, на которой будет ночевать один из гостей.

Верников с сожалением нащупал на полу одежду, облачился.

Носки, разумеется, валялись в противоположном углу комнаты, у окна, где Дашка, полностью собравшаяся, читала журнал на подоконнике. Предмет Сашиных поисков она заметила одновременно с Верниковым, отложила чтиво, захотела отдать носки парню, сползла на пол; вместе с ней за ними нагнулся Саша.

Лбами столкнулись здорово, но на звон в ушах и раскалывающуюся голову ему было наплевать: Дашкин взгляд, грустный, виноватый и обречённый упал на Верникова ножом гильотины.

— Да ну тебя. Хмурый, аж на фото в паспорте похож, — Дашка отстала от Саши, игривость её поблекла.

Верников прислонился к берёзе, остыл. Самообладание крепчало, гормоны утихали. На этот раз повезло.

— Ах, да, я ведь тебя разбудила. Прости, не буду обижаться. Идём к нашим?

Рассудок достаточно реабилитировался, чтобы парень смог восстановить события прошлых и нынешних суток. Содержимое отреставрированной памяти ему не понравилось. Полоумный водитель — личность, доверия не внушающая. Тем более ночью. На безлюдной дороге. Особенно, если рядом лес, где группу 1613-А будут очень долго искать.

— Дашка… Та машина… За рулём может быть… Маньяк.

Сотникова прыснула:

— Ага, он испугался твоей злобной мины и не захотел рисковать!

— Вероятно, он сбежал откуда-то. Или везёт украденное или труп. Неважно что, но очевидцы ему не нужны. Возиться с устранением нас преступнику некогда или лень, он предпочёл избежать контакта и пустился в объезд. И пока он колесит где-то ТАМ, туда соваться нельзя. Мало ли, ещё раз на нашу группу напорется, при дневном свете, когда его можно будет разглядеть достаточно хорошо, чтобы запомнить, тогда ему *придётся* нас устранить. Физически.

У Дашки отвисла челюсть:

— Мама…

Из ступора Сотникова вышла не полностью: ноги шагали к почивавшим на обочине студентам, верхняя часть туловища оставалась неподвижной, даже выражение лица застыло.

После того, как одногруппница была доставлена в коллектив, Верников приступил к оповещению всех его членов о потенциальном преступнике. Первым введённым в курс дела предполагался староста, но от фразы, сказанной под ухо

Фёдорову: «Уходим быстрее, тут, кажется, маньяк бродит» всполошилась Дина Радецкая, мерно посапывающая у старосты под боком:

— Что?!? Маньяк… Спасите!!!

За криком Радецкой последовали: истошные вопли девчонок и оглушительная брань парней, попытка Андрея Колесникова вспомнить приёмы, которым он обучался в секции айкидо, членовредительство в результате его попытки (ссадина на локте старосты), чуть не поимевшая место потасовка между старостой и Колесниковым, увещевания Алины Волковой и массовая девчачья истерика.

— Тихо! — взвыл Верников. — Преступник удирал в том же направлении, что и мы. Надо менять курс на противоположный.

— К Хабаровску, что ли? А как тогда во Владивосток попадём?

— В обход!

— Мы и по прямой заблудились!

Саша разозлился:

— А ты что предлагаешь?!

— Ну… Лесом.

На него напала Волкова:

— Андрей, я бы на месте маньяка тоже скрывалась в лесу. Что? Если б я была зверствующей в лесах маньячкой, то ты ради такой перспективы сделался бы лесничим? — её голос перекрывал все остальные. Андрей, не смешно! Отстань. И пробирайся через лес, если так охота, я не откажусь от возможности не лицезреть тебя лишний раз. А? — девушка уловила, что к ней обращаются сразу несколько человек, призывая к порядку. — Дима, Саша, уже замолчала, всё. Андрей!!! Что это за «Да-да, молчи, женщина»? Дима, Саша, между прочим, замахнулась я на него, храня безмолвие. А без рукоприкладства нельзя попросить меня оставить его в покое? Дима, и ты туда же, я замахнулась на Андрея кулаком, а не бросалась на него грудью, целесообразнее хватать меня не за неё, а за руку! Хамы.

Саша, которому староста, увлёкшийся усмирением Волковой, всецело передал бразды правления, взмолился:

— Группа! Я серьёзно, здесь маньяк разъезжает, сматываться надо, а вы столпотворение устроили.

Подействовало. Сообщество 1613-А попятилось к точке отчёта, откуда брала начало эта неразбериха.

Глава 2 Пути расходятся

Процессия студентов двигалась практически на автопилоте, мысленно нежась в родных кроватках. Староста невероятным усилием воли таращился вперёд, в пустоту, вырезаемую дорогой сквозь лес. Какая там усталость, на неё не обращали никакого внимания, нервничать заставляла бесконечность пути. Вчера маршрут «обрыв с видом на неопознанную деревню — место обитания маньяка» преодолели за… Точное время не важно, его всё-таки *преодолели*. Сейчас же биологические часы старосты дали сбой: ещё светать не начало, а, по представлению Фёдорова, всё уже должно было окраситься в розоватые тона заката. Впечатление — Земля остановилась, и в одном полушарии вечный день, в другом — вечная ночь.

Может, в воздухе над дорогой образовалась какая-то неведомая материя, плотная, не пускающая вперёд? Через дорогу невидимая паутина натянута? Как ещё объяснить то, что группа никак не может выйти к обрыву?

Неожиданно возникла развилка с указателем, уверявшим: если возьмёте налево, то окажетесь в лагере «Тигрёнок». Студенты про себя прочитали это и дружно свернули. Указатель гласил правду. Лагерь был. Корпуса с разбитыми окнами, облупившейся штукатуркой, державшимися на одной петле дверями, но целыми стенами и крышами! О том, что они могут и маньяку служить убежищем, думать никто не захотел.

В холле одного из корпусов нашли продавленный диван, из дырищ в обивке которого вылез почти весь поролон, несколько таких же кресел и кучу стульев.

— Эх, и как мы раньше не догадались тут заночевать! — воскликнул Колесников, плюхнувшись на диванный скелет.

— Потому что кое-кто умничал и обещал вывести нас к железной дороге, — протянула Алина.

Староста вспылил:

— Это, моя радость, было до того, как мы оказались перед фактом, что ночевать придётся не в городе. И вообще, если б не гениальнейшая идея спеть гимн на сопке, мы бы сейчас тут не тряслись.

— Кто трясётся? Я трясусь? — взвилась Волкова. — Это ты трясёшься, а мне не страшно, у нас в подъезде все лампочки перегоревшие, там темнее, чем здесь, я по ночам до квартиры на ощупь добираюсь, а здесь луна как фонарь, просто электрическое освещение.

— И ты не умничай, — Дима продолжал наступление. — Кто

тебя заставляет являться домой затемно? Не мы.

Проваливающийся в сон Колесников оживился:

— Да у неё рабочий день в это время заканчивается. Вернее, рабочая ночь.

Орудие Алининой мести, подлокотник от кресла, давно существовавший в качестве отдельного предмета интерьера, не попало в цель и приземлилось перед Дашкиным носом. Сотникова не стала ни принимать участие в отстаивании девичьей чести Волковой, ни наслаждаться этим зрелищем, и ретировалась из корпуса.

Она пошла бродить по территории лагеря. Славное когда-то было местечко, с уютными аллеями, беседками, скамейками. Дашка прогуливалась по главной аллее, самой широкой, которая завершалась каменной лестницей, уходившей к морю. «Тигрёнок» находится на лесной опушке, а группа и не догадывается. Виднелся мыс, там гостеприимно светились квадратики окон. И вроде до того поселения рукой подать, но по водной глади не прогуляешься. Дашка не могла себе представить, что на том берегу заблудившихся студентов не приютят.

Зажглись новые окна, как бы приглашая в гости. Жаль, это галлюцинации. Четыре утра, кому понадобится переводить электричество в такое время? А там таких набралась целая деревня.

Дашка вгляделась получше. Похоже, окна принадлежат единственному зданию, громадному, оно возвышалось вдали айсбергом. Была ни была, если это галлюцинация, то надо переноситься в детство, пока есть возможность; вообразить, что здание — волшебный замок. Над ним мерцает купол из звёзд, разноцветных: лимонно-жёлтых, молочно-белых, сиреневых, голубоватых, превосходно озаряющих замок и его окрестности. Крепостную стену заменяет дремучий лес, где водятся драконы, изредка показывающиеся из своего укрытия на площадь перед обителью короля. В центре площади — фонтан, они лакают из него воду, распугивая фей, носящихся в его струях. Где-то шорох — и драконы настороженно задирают морды, принюхиваются. Взмывают в небо, делают пару кругов над башнями замка, на шпилях которых развеваются флаги. Спускаются на землю, ложатся, как верные псы, у ворот, положив головы на передние лапы, но при тишайшем шелесте снова в боевой готовности устремляются ввысь.

Век бы созерцать сказку, но надо возвращаться в реальность, а то Дашка уже начала представлять, в какой из башен она бы пожила — не было среди них одинаковых или похожих, будто каждую проектировал новый архитектор. Дашка сосчитала их —

пятьдесят три башни и башенки, это только с видимой стороны, торчат во все стороны, точь-в-точь грибы из пенька. Сотникова мысленно заселялась в ту, у которой были занавешенные красными портьерами окна во всю стену и балкон.

Внезапно кто-то раздвинул портьеры и вышел на балкон. Сосед Дашке был не нужен, но прогнать эту часть галлюцинации у неё не получалось. Настойчивый некто прикрикнул на драконов, те, поджав хвосты, покинули площадь. Феи вновь заняли фонтан, но субъект на балконе им тоже высказал своё сильное недовольство, так что и они умчались. Дашка тщетно воображала волшебных существ заново. Впрочем, и сам субъект удалился, после того, как в лесу мелькнула яркая вспышка.

Управлять плодами собственного воображения Дашка была не в силах, что наводило на подозрения. Стало быть, драконы и волшебный замок ей снятся, а люди узнают о том, что всё творящееся с ними — сон, только тогда, когда просыпаются.

Выручила неожиданно появившаяся за спиной Алина:

— Дашка! Вот ты где. Ступай в корпус, за тебя все волнуются.

Видение не пропало, зато возник повод не тревожиться за самовольное поведение его составляющих: вернуться к группе, там его уже ни с каких ракурсов не углядишь, соответственно, заботить Дашку оно не будет.

Волкова щёлкнула пальцами перед носом у подруги и, наморщив лоб, спросила:

— Ты в порядке? Ощущение, что ходишь с нами, а душа витает где-то в другом измерении. Мы с Верниковым даже успели по ней соскучиться, нам бы хотелось твоего полного, а не только видимого присутствия. Честно.

Врать, что всё нормально, Дашка не стала — ведь Верников тоже примется выпытывать у неё, почему она сама не своя, а от Саши у Сотниковой подобное скрывать никогда не получалось, и факт, что ей плохо, распространится среди всех одногруппников. Дашка, не объясняя ничего, тенью скользнула к пристанищу своих. Следом семенила Алина.

Допрос с пристрастием, как Сотникова и предвидела, состоялся, но напоминал он скорее монолог:

— Даша! Что с тобой? Ты где пропадала? Ты что, ревела? — вставить хоть слово в Сашину скороговорку было невозможно. — Не верю. Алина! Даша плакала, когда ты её нашла? И тебе не верю. Даша, на меня смотри! Глаза вроде не красные… А что тогда ты там делала?

И что ответить? «Любовалась своей красочной галлюцинацией»? Дашка сомневалась, что замок, охраняемый драконами, — помутнение её психики. Белой горячке-то взяться

неоткуда… Приснилось, что ли? И в этом Дашка не была уверена. Значит… Это всё было на самом деле?! Недопустимо! И если даже принять за истину, что драконы и феи, прочие волшебные создания и само волшебство есть, то… Где белая магия, там и чёрная, и стоит до неё дорваться простым смертным, имеющим представление о колдовстве исключительно из сказок и фильмов, как магия станет лишь средством для достижения власти. Не смогут они жить спокойно, зная, что рядом — мир, полный грандиозных заклинаний, мощнейших чар и мистических сил. Всенепременно будут использовать их корыстно.

— Даша! — не унимался дуэт Верникова и Волковой. — В чём дело?

«Я хочу знать это, как и вы». Дашка заикнулась, чтобы это озвучить: в ней скопились легионы ненужных рассуждений, надо от них избавляться, не оформлять их в умозаключения, а выбросить. Приберёт их кто-нибудь — неважно, дальнейшая их судьба Дашку не интересовала.

— Понимаете… — Дашка начала и осеклась. Не поймут же! Верников каких только её нездоровых идей не наслушался, но *такой* его шокировать не нужно.

Дубль два. Что может послужить уважительной причиной Дашкиному побегу? И какую отговорку изобрести для своей совести, настаивающей: «У тебя от Саши секретов нет, он тебе часто душу изливает — нельзя вот так его обмануть, это предательство».

— Я совершала пробежку!!! — опередив совесть, выпалила Дашка.

— Что ж, вполне в твоём духе, — просиял Верников, а Алина восхитилась:

— Умница! Мы себе здоровье подрываем — ты укрепляешь. Мне бы так.

Конфликт уладился сам собой, и троица могла принять участие в сплачивающем группу обряде, организованном старостой: студенты по кругу развалились на полу, по очереди отхлёбывая остатки «Балтики» из бутылки. Чтобы не израсходовать обрядовый напиток чересчур быстро, многие, сделав полагающийся им глоток, пускались растолковывать всем, что группа 1613-А сплошь состоит из замечательных, весёлых, компанейских людей, и только потом передавал ёмкость с драгоценной жидкостью другому.

Духом сплочённости прониклась даже Дашка, особенно когда Алина в слезах умиления встала на стул и оттуда каждого одногруппника осыпала таким множеством комплиментов, что восхваляемый сразу краснел, смущался, и все кидались убеждать

его: да, ты такой; отчего тот делался цвета пожарной машины.

— А теперь… — Алина всхлипнула. — Теперь ты, Дашка. Знаешь, когда наша группа впервые собралась вместе, мы про тебя подумали: что за тихоня, таких в упор не видят, пока на них не наступят, или не прольют чего-нибудь, или не толкнут. Хорошо, что мы ошибались! Необыкновенный ты человек, уютно с тобой рядом делается. Нет тебя — появляется ощущение, что наша группа — муравейник какой-то, все суетятся, торопятся… Ты нас так выручаешь, наверное, сама не догадываешься, как. Мне прямо стыдно за себя и за группу; кому захотелось совета спросить, в грехах покаяться или банально поныть — бегом к Дашке, так как другим вникать в чужие проблемы лень. А что, если у самой Дашки беда стрясётся? Ведь тоже никакой моральной поддержки от нас не дождётся. Так вот, Дашка, обещаю: мы исправимся!

Торжественная речь на этом оборвалась, но выступление Алины — нет. Волкова всё ещё открывала рот, теперь тыча пальцем в дверной проём, ко всему прочему её глаза значительно увеличились в размерах.

То, что обнаружилось на площадке перед входом в корпус, не только Алину лишило уникальной способности, отличающей человека от животного. Вся группа, лицезрев это явление, временно утратила способность издавать членораздельные звуки. В прямоугольнике ночной черноты, ограниченном проёмом, выделялись те самые фары, Дашка и Верников их узнали. Кроме этих, сюда прикатили незнакомые, четыре пары.

Инстинкт самосохранения, как водится, заработал без участия разума. Осуществлять побег следовало бы так, чтобы его траектория не сделалась достоянием общественности в лице нагрянувшей преступной шайки, — студенты предприняли отчаянную попытку удрать через окно в торце корпуса, попали аккурат в лучи фар и юркнули за здание. Банда, судя по шороху гравия и заскрипевшим полам, покинула четырёхколёсных сообщников и обосновывалась в корпусе. Всё — молча, отчего студенты пугались своего сердцебиения, слышимого громко, как будто из динамиков.

— И что теперь? — обратился к старосте нестройный хор.

— Как вы мне дороги, — огрызнулся Дима. — У меня, по-вашему, сверхчеловеческие возможности? Мне ворваться в корпус, отправить всех маньяков в нокаут, связать их и заткнуть им рты кляпами?

Добиваться от Федорова более подробных указаний было совестно. Староста метался, ожесточённо пиная траву. Алина заплетала Юле Шемякиной косички. Шабанов, Колесников и

Радецкая играли в карты. Настя Ленская оттирала пятно на ветровке. Верников с Дашкой порывались высунуться за угол корпуса и определить, сколько на площадке машин. Рома Савельев, наблюдая за ними, выразительно вертел пальцем у виска всякий раз, когда Саша или Дашка подкрадывались туда.

В четыре в корпусе весьма кстати загромыхал молодецкий храп. Созрел план эвакуации: кучками по четыре человека крались, пригнувшись, к воротам лагеря вдоль ограды, заросшей кустами достаточно, чтобы растительность полностью закрывала уносящих ноги.

— Наш черёд! — набрал воздуху в грудь Верников. — Дашка, Алина, Дима, за мной!

Поползновение в кустах последнюю четвёрку развеселило. Вот это погуляли… Девчонки обязательно эту историю приукрасят, и к пятому курсу легенда про поездку на дачу к старосте группы 1613-А будет пересказываться всем первокурсникам прежде, чем краткое описание требований самых вредных преподавателей института. Двадцать вооружённых бандитов. Шестнадцать студентов. Нет, такие пропорции не впечатляют, пусть первокурсников будет десять. Но трёх девушек захватили в заложницы, двух парней тяжело ранили, итого в кровавом побоище участвовали пятеро. А кто тогда ухаживал за ранеными? Минус ещё две студентки. Двадцать маньяков против троих безоружных студентов. Как семнадцатилетние парни одолели эту банду? О, заложницы были столь прекрасны, что ради их освобождения герои справились бы с полчищем фашистов. А потом за поимку разыскиваемых преступников группе выдали премию, и весь институт был в запое неделю…

— Эй! — направляющий команду Саша замер в полуобороте, лицом к друзьям. — Храп прекратился!

— Застряли, — прошипел староста. — Это не кусты, а гербарий, заденешь — трещат, как будто тут табун лошадей пасётся. Господа, присаживайтесь, пока банда не соизволит отсюда съехать или опять не отправится на боковую, у нас привал.

Алина простонала:

— А одногруппники, кто выбрался, эгоисты несчастные, пропажу нас обнаружат, когда мы месяц не будем на занятиях появляться, не раньше.

— Что верно, то верно, — и Дима сплюнул сквозь зубы.

После свистящего звука плевка земля задрожала от топота, банда неумолимо приближалась.

— Только этого нам недоставало, — Алина побледнела. — Там что, каждый под два метра в холке и весом с бегемота?

— Да я бы и подумал, что это стадо разъярённых гиппопотамов, — горько усмехнулся Саша. — Ни слова не проронили.

Крайне неразговорчивые преступные кадры толкались над захоронением невезучей части 1613-А. У банды были собаки — они шумно втягивали носами воздух, порыкивали, скреблись когтистыми лапами. Алина, Дима, Дашка, Саша переглянулись. «Всё из-за тебя!» — «Простите!» — «Вы как дети…» — «Что делать?».

Внезапно кусты вспыхнули. «Вот нелюди, поглумиться хотят» — гремел набат внутри у каждого из загнанной четвёрки. Тут старосту осенило: у него бутылка минеральной воды в пакете! Не выжить, так нагло сопротивляться. Он торжественно извлёк её. «Сам справлюсь, вы отползайте!». Девчата и Верников попятились.

Минералка не оправдала возложенных на неё надежд. Пламя чуть утихло, но маньяки подбавили откуда-то огня.

— Дима! Здесь в решётке выдран прут, убегай!!!

Через долю секунды староста очутился в лесу. Пожар охватил весь лагерь и перекидывался на деревья. Друзья ринулись в чащу, банда — за ними, но их габариты, по-видимому, не совпали с диаметром лазейки: погони несостоявшиеся жертвы не слышали. Так они достигли опушки, лес сменился морским песчаным берегом.

Алина, не раздумывая, сняла кроссовки и вбежала в воду по пояс, дальше пустилась грациозным брассом.

— Тёплая! — она задержалась на плаву, жестом зазывая друзей в море.

Парни незамедлительно приняли приглашение, Дашка только подвернула штанины и зашла по колено, за что получила град брызг в лицо.

— Не будь букой!

«Дразнитесь кем угодно, — Сотникова в шоке врастала в песок. — Но к *этому* я больше ни ногой». Под *этим* Дашка подразумевала тот таинственный мыс с драконьим лесом и замком с башнями. Теперь он чудовищно близок. Явлением особенным он казался не только из-за своей волшебности: тумана вокруг него не было.

— Тебя смущает особняк? — подплыл к ней Саша. — Ничего страшного, принадлежал бы этот берег его хозяевам, тут были бы лежаки, сетка волейбольная, мангалы, зонтики и прочие приспособления для хорошего отдыха. Да и охрана бы вторжение на подвластную территорию не прозевала.

Встрял Дима:

— А если замковладельцы — ценители девственной природы? А охраны нет, потому что сей райский уголок в гарантированной недосягаемости от непосвящённых.

Алина фыркнула:

— Нам-то что? Им и в голову не взбредёт, что кто-то ранним-ранним утром тут захочет поплескаться.

Словно специально, окна замка зажелтели разом, все пятьдесят три обращённые к морю башни и восемь этажей, да столь мощным светом, что солнце было уже без надобности. Из окон, с балконов и лоджий свешивались люди.

— Это что? Это зачем? — захлопала ресницами Алина. — Это тайная резиденция президента, да?

— Всё могу предположить, — староста шмякнулся на колени, — но чтобы ТАКОЕ никак не охранялось…

Компания погребла к тому берегу, Сотникову отбуксировали насильно. Замок завораживал, гипнотизировал и, что убивало Дашку, был явью. Радовало, что драконов нет. А вот феи по-прежнему плещутся в фонтане. И колоритный звёздный купол — также нечто сказочное.

— Это нас встречают? — Алина пялилась на народ в замке.

— Хм, — Верников с гримасой недоумения почесал в затылке. — Вычисляют, мы с миром или бросить вызов. Но примут нас, скорее всего, за бродяг или тому подобный сброд. Послы и гонцы пешком за тридевять земель не ходят. И для представительских должностей мы слишком молодые и несолидные. А как тут поступают с бродягами — понятия не имею.

— По крайней мере, на нас не натравили драконов. — Дашка взяла себя в руки. — Лучше уйти, пока нам даруют шанс. Мы здесь лишние.

— Вряд ли они на нас глазеют. В лесу светопреставление, — процедил Фёдоров.

Студенты обернулись — вдали, над «Тигрёнком», плясали высоченные языки пламени и клубы дыма.

— А ну-ка… — Дима поднял с земли увесистый камень.

Булыжник, брошенный в радужный витраж одной из башен, растаял на лету.

— Ко всему прочему, всё, что есть в *нашем* мире, для них невидимо и бесплотно.

Дашка умоляюще вцепилась в рукав старосты:

— Уймись, на замок могли наложить защищающие чары.

Неожиданно все окна потухли, замок погрузился в ночь, разбавляемую разноцветными звёздами над его флагами. Теперь и Алина осмелела: присела на бортик фонтана, умылась. Феи её

не пугались, принялись, хихикая, скатываться по чёрным волосам девушки в воду. Самая смелая опустилась на протянутую ладонь Волковой и поклонилась. Несколько малюток, удостоверившись, что чужаки вполне безобидны, облепили старосту и Верникова с задорным писком. Крошки, игравшие в фонтане с Алиной, послали им по воздушному поцелую. Дашку волшебные девочки сторонились — уж очень у неё была угрюмая физиономия.

«До рассвета час, — выискивала надежду Сотникова, — быть может, замок растворится или превратится в руины…»

Тут феи истошно заверещали и, пихаясь, полезли в рюкзак Димы. Из леса надвигались настырные преступные личности.

От судьбы не скроешься, раз суждено четырём студентам быть умерщвленными этой шайкой, значит, этого не миновать. Друзья сжались в кучу. Руки-ноги деревенели, ужас парализовал…

И бандиты предстали пред взорами без пяти минут павших смертью храбрых. Куча из студентов развалилась: нет никаких маньяков, гоняющих по тайге на вездеходах! На площадь перед замком показались из тумана… драконы. Их глаза, светящиеся, без зрачков, напоминали фары; сложенные за спинами крылья — салон машины, а на рёв моторов походило их сопение.

Один дракон подступил к старосте, положил лапу ему на плечо. Изо рта зверюги исходил жар, как из раскалённой духовки.

— И что, будем гадать, съест он его или не съест? — Верников сладил с потрясением.

Другой дракон рявкнул с интонацией оскорблённого, распахнул пасть и дыхнул в Сашу струёй огня. Тот, который удерживал старосту, взмахом хвоста сбил Верникова с ног, а Диму толкнул, так что парень пролетел до фонтана и нырнул под воду.

— Я говорила вам, — у Дашки задрожал голос, — нам здесь не место! Пожалуйста, не нарывайтесь на беду!

— А беда сама за мной носится! — вопил Дима, которого драконы гоняли по всей площади. — И приставать она начала первой, ещё когда мы направлялись в город!

— Сказанул! — Алина со злорадной ухмылкой наблюдала, как староста улизнул было в лес, но дракон просунул голову меж деревьев и извлёк Фёдорова, держа парня в зубах за капюшон, как кошка новорожденного котёнка, выпустил его на середину площади, стая вновь устроила Диме бег с препятствиями (изрыгаемыми в студента столбами пламени). — Сусанин нашего времени, результатом того прямолинейного движения прибытие во Владивосток должно было стать исключительно теоретически, и нечего давить на жалость! Ты драконов раздразнил — ты их и

утихомиривай, а мы, пожалуй ещё поживём.

— И кто тут беда, дракончики или Волкова? — обслюнявленный Дима, у которого куртка всё же воспламенилась, сиганул в фонтан.

— А феи из рюкзака выпорхнули, больше не боятся, — озадачился Верников: малышки как ни в чём ни бывало резвились в ветвях ели.

— Наверно, им меня на всю стаю хватит, а до фей у драконов клыки не дойдут.

— О, господи! — Алина приставила указательный палец к виску и притворилась, что застрелилась. — Из-за замка опять что-то появилось!

Поразительно, но «что-то», хоть у него и было обличье ещё одного дракона, раз в шесть больше тех, что издевались над старостой, принесло студентам немалую пользу. Огнедышащие хулиганы, принуждавшие Фёдорова выполнять трюки, достойные олимпийского чемпиона по художественной гимнастике, отпрянули от Димы и выстроились в линейку по стойке смирно. Дракон-великан, скорее всего, был их родителем: во-первых, все крылатые звери походили на него, во-вторых, когда он отвесил каждому из стаи по отменному подзатыльнику, на его морде читалось чувство выполненного родительского долга. После педагогической экзекуции родитель уделил внимание студентам, чтобы ознакомиться с последствиями шалостей своих отпрысков. У Димы сверкал сливового оттенка синяк под глазом, на щеках краснели царапины от когтей, куртка дымилась и неприятно пахла горелым. Дракон протянул старосте лапу.

— К чему это? — переминался с ноги на ногу Фёдоров.

— Допустим, он не заботится о потомстве и помышляет закусить тобой лично. — Алина была в своём репертуаре. — А может, в этой тайге заловить человека — редкость и большая удача, и драконам приходится разыгрывать такие спектакли, чтобы поймать добычу.

— Дима! Ну не достаточно ли экспериментов! — Дашка догрызла ногти и возобновила уговоры.

— Да ну вас! — обилие критики на старосту влияло плохо.

Лапищу дружбы он пожал под Дашкино сердитое бормотание и Алинино «Ну и дурак…». Верников поперхнулся.

Дракон проделал нечто забавное: подошёл к замку, ткнулся носом в витражное окно (которого так и не достиг Димин булыжник); стекло разбилось. Драконья голова осталась в комнате и устраивала там обыск. Когда зверь высунулся, то держал в зубах пузатый бутыль с чем-то синим. Таким же путём из другого окна было похищено блюдо с аппетитной жареной

курицей. Всё извлечённое дракон опустил перед Димой.

Не мешкая, староста отломал от курицы ногу. Одногруппники воспротивились («Ты безголовый?! Вдруг отрава? Или заколдовано?!»), но Фёдоров вкусил сочное, покрытое золотистой корочкой мясо. Насчёт бутылки поколебался — синий цвет напитка смущал. Тем не менее отпил из неё. Вкус потрясающий, сладковатый сливочно-яблочный.

Одногруппники закипали («Дурак! Ты что?!»). Дракон расценил эти негативные эмоции как зависть, и замок обеднел ещё на фаршированную утку, рыбный пирог, блюдо рассыпчатой картошки с луком и графин, наполненный вином. Бокалы и вилки дракону доставать было неудобно: не мог столь мелкие предметы зацепить. Окна более не подвергались акту вандализма, великан изымал яства оттуда, откуда и курицу для Димы.

Староста уже свою птицу доел и напиток выпил, последний на самом деле был целебным зельем: все царапины на Фёдорове затянулись, синяк исчез, даже прожжённая на рукаве дыра пропала.

— Здорово, — Алина не сводила глаз с Димы. — Не знаю, как вы, а у меня уже в животе бурчит. — Любопытно, у нас вино тоже с сюрпризом?

И Волкова залпом осушила четверть графина.

— Потрясающе. Сил прибавилось. Саша, дай мне Димкин рюкзак, у него был нож. Пирога себе отрежу.

— Нет уж, дамочка, сейчас мы оставляем это гостеприимное место, пока Дима с драконом ещё чего-нибудь не учудили.

Даша измотано проронила:

— Поздно вы спохватились.

Дело в том, что староста изъявил желание прокатиться верхом на новом друге. Дракон был не против, посадил приятеля себе на спину и вознёсся над замком. Из звёзд в куполе над башнями посыпались искры, шлейфом потянулись за Димой; шлейф обвился вокруг старосты и влился в купол обратно.

Зверь спикировал к фонтану, Федоров слез.

— Это непередаваемо! Какая красота — лес ночью с высоты птичьего полёта! Я! Как староста группы! Приказываю! Отныне на все пьянки ездим сюда, и только сюда! Еда бесплатно, развлечение — тоже! Слышите?

— Особенно развлечения, — съехидничала Алина. — Игра в догонялки с дракончиками, похороны за счёт заведения.

— Эй! Вы где? — ни с того ни с сего забеспокоился Дима, озираясь. — Что за дурацкий розыгрыш?

— Кто-нибудь видел, как дракон в полёте скинул старосту на площадь и Димочка ударился головкой?! — Волкова, в настоящий

момент исследующая карманы джинсов Фёдорова на предмет складного ножика, дабы разрезать рыбный пирог, потрогала лоб старосты.

Дашка ущипнула Диму. Парень не отреагировал. Верников схватил его за воротник и встряхнул.

— Что-то ветер усиливается, — Фёдоров застегнул молнию на куртке и грустно обратился к дракону. — Все меня бросили.

Староста погладил дракона по чешуйчатой морде. Всё бы ничего, да между великаном и Димой стояла Алина, рука Фёдорова прошла сквозь неё, будто девушка была привидением.

— Мерзость, — Алина высунула язык. — Внутри меня он ледяной и склизкий.

— Я пас, — буркнул Верников. — Магия налицо, а перед ней мы бессильны.

Дашка насупилась и от комментариев воздержалась.

— Ой! А куда подевался лес?! — староста ошеломлённо протёр глаза. — Где я?!? Вези… меня… назад…

И Дима свалился без сознания.

Зверь непонятно почему вновь воспарил к разноцветным звёздам над флагами замка и, не задерживаясь под ними, возвратился к бесчувственному Диме и хлопочущей вокруг парня троице. Заговорщически скалясь, дракон одним махом сгрёб её в охапку и в третий раз взлетел под звёздный купол.

Такое развитие событий Дашке, Верникову и Алине было определённо ни к чему. В ушах свистело, в животе всё переворачивалось, в горле образовался комок… Над замком дракон притормозил. Верников перестал жмуриться. Лес плыл, как в горячем воздухе, замок, площадь, фонтан и пока не оклемавшийся староста оставались незыблемыми. Пульсировали над головой звёздные шары, с расстояния вытянутой руки они казались бы искусственными, как неоновая реклама, но из них потекли живые потоки искр, завихрились, обволакивая друзей, согревали, как любимый плед. Все бы так и заснули, но дракон пошёл на посадку, и завихрилось уже в желудках у компании.

Он уже нёсся параллельно земле, заскрежетал когтями задних лап по плиткам площади, сел на хвост, выпустил студентов.

Друзья попадали возле Димы. Удовлетворённо фыркнув, перепончатокрылый удалился.

— У меня началось, — пробормотала Волкова. — Я уже начинаю понимать Диму.

— И у меня процесс запущен… — промямлил Верников.

В Дашке всё оборвалось.

Глава 3 Предсказанные Великими Ветрами

Перестало дёргаться марево… и дремучая тайга перестала быть. Вместо неё студенты созерцали перед собой старинный городок. На площадь выходили уютнейшие узкие мощеные улочки с каменными домами под покатыми черепичными крышами, а с той стороны, где раньше поблескивала морская гладь, простирался лес необычных деревьев с листьями большими, как лопухи. Чуть дальше он уже карабкался по холмам, становившимися чем ближе к горизонту, тем выше, на самых далёких, упирающихся вершинами в небосвод, маячило какое-то поселение, от площади к нему через весь океан леса пролегала широкая дорога, ни один поворот которой не терялся из виду.

Староста, очнувшись, беспомощно вертел головой. Верников, чтобы как-то разрядить обстановку, выжал из себя фразу:

— Да, занесло нас…

— Куда теперь? — Алина обошла площадь, заглянув на каждую улицу, затем остановилась у дороги. — В город или в деревню на холмах? Лично мне неохота пребывать тут, вряд ли что-то станет понятнее, если мы проведём на этой площади ещё несколько часов.

Саша её поддержал:

— Ты права. Вряд ли мы сможем пробраться в свой век так же легко, как проникли сюда, если учесть, что мы тут не по своему решению. Я предлагаю забраться на холмы. С тех, что повыше, на которых раскинулась деревня, должно быть видно много интересного.

Идея представлялась не просто разумной, а единственно правильной. Степень дружелюбности здешнего народа известна не была, обращение к кому-то из представителей этого мира могло повлечь за собой что угодно, в том числе и неприятности вроде заключения в тюрьму. А Дашка подумала не о себе. Каждый шаг компании нарушал равновесие между двумя мирами, земным и магическим.

— Ты с нами? — окликнул её Саша, компания направлялась к дороге.

— Да.

Они подождали, пока подруга их догонит. Все четверо взялись за руки, путешествие продолжалось. Ко времени, когда друзья одолели полдороги, настало утро. Купол над замком не потух, каждая звезда стала началом радуги. Некоторые из них, как полагается, рассекали небо, а кое-какие опускались на

площадь, городские крыши и холмы. Леса касались похожие на куски ваты облака. С наступлением господства дневного света оказалось, что деревья здесь необычные, с синими, фиолетовыми, ярко-изумрудными листьями, серыми и голубыми стволами и ветвями, дивно цветущие. Улицы заполнились гудящими точками — горожанами, распахивались везде ставни. Волшебная страна пробуждалась.

Когда компания приблизилась к деревне почти вплотную, и до поселения оставалось пройти несколько холмов, Саша заметил, что за компанией поднимаются двое и вот-вот нагонят. Никто из студентов морально был не готов к знакомству с местными, так что все как по команде отступили в лес. Через просветы между листьями можно было наблюдать людей на дороге, неторопливо беседующих женщину в синей мантии и мужчину лет пятидесяти, в кольчуге и латах, с усами, закрывающими пол-лица, и необъятной лохматой бородой, коренастого; его спутнице приходилось, когда она хотела что-то ему сказать, слегка наклонять голову.

Староста стал заглядываться на женщину. Молодая, высокая, с длинными волнистыми волосами цвета горького шоколада, правильными чертами лица, и очень, очень печальная, хоть печаль ей была даже к лицу.

— Не подавись и не вывались к ним под ноги, — Алину покалывала ревность. Волкову считали самой неотразимой на всём потоке в институте, и считали верно. Уродилась она в бабушку-цыганку, смуглая, черноволосая, глазастая, стройная, и давно привыкла к тому, что самые восхищённые взгляды достаются ей.

Отрезвила всех плавная реплика бородача в адрес женщины:

— Госпожа Вивьен, Ветер Перемен поведал мне, что через Звёздный портал вчера ночью проникла группа из четырёх человек. Как раз после… После того, как схватили Кевина Гранда.

Студенты навострили уши. Собеседники остановились.

— Так ужасно, — в глазах женщины блеснула слеза.

— Его казнили сразу же, на площади, а все, кто был в замке, наблюдали казнь из окон, как какой-то спектакль, а когда всё закончилось, преспокойно задёрнули шторы своих спален и продолжили сон, как будто ничего не произошло.

Притаившаяся за деревьями компания узнала обрисованную картину.

— Бедный старина Кевин, буквально час не дожил до того, как портал, главное его изобретение, сработал, — продолжал бородач. — Король Мартин боялся, что те, кто появится из Большого Мира, покусятся на его власть, поэтому объявил Кевина

своим личным врагом, а упоминания про Большой Мир официально запретил. Люди короля повсюду разыскивают информацию про портал, но безрезультатно. Кевин её тщательно скрывал, так как догадывался, что закончит жизнь от руки королевского палача. Все знают лишь, что, находясь в нашей стране, открыть портал можно только, применив мощнейшее заклинание. За обнаружение этого заклинания Мартин даже премию в миллион золотых назначил, не пожалел, да только найти его с помощью чёрной магии нельзя, Кевин уж об этом позаботился.

— Безусловно. Кевин Гранд по части загадок и тайн — специалист.

— Был. Был специалистом, — она на секунду зажмурилась, сгоняя из-под ресниц мерзкие капли.

— Да, тяжко привыкать к тому, что Кевина больше нет. Но его наследие вечно. У Гранда был особый талант — он свои творения умел оградить от тёмных сил, и подчас от не самых лучших представителей светлых.

Бородач порылся в своей кожаной сумке, извлёк носовой платок, протянул женщине:

— Не падайте духом. Теперь ваша обязанность — помочь нашему народу как-то пережить это всё.

— Я не смогу. Я сама нуждаюсь в помощи.

— Полно, Вивьен! Ты же сильнейшая из священниц Альданы, все в тебя верят. Если б не ты, мы бы пали духом ещё до того, как Кевина объявили в розыск. Это минутная слабость. Ступай в храм, ни о чём не тревожься. Там тебя заждались те, кто в тебе не сомневается.

Верников насупился:

— Хм, у меня их разговор вызывает опасения. Кто-нибудь что-нибудь из него понял?

— Что тут понимать? — Алина вскинула брови. — Некто Кевин Гранд изобрёл какой-то портал, который в этом мире без одного очень сильного заклинания работать не будет, но оно никому не известно.

— Пошевелите извилинами! Если под группой из четырёх человек, перебравшейся через портал подразумевали нас, то! Заклинание, чтобы снова задействовать портал и вернуть нас домой, — это тайна, покрытая мраком. Вывод?

— Не найдём его — останемся здесь навсегда, — закончила Дашка.

Такой поворот событий был столь невероятным, что Алина и староста смогли сказать только: «Э-э-э…».

— Так как нелепее уже быть не может, давайте уж этим

людям представимся. А то у этого усато-бородатого типа, по-моему, хобби всё про всех знать. Чует моё сердце, рано или поздно наши паспортные данные будут достоянием общественности.

— Если в течение пяти минут никто не выдаст что-нибудь более умное, то сделаем по-твоему, — пожала плечами Алина.

План сорвался. Пока студенты приводили мысли в порядок, священница и всезнающий тип удалились.

— Где они? — Саша озирался, высунувшись на дорогу.

— Какая тебе разница? — удивилась Алина.

— Надо кого-то попросить разъяснить нам всё. Озарение, с помощью чего функционирует этот портал, на нас само не снизойдёт. Я подозреваю, что кроме этих двоих никто про нашу банду и не слыхал. Ты представь, выловим мы человека, в курс дела не введённого, и заявим: «День добрый, мы пришельцы из параллельного мира, вы не подскажете, как нам войти в него обратно?» Нет гарантии, что после такой красноречивой просьбы нас не сдадут властям.

Дашка приготовилась озвучить свою точку зрения на увеличивающийся в масштабах кризис, но…

Зазвенели где-то девичьи голоса, делаясь всё громче, отчётливее.

— Тс-с, — приложил палец к губам Верников. — Не дёргаемся. Алина, Саша, от комментариев воздерживаемся. Даша, прекрати так сердито сопеть, гневную тираду оставишь на потом.

В лесу образовался эффект необитаемости. Теперь подслушать девичье щебетание не составляло труда.

— Осталось только флаксов нарвать. Бабушка говорит, их надо вообще в любое зелье добавлять.

— Да если даже ты его сваришь так, как полагается, то как ты заставишь Джастина это выпить? Он не слепой, видит что ты его влюбить в себя хочешь, и про приворотные зелья представление имеет. Сам Джастин ведь на Эльзу глаз положил.

— Что? — нежный голосок стал плаксивым. — Эльза — кошка драная, что он в ней нашёл?

— Так охмурить девчонку из Отряда Лесных Воительниц — дело принципа! Они же к себе никого не подпускают, на наших парней свысока смотрят.

— Джастин — несбыточная мечта, — пропел другой голос. — Верно, Шустрик? — какое-то существо истошно запищало. — Шустрик? Ты что? Эй, эй, ты куда?

Что-то мелкое с разгону врезалось в стену леса, зашуршало, продираясь через ветки, и вывалилось на руки Дашке. Это оказался умильный зверёныш, головастый (туловище заметно

уступало голове в размерах), ушастый (уши, напоминающие заячьи, аж волочились по земле), пузатый, с бархатистой бирюзовой шёрсткой. Лапки у него были тоненькие, зато пальцы — массивные, с мягкими розовыми подушечками, как будто на него надели огромные перчатки и ботинки, шейка — тоненькая, глазищи — в полмордочки, выразительные, как у человека. Зверёк шустро передвигался на задних лапках, на передние наматывая уши, чтоб на них не наступить. К каждому студенту он подошёл, вокруг каждого попрыгал и ускакал назад. Девицы на дороге загалдели.

— Смотри, Шустрик хочет, чтобы мы заглянули в лес!

— Ну его, увидел там фею и требует, чтобы я её поймала. Обойдётся.

— Он показывает, что там кто-то большой!

— И четыре пальца показывает! Их там четверо, да?

Шустрик согласно пискнул.

Каждый из друзей ощутил, как его обвивает ледяная змея страха. Вот-вот всё раскроется. В завершение, сюда подтянулись ещё люди, девчонки-болтушки и парни.

— Что за сборище? — приветственно спросил какой-то молодой человек.

— Последнюю новость знаете? — девушка, из только что подошедших, заговорщически понизила голос, захлёбываясь в том восторге, какой испытывают сплетницы, выдавая чью-то страшную тайну со всеми подробностями. — Мы случайно встретили старейшину с Вивьен, они говорили, что Большой Мир вовсе не сказочка, через портал старика Кевина к нам попали четверо. Я бы не приняла это всерьёз, но Фредерик утверждал, что известие донёс до него Ветер Перемен, а этим не шутят.

В толпе пронёсся гул. Шустрик, носившийся возле хозяйки, пронзительно заскулил.

Его хозяйка не выдержала:

— Эй, вы, в деревьях, выходите уже!

Могильно-холодный удав опять стянул грудную клетку.

— Если не тронете нас, то да, — прорвало Сашу. К своей досаде, он превращался в тряпичную куклу с ватными конечностями и головой, не способной мыслить.

— Разведчик Мартина, — брезгливо пробурчал один из парней. — Бедный король, всех имеющихся в его штате ищеек наши ребята из строя вывели, мы еженедельно этих крыс отлавливали; видно, у него в запасе остались одни идиоты. — И он снисходительно хмыкнул: — Давай-давай, не бойся, выбьем тебе пару зубов и отпустим.

— Я не разведчик!!! — выпалил Верников.

Другой парень расхохотался:

— Конечно, не разведчик! Ты балбес! Получше спрятаться не догадался?

— У меня нет никакого отношения к королю Мартину!!! — вяло отбивался Саша.

— Ну-ну. Значит, так. Вылезешь сейчас и сам — отделаешься лёгкими увечьями. Если будешь препираться — вытащим тебя мы и изобьём до полусмерти.

Верников повиновался, друзьям шепнув, чтобы без его сигнала не высовывались. Те не спорили. Еле волоча ноги, Саша предстал перед толпой. Там были девушки в платьях с пышными юбками и корсетами, парни в штанах из грубоватой на вид ткани, какой-то мешковины, и рубашках, на поясах которых у молодых людей болтались, что вовсе не прогоняло страх, ножи и кинжалы. Кроме одежды, и у юношей, и у девушек было ещё кое-что, отличающее их от обычных людей. Все они без исключения были если не безумно красивы, то с весьма и весьма приятной внешностью, без малейших изъянов.

После унизительного просверливания взглядами Саша начал осознавать, что его куртка и джинсы выдают его непричастность не только к Мартину, но и к этому миру вообще. На Верникова уже не косились с презрением, как на нищего или оборванного бродягу, а поглядывали с почтительной настороженностью. Некоторые девицы, и вовсе избавившись от всяких подозрений, рассматривали юношу с охотничьим азартом, благо красив он был вполне по-здешнему: загорелый брюнет с бездонными серыми глазами, высокий, широкоплечий.

— Вы… Вы зачем здесь? — хрупкая веснушчатая рыженькая девушка в зелёном, взяв на руки своего Шустрика, подошла к Саше.

— Случайность, — Верников не перестал побаиваться этих людей, но доля уверенности возникла. — Мы даже толком не поняли, как очутились в вашем мире. Со мной мои друзья.

— Пусть выходят. Мы ничего им не сделаем, клянусь Великими Ветрами.

И староста, Алина и Дашка оставили укрытие. Толпа, включая Шустрика, им поклонилась. Студенты растерянно и смущённо заулыбались. Наконец, все поднялись на ноги, и рыженькая сказала:

— Вас следует отвести к старейшине. Не волнуйтесь, он всего лишь с вами поговорит. Видите ли, есть кое-какой нюанс…

Девушка замялась. Студенты знали, окатить кого-то ледяной водой плохой вести не каждому под силу, а заявление о том, что родной дом при неудачном стечении обстоятельств им будет

только сниться, для друзей станет просто реквиемом. Но этот груз с неё сняли:

— А теперь мы вас проводим! — толпа расступилась, дав дорогу блондинке, с которой не могла сравниться ни одна из присутствующих здесь девиц. У неё были густейшие, золотисто-жёлтые крупные локоны до колен, часть их кокетливо падала на лицо, они отливали на солнце так, что казалось — у девушки над головой нимб; пухлые губы, огромные, с пушистыми ресницами зелёные глаза, к их цвету удачно подходило изумрудное платье с развевающейся при ходьбе длинной юбкой, корсетом, подчёркивающим идеальную фигуру, и прозрачными рукавами, расклешёнными так сильно, что они напоминали крылья, и это добавляло ей сходства с ангелом. Но главное — красота её была не глянцевая, а живая. Обычно красотка для парней — это золотая медаль, сначала её завоёвывают, потом гордятся, но даже не ей, а самим фактом того, что она у тебя есть. Чтобы думать о красавице как о человеке с душой — нет, они редко удостаиваются этой чести, право на переживания и страдания им не оставляют, отводя таким девушкам роль украшения жизни. А с этой ангелоподобной блондинкой всё было не так: столько ласки, нежности, тепла и понимания плескалось в её глазах, что всё её внешнее совершенство казалось лишь приятным дополнением к доброму сердцу. Казалось, ты знаешь её давно, она — твоя лучшая подруга или сестра; та, которая всё-всё поймёт с полуслова и поможет уже тем, что обнимет и выслушает.

— Меня зовут Теона. Я покажу вам дорогу.

Девушка воздушной походкой поплыла наверх по дороге, студенты последовали за ней. Замкнули шествие хозяйка Шустрика и, собственно, Шустрик. Выяснилось, что зверёк умеет перемещаться по воздуху.

Они вошли в деревню — россыпь симпатичных, увитых плющом домиков из дерева, камня и кирпича, с просторными дворами, где были разбиты диковинные сады и клумбочки. В небе то тут, то там пролетали драконы в сбруе, нагруженные увесистыми, туго набитыми мешками. Наездники, в основном молодёжь, лихо управляли крылатыми созданиями, некоторые и вовсе носились наперегонки. Во дворах тоже не скучали: варили зелье в котлах на костре, стирали и развешивали сушиться выстиранную одежду и постельное бельё, работали в саду, учились драться на мечах и стрелять из лука, кормили и чистили домашних животных (пегасов и единорогов), переговаривались через забор с соседями, колдовали, размахивая посохами и волшебными палочками, отчитывали детей, спорили. Завидев необычную процессию, все бросали свои занятия и обращали на

студентов осторожные, но с мелькающим интересом взгляды. Кое-где люди припадали к заборам, чтобы поближе рассмотреть странную четвёрку, и тогда получали по улыбке: обворожительно-лучезарной от Алины, вежливой от Саши, а также приветственной от Теоны; здороваясь в ответ.

Поднимались на самый высокий холм. Дашка постепенно приходила в себя, вдыхая тот особый утренний воздух, восхитительно свежий и вкусный, который начинаешь ощущать неожиданно для себя, и сразу же понимаешь, что он, как вода, выталкивает тебя наверх, в невесомость; единственной мыслью становится — мне легко, хорошо, свободно. Ни усталости, ни напряжения, лишь беспричинное счастье. А потом ты зачем-то бессмысленным усилием рвёшься на дно, мутное, илистое, повинуясь наиглупейшему человеческому инстинкту отрекаться от лучшего в пользу привычного. Дашка не намеревалась отказываться от утреннего блаженства, пока утро не расплющит полдень: вокруг же один лес, обнимающий бережно эту милую деревню, сейчас процессия спустится с холма, и он заслонит собой вид на кляксу города, площадь и замок. С весёлым звоном спадут оковы, Дашка не будет чувствовать ни рук, ни ног, от неё останется только бестелесная неуловимая душа, разлетающаяся миллионом бабочек.

На вершине все невольно притормозили, восхитившись начинающейся сразу за холмом, где сейчас стояла группа, местностью, столь живописной и гармоничной, что было страшно идти дальше; казалось, сердце от восторга замрёт и не сможет забиться снова. Там, внизу, лесные массивы, охраняющие поселение, смыкались, но между ними оставался довольно широкий коридор, в конце его была поляна в цветах, благоухание которых долетало сюда. За поляной — обрыв, напротив него — скалы и величественный водопад, от чьих брызг казалось, что над обрывом дремлет туман.

— Мы почти пришли, — Теона вытянулась на цыпочках, зажмурилась, подставив лицо дуновению ветерка, ласково трепавшего её солнечные локоны, глубоко вздохнула и опустилась. Было в этом что-то детское, наивное, как и во всех её жестах и движениях, в её чертах и облике. — У подножия холма дом старейшины, видите?

Да, все заметили в указанном направлении невысокую круглую серую башню, и вот уже компания студентов нерешительно топталась у её двери. Шустрик взвился под крышу и забарабанил увесистым кулачком в верхнее окно, оттуда высунулась рука и протянула зверёнышу связку ключей. Тот спикировал на землю и подал их своей хозяйке, она отперла

замок.

Прямо от порога поднималась солидная винтовая лестница, покрытая ковровой дорожкой. Первой вошла Теона, за ней — Шустрик, Алина и Саша, следом ворвалась рыженькая, волоча за руку Дашку, спотыкающуюся о ступеньки. Внутри башня была на удивление светлой: на оббитых деревянными панелями стенах висели кашпо с растениями наподобие распушившихся в белые шарики одуванчиков, но каждый цветок горел, как электрическая лампочка; и застеклённые двери комнат пропускали букеты лучей на лестницу, которая привела гостей к люку в потолке.

Люк открылся, наверху пробасил голос человека, которого студенты сегодня уже видели, того, в латах и кольчуге, бородатого:

— Входите, — и гостям сбросили верёвочную лестницу.

В том же порядке, в каком попали в башню, визитёры забрались в люк. За ним была приятная комната: по всему её диаметру мягкие полукруглые красные диваны, стоявшие вплотную к стене, в середине — круглый стол, центр столешницы которого был вроде бы зеркальный, только отражал он явно не эту комнату; паркетный пол, окна без штор и портьер. Одно лишь но: свободного места в комнате уже не оставалось, люк находился под столом, выползать из-под коего было не совсем удобно.

Старейшина, водя пальцем по зеркальной столешнице за отражением молодого, лет двадцати пяти, мужчины с длинными чёрными волосами, одетого в желтовато-белую мантию с высоким воротником, небрежно распахнутую, белую рубашку и чёрные брюки, выходящего из того замка на площади; подождал, пока рассядутся все, что-то шепнул, и зеркало стало обыкновенным, отображающим окна, стены, потолок и лица тех, кто за столом.

— Вот мы и встретились, — старейшина откинулся на спинку дивана и обвёл студентов взглядом, — люди Большого мира. Что же привело Вас в Альдану?

— Да случайность же! — раздражённо воскликнул Верников. — Мы тут вообще против собственной воли, и не станем возражать, если найдётся способ отправить нас обратно в Россию.

Дашка облокотилась на столешницу и закрыла лицо ладонями.

— Россия — так называется Ваш мир? — спросил старейшина.

— Нет! — Верников медленно и тяжело дышал, чтобы совсем не сорваться. — Наш мир — это просто мир, без названия. Россия — страна такая. Наш мир состоит из стран, их больше сотни.

— Ого! — удивилась Теона. — А у нас всего двенадцать

земель.

— Страна — не город. Каждая страна состоит из множества городов, — Саша успокаивался, глубинами мозга понимая, что здесь не допрос вовсе, просто старейшине и двум девушкам невероятно интересно, но немного страшно. Как и ему. И его друзьям.

Старейшина подпёр кулаком щёку:

— Да, Кевин говорил про то, что Большой мир огромен, и в нём люди не знают магии, но технические изобретения их по своему совершенству превосходят наши.

— Это так, — отрывисто ответил Саша.

Теона привстала, чтобы нагнуться через стол к Саше и что-то у него спросить, но старейшина осадил её:

— Не сейчас, милая. Есть более важные вещи, о которых мне надо расспросить наших гостей, а также много всего мне следует с ними обсудить.

Ни капли не смутившись или обидевшись, Теона села. Старейшина выпрямился, руки сложил перед собой.

— Итак, как же случилось, что вы попали в Альдану, наш мир?

— Ну… — неуверенно начал Верников. — Мы в лесу заблудились, потом вышли на какой-то мыс, а на нём был замок. Тот, над которым мерцает разноцветный звёздный купол. Потом из леса налетели драконы… Маленькие, но какие-то агрессивные. И ещё один появился, огромный, он маленьких прогнал, а нас схватил, взмыл с нами к звёздам над замком, а когда приземлился, то… Нас окружал Ваш мир. От замка мы двинулись в эту деревню.

— Как выглядел дракон? — старейшина нахмурился.

— Не самое симпатичное создание, — Саша ухмыльнулся. — Глаза зловещие, без зрачков и в темноте светятся.

Выражение лица старейшины стало таким траурным, что все представили: сейчас усищи и борода человека стремительно поседеют.

— Королевский страж! — пророкотал старейшина. — Всё гораздо хуже, чем мы думали!

— Хуже?!! — до сих пор дремлющий головой на столешнице Фёдоров подскочил, как если бы перед его носом уронили что-то тяжёлое. — То есть вы хотите сказать, что наше появление здесь — плохо?!

— Молодой человек, во многих уголках Альданы не найдется никого, кто желал бы вам зла, — старейшина посуровел, — но горстка людишек, которым принадлежит власть над нашим миром, ненавидит всех, кто прямо или косвенно связан с миром

Большим. История эта темна и печальна…

— Знаем! — перебил его Верников. И слегка виновато пояснил: — Так вышло, что мы… Утром мы нечаянно подслушали Ваш разговор с женщиной, вы вроде называли её Вивьен.

После паузы он добавил:

— Наши соболезнования.

Голова Фёдорова опять бухнулась на стол.

— Я мог бы рассказать вам с самого начала, — произнёс старейшина. Верников и Алина с энтузиазмом затрясли головами и вместе с Теоной, Дашкой и примостившимся на плече у старейшины Шустриком обратились в слух. Рыженькая девчонка устроилась на диване с ногами, обхватила колени и разглядывала гостей из Большого мира.

— Как Вам уже известно из нашей утренней беседы, — поплыл по комнате густой бас старейшины, — портал, через который Вы попали в Альдану, — творение рук и разума Кевина Гранда, величайшего колдуна Эпохи Вампиров, второго периода с момента зарождения нашего мира. Первый период, Эпоха Солнца, продлился всего век. В это время был расцвет королевства: строились города, изучались основы волшебства, все жили в гармонии, ни одно магическое животное ни в коем случае не стало бы нападать на человека. Военного искусства не существовало, оружия — тоже. Вся человеческая сила направлялась на создание чего-то нового.

Шли десятилетия. Вымирало старшее поколение: болезни, лечения которым было ещё не найдено, несчастные случаи, да и старость брала своё, не открыли тогда всех секретов бессмертия. Появлялись призраки и духи, в ту Эпоху — добрые покровители семейств, к которым они принадлежали при жизни. Тогда же возникли Великие Ветра: Ветер Перемен, Ветер Надежды, Ветер Слёз, Ветер Предостережения и Ветер Смуты. Каждый из них — это духи мудрецов, ставшие единой материей, переносимой воздушными потоками. Духи не подчиняются ничему, кроме воли друг друга. Они сами решают, будет ли дуть их Ветер сегодня, с какой силой и в каких направлениях; наблюдают за всем, предугадывают будущее, вникают в тайны прошлого и распутывают загадки настоящего. Знания свои духи стараются донести до смертных. Мы часто просим у Ветров помощи, ищем у них ответы, а то и вопросы, но искомое получаем не всегда. Нам могут дать Знание, но научить нас, как им распоряжаться — нет. Духи мудрейших последующих поколений тоже присоединяются к Ветрам. Вероятно, среди них теперь и Кевин Гранд…

И вот, настал конец Эпохи Солнца: начала складываться тёмная магия, люди попробовали приручить смерть. По всей

Альдане гремели проклятия, вместе с людьми мир разделили вампиры и оборотни. Чёрные колдуны взяли под свою власть всё, всех и вся, угнетая народ, а тот, оказывая сопротивление, тоже хватался за оружие. Для усиления своей мощи злодеи стремились подчинить себе драконов — многие виды этих животных стали опасны для смертных: испепеляли целые поселения, утаскивали и пожирали людей. Но главным бичом Альданы оказались вампиры. Они наводнили наш мир, каждый день из года в год обращая в себе подобных десятки жителей.

Росло число вампиров — росло число охотников на них. Мы приноровились, почти играючи справляясь с кровопийцами, теперь воспринимавших нас как серьёзную угрозу для них. Они не так часто показывались из укрытий, порой без людских жертв обходилось неделями, потом — и месяцами.

Вот в такое время родился Кевин Гранд. Детство его было безрадостным: мальчик жил в самом густонаселённом вампирами городе Альданы, Чёрных Гаванях. Небо там почти всегда затягивало тучами, солнце выглядывало на час в сутки, и над морем вместо чаек парили вампиры. Люди почти не покидали своих домов. Маленький Кевин часто думал, что должен где-то быть мир, нет всего этого беспредела. Гранд был просто одержим этой идеей. Жителей Чёрных Гаваней давно расселили по разным уголкам Альданы, Кевин с родителями жил в Зальване, это город, куда вас высадил дракон, наша столица, но молодой волшебник всё грезил миром без вампиров и тёмных колдунов.

Как-то раз Гранд ночью (к восемнадцати годам он стал ловким охотником на вампиров и мог позволить себе прогулку в полнолуние) бродил на Главной Площади, той, которая перед королевским замком, вы знаете, и любовался созвездиями. Подул сильный, но тёплый ветер, круживший мерцающую пыль. Она оседала на Кевине, а он чувствовал невесть откуда взявшуюся уверенность. Парень поднял голову и на долю мгновения увидел, что над шпилями замка кусочек неба вдруг стал пронзительно-голубым, как днём, и в нём покачивались кроны деревьев. На следующий день Кевин Гранд начал работу над проектом Звёздного Портала. Королём Альданы тогда был Оливер, добрый волшебник, всячески поддерживающий начинающего мага-изобретателя. За триста лет правления Оливера портал был создан, над заклинанием, которое приводило бы его в действие, Кевин упорно ломал голову. Труды Гранда, посвящённые Большому Миру, читали по всей Альдане, волшебники и колдуньи всех возрастов шли в ученики к Кевину… И тут умирает Оливер. Власть переходит к Гектору, его сыну. Он бешено ревновал отца и мать к талантливому магу и, обретя

вседозволенность, стал травить Гранда и его последователей. Гектор внушал массам, что Большого мира нет — ведь за три века можно найти тридцать заклинаний, а хвалёный Кевин Гранд не способен и одно.

Многие поддались, но самые преданные ученики от мага не отреклись. Менялись короли, но в дальнейшем властители Альданы по отношению к Гранду были настроены если не враждебно, то скептически. Когда монархом стал Мартин… Вы знаете. Он считал Кевина не вышедшим из ума старикашкой, а вероятным главарём гипотетического восстания против короля, в которое вовлекут и людей Большого Мира. Якобы Гранд именно с этой целью создал Звёздный Портал. И Мартин пошёл в наступление. Казни. Ссылки. Пытки. Допросы. Цензура. В тюрьмы кидают за то, что в твоём шкафу нашли что-то из трудов Кевина. Гранд с учениками ушёл в подполье. Все альданцы поголовно от его идеи отказывались. Он действительно слегка тронулся умом. Паранойя. В таких условиях это естественно, но… Ещё верящие ему люди не могли с ним связаться. Он небезуспешно пробовал отнимать у людей воспоминания о себе и своей работе — и сейчас нам кажется, что про Большой Мир мы ничего, ничего не знаем.

Гранд успел. Он завершил то, чему посвятил жизнь. Мартин остался ни с чем. Милые мои, мы отыщем это заклинание. Но вы должны понимать — вам придётся скрывать своё происхождение, иначе вас… тоже казнят.

Глава 4 Винсенты

Повисла натянутая тишина, когда стоит кому-то нечаянно обронить звук — и все вдруг затараторят одновременно. Алина, Саша, староста и Дашка глазами искали поддержки друг в друге.

— Какова ваша будет ваша судьба, пока нам не откроется Заклинание Звёздного Портала? — спросил за студентов старейшина. — Ларма, Теона, бегите в деревню, выясните, кто сможет приютить у себя этих людей и на первых порах объяснять им, как устроен наш мир, наш быт, обычаи и законы, всё показать, растолковать, приобщить к нашей жизни…

— Пусть располагаются у нас! — сразу вызвалась Теона. — мои братья будут брать их с собой в леса и в город, я — познакомлю со всем, что в деревне и её окрестностях, научу пользоваться волшебством, мама — …

— Теона! — старейшина вновь не дал ей договорить. — Твоя семья еле сводит концы с концами, куда вам ещё четырёх человек!

— Но они же будут помогать нам! — нежное лицо Теоны вытянулось. — Парни смогут работать вместе с Джейком и Дериком, девушки — делать что-нибудь по хозяйству, тогда мама будет быстрее успевать со своими зельями.

— Всё равно твоей матери это не понравится. Чтобы научить эту компанию чему-то, понадобится не один день, а вам некогда тратить время на это, — тут старейшина вздохнул. — А хотя, если ты хочешь облегчить чью-то жизнь, тебя не остановить. Давайте, оповестите всех. Теона, если твои не будут возмущаться, гости могут пожить у вас. Но только если согласятся все члены семьи. Слышишь, все! Ну, то, что надо, я сказал. Бегите!

Теона, взвизгнув от радости, скользнула в люк. Ларма усмехнулась и тоже полезла вниз со своим зверьком.

Когда на первом этаже хлопнула входная дверь, старейшина треснул себя по лбу:

— О, Ветры! Я совсем заговорился! Мы не представились. Меня зовут Фредерик.

— Я Александр Верников.

— Алина Волкова.

— Дмитрий Фёдоров.

— Дарья Сотникова.

— Красивые имена. Фамилии странные. Когда будете находиться за пределами нашей деревни, не озвучивайте их. Если кто спросит — говорите фамилию той семьи, в которой будете жить. А ещё вам было бы неплохо переодеться. Спускайтесь на

второй этаж, в лабораторию, и ничего там не трогайте, не выходите на улицу. Мне пока надо связаться с Кеану Мортисом. Подойду к вам позже.

Фредерик коснулся пальцем зеркальной поверхности стола, там вновь появилось отражение длинноволосого брюнета в мантии, только теперь он стоял на платформе в ожидании поезда (или вместо поездов тут другой транспорт?). Головы старейшина больше не поднимал, сконцентрировавшись на человеке в зеркале. Добиться ещё чего-то от Фредерика студентам не удалось, пришлось выполнять его указания и покинуть комнату.

Лаборатория жутко смахивала на больничный кабинет: всё белое, неестественно, до блеска, чистое, стоят шкафы с пробирками и банками. Есть кушетка за ширмой и стол, заставленный колбами, в которых что-то булькало, и безумного вида приборами.

— Мы этажом не ошиблись? — Дима боязливо на них покосился.

Алина выскочила на лестницу и перегнулась через перила:

— Нет, это второй, куда нас и отправили — этажом ниже входная дверь.

— А нам точно второй? — староста постучал пальцем по стеклу одной из колб на столе, жидкость внутри вдруг выстрелила и забрызгала стоявшие рядом предметы. Некоторые капли попали внутрь других сосудов, вещества в них тут же сменили цвет или начали закипать либо испаряться.

— Точно!!! А что у вас там шумит?

— Может, лаборатория не та? — Дима убрал руку от расшалившейся колбы.

— Тут всего по одному помещению на этаже, — Алина вернулась к одногруппникам и наступила в растёкшуюся по полу каплю, которая попала туда в результате залпа из колбы. Кроссовок девушки зашипел, подошву разъело. — Фёдоров, а ты мне надоел! Хоть бы раз принёс что-то, кроме проблем!

— А что сразу ко мне претензии? — староста схватил со стола самую пузатую колбу и выставил её вперёд в вытянутых руках.

— Поставь на место! — взвопил Саша.

Староста умудрился согнуть пальцы одной руки в неприличную комбинацию, отчего колба накренилась, из неё выплеснулось немного кислотно-розовой эмульсии.

— В чём дело? — в дверях появился Фредерик. — Дмитрий, в последнее время в Альдане можно так схлопотать за любопытство, что от тебя даже трупа не останется. Поставь парализующую сыворотку на место и возьми вон ту колбу из

фиолетового стекла. Бери, не бойся, — добавил старейшина, глядя на перекосившуюся физиономию Фёдорова.

Физических и душевных сил старосты хватило только на то, чтобы приземлить колбу на стол. Затем его отстранил Верников и взял то, на что указал Фредерик. Старейшина вынул из шкафа четыре пробирки с делениями, накапал туда жидкости из колбы, которую подал ему Саша, и раздал студентам.

— Маскирующий эликсир десятой категории. Пейте, он не причинит вреда здоровью.

Все уставились в свои пробирки, никто не хотел делать это первым. Наконец, решился Саша, зажмурился и выпил залпом. Стало щекотно, по ушам полоснул Алинин возглас: «Поразительно!» и довольное бормотание старейшины: «Недурно, весьма недурно». Он открыл глаза — теперь на нём были бежевая рубашка с коротким рукавом, коричневые штаны из шкуры, и такая же жилетка со множеством карманов. Следующей преобразилась Алина, её джинсовый костюмчик сменился на канареечно-жёлтое коротенькое платьице с корсажем, глубоким декольте, расклешёнными рукавами с орнаментом и бахромой. Староста с помощью эликсира облачился в чёрный кожаный плащ, брюки и красную рубашку, Дашка — в песочные с орнаментом брючки, жёлтую воздушную блузку с воланами и чёрный кардиган. Обувь на всех также стала соответствовать данному времени.

— В кабинете на первом этаже висит зеркало, — улыбнулся старейшина.

Четвёрка, пихаясь, бросилась туда. Никто не верил своим глазам — альданская одежда шла студентом невероятно. Саша выглядел странником, ищущим и развлечений, и дел, жаждущий и веселиться, и приносить пользу. Дима — обаятельным романтиком (красная рубашка была в цвет его рыжевато-каштановым волосам, задорно растрёпанным), Алина — девчонкой, в которой уживаются страстная хищница и беззаботный игривый котёнок; Дашка — одинокой мечтательницей.

Раздался грохот открываемой энергичнейшим толчком входной двери: Теона с Лармой вернулись. Топот, скрип другой двери: девушки ворвались в лабораторию. Радостный смех, доброе ворчание старейшины. Студенты побежали туда.

— Разрешили! Разрешили! — Теона в одно объятие загребла и четвёрку друзей, и Фредерика, и свою рыженькую подругу, и Шустрика.

— Мать точно одобрила эту затею или сдалась, сломавшись под твоими уговорами? — строго спросил высвободившийся

старейшина.

— Сказала, можно, если будут выполнять посильную работу, — по-видимому, Теона слукавила, но она была такая счастливая, что отказать ей казалось жестоким.

— В таком случае, — развёл руками Фредерик, — я вас больше не задерживаю. Возникнут проблемы — обращайтесь. Алина, Дарья, Александр, Дмитрий, удачи вам. И тебе, Теона. До скорой встречи, и доброго всем дня.

Толпа хлынула на улицу, старейшина стоял на пороге и смотрел, как четыре девушки и двое юношей поднимаются в деревню.

Теона привела друзей к двухэтажному дому, выкрашенному небесно-голубой краской, ограждённому побеленным заборчиком. По периметру второго этажа тянулся балкон, куда сваливались разнообразнейшие вещи от поломанной мебели до килограммов ржавого металла, вероятно, бывшего приборами типа тех, что стояли на столе в лаборатории старейшины. Двор весь зарос травой, даже дорожку от калитки до крыльца не видать, и захламлён так же тщательно, зато сад был ухоженный, все листочки на деревьях сверкали. Терраса ничем не отличалась от балкона и двора.

— Всем до свидания! — крикнула Ларма, когда компания остановилась перед калиткой. — Я вам только мешать буду, — и девушка, обнявшись с Теоной, пошла дальше, Шустрик полетел за ней.

Остальные зашли во двор. Дверь голубого дома распахнулась, на крыльцо выпрыгнул парень, чем-то похожий на Диму (такие же серо-зелёные глаза, светло-каштановые лохмы и безмятежно-наглая улыбка), в серой рубахе, состоящей в основном из заплаток, изрядно потёртых штанах болотного цвета (скорее всего этот маловразумительный оттенок они приобрели от пыли, грязи и слишком долгой носки), босой. На вид парню было чуть больше двадцати лет. Он бегло оглядел гостей и скрылся в доме с воплем: «Встречайте!». Во двор выбежало всё семейство. Милейшая толстушка, шатенка с пышной гривой волнистых волос, в синем платье с кучей нижних юбок, в фартуке. Очевидно, это была мать. Молодой человек, на один или два года старше своего братца, внешне отличающийся от него только тем, что был чуть повыше, а его шевелюра была более тёмная и лохматая; одетый даже хуже. Девушка, примерно одного с Теоной возраста, где-то девятнадцать лет, худенькая, с абсолютно прямыми медно-рыжими волосами до пояса, холодно-серыми глазами, презрительным взглядом, злобной гримасой на изящном личике (если б ни это — была бы очень хорошенькой); в завязанной на

животе белой рубашке, облегающих чёрных брюках и чёрных высоких сапогах на шнуровке. Очаровательная девочка лет десяти с двумя тугими жёлтыми косичками, перевязанными красными ленточками, в лёгком летнем красном платьице и туфельках из красной чешуи; грустная-грустная, девчушка ковыляла с трудом, судя по тому, как бедняжка морщилась, ей было больно ходить. В руках она держала игрушку, тряпичного котёнка, всего в застарелых пятнах. Последним из дома вылетел оранжевый дракончик размером с сенбернара, догнал девочку, лёг перед ней, она уселась ему на спину. Самостоятельное передвижение, должно быть, доставляло ей слишком сильные страдания, и ребёнку приходилось прибегать к помощи безмолвного члена семьи.

— Знакомьтесь! — Теона вышла вперёд к своему семейству, провела рукой вдоль переминающейся с ноги на ногу четвёрки друзей. — Это… Так, ваши имена я знаю, но какое имя кому принадлежит…

Студенты представились, Теона назвала своих родных: подозрительная рыжеволосая особа — это Джессика, старший брат — Джейк, младший — Дерик, девочка с тряпичной игрушкой — Шаки, ну а дракончика звали Шанди. Мать назвалась сама: Анна. Все немного постояли в смущённом молчании, потом Дерик пробормотал: «Ну что, может, зайдём уже?», и друзей препроводили в дом.

Внутри жилище было безобразно тесным для семьи из шести человек и карликового дракона, не говоря уже о четырёх гостях. В коридоре, и без того узком, висело всё, что можно было каким-либо образом укрепить на хаотично вбитых в стенку гвоздях. Кроме кучи шкафчиков, забитых всякой всячиной так, что дверцы не захлопывались, книжных полок, горшков с растениями и заляпанного зеркала, на них держались: заржавевшие котлы, парочка надломанных посохов, драконья сбруя, засушенные букеты, садовый инвентарь, мотки верёвки, три меча и три арбалета, большущая птичья клетка и что-то замотанное в тряпки. На кухне, где друзей пригласили присесть, места не хватило даже на то, чтобы поставить там обеденный стол. Вместо него был маленький, какие обычно бывают в кафе, вокруг него — только четыре стула. Беспорядок здесь не так бросался в глаза, потому что, если не глазеть на кухонный стол, погребённый под Эверестами на удивление чистой посуды, пучками душистых трав, связками разных луковиц и баночками с чем-то сыпучим, на кухне было уютно и светло. На окне — персиковые занавески, на стульях — такие же чехлы, по свободной от кухонных шкафов стене расползлось растение с нежно-зелёными листочками и

бледно-розовыми цветами.

— Джейк! Дерик! — спохватилась Анна. — Вас попрошу освободить помещение или притащить себе стулья! Джессика, Теона, вас это тоже касается. Но кому-то всё равно придётся идти на работу, все сюда не поместимся!

— Мам, ну что ты так распинаешься — издевательски-невинно проронила Джессика. — Не проще ли было прямо сказать, чтобы я, мерзавка и неблагодарная тварь, убиралась отсюда и не позорила семью? Спешу тебя огорчить — занятий у Айрис сегодня нет, а мистер Цельсий меня уволил. Могу отсидеться в таверне, правда, я там напьюсь и полезу в драку, но раз ты настаиваешь…

Друзей шокировал не только этот выпад. Изумило то, что Дерик от хохота сложился пополам:

— Джесс! Ты бесподобна! Восемнадцатое место работы за месяц!

— Не смешно! — прикрикнула на него мать. — Джессика, ну как можно, все работодатели Фатоны уже зареклись иметь с тобой дело! Мистер Цельсий был последней надеждой!

— Да ты что! — неожиданно лёд в глазах девушки стал таять. — Значит, я переезжаю в Зальван!

— Я, по-моему, уже неоднократно повторяла: в городе тебе делать нечего!

— Это почему? — надрывалась Джессика. — Если тебе нравится эта дыра, это ещё не значит, что мы всю жизнь должны гнить в ней тоже! — и она вылетела из кухни. Из окна было видно, как девушка вышла из дома, поспешно пересекла двор, пинком вышибла калитку и ушла куда-то.

Анна покачала головой:

— Ну что мне с ней делать? — она повернулась к друзьям. — О, Ветры, я совсем про вас забыла, а собиралась предложить вам чаю, хотите?

Четвёрке было уже не до чая, но все притворились, что с удовольствием выпьют. Анна выхватила из нагромождений на кухонном столе чашки, ложки, сахарницу и заварочный чайник, плюхнула всё это на стол, за которым сидели гости, вскипятила воду, сделала гостям напиток. Перестав суетиться, она сказала Джейку и Дерику:

— А вы разгребите завалы в комнатах, где будут спать гости.

Братья послушно испарились из кухни. Шаки, сидевшая на полу возле свернувшегося калачиком дракона и теребившая своего игрушечного котёнка, встала, постанывая, и, хватаясь за стену, поплелась в коридор. Теона сразу поспешила к девочке. Проскальзывая мимо друзей, она шепнула им:

— На самом деле Джесс хорошая, просто странная очень.

В коридоре девушка подхватила на руки сестрёнку и понесла её туда, куда та намеревалась идти. Дракон, увидев, что пока не нужен Шаки, перевернулся на другой бок и засопел. Анна, перестав замечать гостей, достала вместительный котёл и принялась складывать, выливать и высыпать в него кое-что из того, что было на кухонном столе.

На кухню снова заглянул Джейк:

— Народ! Чего вы всё здесь скучаете, хоть бы дом осмотрели. Мама, когда принимается за варку зелий, то, кроме ингредиентов и котла ничего не видит, так что вы теперь предоставлены сами себе.

Студенты были только рады этому. Когда все вышли, Джейк прикрыл дверь кухни и сказал:

— Продолжим. На первом этаже у нас ещё две комнаты — наша с Дериком и мамина, и ещё уборная. На втором — Теоны, Шаки, Джессики и комната для гостей. Ещё мансарда есть, там тоже можно жить.

Парень за компанию с друзьями обошёл весь дом. Спальня Анны одновременно служила и гостиной: там был камин, перед ним — кресло-качалка и пуфики. В комнате братьев — ничего, кроме кроватей, тумбочек, стола и громоздкого стеллажа (конечно же, на его полках наблюдался творческий беспорядок), у девушек и в мансарде — почти так же пусто, но прибрано (кроме как у Джессики). В комнате, предназначавшейся для гостей, была двуспальная кровать, резной комод, книжный шкаф и два кресла. Договорились, что в ней поселятся Алина и Дашка, Саша и Дима — в мансарде.

Но всё же был здесь один по-домашнему чудесный, тёплый уголок — задний дворик, покрытый яркой пушистой травкой, как ковром, в тени раскидистых деревьев, с мраморным фонтанчиком хрустальной воды и качелями. На них сидело существо, точно такое же, как Шустрик, и читало газету.

— Наш летунчик, Роки, — пояснил Джейк, — по дому где-то бегают ещё шестеро таких же, но кличка только у этого вот. Они безобидные, им нужна лишь крыша над головой, и чтобы с ними играли иногда. Эти зверьки в каждой семье живут. Дети и девушки в них души не чают. Летунчики полезные, кстати, уничтожают всяких гусениц, которые деревья в саду портят, поэтому их даже кормить не надо. Заклинаниям легко обучаются, просто копируют твоё колдовство и запоминают его. Да и собственной магией они владеют.

— Какой же он славный! — Алина почесала Роки за ухом, и зверёныш замурлыкал.

— Они к людям быстро привязываются, хозяев своих обожают. Вот увидите, завтра вас за своих держать будут, — Джейк вздохнул. — Надеюсь, остальные — тоже. Вы привыкнете. Фатона не самый лучший край Альданы, да и семейка наша та ещё, но выжить можно.

— Фатона — это ваша деревня? — уточнил Верников.

— Ага, а наша фамилия — Винсенты, — Джейк глянул на свои наручные часы. — А, ладно, сегодня никуда не пойду, — исподлобья он упёрся глазами в Сашу. — Вы уж простите, что так всё началось.

— Что за работа хоть? — измученно спросила Алина. Не поинтересовалась, а именно спросила, равнодушно, механически. — Чем тут вообще люди занимаются?

— А кто чем, — парень уселся под деревом, прислонившись спиной к стволу. — Да вы не стойте, устраивайтесь поудобнее, поговорим, — одну руку Джейк заложил за всклокоченную голову, второй стал выписывать жесты, сопровождающие его похожую на бурлящий горный поток речь. Студенты устроились рядом. — Есть волшебники. Те, у кого сила мощнее — им всегда найдётся прибыльная работа. Если человеку, не знающему магии, требуется что-нибудь или кого-нибудь заколдовать, снять проклятие, исцелиться от болезни, в общем, попадёт он в ситуацию, где чары очень нужны, то он ступает прямиком к колдуну, расстаётся с частью сбережений, и тот творит необходимое волшебство. Но такие таланты — в основном в Зальване, столице, и городах — центрах земель королевства. А в деревнях, как наша Фатона… Основной доход — зелья да заговоренные предметы, элементарнейшая магия. Вся работа вокруг этого и крутится. Колдуны — понятное дело, а вот простые люди… Добывают то, из чего зелья делаются. Растения там, вещества всякие… Самое опасное — когда надо забрать что-то у дикого зверя: клок шерсти, слюну, коготь, ну и тому подобное. Тех, кто этим занимается, называют собирателями. Мы с Дериком, кстати, представители сей неблагородной профессии. Потом готовые уже зелья отвозят в город и там продают. Некоторым ещё доверяют драконов.

— Зачем? — округлила глаза Алина.

— Больших драконов во дворе держать не получается, но где-то их держать надо! Вот и выделяют какую-нибудь скалу, где драконы себе гнёзда устраивают. Кто-то должен перегонять их в деревню, когда эти монстры требуются хозяевам, и обратно.

— А для чего они нужны-то, драконы? — Волкова подползла поближе к рассказчику.

— Для всего! — продолжил Джейк. — Они и как личный

транспорт, и как тягловая сила, и для зелий с них можно много чего взять, самые ценные породы драконов — волшебные — колдуют, и заклинания их — разрушительной силы. У нашей семьи тоже был гигантский дракон, нам пришлось его продать.

— Почему? — поникла Алина.

Винсент хихикнул:

— Наше семейное горе. Джессика. С ней всегда были проблемы. В детстве над сестрицей издевались ровесники, слишком уж много она фантазировала. Предлагала всем сбежать из деревни и пуститься то в путешествие по Альдане в поисках артефактов, которые создавало её воображение, то в экспедицию, спасающую в лесах раненых драконов, то в поход против чудища, упомянутого в какой-нибудь легенде, то ещё что-то. Девчонка сначала пропускала насмешки мимо ушей и упорно пыталась приобщить к своим выдумкам других детей, потом вся ушла в себя, позднее издёвки стали её ранить, Джессика отрастила себе коготки и зубки… но иллюзий насчёт того, что она должна совершить что-нибудь эдакое, выдающееся, не утратила.

Вскоре Джесс стала абсолютно несносной, дралась со сверстниками, хамила старшим. Особенного магического дара у неё не обнаружилось, а заставить её работать на какого-либо волшебника было нереально. С каждым, кто брал её в помощницы, Джессика моментально начинала препираться, заявляя, что раз он тратит свой дар на такую ерунду, как зелья и заговоры, значит он ничтожество и болван. В двенадцать лет сестрица упёрлась, что хочет вступить в отряд Лесных Воительниц. Девушек из отряда учат владеть оружием, приёмам рукопашного боя, кое-какой магии. Если война — девчонки уходят в разведку или ведут партизанскую борьбу, а в мирное время торчат в своём тренировочном лагере, при намёке на малейшую опасность кидаются прочёсывать окрестности Фатоны. В общем, этот отряд охраняет нашу деревню. Мать была против того, чтобы Джессика записывалась в отряд: тренировки и разведки отнимают у его участниц львиную долю времени, девчонкам приходится бросать семью, работу… Только разве сестрица кого послушала? Стала одной из Воительниц. Боевые способности у неё оказались выдающимися: быстрая, ловкая, безжалостная, стойкая. Госпожа Ави, основательница и предводительница отряда, постоянно ставит её в пример другим девчонкам, однако же безобразное поведение Джессике с рук не сходит. Кстати, дисциплина в отряде железная, госпожа Ави просто зверь, все удивляются, как она свою любимицу Винсент за непокорный нрав ещё не прибила.

— Ну а дракон-то тут причём? — спросил Верников.

— Притом, что ненаглядная Джесс на тренировках проводит не целые сутки. За время, пока она возвращается из лагеря домой, наша образцовая Воительница успевает совершить нечто такое, после чего нам приходится возмещать кому-нибудь немаленький ущерб. Обычно она по старой привычке ввязывается в драки, которые заканчиваются погромом таверны, сломанными челюстями, ножевыми ранениями и размозженными головами. И нашего дракона мы продали, чтобы оплатить лечение очередного несчастного, попавшего под руку сестрице.

— С ума сойти… — чуть слышно прошептала Дашка. У неё, и у Алины, и у Саши отдавалась в сознании фраза Теоны: «На самом деле Джесс хорошая».

Джейк истолковал этот шёпот по-своему:

— Вас она не тронет. Вы станете нам как родственники, а на родственников Джессика с кулаками не бросается, только дерзит. Разве что… — парень не закончил, смолк.

— Что? — крикнула Дашка, для которой пытки оборванными на полуслове фразами были весьма болезненными.

Винсент явно пожалел о том, что сболтнул лишнее, но принялся мямлить, еле отдирая язык от нёба:

— Джесс… Несколько раз она до полусмерти избила Теону.

Каждый ощутил, как от горла в сердце стекает что-то липкое, затвердевает и не даёт ему сокращаться. Неужели, да как на эту небесную девушку можно хотя бы повысить голос?!

— Мы так и не выпытали, из-за чего это произошло. Теона не держала зла на сестру, не считала, что дело требует чьего-то вмешательства, поэтому и не посвятила в это никого. Джессика лишь твердила, что её отношения с Теоной нас не касаются, сколько мама её не трясла. А обычно наша рыжая бестия горячо распаляется по поводу того, почему её вывел из себя тот или иной человек. И Солнышко мы не понимаем — она любит Джессику без памяти. Любит, да так трогательно, так нежно, так переживает за неё, так грустит, когда сестрица попадает в неприятности по дури своей… Пожалуйста, ничего больше про это не спрашивайте, — Джейк сцепил пальцы. — Ни у кого. Никогда.

Прошелестело тяжёлое: «Да», парень осторожно возобновил своё повествование:

— Теона. Она волшебница. Я обращал ваше внимание, для глубинки, подобной Фатоне, магические способности, развитые до такого уровня, что колдун может воздействовать своими чарами на человека прямым образом, не через волшебные снадобья и заговоренные предметы, — редкость. Солнышку бы зарабатывать на своей магии неплохие деньги, у неё есть уникальная способность — дар исцелять людей. Но она

бескорыстная, никак это не исправить. У неё так — пока делает для людей что-то хорошее, ей ничего больше и не нужно. Каждый, кто попросит Теону о помощи, пусть не сомневается — он её получит. Этой дурёхе даже вздремнуть некогда, стольких людей сестрёнка спешит выручить. Не поверите, частенько приходится её уговаривать, чтобы она поспала часок и перекусила. Не напомнишь — так и будет вертеться по Фатоне, разгребая мусор чужих неприятностей, забыв про саму себя.

— Она нам сразу показалась чудной, — Сашины нервы из клубка лениво расползались тоненькими змейками, уже не кровожадными, а стремящимися найти свою норку, чтобы их более не тревожили. — А можно ещё вопрос: почему Фатона — глубинка? С её холмов столица как на ладони.

Джейк потянулся с зевком:

— В Альдане все поселения, чьи жители не стелятся перед королём Мартином, — захолустья. Диктатор не допустит, чтобы они процветали. По-вашему, от кого доблестный отряд Лесных Воительниц защищает Фатону? От отрядов Мартина. Если где-нибудь королевские приказы и законы вызывают волну негодования или просто малейшее неодобрение, правитель высылает туда вооружённый отряд для наведения порядка.

Змейки вновь зашипели, высовывая раздвоенные языки, их яд смешивался с кровью Верникова. Все увидели: в его серых глазах клубился туман беспокойных мыслей.

— Может быть, ты всё-таки пойдёшь, куда хотел? — тихо спросила Дашка.

— В лес, собирать лунный камень, — Джейк подтянул колени к животу. — Мистер Меллон заказал мне три мешка к концу недели.

— Лунный камень? — удивилась Алина. — Это что?

— Роса, образующаяся на листьях серебряного дерева, которая днём застывает и становится похожа на нетающие льдинки. Парни, если присоединитесь ко мне, Меллон получит свои три мешка гораздо раньше обговоренного срока, не к выходным, а к четвергу, а если постараемся — то и к среде, завтра.

— Так сейчас уже воскресенье! — возмутился староста.

— Значит, между нашими мирами разница во времени, — резонно ответил Джейк. — Вы пойдёте?

— Разумеется! Надо же привыкать к тяжёлому труду, — хохотнул Верников и поднялся с земли.

— Не такой он и тяжёлый, — подбодрил приятелей Винсент. — Если вас не сильно утомляет лазанье по деревьям. Монотонный, конечно, но компанией-то веселее! Может,

наткнёмся на таких же деловых, как мы, тогда не заметите, как день мимо прошмыгнёт. Парни, возвращайтесь в дом, надо взять перекусить и кое-какие вещи. Дамы, — он подмигнул Алине и Дашке, — вся деревня в вашем распоряжении и ждёт, когда её начнут покорять две симпатичные гостьи из Большого Мира! Встретимся за ужином, ужин — в десять!

Винсент, Саша и Фёдоров скрылись в доме. Подруги немного поиграли с летунчиком. Когда зверёк, в благодарность облизав девчонкам щёки и ладони, упорхнул куда-то, Алина задумалась:

— Эх, даже не верится, что мы *здесь*. Вроде бы и чужое всё, а с другой стороны — я уже свыклась с тем, что домой ой как нескоро…

— Ты так считаешь? — Дашка освежилась водой из фонтанчика. — Что это надолго?

— Никак я не считаю. Всё так складывается так просто, как бы само собой. Домой хочу, но то, что возвращение в Россию мерещится где-то за горизонтом, меня не огорчает. Нет желания, чтобы это злосчастное заклинание для Портала рассекретили как можно скорее. Не собираюсь никого торопить. Как получится.

— А если уже завтра выйдет?

— Хм, — Волкова на долю секунды стала серьёзной, — побыла бы здесь ещё. Когда мы ещё раз в таком мире очутимся!

Пританцовывая, она ушла в дом. Дашка сидела на поскрипывающих качелях. Глаза и уши ей закрывало одиночество.

Глава 5 Новые жизни, новые начала

Кажется, день перевалил за полдень. Или с момента, когда умчалась Алина, прошло всего десять минут. Или — часа три. Дашка не отдавала себе отчёт в этом, она даже удивилась тому, что вдруг вспомнила о времени. Раскачивалась на качелях, слушая их неназойливое поскрипывание и звуки чужой жизни: смех, крики, разговоры, визг, кто-то кого-то звал, шелестел в листьях ветерок, с шорохом колёс и цоканьем копыт проезжали повозки, где-то звякали тарелки, лилась вода. Всё это успокаивало, вводя в забытье, и хотелось подумать, что, стоит только распахнуть ресницы, те неудобства, от которых ныло сознание, исчезнут. Обычно такой безмолвный контакт с окружающей жизнью выручал Дашку, сейчас же он только издевался над ней тем, что, когда Дашка случайно его оборвала, войти в него снова никак не удавалось. Остаться наедине со своей тоской — что может быть хуже? Ты в её руках как исписанный бумажный листок — она сомнёт, скомкает тебя и выбросит. Будет неслышно преследовать тебя, подкрадётся сзади, тронет за плечо и с укоризной скажет: «Ты — ничтожество. Им была, им и останешься».

На задний двор вышли Шаки и Шанди. Девочка еле волочила ноги, она держалась за дракона, обхватив его за шею, и по-прежнему её пальцы сжимали лапку тряпичного котёнка. Шаки метнула испуганный взгляд в сторону Дашки и уткнулась носом в перепончатое драконье ухо.

— Я мешаю тебе? — безразлично пробубнила Даша. — Могу уйти.

Она приподнялась с сиденья, но девочка опять повернула к ней лицо и замотала головой. Дракон подвёл хозяйку к дереву, под которым гости слушали Джейка, Шаки опустилась на корточки и осторожно, избегая резких движений, вытянула ноги. Шанди разлёгся, положив голову ей на колени. Вдруг Дашка поняла, что развалилась на качелях, заняв всё сиденье: она полулежала, свесив одну ногу вниз. Опомнившись, молодая женщина выпрямилась и подвинулась, а девчушка, чьи глаза стали как у загнанного зверька, только крепче прижала к груди свою игрушку и вся съёжилась в комок.

— Боишься… — с обидой на себя сказала гостья и отвернулась. — Знала бы ты, как мне хочется обратно в свой мир. Он серый и скучный, и деревья там бывают разноцветными только осенью. А я всё равно туда хочу. Почему? Да потому что я нашла способ себя обманывать. Богатое воображение — тяжкий

крест, Шаки. Ты полагаешь, что резвишься в облаках, пока случайно не перепрыгнешь на грозовую тучу здравого смысла.

— Да, — прошелестела девочка. — Мне все: и мама, и Теона, и Джейк, и Дерик, — обещают, что я скоро выздоровею… Я им верю, а потом… — Шаки сглотнула, чтобы прогнать подступающие слёзы, — начинается новый приступ. Моя болезнь неизлечима, я привыкла, — по щекам девочки побежали солёные ручейки, — что почти не могу ходить… Почти не покидаю дома и двора, и у меня нет друзей… Как только мне снова становится легче — я думаю, что когда-нибудь поправлюсь. Так продолжается уже шесть лет…

Шаки подняла на Дашку переполненные несчастьем глаза, и гостья увидела, что они — совсем как у Теоны, вот только всю жизнь их них вымыло слезами. Эти сёстры вообще были похожи друг на друга так, как будто были близняшками, но Шаки почему-то перестала расти. Между остальными членами семьи не было такого сходства.

Дашка силилась понять — пожалеть ли ей девочку или оставить в покое, поёжилась от невесть откуда взявшейся прохлады, пошла в дом, в комнату, отведённую им с Алиной, и сделала, наконец, то, к чему так фанатично стремилась последние сутки: заснула. Отключилась, незаметно для себя сливая в подушку все свои мысли, ранее прицепившиеся к мозгу, как репейник. Когда её растолкала Волкова, Дашка уже ощущала себя вполне пригодной для очередной дозы идиотских, волнующих, забавных и просто незаурядных событий.

— Соня! Подъём!

— Что стряслось? — Дашка села, протёрла глаза и влезла в кардиган, которым укрывалась, как одеялом.

— Что-что, Анна всех ужинать зовёт! — Алина встала в дверном проёме, упёршись руками в косяк и пальцами выбивая по нему сердитую дробь. — Ты вообще планируешь напоминать о том, что ты живая и шевелишься? Учти: ответишь «Нет», буду таскать тебя с собой, даже если начнёшь упираться.

Почему-то Дашке вдруг захотелось порадовать друзей, да и просто поесть; или же у неё не было настроения спорить, тем не менее, она спустилась за Алиной на кухню. Там за столом уже теснились Джейк, Дима и Шаки, и два стула (один из которых, по-видимому, притащили из другой комнаты) были незанятыми. Дерик и Саша примостились за кухонным. Анна опять готовила зелье, дракон Шанди грыз кость.

Как только подруги протиснулись в помещение, Джейк, развлекавший всех историями, презабавными и по содержанию, и из-за того, что парень говорил с набитым ртом, ухитряясь при

этом жестикулировать, прервал своё повествование и крикнул:

— О! Наконец-то! Присаживайтесь; Алекс, Дерик, вам ближе, подайте девушкам ужин.

Алина с Дашкой не без труда впихнулись за стол. Перед ними моментально появились глубокие тарелки, доверху наполненные чем-то вязким подозрительно-зелёного цвета. Дашка поддела ложкой кусок неаппетитной массы и отправила в рот. На вкус оказалось вовсе не так плохо, как на вид. Гостья принялась сосредоточенно опустошать тарелку, поглядывая на друзей. Джейк беспрестанно просил брата что-нибудь передать им: приправу, хлеб, специи. Дерик, сердито ворча: «В следующий раз за кухонным столом сам сидеть будешь», — покорно рылся в недрах шкафчиков и ящиков и швырял Джейку требуемое (судя по выражению лица, втайне надеясь, что один из запросов попадёт младшему братцу не в руки, а прямиком в голову). Однако парень ловил все, что с таким злорадством в него кидалось, и заботливо предлагал всем попробовать. Возня вроде бы прекратилась, народ ужинал молча, потом тишину посчитали неуместной и Джейк, не переставая деловито орудовать ложкой, спросил:

— Кстати, никто из вас не расскажет нам про жизнь в Большом Мире? Я уверен, парой слов тут не обойдёшься, а свободного времени у нас будет не так уж и много, поэтому начинать просвещать нас можно уже сейчас.

— Не вопрос! Начнём! — бодро ответила Алина. — А с чего?

Дашка, вяло ковыряя ложкой остатки ужина, ни с того ни с сего заговорила:

— Ну, воевали там ещё больше, чем в Альдане. Одних фашистов вспомнить…

Дима со всей силы пнул её под столом, но Джейк успел поинтересоваться:

— А кто такие фашисты?

Староста уставился на Алину: давай, исправляй положение! Волкова небрежно отмахнулась:

— Люди, которые хотели подчинить себе мир. Ничего не вышло, их армию разгромили, и всё встало на свои места.

— Но была самая кровопролитная война за всю нашу историю, — вздохнула Дашка. — Миллионы людей погибли на поле боя, миллионы — в плену. Фашисты полагали, что большинство людей не должны жить. Просто потому, что они так решили. И планировали одни народы истребить, другие — сделать своими рабами. В концлагерях…

Про опыты над людьми Дашка сказать не успела, потому что медленно стекленеющий взгляд Шаки не оставил равнодушным

даже Фёдорова, и парень провозгласил:

— В общем, воюют люди всегда и везде, и тут уж ничего не изменишь. А вас, наверно, интересовало, как мы мирное время проводим?

Посыпались отрывистые «Да-да». Анна, опомнившаяся, что в доме гости, убрала тарелки и грохнула на стол поднос с заварочным чайником, блюдечками с джемом, чашками и вазочкой с печеньем. Алина стала выбирать самые большие, участливо перекладывая их на блюдечко Дашки.

Ответственность за восстановление непринуждённой беседы взял на себя Саша (которого Винсенты для удобства переименовали в Алекса):

— Скорее всего, вы хотите знать что-нибудь про нас, ведь так?

Дерик, уже плюнувший на то, что среди собравшихся здесь он старший, смахнул с кухонного стола часть того, что там было навалено, уселся и сказал:

— Да, хотим. Для начала — кто вы?

— Всего лишь студенты, — начал Верников, — в университете учимся.

— Где-где? — переспросил Дерик.

— Университет. Высшее учебное заведение. Туда поступают после того, как заканчивают школу, — спокойно пояснил Саша, староста захихикал.

— У нас куда проще — читать, писать и считать научился — и делай что вздумается. Нет, если в тебе магический дар, то иди в ученики к какому-нибудь волшебнику и развивай свои способности настолько, насколько считаешь нужным. Или военному искусству обучаться можно, если тянет. Магических академий и университетов полно. А так — свобода выбора, — Дерик усмехнулся, — вот только выбирать не из чего, ну да я вам это уже рассказывал. А к чему готовят в ваших университетах, если не обучают там магии?

— Журналисты мы! — ответил Саша. — Будем писать статьи в прессу.

— Они хоть знают, что такое пресса? — Дима вынужден был прикрывать ладонью рот, чтобы не рассмеяться в голос.

— Молодой человек! — обратился к старосте Винсент. — Во-первых, отлично знаем, во-вторых, *мы* находимся с вами в одном помещении, и вы могли бы спросить у *нас* лично! Кстати, в вашей прессе тоже пишут или ужасы, или неправду?

Дима оправился:

— Обвиняете нас, что мы законченные вруны и пессимисты?!

— Нет, — Винсент преспокойно достал откуда-то яблоко,

обтёр его рукавом и захрустел, в манере Джейка не прекратив разговаривать. — И дельные статьи попадаются, только они не бросаются в глаза. А хотя, Дмитрий, с вашей привычкой обличать несуществующие пороки вы добьётесь нужного эффекта.

— Тогда ладно, — староста принялся за своё печенье. — У кого ещё к нам вопросы?

— У меня, — робко отозвалась Шаки. — Если вы забрали меня с собой в Большой Мир, меня бы там вылечили?

— Вряд ли, — всё-таки вклинилась Дашка. — Все последние достижения нашей науки слабее магии. Наверное, это к лучшему, потому что надо иметь и силу, и мозги одновременно, но те, у кого в избытке силы, полагают, что пользоваться умом — ниже их достоинства, а это неизбежно приводит к катастрофе. Человек умеет разрушать, но не создавать, поэтому чем быстрее прогресс, тем скорее наш мир вымрет.

— Что-то мне подсказывает: на сегодня вопросов достаточно, — Дерик швырнул огрызок в мусорную корзину и спрыгнул со стола. — Я вот устал и иду спать, а остальным советую далеко не разбредаться, мало ли что, когда темнеет, на наших улицах может произойти всякое. Утром вас желают видеть у себя старейшина и госпожа Вивьен, наша священница.

— А ей-то мы зачем? — недоумённо фыркнул Дима.

— Завтра узнаете всё сами. Я пока что сомневаюсь в том, вы *все* до конца понимаете своё положение, поэтому простите, ничего лишнего говорить не буду, — Дерик развернулся и вышел.

Потом и остальные разошлись. Дашка тихо, пока не опомнились одногруппники, проскользнула в спальню, на балкон. Отсюда был виден задний двор, где Шаки вглядывалась в отражения в воде фонтанчика, с поверхности которой после наступления темноты поднимались и улетали в небо мерцающие звёздочки, разноцветные, как над королевским замком; кусочек леса, холм, склоны которого занимал парк с беседками и другие дома, во дворах некоторых тоже были такие фонтанчики, где зарождались и отправлялись в странствие над крышами деревни и кронами деревьев точки пульсирующего света.

Несколько звёздочек поднялось к балкону. Дашка протянула ладонь, и они мягко опустились ей в руку, оказавшись на ощупь, бесплотными, но, тёплыми, согревающими. Только сжала кулак — свет рассыпался в сверкающую пыль, которую унесло ветром, но перед лицом, обгоняя друг друга, как пузырьки воздуха в воде, сотни новых маленьких звёзд стремились ввысь, к настоящим, огромным небесным телам.

Через парк туда-сюда сновал народ: кто-то возвращался домой, заворачивал в свой двор, шумные компании парней и

девушек шли им навстречу, пересекали холм и пропадали из виду, оставляя за собой взрывы хохота. Позже, когда все попали, наконец, в ту часть деревни, куда намеревались, парк наводнили предающиеся разврату парочки; практически каждая, наспех закончив плотские утехи, разбегалась в разные стороны, прощаясь уже на ходу.

Неожиданно на вершине холма появился силуэт девушки. Парочки будто бы знали, кто это, и боялись её, так что парк в момент опустел. Незнакомка была в сильнейшем опьянении, шаталась так, что было неясно, как она вообще держится на ногах. Девушка кое-как спускалась, вдруг её качнуло сильнее, она схватилась за дерево, стекла вниз, и её вырвало. Пьянчужке стоило неимоверных усилий продолжить путь.

Дашка уже догадалась, кто эта девушка. Джессика завернула за угол, и пару минут спустя в коридоре на первом этаже прогремел звук падения, на втором — распахивались двери. Дашка вернулась в комнату. Растрёпанная Алина (Сотникова, пока была на балконе, не слышала, как она пришла) сидела на расстеленной кровати, обалдело смотрела то на дверь, то на подругу и скрипучим ото сна голосом пробурчала:

— Нам что, уже пора? Могла бы меня разбудить.

— Да лежи ты, ещё ночь, — Дашка высунулась в коридор. На лестничной площадке топтались Дима и Саша, в одних брюках, очевидно, натянутых для приличия, потому что парни тоже только что выползли из постелей, и наблюдали за тем, как на первом этаже Теона пытается справиться с сестрой: помогла ей встать, выволокла обратно на улицу. Ни Анна, ни братья не проявили никакого участия, из спальни молодых людей долетело недовольное ворчание Дерика: «Опять…».

Девушки вернулись, с длинных медно-рыжих волос Джессики капала вода, её лицо, шея и воротник рубашки были мокрыми. Скорее всего, Теона окунула сестру в фонтанчик. Как это ни парадоксально, пьяной Джессика была красива, ничем не уступая по красоте Теоне. Исчезло из глаз отвращение, пропала ненависть, готовая в любую секунду сорваться с её губ, осталась только чистота, поразительно беззащитная. Саша сообразил, что следует помочь, но только он сбежал на три ступеньки вниз, Теона вытянула вперед руку: не надо, я справлюсь. Девушка втащила сестру на верхний этаж. Все увидели, что у Теоны были красные глаза, значит, она, хоть и переоделась в ночную рубашку, спать не ложилась, ждала Джесс. Сестра помогла пьянчужке доковылять до спальни, но уложить не успела — Джессика оттолкнула Теону, та ударилась головой о косяк, её жёлтые локоны стали розоветь от крови. Агрессивная девица перевела

мутнеющий взгляд на парней.

— Не смейте… к ней… приближаться… — Джессика захлёбывалась яростью, — даже смотреть на неё… — зловеще медленно она подбиралась к старосте, подошла, прижав его к стенке, её чёлка касалась лица Димы. — Иначе…

Она с силой, которая неизвестно как могла уместиться в такой изящной девушке, и с точностью, невообразимой для пьяной, ударила старосту в висок — Фёдоров растянулся на полу.

— Запомните: никто из вас ей не пара! — Джессика круто развернулась (это стоило ей потери равновесия, но она устояла) и выбежала на балкон, еле-еле успев свеситься через перила — её опять тошнило.

Теона приложила ладонь к своей ране, и из-под пальцев девушки пробилось беловатое свечение: исчезала рана и кровь на волосах. Потом она обратилась к Диме:

— Ты как?

— Мутить начало! — пожаловался староста. — Не сотрясение ли мозга?

— Позволь, — девушка обхватила его голову, и снова ладони Теоны светились. — Так лучше? — она убрала руки.

— Намного! — Дима осторожно ощупывал виски. — Совсем не болит!

— Остальные хорошо себя чувствуют? — Теона повернулась к Саше Дашке и Алине, выскочившей на шум. — Если помощь никому больше не требуется, вы лучше расходитесь по комнатам. Вам надо хорошо отдохнуть перед завтрашним днём.

— Сама-то как? — озадаченно спросил Саша. — Ты уверена, что…

— Уверена, — Теона зашла в спальню сестры и, закрывая за собой дверь, твёрдо закончила: — Всё. Спокойной ночи. Кому что понадобится — спрашивайте меня.

Дверь захлопнулась. Все немного постояли в коридоре, ожидая, что эта была не последняя на эту ночь пьяная выходка Джессики, но в спальне было тихо, доносилось только бормотание Теоны. Всё ещё с плохими предчувствиями, но гости разбрелись.

Ровно в полседьмого Дерик на втором этаже во все лёгкие заорал:

— Алекс! Дарья! Элли! Дмитрий! Подъём! Через час всем быть готовыми!

Дашке хватило мгновения, чтобы понять, где она находится, Алине — пяти минут, чтобы сообразить: Элли — это не ещё один член семьи Винсентов, так здесь будут называть её, Алину

Волкову, и именно ей надо сейчас выбираться из-под одеяла. Дашка вспомнила за секунду, в какие суровые земли их, первокурсников, занесло — Алина воображала, скольким молодым людям здесь она может разбить сердца. Дашка заставляла себя смириться с тем, что у неё отняли возможность жить собственной жизнью, отныне её решения, действия и судьба переходят в руки, кого-то другого, того, чьё руководство инородным телом застрянет в Дашкином сознании, долго и больно отмирающем из-за своей ненужности. Здесь оно сгодится только для развлечения — в свободные минуты отыскивать собственную точку зрения на вещи, которые множество раз уже переосмыслены и продуманы до мелочей, и тем не менее своё мнение, пусть и ненужное, — это кирпичик, из которых строится твой внутренний мир, твоя территория. Лишь благодаря твоему искреннему слову тебя никто не сможет выселить с неё. Алина радовалась, что успеет прожить вторую жизнь — жизнь Элли Винсент.

В мансарде над комнатой подруг всё было проще. Саша рвался вперёд. Это не сказка. И вряд ли это жестокая случайность. По крайней мере, для всех жителей волшебной страны. *Здесь* это было предусмотрено. Значит, это испытание.

Дима же не переживал. Всё разрешится. Местный народ, судя по разговорам, на их стороне. Пусть не все доверяют им, но все ненавидят короля Мартина, который видит в четвёрке студентов врагов. А с врагами своего неприятеля надо считаться.

Но никто своего отношения к произошедшему не показывал, друзья просто демонстрировали друг другу впечатления от первого дня в мире Альданы, от семейства Винсентов, строили догадки насчёт того, что им скажет старейшина и зачем им надо к священнице. За завтраком спорили об этом слишком долго, так что поесть толком и не успели: пора было выходить. Братья наотрез отказывались даже делать намёки на то, что сегодня предстоит студентам, а больше узнать было не у кого — Теона уже убежала, Джессику опасались лишний раз беспокоить, Анна, по всей видимости, не интересовалась этими делами, Шаки вряд ли в них посвящали.

Когда четвёрка собралась, наконец, во дворе, где уже стояли Джейк и Дерик. Старший брат сказал:

— Значит, так. Сопровождать вас нам, к сожалению, некогда, поэтому дорогу вам будет показывать Роки, — тут из густой высокой травы вынырнул летунчик. — Собственно, это всё. Идите, да побыстрее. Если что, все вопросы к нему, — парень схватил зверёныша за уши и протянул Саше (летунчик против такого обращения не возражал). — Говорить он не умеет, но найдёт

способ вам ответить. Джейк, и нам пора, — он схватил за рукав брата, порывавшегося что-то добавить к его монологу, и потянул его со двора на улицу.

Когда компания потеряла их из виду, все уставились на Сашу, так и сжимавшего уши их провожатого. Зверёк бодро и оптимистично взирал на друзей. Верников разжал пальцы — летунчик остался висеть в воздухе, как колибри, наверное, ожидая приказа.

— Э… Что, двигаемся? — неуверенно пробормотала Алина.

Роки, виляя хвостиком, перепорхнул через забор и отлетел направо. Компания неуверенно подошла к зверьку, он не спеша направился в сторону парка, на который вечером смотрела Дашка. Все последовали за летунчиком. Через парк никому из студентов ходить не приходилось: дорога до дома старейшины пролегала прямо, как проспект, разве что из-за холмов то ползла вверх, то устремлялась вниз, да и лес, где уже побывали Саша и Дима, находился как раз за ним. Значит, сперва — к священнице Вивьен.

Миновали парк, на улицах стали попадаться общественные здания: магазинчики, таверны и тому подобное, но они по-прежнему стояли на значительном расстоянии друг от друга, так что повсюду радостно зеленела изумрудная трава, тут и там возникали рощицы. Роки остановился возле круглого белого здания с высоким, пронзительно-синим шпилем, двумя рядами окон, узких и длинных, витражных, сине-голубых. В верхнем ряду окна были мельче, но расположены близко-близко, образуя сплошную линию. Двери не было, вход — в виде арки. Зверёк прошмыгнул туда, минуту спустя из храма вышла Вивьен, которую друзья уже видели вчера.

— Добрый день. Прошу всех в Храм Ветров.

Вопрос: «Зачем?» был готов вырваться у каждого, но какая разница, если вот-вот всё станет понятно? Компания приняла приглашение молча.

Внутри Храм был великолепен. В центре залы стояла статуя девушки, протягивающей руки вперёд, в её ладонях то загоралось пламя, то появлялась горсть земли, из которой росло крошечное деревце, то клубился пар, а иногда с пальцев статуи лилась вода. Вдоль стены, выложенной драгоценными камнями всех оттенков зелёного, — пять каменных изваяний: парень в мантии, накинутой поверх доспехов, державший меч и посох; два приятеля здороваются за руку, и каждый в свободной руке, отведённой за спину, держит кинжал; девушка, оплакивающая убитого воина; человек в лохмотьях, уверенно глядящий вдаль, и мудрец с книгой. На полу была выложена из цветных плиток

карта Альданы: друзья сразу увидели на ней королевский замок. Потолок являлся картой звёздного неба.

— Итак, вам предстоит Обряд Поиска. По одному подходите к Статуе Стихий, — она указала на статую девушки в центре. — Пожалуй, начнём с вас, Алекс, — взгляд Вивьен остановился на Саше.

Парень вздрогнул. Священница ни разу не видела их, но знает, кто есть кто. Похоже, она наблюдала за ними через то зеркало на столе в башне старейшины. Да и сам старейшина, наверное, следил. *Это для нашего же блага,* прошептал про себя Саша. Мысль, хоть и была вполне здравой, являлась чисто формальной: он всё ещё ощущал, как неистово колотится сердце.

— Чего ты ждёшь? — в омуте своих миндалевидных карих глаз священница готова была утопить.

Верников сделал несколько шагов к статуе.

— Вам придётся постараться, — Вивьен взглядом просто толкала парня в центр, Саша не мог и дальше бороться с этим давлением, оно становилось едва ли не физическим, Верников сдался и подошёл к изваянию. Священница объясняла: — Обычно этот обряд заключается в том, чтобы узнать, достойны ли вы продолжать выбранный Путь. Ваш Путь — побыть здесь и возвратиться в свою страну. Несомненно, свернуть с него вы уже не можете, но Ветры расскажут вам, что поджидает вас на нём. И это необязательно будут предупреждения о внутренних и внешних опасностях, — она взмахом руки попросила остальную компанию отступить к арке-выходу, сама встала между друзьями и Сашей. — А теперь начнём Обряд. Алекс, повернитесь лицом к Статуе и представьте себя на Королевской Площади. Только себя, вокруг не должно быть ни души.

Юноша вообразил и удивился, насколько легко это ему удалось. Может, в этом храме атмосфера особенная, а может… Может быть, дело в нём самом, в Саше. Как только в голове появилась отчётливая картина, зверские порывы ветра распахнули все окна, будто парень притягивал к себе эти свирепые, неукротимые потоки воздуха. Впрочем, они были тёплыми, даже горячими, и никаких неудобств Саша не чувствовал. И прекратилось всё так же внезапно, как и началось. Стихии в ладонях статуи перестали меняться, девушка держала горсть земли с деревцем.

— Отлично, — священница улыбнулась. — Даже если бы у вас была возможность свернуть с вашего Пути и прямо сейчас уйти в свой родной мир, Ветры разрешили бы вам не использовать её, и, кто знает, может, и запретили бы это делать! Запомните свою стихию — земля.

— А зачем? — пролепетала Алина.

— Будет великолепно, если знание своей стихии вам никогда не понадобится. Мы бываем вынуждены взывать к их силам, если… Надеюсь, вам не случится обращаться к ним. Теперь вы, Элли.

Место краснеющего Верникова заняла Алина, и после Обряда, когда земля в ладонях статуи превратилась в пар. Вивьен радостно сообщила ей:

— О, вы неразлучны с Удачей! И стихия Воздуха — самая добрая, вместе с Землёй. Но учитесь пользоваться этим разумно!

Обряд прошёл Дима, стихией старосты оказалась Вода. Вивьен сказала парню, что его Путь будет довольно трудным. Фёдоров, переменился в лице, но промолчал, помня о том, что в храмах ругаться нельзя.

Настала очередь Дашки. Ещё во время Обряда, после первых порывов ветра, священница выглядела ошарашенной, а когда вновь стало тихо и в пальцах статуи заплясал огонь, то и вовсе побледнела:

— Дорогая моя… Да у вас способности к чёрной магии! Стоит ли вам развивать их — выбор ваш, но вы будете притягивать к себе тёмные силы!

Из-за того, что я не хотела сюда. Этот мир — чужой мне. Дашка даже не удивилась.

По дороге к старейшине Фёдоров безостановочно ныл. «Интересно, зачем он это делает? — думала Дашка. — Если кто и захочет его пожалеть, то вряд ли сможет перебить его для этого». Она размышляла о неразумном поведении старосты, о том, что Алина и Саша закидывают её сочувственными взглядами, и от них её тоже тянет в слёзы, о том, если вдруг Винсенты не захотят держать её под своей крышей, но если выгонят, то Алина и Саша уйдут вместе с ней… А Дима вряд ли захочет оставаться там один, но и новый дом искать — тоже проблема… А если решат Диму не бросать, и с Дашкой уйдёт кто-то один? Хоть бы не Саша, вдруг он всё ещё неравнодушен к ней, и тогда её замучает совесть, потому что она заставляет его страдать…

Алину и Сашу совесть уже мучила.

Вот так компания добралась до башни Фредерика. Роки даже не пришлось лететь к верхнему этажу и брать ключи — старейшина уже открывал им дверь.

— Да, друзья мои, мне не терпелось вас увидеть! — воскликнул он, — поднимайтесь в кабинет, там есть сообщение специально для вас.

— Для нас? От кого? — оторопела Алина.

— Вам гораздо приятней будет прочитать самим! — Фредерик подмигнул ей и пошёл наверх. Студенты, воодушевлённые его настроем, рванули за ним.

В кабинете все уставились в волшебное зеркало, вделанное в столешницу, и смотрели, как поверх их отражений проступают чёрные буквы:

Не спешите кидаться в поиски. Время само подскажет, когда будет пора, и тогда вам откроется всё, что хотите знать.

Глава 6 Джессика

— Как это понимать? — фыркнул староста.

— В прямом смысле, — Саша, не мигая, до рези в глазах, глядел в зеркало, словно там могла нарисоваться другая надпись. — В один прекрасный день заклинание появится само, и посодействовать этому никак нельзя. А впрочем…. Время само подскажет, когда будет пора — эти слова могут означать, что мы должны сделать что-то такое… выдающееся. Не зря же нас сюда занесло.

— Бред! — гневно выпалил Фёдоров. — Теперь мы ещё что-то должны. По-моему, — он с ухмылкой посмотрел на старейшину, — это вы нам должны! Помнится, вы говорили нам, что наши жизни здесь в опасности, а сами предлагаете геройствовать?!

Фредерик провёл ладонью над зеркалом, и буквы исчезли:

— Истинные подвиги продиктованы не необходимостью, а сердцем. *Предлагать* поступить героически нельзя.

— И что теперь делать? — староста ещё повысил голос, чуть ли не кричал.

— Вы так и не поняли, Дмитрий, — ответил Фредерик. — Герои подвигов не ищут, они их совершают.

Для старосты разговор превратился в замкнутый круг, и парню пришлось замолчать.

— Вам же, я думаю, нет надобности объяснять это, — старейшина одновременно смотрел на Дашку, Сашу и Алину. — И я не имею права давать вам советы, равно как и запретить слушать их, хотя не скрою, я бы сделал это. Пожалуй, бессмысленно задерживать вас — всё, что требуется, вы теперь знаете. Прощайте, — тут не было тех резких интонаций, с которыми выпроваживают надоевших гостей, нет, он лишь полагал, что отнимает у компании время.

А вдруг это действительно так? Верников не собирался никого уговаривать и покинул кабинет.

Роки ждал хозяев на улице. Он явно порывался что-то им показать: как только Саша вышел, зверёк запищал и умчался за башню, через лесной коридор на цветочную поляну. Парень бросился за ним, еле успев притормозить на краю обрыва, которым поляна заканчивалась, и опустил глаза. Внизу, на берегу реки, куда водопад сбрасывал свои воды, шли учения того самого Отряда Лесных Воительниц. Группа девушек в форме (белая рубашка, чёрные брючки и сапоги — Джессика ходила в форме и дома) поражала мишени: кто-то стрелял из лука, а кто-то кидал

агрессивно сверкающие ножи. Убедившись, что Саша следует за ним, Роки поднял передние лапы к небу, в его ладошках появился серебристый шар, сделанный как будто бы из воды, и швырнул его с обрыва. Шар упал в чащу, мгновенно задрожавшую. Из неё высунулась драконья морда, зевнула, прищурилась, заметила Сашу, встряхнулась, над кронами деревьев показались туловище и хвост. Дракон взмыл ввысь, не рассчитал расстояние до земли и затормозил метрах в тридцати над Сашиной головой, но потом плавно приземлился на поляну, заняв собой её всю. Похоже, гигант был здесь вместо лифта.

«Садись на хвост, — прозвенел в ушах детский голос. — *А вообще он должен останавливаться на уровне края обрыва, чтобы можно было запрыгивать к нему на спину. Но Гордон уже старенький, ему веков пятнадцать, не меньше, он постоянно забывает, зачем вылетел из своей чащи».*

Верников от неожиданности вздрогнул. Повертел головой — никого, только летунчик перед носом мельтешит.

«Да, я телепатию могу использовать, — ушастик продолжал выписывать мёртвые петли, — *но на это уходит слишком много магической энергии, поэтому я так, изредка».*

— Ты куда собрался? — к ним бежали Фёдоров и Алина с Дашкой. — Кошмар! Снова дракон?! Я на него не сяду!!! — Дима попятился обратно к башне.

«То, что происходит внизу, вы обязаны увидеть», — так как в лице переменилась вся компания, Саше стало ясно: Роки передаёт свои мысли всем друзьям сразу.

— Это ты сделал? — Алина ткнула пальцем в летунчика.

— Да, он, — ответил Саша. — Но телепатия для него — слишком трудно, поэтому он обычно молчит.

— А что внизу? — Алина протиснулась к обрыву. — Понятно.

Вдруг она насторожилась:

— Надеюсь, нас с Дашкой вербовать туда не собираются?!

— Вряд ли. Нам ведь только увидеть это надо, — развёл руками Верников. — Ну так садимся?

Дракон Гордон меланхолично обжёвывал верхние ветки деревьев, никак не реагируя на то, что на него карабкаются какие-то люди. Когда посадка закончилась, он невозмутимо развернулся, взмахнул крыльями и устремился вниз, спикировав на тот берег, где тренировались девушки, рухнув прямо на мишени.

Компания спрыгнула на землю, дракон вразвалочку побрёл в свою чащу. Все в недоумении созерцали деревянные обломки.

— И что теперь? — высокая светловолосая девушка опустила свой натянутый лук. — Ой, а вы кто? — её взгляд наткнулся на

растерянную четвёрку.

— Штраф за разговоры не по делу! — грозный крик неприятно ударил по ушам. На место происшествия подошла молодая женщина, едва ли не ровесница девушек-воительниц, голубоглазая брюнетка ростом, превышающим два метра, в облегающем костюме из белой кожи с украшениями из металла. Она властно оглядела притихшую толпу и довольно произнесла: — Что ж, продолжаем. Феллини, — приказала женщина одной из девушек, — встаньте туда, где была ваша мишень. — Девушка повиновалась. — Лоренс, — она обратилась к другой, — берите ваш лук, отойдите назад на двадцать шагов и выпустите стрелу ей в глаз.

— ЧТО? — обомлела Лоренс, да и все присутствующие не верили своим ушам.

— Что слышали, — ухмыльнулась женщина. — Мишеней у нас нет, поэтому будем довольствоваться тем, что есть. Ну же, я жду!

— Я не могу, — замялась девушка.

— Прекрасно! Штраф за неподчинение. Бриони! — женщина выбрала новую жертву. — Теперь вы!

— Госпожа Ави, выполнение этого приказания повлечёт за собой нарушение пункта о том, что нам нельзя причинять вред человеку без очевидной причины! — выпалила Бриони.

— Два штрафа, — произнесла Ави. — Первый — за неподчинение, второй — за то, что посмели со мной спорить. Штрафы получите после тренировок. Начнём очередное испытание. На выносливость, всё то же самое.

Поблизости из земли торчали в ряд пеньки. Девушки, изо всех сил подавляя недовольство, поспешили встать на них и замерли. Только Джессика отнеслась к этому вообще без эмоций. Да она не подавала виду и тогда, когда на берег рухнул дракон и здесь оказались её новые знакомые, и даже когда Ави отдавала кошмарные приказы.

— Если вы и в третий раз завалите это испытание, по штрафу назначу каждой, — Ави щёлкнула пальцами, и все разбросанные вокруг ножи с лязганьем влетели в её раскрытую ладонь.

Четвёрка друзей ошеломлённо следила за её действиями. Ави прицелилась и швырнула один нож в сторону девушек. Лезвие просвистело в миллиметре от уха Лоренс, но она даже не шелохнулась. Следующий нож чуть не угодил в девушку, заговорившую с прибывшей компанией, ещё один едва не попал в Феллини. Другой девчонке не повезло — лезвие оцарапало ей предплечье, та скривилась, но быстро стёрла гримасу с лица. Джессике лезвие поранило бедро, а она, казалось, и не заметила.

Ави пустила в неё ещё несколько ножей, и только два из них пролетели мимо, остальные угодили Джесс прямо в руку. Пока длился весь этот ужас, Алине с Дашкой становилось хуже и хуже, будто это они сейчас истекают кровью. Словно они принимали на себя боль этих девушек.

Но испытание завершилось. Ави щёлкнула пальцами дважды: снова собрать ножи и излечить раны отряду. После она приступила к своему, по-видимому, излюбленному делу — оглашению приговора:

— Плохо! — при этих словах Алина упала в обморок, а парни и Дашка были близки к этому. — Если завтра результат будет тем же, лечить вас не буду! Не можете терпеть — учитесь исцеляться. Феллини, Нортон, Бриони, Роуз, вы опять жмурились, когда в вас летели лезвия! Сколько раз повторять, в битве самое страшное — закрыть глаза! Бартон, Лоренс, Дарси, вы морщились от боли! Так меняться в лице значит лишний раз обрадовать врага и подарить ему преимущество, запомните вы это когда-нибудь или нет? На тех, кто дрожал, дёргался или вздрагивал, у меня даже слов нет. Одна Винсент справилась.

Джессика отнеслась к этому факту весьма равнодушно, другие девушки, впрочем, тоже. Может быть, проявление чувств тут тоже каралось?

— Вернёмся к штрафам, — напомнила Ави. — Винсент, на сегодняшний день у вас пока что один, за опоздание.

Внезапно она повернулась к оторопевшим друзьям:

— Ты, — Ави поманила к себе Дашку.

Алину нещадно трясло, парни готовы были взорваться от возмущения. Дашка, проклиная накатившую слабость, выступила вперёд. Ави положила руку ей на сердце, и Дашке показалось, что оно стало куском раскалённого металла: в груди появилось сильное жжение.

— Проклятие Феникса, — принялась объяснять Ави, но не Дашке, а Джессике. — Снимается порошком ледяной розы. Они растут в Могильных Пещерах. Проклятие подействует через пятнадцать часов, так что у вас достаточно времени, чтобы достать цветок и спасти жизнь этой девушке. Порошок из розы, так и быть, сделаю вам я. Штраф остальным — поймать в Северном Лесу детёныша красного дракона, по одному животному на трёх человек. Все свободны.

Она взмахнула рукой, и откуда-то вылетел серебристый пегас, который умчал Ави прочь. Народ обступил Дашку с Джессикой.

— Айрис была в ударе, — покачала головой Лоренс. — Давно старуха подобных штрафов не назначала.

— Да что это вообще такое — штрафы? — в сердцах воскликнул Саша.

Лоренс вздохнула:

— Задание, которое даёт тебе Айрис, если ты окажешься в чём-то виноватой. Оно обязательно связано с риском для жизни.

— Чьей? — фыркнула Алина.

— Как правило, той, кто его выполняет, — хмыкнула девушка, — но очень редко Айрис ставит под угрозу ещё чью-нибудь. Могильные Пещеры, куда госпожа Ави отправила Джессику, кишат оборотнями, а красные драконы Северного Леса — ядовитые создания. Справляться с заданием можно только в одиночку или вместе с другими проштрафившимися, если кто-то примет помощь постороннего, то будет тут же парализован проклятием на три дня. Видите это? — Лоренс закатала рукав и продемонстрировала браслет из кроваво-красного камня. — Сила, заключённая в нём, и препятствует тому, чтобы нас при исполнении штрафов кто-либо выручал. Снимается этот браслет только заклинанием, известным лишь самой Айрис. А вы, я вижу, в наших краях впервые? Откуда будете? Не с Чёрных Гаваней, случайно?

— Они из Большого Мира, — ответила Джессика.

— Да вы что! — Лоренс озарилась восторженным удивлением, но моментально её взгляд и голос сделалась виноватыми. — Нам жаль, что всё так вышло. Но не унывайте, штрафные задания ещё никто никогда не проваливал.

— А ведь правда, — подбодрила всех Феллини, — Отряд существует лет триста, и за это время ещё ни один штраф не оказался невыполнимым. Все справлялись, а чем Джессика хуже? Как раз наоборот.

— Постойте, — опомнился Саша, — но нам говорили, что Айрис основала Отряд! Получается, ей…

— Да, ей больше трёхсот лет, — кивнула Лоренс. — Четыреста. Просто она знает рецепт зелья молодости. К сожалению, на характер это зелье никак не влияет.

Все захихикали, даже Дашка и Джессика.

— А вообще вам у нас нравится? — спросила Бриони.

— Мы в Альдане всего два дня, так что сложно делать выводы, — сухо ответил Саша, — особенно если учесть, что многое тут не в нашу пользу. Но в целом мы неплохо устроились, живём в семье Джессики, и к нам хорошо относятся. Тут очень живописное место, есть на что полюбоваться, да и, если закрывать глаза на кое-какие обстоятельства, нам здесь интересно.

— Живёте у Винсентов? — изумилась Феллини. — Джесс, а ты нам ничего не…

Возмущаться было поздно — Джессики на берегу уже не было.

— Наверное, и нам пора, — Феллини тряхнула тёмными кудряшками, — до Северного Леса полдня добираться. Айрис разрешила выполнять задание по трое, кто со мной?

Вызвались Лоренс и девушка, первой заметившая компанию до испытания.

— А у многих из нас по три-четыре штрафа, — протянула она, — Айрис и забыла нам их назначить. За то, что не напомнили ей, на следующей тренировке все получим на штраф больше. Впрочем, не будем о грустном, всем удачи!

— Счастливо! Ещё в Лесу друг на друга натыкаться будем! — Феллини выпустила из лука стрелу в чащу дракона Гордона.

Девушки расходились, некоторые оставались ждать, пока дракон соизволит показаться из своего убежища. Когда зверь, наконец, появился и все желающие, в том числе и компания студентов, попали наверх, троица во главе с Феллини, перед тем, как отправиться на выполнение штрафного задания, задержалась.

— Была рада встречи с вами! Кстати, меня Сабрина зовут, — Феллини улыбнулась. — Это Ферджи, — она похлопала по плечу Лоренс.

— А я Мира, — стала пожимать друзьям руки третья девушка.

Друзья представились в ответ, ещё раз получили заверение в том, что с Дашкой ничего не случится, и пошли своей дорогой, а девушки — своей, ведущей в Северный Лес. Роки дремал на руках у Алины. Если у кого-то и были планы, как провести вторую половину дня и вечер, то под чудовищным потрясением они выветрились из памяти, и вообще от перспективы предпринимать что-то сейчас воротило. Дима завернул в подвернувшуюся таверну. Удерживать его не стали. Саша, Алина и Дашка отдали ему летунчика, а сами отправились домой. Да, жилище Винсентов все уже с лёгкостью называли домом. Может, потому что никто не видел существенных причин, чтобы не считать его таковым, или же у друзей не было выбора, — неважно. Крыша над головой появилась — и хорошо.

Дома никого не оказалось, даже Шаки с драконом не было. Саша, больно ударившись ногой о ржавый кусок железа, сокрытый в траве, покрывающей двор, решил навести там порядок, свалив весь мусор в одну кучу. Дашка с Алиной изучали содержимое книжного шкафа в своей спальне, отобрав для себя книги, которые можно было бы почитать на досуге, потом из чисто девичьего любопытства заглянули в ящики комода, но нашли там только изъеденную молью серую мантию, протёртые в коленях брюки и пожелтевшую рубашку. Скорее всего, когда-то

это был парадный мужской костюм. Потом девчонки спустились хозяйничать на кухню. Ко времени, когда Саша придал двору относительно достойный вид, Алина и Дашка сумели соорудить на обед нечто из тех продуктов, которые, по их мнению, можно было есть сырыми (так как подруги не имели представления о том, как надо готовить волшебные продукты). Полученное блюдо получилось довольно сытным, и, наевшись и захватив по книге из шкафа в спальне, студенты выползли на задний двор. Алина с Сашей, разложив на коленях фолиант с заклинаниями, развлекались тем, что выбирали из них самые труднопроизносимые и пытались быстро прочитать их. Вредоносных заклинаний они на всякий случай избегали. Дашка читала «Хроники Полнолуний» — повествование о сложной жизни охотников на оборотней.

Так компания сидела до вечера. Иногда приходили разные люди и спрашивали Теону, с одним парнишкой друзья даже поболтали. Звали его Тинзо Цельсий, но из-за всклокоченных блондинистых волос он получил кличку Одуванчик, которая к бедолаге прилипла намертво; ему четырнадцать лет; да, это его отец на днях лишил Джессику работы, потому что рыжая бестия в пьяном угаре расколошматила всю его лавочку целебных зелий и чуть не прибила его самого, а Теона обещала залечить ему сломанный нос и руку, вот только до сих пор не пришла, и Тинзо послали за ней.

С появлением первых звёзд Винсенты стали подтягиваться домой. Ураганом ворвались во двор братья и с гордостью показали всем мешочек, набитый монетами: заработок, полученный от нанимавшего их мага. Верхом на своём крылатом питомце прилетела Шаки с огромным душистым букетом, из-за которого её саму не было видно, и сказала, что он должен стоять в комнате Дашки и Алины, Волкова принялась искать подходящую вазу. Анна, открыв калитку и ступив во двор, направилась прямиком на кухню, готовить ужин. Вернулись Дима с Роки, староста заплетающимся языком в самых мрачных красках рассказывал зверьку историю своей нелёгкой жизни. В сопровождении какого-то рассыпающегося в благодарностях молодого человека пришла Теона. Они стояли у входной двери, пока парень не вытянул из девушки обещания обратиться к нему, если вдруг в её семье что-то стрясётся, и после этого он, наконец, удалился, хоть и не замолчал, всё выкрикивал, что очень обязан Теоне. Только Джессики всё не было. За ужином друзьям удалось выдать свой страх за волнение по поводу сообщения в зеркале старейшины, но когда до начала действия проклятия осталось два часа, нервы у них звенели так, что мешали думать. Дима из

стороны в сторону носился по коридору второго этажа, Дашка металась по комнате, каждую минуту выскакивая на балкон, где свирепеющая Алина, вглядываясь в прохожих, отвечала ей, что Джесс пока не видно, тогда Дашка не верила подруге, отталкивала её и проверяла сама. Саша высматривал Джессику со двора. Винсенты уже спали.

Остался час. Верников не выдержал и побежал к старейшине — может, его волшебное зеркало покажет, где эта девица? Алина рассвирепела так, что Диме пришлось надавать ей пощёчин и вытащить во двор. Дашку трясло, и жжение в области сердца стало невыносимым. Она забралась в кресло, уткнувшись носом в колени, сотрясаясь от истерического хохота. Глазам было горячо от слёз.

Ей показалось, что проклятие поразило её, когда в комнате раздался голос:

— Что, боялась?

Чуть не задохнувшись оттого, что сердце куда-то провалилось, Дашка задрала голову: перед ней стояла Джессика и протягивала ей стакан мутной голубой воды:

— Твоё лекарство. Извини, что так долго…

Набравшая полный рот зелья Дашка закашлялась. Она только и смогла, что ляпнуть:

— Ты извиняешься?!

— Ага, — Джессика устроилась во втором кресле. — Вот против тебя-то я ничего не имею.

— А на остальных за что взъелась? — осторожно спросила Дашка.

— Только на мамашу и Теону. Хотя сестру следует пожалеть, мозгов у неё совсем нет. Иногда мне кажется, что я ненавижу её, ну нельзя быть настолько тупой, такие не живут! Кто-то из братьев должен был рассказать вам, что она совершенно не думает о себе. Всё её существование в том, чтобы делать что-то для других. Говорили такое?

Дашка кивнула и пристальным взглядом выразила готовность слушать дальше.

— Эта дура в упор не замечает, что её добротой все злоупотребляют, а сестрица и рада стараться. Но это пустяк по сравнению с тем, какими она видит людей, да и вообще мир. Для неё не существует зла. По представлению Теоны, даже самый жестокий преступник в душе ангел, просто никто не помог этой светлой сущности вылезти наружу. И никак сестру не перевоспитаешь. Жизнь её не учит ничему, в нашей семье это каждый подтвердит. Она постоянно в дом всяких попрошаек на ночлег приводит, а на утро — бродяжки и след простыл, и все

деньги исчезли. Мать бесится, братья слов не находят, а Теона выдаёт: «Бедняга, сколько же ему пришлось натерпеться, чтобы решиться на такое». Случилось, что я не выдержала. Я, стремясь открыть ей глаза на то, что в жизни полно жестокости и быть столь наивной опасно, договорилась с шайкой малолетних хулиганов, чтобы они напали на мою сестру.

— Что? — Дашка чуть не вывалилась из кресла.

Джессика горько усмехнулась:

— Погоди ужасаться. Ничего из этого не вышло, хоть мальчишки и постарались как следует, били её долго и куда попало, у Теоны после этого хватило сил только добрести до людного места, где она потеряла сознание. Сестра была слишком слаба, чтобы воспользоваться своей исцеляющей силой, так что она едва ли не месяц приходила в себя. И после всего этого она ничуть не изменила своё мнение о природной человеческой доброте! Вела себя так, будто и не было ничего. Я просто кипела от злости, с тех пор начала поколачивать сестру.

Когда-то я думала, что будет проще отучить людей злоупотреблять её добротой, чем перевоспитать саму Теону. Я бы могла в этом преуспеть, ты ведь меня уже знаешь, если бы эта дурочка не открыла для себя, что ещё она может отдавать людям. Не всем, правда, только мужчинам. Догадываешься? Всё верно. Когда Теоне было тринадцать лет, мы как-то пустили к себе переночевать молодого человека, охотника на драконов, возвращавшегося из лесов в столицу. Он был довольно уставшим, даже выглядел болезненно, так что Теона всё время поднималась к нему в мансарду, спрашивала, не нужно ли ему лечение, да наведывалась так часто, что парень успел на неё глаз положить, ну и оприходовал девчонку, а уже через неделю все наши кобели прознали, что Теону Винсент уламывать не нужно. Для сестры физическая близость не животный инстинкт и не особенное проявление любви между мужчиной и женщиной, а скорее что-то… дружеское, что ли, но только применимое исключительно к дружбе с противоположным полом. А так как другом Теона начинает считать любого, с кем она разговаривала дольше пяти минут, то… Злость обессиливает, поэтому мне остаётся только гореть в ненависти ко всем, кто пользуется сестрой, её душой, сердцем и плотью.

Джессика остановилась. Она отвернулась от Дашки, встала, подошла к окну и, взглядом провожая уплывающие к звёздам волшебные огоньки, продолжила:

— Моя сестра была свидетельницей ужасных бедствий, затеянных людьми. Вы не находили, что Теона и Шаки не слишком похожи на остальных членов семьи?

— Вообще-то, — пробормотала Дашка, — это бросается в глаза.

— Они дочери нашего дяди по отцовской линии, — продолжила Джессика. — Дядя с женой и двумя детьми жил в деревне Фривелл, такой же маленькой, бедной и неприметной, как наша. Как-то одному чёрному магу, служащему королю Мартину, потребовалось место под лабораторию. И колдун получил разрешение уничтожить какое-нибудь поселение, чтобы возвести лабораторию на его земле. Жителям должно было быть объявлено заранее, что они должны собирать вещи и убираться, так как их деревня подлежит сносу. Конечно же, новое жильё предоставлять им никто не собирался. Маг не хотел тратить силы на усмирение толпы, поставленной перед фактом того, что в определённый час их лишат крова, поэтому решил схитрить: выбрал день, когда жители Фривелла уедут на столичную Ярмарку Волшебства, и запланировал разрушение деревни именно тогда. Идея не выдерживала никакой критики, ведь в поселении были и такие люди, которые не собирались никуда ехать. Всего несколько семей, но что придворному магу было до них? В тот день семья дяди осталась дома.

Представляешь, как сносят дома чёрной магией? Одно заклинание — и целое поселение взрывается. Тогда почти никто из оставшихся не выжил. Девчонкам Винсент удалось спастись, но малышке Шаки не повезло — её обдало волной магической энергии взрыва, и на несчастном ребёнке повисло проклятие. Теона уже тогда умела исцелять людей, и она сумела сохранить сестрёнке жизнь, но здоровье — нет. Каким чудом шесть лет назад бедняжки разыскали нашу семью, они сами не могут вспомнить. Мы облегчаем страдания Шаки, как можем, но иногда приступы безумной боли накатывают на неё, и с ними ничего поделать нельзя. Это очень страшно, в моменты особенно сильных приступов она кричит, чтобы кто-нибудь убил её, потому что невозможно терпеть это адское мучение.

К чему я рассказываю всё это? Катастрофа по воле королевского мага — не единственный кошмар, с которым нам приходилось сталкиваться, мы постоянно становимся жертвами произвола властей Мартина, к тому же нашу деревню не раз поглощали и разоряли войны. Регулярно издаются нелепые, бессмысленные законы, лишающие прав простой народ, над нами издеваются, устанавливая всё новые и новые налоги. Тяжёлая жизнь, не так ли? Теона не понимает даже этого. Дурочка уверена, что беды не могут тянуться вечно, наступит момент — и справедливость восторжествует, люди одумаются, потому как добро всегда перевешивает. Ей не придёт в голову даже

пожаловаться, не то что взбунтоваться. Она *не верит в зло.*

Девушка замолчала, задёрнула шторы и села обратно в кресло. Смотря прямо перед собой, она возобновила историю:

— Такая вот у меня сестра, Теона. Полная дура, поэтому и полностью счастлива. Я никогда не буду скрывать — она меня бесит, и тем не менее, мне её жаль. Да, жаль. Её проклятие — её невинная душа, и оно заставит сестру мучиться куда сильнее, чем страдает от болезни Шаки. Но самое страшное проклятие — это посредственность. Оно давно поразило мою мамашу, вероятно, братьев и Шаки ждёт та же участь, а вот Теона… Мать мечтает сделать из всех нас подобие себя — маловразумительное и невыразительное. Она видит жизнь как замкнутый круг: работать, чтобы получить немного средств к существованию, которых хватает только на то, чтобы сохранять в себе силу, сила — чтобы работать дальше. Вся жизнь для неё — это поддержание собственного существования, но огонь жизни надо не просто поддерживать, надо стараться, чтобы он горел ярче, перекидывался на что-то новое, охватывал всё вокруг, и никто не смог бы этот пожар потушить. Он пылает в Теоне, а мать не видит, а невнимание может стать для пламени жизни водой. Мать вообще по жизни слепая. Отец был таким же. Я ничуть не сожалею, что он погиб, — это она сказала несколько грубо и раздражённо. — Он был собирателем, как-то позарился на большие деньги, которые пообещал ему один маг, если тот принесёт ему глаз дракона. В клыках хищника отец и закончил жизнь. Все тут же обозвали это трагической смертью, отставив то, что папаша погиб из-за собственной жадности. Никто его не просил наниматься на столь опасное задание, он сам принял решение, вот и поплатился. А мать ещё смеет указывать нам на то, что папочка ради благополучия семьи был готов на всё, ставит этого меркантильного идиота в пример. Если бы сёстры попали в наш дом годом раньше, пока отец был ещё жив, стал бы он намеренно искать подобную рискованную, но высокооплачиваемую работу, чтобы на полученные деньги можно было вылечить Шаки? Да ни за что! Чёрт, я ненавижу свою семейку! Ненавижу! Джейк и Дерик, похоже, привыкли и счастливы. Ха! Через сколько лет они разучатся чувствовать счастье? Лет через пять, не больше! Шаки? Бедная девочка-тень, чтобы показать ей истинный мир, нужно много места в сердце, а все мы с удовольствием забьём его чем-то полезным для себя, любимых, не так ли? Посредственность заразна — мы думаем, что она облегчает жизнь, а лёгкой жизни хочется всем, правда?

Джессика подошла к Дашке и положила ей руку на плечо:

— Ты ещё можешь предотвратить это в себе. Мне показалось,

ты понимала, что я говорю, значит, поймёшь и больше. Спокойной ночи.

Она выскользнула из комнаты.

Запах букета, принесённого Шаки, успокаивал, и Дашка заснула прямо в кресле. Саша, Алина и Дима вскоре вернулись, не ожидая плохого: все они видели, как спешит домой Джессика. Весь дом Винсентов наполнился густым сном.

Глава 7 Решение

Утро начиналось относительно спокойно. За завтраком никто не ссорился, не спорил, не вспоминал о том, что стряслось вчера, даже Джессика вела себя тихо.

Гармония нарушилась, когда сквозь непринуждённую болтовню стал слышен недовольный гам с улицы. Саша выглянул в окно — по двору соседей расхаживали пятеро молодцов суровой наружности в одинаковых зелёных форменных мантиях, один из них что-то строчил в блокноте. Соседи были явно возмущены. Во многих дворах под протесты хозяев сновали такие же парни в форме. На дороге собиралась гудящая толпа, окружающая кого-то.

Вдруг оглушительно хлопнула входная дверь, да так, что некоторые предметы, висящие на стенах коридора, попадали на пол, дом встряхнуло от топота, и на кухню сунулись физиономии ещё одной кучки «зелёных мантий».

— Мы приказу короля Мартина! — возвестил один и помахал мятой бумаженцией, на которой, тем не менее, можно было разобрать жирную печать и размашистую подпись, скомкал её и запихал в карман. — В связи с введением закона об использование магии мы имеем право установить определители на все волшебные объекты и волшебных существ, находящихся в вашем владении. Пока мы будем этим заниматься, извольте пройти на улицу, где вам зачитают этот закон, а также вручат кое-что лицам, умеющим использовать магию.

— А мы желаем проследить за вашими действиями, — Джессика резко встала из-за стола.

— Девушка, пока не соберутся все жители вашей улицы, ничего не состоится, так что не задерживайте процесс! — прогнусавил другой парень.

— Как будто это всем очень нужно, — огрызнулась Джесс. — Если вы думаете, что с нас можно ещё что-то взять, вы ошибаетесь. Всё, что было, у нас отняли раньше. Ваши же люди, кстати. В следующий раз будьте порасторопней.

— Кто-нибудь ещё хочет дать нам совет? — гаркнула третья физиономия. — Выметайтесь, живо.

Джейк и Дерик, подхватив упирающуюся сестру под руки, потащились к выходу, за ними потянулись остальные.

Куча на улице трансформировалась в более организованное собрание людей. Она не таким плотным кольцом обступала того, из-за которого столпился народ. Вернее, тех: это были двое мужчин всё в таких же мантиях, возле них топтались угрюмые

охранники.

— Вижу, все в сборе, — довольно протянул один из людей в зелёной форме. — Итак, сообщаю вам, что вчера в некоторой деревне, из тех, что расположены вокруг Зальвана, столицы нашего славного королевства, по вине молодого мага произошло несчастье. Тот волшебник решил испытать на приятеле заклинание, которое он вычитал в древней книге, но сил не рассчитал, и в результате друг его погиб, сам он пострадал и соседей чуть не убил. И ведь такое может произойти с любым из вас! Сколько в Альдане живёт таких же уверенных в своих способностях магов? Чрезмерное увлечение колдовством к добру не приводит, но об этом вспоминают лишь тогда, когда натворят дел. Поэтому король Мартин счёл своим долгом предупредить подобные трагедии и издал закон об ограничении использования магии.

Он развернул длинный свиток и стал зачитывать с него:

— Указом от третьего числа девятого месяца тысяча семьсот сорок первого года второй эпохи вводится следующая оплата за применение магии. За использование одного заклинания низшего уровня — сто золотых, среднего уровня — двести золотых, высшего уровня — триста золотых.

После этих слов на него посыпались такие ругательства, что он вынужден был прервать чтение и с мерзкой ухмылкой кивнуть охране, та направила на толпу волшебные жезлы. Ругательства стихли, сменившись недовольным шёпотом. Охрана не спешила убирать оружие. Только когда установилась полная тишина, она опустила его.

Человек, ухмыльнувшись совсем гадко, продолжил:

— Будут взиматься налоги с каждого магического животного, обитающего на территории ваших владений. За мелких животных — сто золотых, за средних — триста, за крупных — пятьсот; а также за все магические объекты — по двести пятьдесят золотых плюс по сто золотых за каждое их использование. А сейчас я оглашу список всех волшебников с вашей улицы, каждый, кто услышит своё имя, подходит сюда. Зонарус Цельсий!

Вышел рыжеволосый колдун, который был на голову выше охранников. Он судорожно сжимал в руке посох, стража в ответ подняла жезлы. Цельсий, дрожа от злости, разжал кулак, посох упал на землю. Человек со списком что-то сказал своему напарнику, который тут же указательным пальцем очертил в воздухе круг, вспыхнувший вдруг ядовито-зелёным пламенем. Оно материализовалось в существо, комплекцией смахивающее на летунчика, но только гораздо меньше, чёрное, с красными глазами и ушами, как у кошки, и оно тоже умело свободно парить

в воздухе. Зверь стал вертеться над головой Цельсия.

— Это информер, — заявил человек. — Он будет телепатировать мне, какие заклинания вы произносили в течение дня. Исходя из этих сведений, вам будут в конце каждого месяца предъявлять счёт за колдовство. У каждого из вас будет персональный информер. Что касается магических объектов, то информация об их использовании будет передаваться нам, не беспокойтесь, для этого на них сейчас устанавливают определители. Всё, мистер Цельсий, вы свободны.

Колдун подобрал свой посох и влился в толпу. Тут и там шелестели высказывания в адрес людей в форме, их охраны и короля Мартина.

— Это издевательство, — процедил Джейк, взглянув на Дашку, — наш последний заработок — две тысячи золотых, представляешь, как они теперь испарятся? Мы на одном только семействе летунчиков разоримся!

— ЧТО ВЫ СЕБЕ ПОЗВОЛЯЕТЕ! — народ обомлел: из толпы выступила Джессика. — В нашей семье тяжелобольной ребёнок, девочке необходимо лечение водой из магического источника, который у нас во дворе, но если по вашей прихоти нам придётся платить за каждую каплю из него, никаких денег не хватит, чтобы купить ей возможность жить дальше! Волшебство белого мага — в первую очередь великая исцеляющая сила, и многим людям не удастся оплатить даже то, чтобы их дыхание и сердцебиение не остановилось!

Толпа не на шутку расшумелась, никто не мог отрицать правоту девушки, но все желали, чтобы Джессика заставила себя сдержаться и отойти на своё место — уж очень стал велик риск того, что охрана вот-вот применит оружие. Теона хотела было увести сестру обратно в толпу, но Джессика её остановила.

— Пожалуй, тебя, девчонка, хорошим манерам не учили, — брезгливо поморщился человек, призвавший информера. — Охрана!

Стража вскинула жезлы, и из них вырвались лучи того же цвета, что и пламя, из которого появился информер, слились в один, ударивший Джессику в грудь. Свалив девушку на землю, он врезался в толпу за её спиной и угодил в чей-то забор, моментально взорвавшийся. Толпа кинулась врассыпную, кого-то взрывной волной сбило с ног, а охранники и «зелёные мантии» мерзко заржали. Джессика поднялась и, не отряхнувшись, не поёжившись под колючими взглядами, отошла.

Люди понемногу оправлялись от шока. Джесс всё равно встала поближе к людям в форме, вызывающе на них поглядывая, но братья утянули её в гущу толпы.

Продолжая наслаждаться эффектом волшебного выстрела, мужчина со свитком возобновил оглашение списка. Всё было так же: каждый, кого называли, выходил в центр и получал чёрного зверёныша вместе со снисходительным разрешением ступать отсюда по своим делам. В семье Винсентов обладателями информеров стали Теона и Анна.

— По-моему, для нашей семейки это всё, — шепнул друзьям Джейк, глядя, как вызывают зверька для его сестры. — Пошли, посмотрим, на что теперь похож наш источник.

— Странно, я до сих пор его не видела, — сказала Алина, пропихиваясь к калитке.

— Фонтанчик на заднем дворе и есть источник, — ответил парень.

Летунчики встретили хозяев, изрядно потрёпанные, в ошейниках с медальонами, иногда вспыхивающими красным светом. Похоже, зверьки активно сопротивлялись тому, чтобы на них нацепляли определители. Возле фонтана в землю было воткнуто что-то вроде посоха, тоже испускавшего красное свечение. Джейк не преминул подёргать его, вдруг от этой штуки можно избавиться, но, во-первых, «посох» держался крепко, а во-вторых, на рожицах обоих информеров отразилась подозрительная задумчивость, будто они уже сообщали куда следует, что над определителем совершается акт вандализма. Парень оставил затею и вздохнул:

— Да уж, основательно они за нас взялись. Брат, надо срочно искать новую работу.

— Наверное, и нам с Дмитрием следует куда-нибудь устроится, — пробормотал Саша, глядя на красные отблески в воде источника.

— Начинать надо уже сейчас, — Дерик смотрел, как стремительно рассасывается толпа на дороге, — не только нашей семье деньги нужны.

Возникла пауза: каждый пытался придумать какой-нибудь более детальный план дальнейших действий, первым сдался Дерик и отчеканил:

— Всё, некогда соображать. Идёмте уже, кто работать собирался.

Парни потянулись к выходу, Джейк бросил Дашке:

— Если будете оставаться дома, приберитесь в комнатах. Слуги Мартина наверняка их обыскивали и всё расшвыряли.

Тут он, приобняв Сотникову, прошептал ей в ухо:

— Алекс сказал мне, что у тебя нашли скрытые способности к чёрной магии. Мой тебе совет, пока эти подлецы в зелёных мантиях не покинут деревню, посиди дома, а? Я верю, что ты

девушка умная и, не умея пользоваться колдовством, экспериментировать не будешь, но вдруг эти королевские бандиты что-то заподозрят? Не обижайся, пожалуйста, и не расстраивайся, это всего на один день, хорошо? — Джейк чуть заметно улыбнулся. — Кроме меня, из нашей семьи никто про тебя не знает, так что не бери в голову.

Проводив братьев, Сашу и Диму, Алина с Дашкой принялись за восстановление чистоты и порядка в доме. Занятие оказалось не из легких, хоть им и помогали Анна и Теона: мало того, что люди в мантиях перевернули дом вверх дном, причём сделали это явно из вредности, так как в претесном жилище Винсентов места замаскированному магическому объекту не было; так ещё выяснилось, что информеры портят хозяевам все нервы. Пакостные зверьки истошно скулили, безобразничали и имели расчудесную привычку ни с того ни с сего подлетать к кому-нибудь и со всей дури вонзать в него острые зубки. Когда один из чёрненьких гадёнышей чуть не прокусил Алине ухо, она не выдержала, схватила зверька за шею, отнесла в уборную и заперла там. Тут все поняли ужасную вещь. Избавиться от информеров нельзя. Пушистые вредители преспокойно телепортировались из любого помещения, из любого места обратно на плечо хозяина. Кроме того, они оказались полностью неуязвимы: Анна, завидев, что её информер с аппетитом пожирает одно из её комнатных растений, треснула зверька толстенной книгой, весившей больше, чем сам информер, но красноглазое создание даже не подавилось и не пошатнулось. Сжевав последний листочек, оно, ощутив прилив энергии, начало с ещё более диким визгом носиться по комнате. В него принялись швырять все тяжёлые и колюще-режущие предметы, с завидным постоянством попадали в цель, а цель с не менее завидным постоянством продолжала пакостить. Когда Дашка запустила в него ножом, который пригвоздил зверька к стене, а информер, даже не напрягаясь, выдернул его (на лезвии не было ни капли крови) и попытался укусить Теону, пришлось признать — от гадких существ не отделаться. Позже был сделан третий неутешительный вывод — информеры не устают и не спят.

Под вечер возвратились парни с плохими новостями. На работу их никто не взял, потому что с введением нового закона ни один маг не может позволить себе оплачивать наёмным работникам их труд. Волшебники тоже остались без средств к существованию, так как они не смогут продавать свою магию обычным людям: отныне тому, кто не наделён чародейским даром, не на что будет её купить, да и само колдовство дорого обойдётся. Изложив удручающую ситуацию, молодые люди,

казалось, испугались собственных слов и тут же разозлились на себя за это.

— Есть ещё варианты, которые мы не рассматривали, и, готов поклясться всеми Ветрами, их не рассматривал почти никто, — в глазах Дерика вспыхнул огонь, это было не утверждение, это был приказ немедленно собраться с силами и вцепиться зубами в горло своему страху возможного поражения.

Анна нахмурилась:

— Надеюсь, не имеешь в виду не…

— Да, мама, именно его, Патрика Тейлора, — тон старшего брата не допускал никаких пререканий.

— Кто это такой? — шёпотом спросила Дашка у Джейка.

— Единственный в нашей деревне чёрный маг, — тихо ответил парень, — нереально богатый, потому что изобретает разные заклинания и зелья, очень полезные и мощные, за право использовать их в своей деятельности многие колдуны готовы многое отдать. На него могла бы работать вся Фатона, если бы ни одно обстоятельство: вещества, которые он использует в своих экспериментах с зельями, невозможно достать, не подвергая свою жизнь огромнейшему риску, просто неописуемому. Самое безобидное, что может понадобиться Тейлору — клык вампира. А если ему нужны всего-навсего плоды или корни какого-нибудь дерева, будь уверена — это дерево растёт в месте, кишащем хищными драконами и разной нечистью.

— Но как он тогда обходится? — удивилась Дашка.

— Сам. Всё сам. Он храбрый и гениальный, поэтому справляется. Иногда Айрис Ави отправляет девчонок из Отряда за тем, что нужно Патрику. Многие матери думают, что Айрис использует их дочерей, потому что Тейлор ей платит. Есть ещё версия, — Джейк закашлялся, чтобы скрыть смешок, — поговаривают, что у Патрика с предводительницей Отряда романтические отношения.

Получив исчерпывающий ответ, Дашка перевела взгляд на Анну и Дерика, они уже разругались, пока Джейк рассказывал ей про чёрного мага.

— Мы что, по-твоему, должны наблюдать за медленной смертью Шаки? — Дерик, похоже, был оскорблён чувством бессилия матери.

— Хочешь сказать, что лучше пусть будут ваши с Джейком, Алексом и Дмитрием быстрые смерти? — вспыхнула отчаянием Анна.

— Ну конечно, одна смерть лучше, чем одна, — в комнату ввалилась Джессика и развязно расселась в кресле, закинув ногу на ногу.

— Замолчи! — Анне было не до Джесс. — Дерик, умоляю, не делай глупости!

— Да, братец, не делай, — Джессика улыбалась.

Мать её не слышала.

— Дерик, пожалуйста, одумайся! — она повернулась к младшему сыну. — Джейк, хоть ты скажи, что это не так! Вы разобьёте мне сердце, мальчики!

— Вот-вот, одумайтесь. Иначе эта глупость будет преследовать вас кошмарами всю оставшуюся жизнь, — девушка лениво накручивала на палец прядь рыжих волос. — А вообще, зачем я тебя уговариваю, вот эта часть тебя, — она приложила руку к левой стороне груди, — должна быть независимой.

— За себя я решил, — сказал Дерик, — уже давно. Я мог бы и не заходить домой, а направиться к мистеру Тейлору сразу, просто захотел предупредить тебя. А теперь — до свидания. Если кто надумает быть в команде со мной, то я жду вас в таверне «Золотой пегас» до половины десятого.

Он вышел, мать кинулась за ним. На лице Джессики читалось торжество. Не проронившая ни слова Теона пробормотала:

— Я должна идти с ним. И вы тоже! — сказала она громче. — Он ведь… Он один пойдёт, если с ним никого рядом не окажется!

— Они пусть идут, — кивнула Джессика, — а ты не смей крутиться у них под ногами.

— Но я… — хотела что-то возразить Теона, но сестра пренебрежительно фыркнула:

— Ты?! Дорогуша, да у тебя от желания помочь всем и каждому мозги плавятся, когда опасность нагрянет, чем думать будешь? Если бы ты знала о том, что ты тоже живое существо, и жизнь твоя тоже может закончиться из-за какого-нибудь пустяка, самый главный из которых — нехватка ума, я бы тебя отпустила. Но так как ты беспросветная дура — ни за что.

— Да пусть идет с нами, — отмахнулся Фёдоров, — помешает она, что ли?

— *Вам* сестра мешать не будет, но вы *ей* — да, — Джессика сжала кулаки, готовая накинуться на любого, кто ещё посмеет ей слово поперёк сказать.

— Что ты, они не… — Теона всё же пыталась настоять на своём, и опять Джессика не стала её выслушивать:

— Они будут, только ты не заметишь, — нахмурилась она. — Я уж остановлю тебя, ты прекрасно понимаешь. Так вы пойдёте с Дериком? — девушка обратилась к молодым людям.

— Теона права, если то, на что отважился ваш брат — игра со смертью, наша команда ему не помешает, — уверенно сказал Саша, посмотрел на друзей: все готовы были сорваться с места, и

Алина, и даже Дашка.

— И почему вы ещё здесь? — Джессика прищурилась, наклонив голову.

Так как на этот вопрос не было вразумительного ответа, компания вытекла в коридор, во двор, на дорогу и, вслед за Джейком, более подробно рассказывающем всем про Патрика Тейлора, ринулась в таверну, где ждал Дерик.

«Золотой пегас» был полон народу. Винсент сидел в дальнем углу, поглядывая на часы и отхлёбывая пиво из кружки. Компания с шумом протиснулась к нему за столик.

— Я знал это! — воскликнул Дерик. — Что, можем начать? Девушка! — он подозвал официантку. — Можем мы с человеком связаться?

— Минуточку, — она ушла и принесла им большой стеклянный шар на подставке.

Дерик закрыл глаза и положил на него руки, медленно отвёл их — в шаре появилось изображение молодого красавца-блондина, чьи переливающиеся на свету волосы казались то жёлтыми, то светло-русыми, то рыжеватыми.

— Давненько меня никто не беспокоил, — жизнерадостно произнёс он, — неужели кто-то решил пощекотать себе нервы и наняться ко мне? Хотя после событий этого утра… Я догадывался, что найдутся смельчаки, готовые и на такой отчаянный шаг. О, Ветры, что за бред я несу, — внезапно спохватился он, — у вас, должно быть, совсем дела плохи, раз вы ко мне обратились!

— Вы что, и есть Патрик Тейлор? — брякнула Дашка.

— Он самый! — энергично кивнул красавчик и тут же снова стал серьёзным. — У меня появилось одно дело. Вы согласны отправиться в Мрачный Лес? Сегодня же?

— Да, — отрывисто ответил Дерик.

— Отлично. Где вы сейчас находитесь? — Патрик дёрнулся, наверное, встал откуда-то.

— В «Золотом Пегасе», — оживился Винсент.

— Я подойду к вам через полчаса, дам несколько инструкций и кое-что для вашей безопасности, — шар заполнился дымом, растворившим изображение Тейлора.

Дерик попросил унести шар, Алина с Джейком заказали себе пива, чтобы убить время, Дима выспрашивал у братьев, что из себя представляет Мрачный лес и, по мере того, как в его сознании обрисовывалась всё более чёткая картина того, что им всем предстоит, решимость Фёдорова стремительно падала. Он сбежал бы, если б не необходимость в течение неопределённого времени жить под одной крышей с теми, кто будет считать его слабаком и трусом в случае его отказа (а кое с кем ещё и учиться

пять лет в одной группе).

Дашка разглядывала посетителей таверны. Многие поглядывали в сторону их столика. Девушки беззастенчиво улыбались всем парням компании, а добрая половина представителей сильного пола от восемнадцати до сорока восьми пожирала глазами Алину.

Саша ощущал на себе самое назойливое внимание. Только что мимо прошла стайка девчонок, одна из них задела его бедром и, обернувшись, обдала парня обволакивающим, властным взглядом, опутывающим, не дающим пошевелиться. Подобных взглядов сейчас Верников чувствовал много, он был утыкан ими, как занозами. Почему они так ему мешают? Неужели это всё ещё Дашка? Саша посмотрел на неё, скучающую, в сравнении с этими породистыми, элегантными, ухоженными сучками она была жалкой облезлой дворняжкой. Многие девицы косились на неё с долей сочувствия. А если и он тоже… Не может быть, он же видел в ней девушку, женщину… Но это раньше было, что происходит сейчас? Жар этих страстных самочек определённо заводит его, но зачем он стремится подавить это в себе? Значит, всё-таки жалость? Такая любовь никогда не бывает настоящей, почему же она настолько прочная, что Саша ничего не может с ней сделать?

— Здравствуйте, — Верников и остальная компания подняли головы: перед ними стоял Тейлор.

— Здравствуйте, — испуганно-почтительным хором ответили все.

Джейк подвинул ему свободный стул, чёрный маг сел и, чуть подавшись вперёд, произнёс:

— То, что вы должны принести мне — ягоды драконницы, или, как её ещё называют, адского куста. Я специально посадил один в Мрачном Лесу, чтобы он пропитался тёмной магической энергией, но долго искать его вам не придётся, я кое-что дам вам для этого, — он поднял свою огромную холщовую сумку и принялся вытряхивать её содержимое на стол, причём сумка определённо была бездонной. (Иначе как можно объяснить то, вывалившаяся оттуда клыкастая черепушка какого-то животного была куда объёмней, чем сама сумка). — Нашёл! Вот они! — на свет выпала стеклянная баночка с мелкими сиреневыми блёстками. Тейлор высыпал себе на ладонь щепотку и сдул с руки, но они не осыпались на стол, а полетели, будто подхваченные невидимым течением, прочь из таверны, через окно. — Это путеводная пыль, — пояснил маг, — следуйте за ней, и она приведёт вас прямиком к адскому кусту. Я отсыплю вам немного, — он взял из кучи своего барахла другую баночку, пустую, — расходуйте экономно, в Мрачном Лесу вам придётся

часто отвлекаться, так что вы будете терять летящую пыль из виду и выпускать в воздух новое облако блёсток, но сильно маленькими щепотками её не бросайте — за такими не уследите.

— А эта пыль не может выбирать самый безопасный путь? — с надеждой спросил Дима.

— Нет, только самый короткий, — Тейлор плотно закрыл баночку с блёстками, предназначавшуюся для компании, и кинул Дерику. — В наше время честному волшебнику нельзя делать целиком совершенные магические штучки, а то слуги Мартина в гости зайдут и отберут, а тебя за решётку кинут как непозволительно умного.

— Но в чём-то Дмитрий прав, — перебил Тейлора Дерик. — Мы ведь можем рассчитывать на то, что нам обеспечат хоть какую-то безопасность?

— Разумеется! — воскликнул колдун и достал из кучи на столе круглую флягу из кожи. — Сильнодействующая живая вода, выпьете — и вокруг вас создаётся защитное поле, довольно слабое, но не позволяющее вампирам нападать на вас сразу. Ею же можно лечить раны. Сколько вас, шестеро? — он нашёл среди своих вещей ещё пять таких же фляг. — Каждому по одной.

— А если на нас всё же нападут? — железным тоном спросил Дерик.

— Спасайтесь бегством, другого не дано. Аура вокруг вас будет ослаблять вампиров, и лететь они будут медленнее. Но если кто-то из вас не может долго бежать, лучше откажитесь от этой работы, — Тейлор был слегка взволнован. — Живая вода даёт вам некоторое преимущество, но ваш страх легко его уничтожит, если вы не доверяете ни мне, ни себе. Если кто-то отобьётся от компании, не беда. Капните живой воды на землю, и путь, ведущий вас к друзьям, будет покрываться светящимися алыми цветами. Разбредётесь все — они покажут вам дорогу к адскому кусту, месту, где вы должны встретиться. Не вздумайте использовать воду вместо путеводной пыли, в каждой её капле — ваша жизнь, не тратьте её зря! Всё понятно?

— Да, — закивала компания.

— А как возвращаться обратно? — всполошился Дима, до сих пор слушавший мага вполуха.

— С этим не должно возникнуть трудностей. Вся путеводная пыль, долетевшая до места назначения, плывёт в обратном направлении, если до неё дотронуться, — Тейлор принялся сгребать вещи обратно в сумку. На столе остались только шесть крупных кулонов из молочно-белого камня, пожелтевший бланк и чернильница с пером. — Разбирайте камни, — велел Тейлор. — Идти в лес вам придётся сейчас же, ягоды адского куста надо

собирать именно ночью, иначе не сохраняются их волшебные свойства, — тут компания возмущённо загалдела, шокирован был даже Дерик, но Тейлор продолжал: — Эти камни светятся в темноте, каждый кулон обеспечивает видимость на пять метров вокруг, а если их будет несколько, вы не заметите, как солнце взойдёт. Кстати, это дополнительная защита от вампиров. — Ну, никто не отказывается от дела?

Все покачали головами: «Нет».

— Ладно, — он обмакнул кончик пера в чернильницу и принялся чёркать на бланке, потом передал его сидящему рядом Джейку, тот тоже что-то там написал, и бланк пошёл по кругу.

Всем следовало указать в нём своё имя и фамилию и поставить подпись. Это было что-то вроде контракта, по которому компания должна была принести Патрику Тейлору три грозди ягод адского куста завтра к семи утра. Саша расписался последним и вернул бланк волшебнику.

— Ну, тогда до встречи, — вздохнул Тейлор, — пусть вас оберегает сила всех пяти Ветров.

Он остался в таверне, а компания вышла. Небо поражало ярчайшей синевой, звёзды — многочисленностью, воздух — свежестью, будто природа предлагала друзьям свою безмолвную поддержку, они даже решили не портить пока эту красоту совершенно лишним для неё ярким светом волшебных камней.

Дима покосился на баночку с путеводной пылью в руках Джейка.

— Не стоит пока, мы знаем, в какой стороне Мрачный Лес, — Дерик забрал пыль у брата и запихнул в свой рюкзак.

Все пошли вслед за Винсентами, Алина с Дашкой — взявшись за руки. Дорога была знакомая — через дом старейшины. Спустивший друзей вниз дракон Гордон посмотрел вслед удаляющейся компании с каким-то пониманием и даже помахал им лапой. Река, через долину которой держали путь, великолепно отражала лунный и звёздный свет, и всем думалось, что он их греет, а шум водопада напоминал колыбельную. Потом свернули на дорогу, карабкающуюся через холмы, с одного из них компания увидела шпиль Храма Ветров. Холмы постепенно разглаживались, став равниной. Друзья пересекли неожиданно возникшую деревню, и перед ними выросла стена леса. Перед ней торчала одинокая деревянная табличка «Осторожно, вампиры».

— Это он, — набрал воздуху в грудь Дерик. — Светящиеся кулоны все одели? Живая вода у всех? — парень снял рюкзак, достал баночку с пылью, взял немного путеводных блёсток в кулак и подкинул в воздух, получившееся сиреневое облачко поползло в темноту Мрачного Леса.

Все, чокнувшись своими флягами с водой, отпили из них, почувствовав теплоту внутри и заряд бодрости.

— Проклятье, надо было это раньше сделать! — спохватился Дерик, хватаясь за голову: облачко пыли уже петляло между стволами деревьев, то исчезая, то вновь появляясь в поле зрения. — Бежим! — чуть не выдрав себе клок волос, парень метнулся в лес, за ним, не отставая, помчались остальные.

Дашке казалось, что её душа влилась в тело другого человека: вся ответственность, серьёзность и опасность происходящего внезапно ударили в голову, пугая до отказа разума, но вдогонку за путеводной пылью она кинулась уверенно, ни секунды не колеблясь.

Когда группа поравнялась с сиреневым облачком, сердца у всех стали предательски дёргаться от груди к горлу, ведь безобидная проблема — как настигнуть волшебную пыль — заместилась другими, жуткими — а много тут вампиров? А живая вода поможет, если вдруг? А когда это самое «если вдруг» начнётся, что делать?

Внезапно перед компанией со свистом спикировал на землю молодой вампир. Он дрожал от ярости, хрипел, захлёбываясь слюной, спутанные тёмные волосы падали на лицо, сверкали зловещие глаза.

Алина, боясь закричать, зажала рукой рот. Все замерли, отчего-то задержав дыхание. Вампир рухнул на колени, закрываясь руками от яркого света, неистово закричал. Прекратив, он пустил уничтожающий взгляд в Дерика, заслонявшего собой всю компанию, поднялся, оторвался от земли на четверть метра и со свистом рассекаемого воздуха рванул вверх.

Друзья выдохнули, но это им далось тяжело.

— Надо идти дальше, — прошептал Дерик, — надо, ребята. Держимся друг за друга.

— Можно… Можно я за тебя держаться буду? — Алину трясло, она отчаянно сдерживала истерику.

— Хорошо, — парень подал девушке руку.

— Брат, мы облако пыли потеряли, — расстроился Джейк.

Дерик в оцепенении посмотрел перед собой:

— А? Ах да, разумеется, — он вынул из рюкзака баночку и выпустил следующее облако.

Пылинки понесло вперёд, друзья покорно следовали за ними, отхлебывая из фляжек, когда идти становилось совсем невмоготу.

Глава 8 Первое испытание

В лесу становилось беспокойно, шорохи раздавались со всех сторон. Вампиры, а может, и ещё какая нежить, шастали повсюду, их шаги то приближались, то отдалялись, а вместе с ними и обрывки разговоров. В небе проносились чёрные силуэты.

Неуёмное потребление живой воды пришлось ограничить и не припадать к ней при каждом пугающем шевелении за деревьями, потому что все уже успели ополовинить свои фляги. От такого решения тут же пришли в ужас: всем стало мерещиться, что вампиры, почувствовав ослабевшую защиту друзей, подступили совсем близко. Участники жуткого ночного похода собрались в очередной раз влить в себя ещё по глотку воды, но тут навстречу им выскочила целая банда вампиров, три парня, на вид немного постарше Дерика, и две совсем молоденькие девчонки, скалившиеся и смотревшие на компанию куда кровожаднее, чем их приятели. И вдруг — одна из них кинулась на Джейка, но резко остановилась в полуметре от него, её лицо исказилось от злобы, досады и боли. Испустив дикий вопль, она рухнула на землю в конвульсиях, затем вторую девчонку постигло то же самое. Парни-вампиры отошли назад, так, что свет от волшебных кулонов на них не попадал, но убираться прочь не собирались.

— Идиотки! — прошипел один. — Тупицы! Защитное поле совсем не чувствуете, да?

«Те двое боятся», — подумал Саша и подошёл к вампирам на пару шагов, поравнявшись с бьющейся в судорогах девчонкой, чуть было его не атаковавшей, та стала дёргаться ещё сильнее и завыла, не выдержав, что источник её мучений теперь был совсем близко, от её тела стали отлетать какие-то кислотно-зелёные частицы, сначала их было немного, затем — целые потоки. Вампирша на глазах у друзей рассыпалась в зелёную пыль. Пока не исчезла её голова, девчонка кричала, к тому времени уже погибала и её подруга. Двое оставшихся кровопийц поспешно скрылись в темноте.

Выходившая из оцепенения компания смотрела на Сашу со смешанными чувствами: непониманием, недоверием, уважением, благодарностью.

— А я начинаю догадываться, в чём тут главная опасность, — Алина выглянула из-за плеча Дерика на тропу, по которой ветер гонял кислотно-зелёный прах. — Вампиры нам нипочём, а вот со слухом придётся проститься навечно. Еще две-три попытки нападения на нас — и мы попросту оглохнем.

— Сделай милость, помолчи! — Дерик сдул с ладони третье облачко путеводной пыли, компания двинулась дальше. — Если бы всё было так легко, вампиры бы и не приближались к нам. Мне кто-то говорил, у некоторых со временем появляется что-то вроде иммунитета к защитной магии.

— И если бы вампиры не представляли собой серьёзной угрозы, желающих посетить Мрачный Лес за нехилое вознаграждение было бы побольше, — буркнула Дашка.

Джейк протянул:

— А я-то думал, в минуты опасности люди сближаются.

— Значит, это была ненастоящая опасность, — парировала молодая женщина.

— Ты издеваешься?! — взвился Дима. — Ты хочешь, чтобы нас атаковала стая устойчивых к живой воде и яркому свету вампиров?

— Все замолчите, — ласково приказал Дерик. — Выражать свои мысли вслух будете только при крайней необходимости. Крайняя необходимость, Элли и Дмитрий, — это когда на горизонте появится нечто, способное создать угрозу нашим жизням. А теперь дружно слушаем тишину.

Компания вняла просьбе, удерживаясь от пререканий, жалоб и прочих реплик, но потом, чтобы путь не казался таким долгим, все друзья разбились на пары и, не отвлекая других, начали вполголоса разговаривать между собой. Так все вышли на довольно просторную поляну, куда уже слетелась ещё одна стая вампиров, их было семеро.

Предыдущий опыт малость успокаивал, но испуг снова встряхнул друзей. Они знали, что сейчас произойдёт, однако, несмотря на это, не могли заставить себя равнодушно пройти мимо них и снова в растерянности остановились. В их красных глазах они впервые увидели некий поток мыслей, а не тупое желание вонзить в жертву клыки. Стая понимала, что люди перед ними нервничают. На самом деле молодые собиратели побаивались не самих вампиров, а именно понимания ими того, что компания никак не может решиться пересечь поляну. Эти вампиры были явно умнее тех, которых они уже встречали.

— Выжидают чего-то, — хмуро произнёс Дерик, — первыми на нас не набросятся.

— Может, блефуют? — предположил Саша. — Думают, что мы не выдержим и обойдём это место? Им же их существование всё-таки дорого. Тогда у нас нет другого выхода, кроме как взять себя в руки и двигаться вперёд.

— Да, надо идти, — Дерик переминался с ноги на ногу. — Надо… Нужно… Но я не могу!!

— И что теперь, нам до рассвета здесь маяться? — вспылил Джейк. — Нам в семь надо в деревне быть, забыл?

— А если всем вместе, на раз — два — три? — предложила Алина.

Эту идею приняли, как единственную разумную (и как вообще единственную), но с первого раза никто не заставил себя даже пошелохнуться, а при второй попытке на счёте «два»… вампиры сами стали наступать! Боль, которую причинял им свет, была терпимой, на их бледных лицах хоть и отражалось физическое страдание, но оно не останавливало стаю. Один вампир, наверное, самый главный, оказался на расстоянии вытянутой руки от Дерика и замер, сдерживая рвущийся наружу стон. Он отвёл глаза, потом с усилием вновь посмотрел на Винсента — и оказался сильнее боли, взгляд затуманивался бешенством…

Друзья, опережая собственные мысли, рванули назад, стая кинулась за ними. Каждый вампир выбрал себе по жертве и не отставал от неё, а за Дериком гналось даже двое. Избавиться от них не представлялось возможным, удавалось только уклоняться от их клыков. Никто не соображал, куда он бежит, все друзья уже давно оторвались друг от друга, но не от своих преследователей.

Дашка мчалась куда-то наверх, на холм. Деревья предательски редели, и ей не удавалось больше выиграть лишних метров, когда из-за бьющих по лицу веток вампиру приходилось приостанавливаться, а она тогда успевала глотнуть живой воды. Дашка цепляла флягу к поясу, но теперь бежала, держа её в руке, так как обратно приделать не могла — для этого пришлось бы затормозить.

Она побоялась тратить время даже на то, чтобы внимательно смотреть под ноги. Только взлетев на вершину холма, Дашка вспомнила, что спускаться в быстром темпе опаснее, чем с такой же скоростью подниматься, и увидела, насколько противоположный склон круче того, по которому она только что бежала, лишь тогда, когда споткнулась. Земля и небо с угнетающей частотой менялись местами, пока Дашка во что-то не врезалась.

Здесь, внизу, лес оказался спасительно густым и тёмным. Вампир-преследователь, потыкавшись в хитросплетение из лиан и раскидистых веток, оставил её. Миниатюрная Дашка и сама-то с трудом продиралась через чащу. Ко всему прочему, тут было темно, и двигалась она почти на ощупь, создавая столько шума, что ей чудилось — тут кто-то ещё есть. Иголки хвойных деревьев и какие-то острые листья (лес был смешанный) царапали лицо, шею и руки, в кожу впивались колючки и шипы. Тут Дашка

сообразила, что держит руку у горла и сжимает в кулаке свой светящийся кулон. Разжала пальцы — её путь вновь озарился, в тот же миг она ощутила сильный толчок в спину. Дашка обернулась — ветви позади неё колыхались. Вовремя сообразила, ничего не скажешь, а если бы не спугнула того, кто к ней подкрался? Очень кстати вспомнилась фляга во второй руке. Как проинструктировал мистер Тейлор, капля живой воды на землю — и проблемы решены. Под ногами стали распускаться роскошные светящиеся алые цветы, такие великолепные, что жалко было топтать их. Дашка шла по цветочной тропе совсем недолго, как попала на лужайку, посреди которой рос куст, на котором не было ни листочка, но висели крупные, как виноградные, грозди оранжевых ягод.

Она в счастливом изнеможении опустилась на землю перед адским кустом. Алая красота под ногами расползлась красной дымкой, но вскоре показалось новая дорожка из цветов — сюда добрался Джейк.

— Даша! Ты цела! — и парень свалился, как подкошенный, на колени, потом — на бок. Переведя дух, он сел и спросил: — Ты какими путями сюда попала?

— Бежала в горку, споткнулась, слетела вниз — а тут эти заросли. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Если бы занималась тем, что обращала внимание на то, что у меня под ногами, так стремительно здесь бы не оказалась, меня бы поймали. А как ты?

Джейк, вытряхивающий из волос сухие листья, пробормотал:

— Да ничего особенного. Вампир, который за мной гонялся, не мог до меня дотронуться, моя защита мешала, и он отстал, так что сюда я дотащился совершенно беспрепятственно. Ещё в этих зарослях за мной за мной один увязался, но волшебный свет его убил. Ты крика не слышала?

— Слышала. По-моему, эта чаща обитаема, меня тут тоже преследовали. Хочешь моё мнение — в ней даже в солнечный полдень темнотища, вот вампиры и вынуждены жить здесь. Так что расслабляться не стоит.

— И не говори! — из-за деревьев выкарабкался Саша. — Вот тварь, не отвязался от меня даже здесь! Думал, мне — конец, когда я в ветвях запутался, — он осмотрел свои окровавленные руки. — Дёргался-дёргался, смотрю — этот вампир уже над душой стоит. Я ему в лицо живой воды плеснул, пока он бесновался, я удрал. Ой, в моей фляжке ничего не осталось почти, — расстроился парень, — может, поделитесь кто, раны промыть надо?

— Я своей и не пользовался почти, — разочарованно

вздохнул Джейк, — бери на здоровье.

— Спасибо! Полейте мне, кто-нибудь, на руки.

Дашка ему помогла. Волшебная вода и впрямь была живой — на Саше не осталось ни царапины.

— Ты бы сама себя в порядок привела, — посоветовал он, увидев, что у подруги содрана кожа на запястье, но Дашка ничего делать не стала, просто вернула флягу Джейку.

— Нормально всё.

— Алекс прав, — стал настаивать и Винсент, — падение вряд ли обошлось тебе даром.

— Какое ещё падение? — встрепенулся Саша.

— Споткнулась и слетела со склона, — доложил Джейк. — Ведь так?

Дашка раздражённо и не совсем членораздельно пробурчала что-то, подтверждающее его слова.

— Что? — Саша нахмурился. — А ну, показывай, чего тебе стоила твоя невнимательность.

Она нехотя стянула с себя потерявший всякий вид кардиган и закатала рукава блузки, утешаясь тем, что снять её вообще Верников не попросит: по ощущениям Дашки, у неё на спине наливался отвратительный синяк. Саша извёл на неё живой воды больше, чем на себя, поэтому оправившаяся Дашка отобрала у него флягу и отсела к Джейку.

Верникова окатило бы волной ревности и злости на себя за эту ревность, но на лужайку ворвался Дерик, и волю эмоциям давать стало некогда: он выглядел гораздо хуже Дашки. У него были разбиты губа и нос, глаз заплыл, на руке зияла глубокая рана, он хромал.

— Дерик!!! Что с тобой!?! — все трое кинулись к нему.

— Я был вынужден драться, — он вытер кровь с подбородка, — мне достались сильные противники, моё защитное поле их не останавливало. Только в этой чаще от них оторвался, скорее всего, они где-то тут.

— Дмитрий и Алина ещё не пришли, — насторожился Саша, — вампиры могут переключиться на них, когда те будут продираться сквозь эти заросли.

— Нельзя сидеть тут и ждать, — Дерик, от слабости держащийся за дерево, опустил руки и выпрямился, — они не отобьются от нападения.

— Ты в таком состоянии им не поможешь, — попытался вразумить брата Джейк. — Лучше я пойду, я пока что целый, невредимый и отдохнувший.

— Учти, с одинаковым успехом вампиры могут наткнуться как на них, так и на тебя, предупредила Дашка.

— Всё равно, если нападут на меня, значит, отвлекутся, тогда Элли и Дмитрий беспрепятственно проберутся сюда, — настаивал Джейк.

— А третий вариант — вампиры заметят их, а ты где-то затеряешься и не найдёшь никого, — Дашка обрисовывала перспективы подробнее.

— Хватит спорить, — проворчал Саша, — слышите, кто-то из наших возвращается?

— Нет! — трагически возвестила Сотникова. — Наоборот! Это Дерик ускользнул!

— Ну хоть родному-то брату я могу идти на помощь? — Джейк рявкнул в лицо Дашке так, что она отшатнулась.

— У вас что-то стряслось? — проорал мужской голос откуда-то сверху.

Все задрали головы — над деревьями размахивал крыльями большой синий дракон, на спине у него сидел человек, показавшийся Саше и Дашке знакомым.

— У нас катастрофа! — крикнул Джейк и пустился пересказывать события этой ночи.

Человек выслушал и воскликнул:

— Я сейчас видел, как по лесу быстро перемещаются пятна света, точь-в-точь как от ваших магических кулонов. Залезайте на дракона, вашего брата и друзей мы подберём. Торес, — обратился он к дракону, и зверь, который из-за маленьких размеров лужайки не мог на неё сесть, опустил вниз свой хвост.

— Цепляйтесь, Торес закинет вас к себе на спину, — скомандовал человек.

Троица, второпях оборвав с куста три грозди ягод, после небольшой возни ухватилась за драконий хвост, и друзей осторожно подняли наверх. Все принялись высматривать пропавших.

Алину и Диму нашли сразу, девушку — примерно в километре от лужайки, юношу — чуть дальше, а вот потом страхи компании начали сбываться: пути Дерика и тех двух вампиров пересеклись. Парень отбивался, как мог, но силы покидали его слишком стремительно, он не продержался бы и пяти минут. На всеобщее счастье, у незнакомца оказался при себе серебряный кинжал, который он метко кинул в одного из нападающих, в момент, когда вампир, придавив Дерика к дереву, готов был прокусить ему шею. Лезвие вонзилось кровопийце точно в сердце, он погиб за считанные секунды. Заклинанием человек вернул себе кинжал обратно, чтобы с такой же точностью убить им второго вампира.

— Слов нет, как мы вам благодарны! — воскликнула Алина,

когда теряющего сознание парня втащили на дракона.

— Вы ему жизнь спасли! — Джейк вцепился в незнакомца. — Я у вас в долгу.

— И мы все тоже, — вздохнула Дашка, промывая Дерику раны. — Мы бы пошли искать нашего друга, если б вы нас не заметили, и могли бы оказаться на его месте.

— Не стоит, и вправду не стоит, — отмахнулся человек. — Во-первых, это чистая случайность, пролетай я раньше, позже или вообще мимо, не обнаружил бы вас. Во-вторых, у меня работа такая — разбираться с нежитью, так что это для меня обычное дело.

— Охотник на вампиров? — спросила Алина.

— Всего-навсего разрабатываю и внедряю в жизнь меры наказания за их деятельность. Самая неблагодарная должность за всю историю Альданы, все связанные с этим вопросом законопроекты правители всегда отклоняли, считая смертную казнь единственной приемлемой мерой.

— По-моему, их можно понять, — Джейк перевёл взгляд на брата.

— Вампиры не все такие, — возразил человек. — Из всех, населяющих королевство, тех, кто окончательно утратил в себе всё человеческое, — меньшинство. Но именно с этим меньшинством людям приходится сталкиваться чаще всего.

— Вы хотите сказать, что есть безобидные вампиры? — хмыкнул Саша.

— Не совсем так. На людей вынуждены нападать все, но некоторые стараются делать это как можно реже, лишь для того, чтобы не умереть с голоду. Такие вампиры даже могут находиться в человеческом обществе, а когда чувствуют, что им хочется крови, прячутся, чтобы никто не попался им на глаза. А кто-то не желает себя ограничивать и бороться с вампирскими инстинктами и становится по-настоящему опасным.

— Значит, вампиры могут быть среди нас? — испуганно пробормотала Алина.

— Такие случаи довольно редки, — ответил незнакомец. — Те, кто, не хотят причинять никому зла, стремятся изолироваться от людей: уж очень велико искушение, если жить бок о бок с человеком.

— Мне это ничего не говорит, — сухо сказал Джейк.

— Неудивительно. Такие вампиры тщательно скрываются и контактируют с людьми только тогда, когда голод становится невыносимым, поэтому у всех и складывается о них весьма нелестное мнение.

— Уж лучше мы вообще про это не будем, — вздохнула

Дашка, — а то перессоримся. Хоть у нас и нет оснований одобрять вашу деятельность, как-то неприлично предъявлять претензии человеку, которому мы обязаны жизнью.

— Да ладно вам, держать своё мнение при себе ничуть не лучше, чем навязывать его другим, — незнакомец улыбнулся. — Кеану Мортис, очень рад знакомству.

Тут студенты вспомнили, где видели этого человека: в волшебном зеркале старейшины Фредерика.

— Джейк, ты что, не узнаёшь его? — вдруг очнулся Дерик. — Он организовывал рейды по отлову вампиров вокруг нашей деревни два года назад. Джессика пыталась туда записаться, но ей на тот момент ещё не исполнилось восемнадцати, а несовершеннолетних в отряды не принимали.

— Точно! — подскочил Джейк. — У меня от потрясений в голове всё перевернулось. Простите, сперва не разобрал, кто вы!

— А почему вы упрекнули в этом только своего брата? — заметил Кеану. — Ваши друзья не местные?

— Вы и не представляете, насколько, — хмыкнул Дима.

— Мы в Фатону погостить приехали, — выкрутившись, Алина незаметно стукнула Фёдорова кулаком в спину.

— Видимо, к людям которые очень дороги вам, — Кеану отвёл взгляд и посмотрел на звёзды. — Для пребывания в этой деревне должен быть очень значимый повод, слишком уж там беспокойно. Кстати, Джейк, Джессика — ваша сестра?

— Как это ни прискорбно, да, — фыркнул парень.

— Припоминаю вашу семью. У вас очаровательные кузины. Шаки не стало лучше?

— С введением последнего закона нам придётся из кожи вон лезть, чтобы ей хуже не стало, — пробормотал Джейк. Теперь ему было совсем уж неудобно.

— Я останавливаюсь в Фатоне, имеются кое-какие дела со старейшиной. Обязательно зайду к вам, — искренне пообещал Кеану.

— Тогда вы и с нами ещё увидитесь, — Алина смутилась, но, кажется, была не против того, чтобы снова пообщаться с ним. — Мы живём у Винсентов.

— Родственники?

— Да, — ответила Алина, придержавшись просьбы старейшины называться Винсентами, если вдруг придётся сообщать свою фамилию. — Очень дальние.

— И поддерживаете такую связь? — молодой человек был в недоумении.

— Всё слишком запутанно, — принялась импровизировать Дашка. — Лучше мы расскажем вам всё в нормальной обстановке.

— За чашечкой чая? — Кеану зевнул. — Это дело, сейчас у меня глаза слипаются. Между прочим, возможность поболтать у нас имелась бы, даже если б вы не имели к семье Джейка и Дерика никакого отношения. В деревне я задержусь надолго, и успею перезнакомиться со всеми, кого не заметил два года назад. Но вы приятные люди, вас бы не поленился найти в любом случае, пусть у меня не было бы и лишней минутки в запасе. Кстати, а как ваши имена-то будут?

Студенты вновь назвались. Всех клонило в сон, продолжать беседу было лень, и, пока дракон не опустился на землю возле башни старейшины, народ дремал. К Тейлору компания собирателей побрела, заставляя себя идти с открытыми глазами.

Чёрный маг встретил друзей, как ни странно, абсолютно бодрым, а во всех окнах его шикарного каменного дома горел свет. Возле колдуна прыгал информер, и все обратили внимание на то, что когда Тейлор сидел с ними в таверне, мерзкого создания при нём не было. Патрик будто прочёл их мысли:

— Вчера утром те недотёпы в зелёных мантиях с превеликим удовольствием приняли от меня очень даже симпатичную сумму денег и решили не снабжать мою персону вот этим вот существом, — он щёлкнул информера по носу, — но недавно моё жилище посетили их коллеги и восстановили справедливость.

— Вы ещё шутите, — зло проворчал Джейк, отдавая Тейлору три грозди ягод.

— Сейчас беды нам поставляют в таких количествах, что рыдать бесполезно. Над ними остаётся только посмеяться. Проходите, — он пригласил всех в дом.

Колдун провёл компанию в небольшую гостиную. Друзья расположились у камина, Тейлор на минуту вышел, вернувшись с большой кожаной сумкой, полной монет, и красивым волшебным жезлом, украшенным синими камнями.

— Это ваше, честно заработанное, — Патрик опустил сумку на колени Дашке и наклонился к сидящему в кресле Дерику, который, несмотря на исчезнувшие следы схваток с вампирами, выглядел неважно: бледный, с тёмными кругами под глазами. — Так, ваша мама этого не одобрит, — маг дотронулся жезлом до него, и Винсент тут же оправился. — Теперь, если желаете, можем проститься.

С предложением компания согласилась единогласно, так как все мечтали поскорее добраться до своих спален.

Только друзья ввалилась домой, как на них налетела Теона, опять не ложившаяся:

— Как вы? С вами ничего не случилось? Все целы?

— Живее всех живых, — Дерик отстранил сестру и улизнул в

свою комнату.

Поторопился скрыться и Джейк. На долю студентов выпало сочинить для Теоны не столь жёсткую версию своих похождений в Мрачном Лесу. Дашка только подумала, что в вымышленном варианте можно допустить появление Кеану Мортиса сразу после того, как компания оказалась перед табличкой «Осторожно, вампиры», но Дима успел ляпнуть правду:

— За нами вампиры гонялись, Дерика атаковали, мы еле его спасли.

— И вы молчите? — рассердилась Теона, мгновенно смягчившись: — Бедные вы, давайте, все по постелям, я вам зелья какого-нибудь принесу.

— Не надо, Тейлор нам с собой живой воды дал, и у меня она уже в горле булькает, вряд ли я в себя смогу влить хотя бы ещё каплю жидкости, — замахала руками Дашка. — И Дерик в порядке, эта живая вода чудеса творит. Нам только выспаться — и всё.

— Всё обошлось, — ободрил Теону Саша и пошёл наверх, к себе.

Алина и Дашка тоже задерживаться не стали.

— Ну что ж вы все такие гордые, — вздохнула Теона. — Дмитрий, и у тебя всё нормально?

Фёдоров не слушал. Он следил, как меняется выражение её лица. Сперва тревога, потом огорчение, к нему — легкая досада, а теперь Теона стала казаться обиженной, что добавило ей новой красоты, не ангельской, чистой, а неожиданно порочной.

— Дмитрий?

— Ты что-то сказала? — он заставил себя переключить внимание на её голос.

— Как ты себя чувствуешь? — взволнованно спросила она, подойдя к нему вплотную.

— Я… — у Димы в груди всё медленно сворачивалось, когда тёплое дыхание Теоны касалось его. — Нормально… Хорошо.

— Точно? — она положила ладони ему на плечи и заглянула в глаза, а он ощущал, как бьётся её сердце и в ответ плавится его собственное.

Он хотел ответить, но тут же забыл об этом. О том, что он вообще должен что-то говорить. Его руки сами собой сомкнулись у неё на талии, а Теона вдруг улыбнулась игривым оскалом довольной кошечки и, прежде чем парень что-то понял, рывком притянула его лицо к своему…

Раза четыре они прерывались, подумывая о том, что пора бы подниматься в свои комнаты, но разум успевал лишь просигналить: всё, хватит уже, — и тут же оказывался

парализованным страстью. Остановилась Теона так же внезапно, как набросилась на Диму, просто во время очередной передышки усмехнулась и, пустив в него озорной взгляд исподлобья, вывернулась из объятия. Она убежала на кухню, где стала звенеть посуда. И что это было? Поиздеваться захотела? Но, судя по тому, как отзываются о ней и братья, и посторонние люди, это исключено. Решила не расстраивать его и уступила? Ему говорили и то, что она не умеет подделывать чувства, всё, что ни совершает — всё искренне. Неужели влюбилась в него? Ну тогда не стала бы скрывать все эти дни, что неравнодушна к нему. Хотя она ко всему миру неравнодушна, и не разберёшь сперва — к кому сильнее, а Дима к ней особенно не присматривался. Зачем? То, что её красота естественна и поэтому особенно ослепительна, было сразу заметно. Пусть она и вписывалась в те примитивные рамки, созданные массовой культурой, но такие по-детски огромные глаза цвета первой весенней травы спасают от цепей самого жёсткого стандарта. Дима намеревался охмурить Теону, но не мог предположить, что окажется столь беспомощным перед её очарованием.

Он глянул на стрелки настенных часов: восемь. Всё ясно, она завтрак пошла готовить. Да, на её безраздельное внимание рассчитывать не приходится, в жизни Теоны на первом месте стоит всё сразу: друзья, семья, любовь. Ни за что не пожертвует одним ради другого. Но при этом никого не оставляет обделённым, а Дима про её отношение к нему и не подозревал ничего… Или это был случайный порыв, никак не объяснимый? Надо как-то разбираться в этом, надо.

— Пройти дай! — рявкнула Джессика.

Точно, он же до сих пор стоит в коридоре, заслоняя собой входную дверь. Дима лениво отошёл, но девушка вдруг передумала покидать дом и хмуро спросила:

— Почему не спишь?

— Не хочу.

— Не хочешь, потому что было чем другим заняться. Так чем же? — настаивала она на ответе.

— Да бессонница у меня, — отмахнулся Дима.

Нисколько не смягчившись, Джессика вышла. Он решил для виду подремать полчасика, пока его ещё и Анна не заподозрила, и прокрался в мансарду. Саша не расстелил постель и валялся на кровати, не раздевшись, Дима тоже не стал себя утруждать. Как только парень опустился лицом в подушку, ему стало ясно, что глаза слипаются по-настоящему, так что притворяться не нужно. Однако отдохнуть было не суждено: его поднял Верников.

— Сейчас сюда заглядывала Анна и очень ругалась, — Саша

зевнул. — Сказала, что валяться в кровати до обеда никому не позволит.

— А который уже час? — опешил Дима.

— Десятый, — произнёс Верников. — Она велела отправляться на поиски менее рискованных заработков.

— Но мы же достаточно получили от Тейлора!

— Нам следует подсуетиться. Эта куча денег растает мигом, и, если мы не отыщем приличного работодателя, нам придётся снова отдаваться на растерзание Тейлору. И вообще, тут такая атмосфера, что прохлаждаться неприлично, — сердито добавил он.

У Джейка оказались предположения насчёт тех, кто был бы не прочь оплачивать нелёгкий труд собирателей. День завертелся. Для начала парень предложил попытать счастья у некоего Арчи Диксона, который друзьям не помог, зато жил недалеко от старейшины, которого компания решила навестить, а заодно и узнать, не появились ли случайно новые указания от духа Кевина Гранда.

Возле серой башни гудел народ. Саша углядел в этой куче знакомое лицо — рыженькую Ларму, хозяйку летунчика Шустрика и подругу Теоны — и спросил у девушки:

— Что за собрание?

— К нам прилетел Кеану Мортис, представитель Министерства по борьбе с нежитью. Мы намерены узнать, зачем. Хоть он один из немногих людей Мартина, которые не стремятся навредить простому народу, но раз мистер Мортис попал на эту должность, значит, в нём есть что-то далёкое от моральных принципов. Наш король не допускает, чтобы в управлении Альданой участвовали порядочные люди, — растолковала Ларма.

— Идёт! — заорал кто-то.

Дверь башни открылась.

Глава 9 Удар

Стоя на пороге, Фредерик и Кеану оглядывали народ; старейшина — озабоченно, министр — удовлетворённо. Мортис крикнул: «Торес!», — и его синий дракон, похрапывающий у входа, резко встал. Саша подумал, что хозяин разбудил монстра нарочно, чтобы разогнать толпу, но Кеану всего лишь забрался к нему на спину, чтобы видеть всех собравшихся. Старейшина остался внизу, он что-то говорил своему гостю. Галдёж стоял невероятный, но Мортис не слишком-то вслушивался в то, что твердил ему Фредерик, и ждал наступления тишины, причём терпеливо, а не раздражённо, как тот человек, оглашавший вчера утром приказ и список чародеев. Когда большая часть голосов замолкла, а остальная — снизилась до шёпота, Кеану начал:

— Люди! Как я понимаю, вас интересует цель моего визита в вашу деревню? Вообще-то это дело касается только меня и старейшины, вам бы стал известен только исход. Однако, зная вашу манеру слишком агрессивно реагировать на все факты, перед которыми вас ставят внезапно, я объясню. Разработан новый закон, — (возмущённые возгласы в толпе), — который может быть принят только при особенных условиях: если его одобрят старейшины всех городов и деревень королевства, — (дружный вздох удивления; видимо, последние несколько веков правители никогда не церемонились с тем, чтобы при утверждении очередного закона искать поддержки у кого-либо). — Он таков: пойманных вампиров не убивать, а передавать особым отрядам, которые будут сопровождать их в Денаувер.

Раздался залп недоумённых возгласов, и среди них выделился строгий вопрос:

— Зачем вам это нужно? Зачем дарить им существование?

Одна женщина в отчаянии воскликнула:

— Вы прекрасно знаете, что в Денаувер ссылают и несправедливо осуждённых! Невиновных людей! Король хочет, чтобы и там их жизнь стала невыносимой? Из этого места и так почти никто не возвращается!

— Я предвидел, что к этому отнесутся именно так, — заговорил Кеану. — Представляю всю вашу ненависть к вампирам, далеко не беспричинную. Знаю, что у многих из вас друзья и родственники в Денаувере. Но в скольких из вас навеки поселилась боль, потому что ваших близких, ставших жертвами вампиров, передали в лапы правосудия? Ответьте мне, эти несчастные люди успевали превратиться в безжалостных кровопийц прежде, чем им втыкали серебряное лезвие в сердце?

— Не надо раздирать наши душевные раны, — нарочито чётко произнёс колдун, которого четвёрка студентов уже запомнила, мистер Цельсий. — Да, мы постоянно теряем кого-то, но кто забирает их у нас? Другие вампиры! На этих *других* закон ведь тоже распространяется!

— Вот тут есть весомая проблема. Вы можете вспомнить, чтобы хоть раз ловили тех вампиров, которые нападали на ваших родных? Нет, никто не отважится начать охоту на подобных тварей, слишком уж велик риск. Зато ничего не стоит схватить того, кто терпит жажду крови до тех пор, пока она не становится невыносимой и ни в коем случае не станет кидаться на людей ради развлечения. Вашу деревню из года в год терроризируют одни и те же вампиры, которых не могут схватить. Вряд ли в Денаувер попадёт кто-нибудь, кто способен накинуться на человека без особой нужды. Нет, там окажутся люди, ставшие вампирами физически, но сохранившие сердце. Да, нападения будут: когда голод становится невыносимым, всё человеческое меркнет. Но среди сосланных в Денаувер полно белых магов, если жертвы будут вовремя к ним обращаться, то не обзаведутся клыками.

Кеану привёл все доводы, которые у него были. Закон уже не выглядел таким сомнительным, но у многих присутствующих здесь имелись личные, а поэтому и несовместимые со здравым смыслом поводы относиться к вампирам столь враждебно. Все оставались на местах, ожидая ещё чего-то, и тихо переговаривались.

— В ночь перед вашим прибытием вампиры снова появлялись в деревне. Пострадавших двое, их обнаружили вчера и умертвили, — сказала Ларма.

— Мы не знали, — ошеломлённо пробормотала Дашка.

— Мне самой стало только что известно, — девушка уныло посмотрела на добродушного, но грустного мужчину в очках, его волосы были слегка тронуты сединой. — Мой сосед. Оказывается, это были его дети. Живём через дорогу, а я и понятия не имела, что у него такая беда. И ведь даже виду не подавал. Все привыкли. И жалеть друг друга устали.

— Кошмар! — ужаснулась Алина. — А старейшина нам рассказывал, что вампирам научились противостоять!

— Это в прошлом. Когда короли заботились о своём народе. В те времена создавались специальные организации по борьбе с вампирами, и они в своём деле преуспевали. А сейчас… Правителям всё равно, что творится за пределами их замка. В законе не указано, что люди должны платить налоги лишь в случае, если их защитят от вампиров, поэтому ни время, ни

средства на то, чтобы разбираться с нежитью, современные короли не тратят. Собственную персону обезопасят — и всё, — развела руками Ларма.

— Вы можете расходиться! — крикнул Кеану. — Решение старейшина может принять сам, не опираясь на ваше мнение.

На Мортиса обрушилось всеобщее недовольство:

— Он не даст согласия!

— Старейшина всегда поддерживал нас, а не короля!

— Это не в его правилах — действовать вопреки нашим интересам!

— Вам не переубедить его!

Мортис, на которого гнев толпы не произвёл никакого впечатления, съехал по драконьему хвосту на землю, но на место Кеану поднялся Фредерик, и все притихли.

— Не спешите с выводами, — произнёс он. — Вопрос слишком серьёзный для того, чтобы доверять своим эмоциям. Всё, что сказал мистер Мортис, очевидно, только нужно время, чтобы осознать правильность его точки зрения. Предрассудки душат разум, и избавиться от них вряд ли можно, но ослабить узел стоит попытаться. Мне самому это предстоит. Если мистер Мортис потребует от меня немедленного ответа, я не смогу дать разрешение на этот закон. У меня есть неделя на размышления. Все старейшины уже высказали своё мнение, я последний. Число голосов «за» и против» равное, так что от меня зависит, примут закон или нет. Это великая ответственность, вы должны это понимать. Может поменяться ход истории. Думайте об этом.

Он спустился, и оба: Кеану и старейшина, — ушли в башню. Дракон с безразличием взирал на толпу, привалившись к стене. Все были в замешательстве. Собравшихся задело то, что этот закон обсуждается по всему королевству, а они узнали о нём только что. Из обрывков разговоров студенты уяснили: жители Фатоны славятся тем, что крайне враждебно настроены по отношению к Мартину и его людям, а они предпочитают лишний раз с обитателями деревушки не связываться. Эта политика нарушается лишь в случае, если народ надо уведомить о чём-то малоприятном. В принципе, видеть мистера Мортиса — счастье, так как он не берёт с собой вооружённую до зубов свиту, которая, не дожидаясь приказа, расправляется с любым, кто осмелится возмутиться; как правило, если король посылает кого в деревню, то снабжает его таковой.

— Идём отсюда, — скомандовал Дерик. — Не будем отвлекать старика. Не завидую я ему.

— Да, тяжело, — Дашка, когда компания резво шагала прочь, оглядывалась назад: у башни назревал скандал.

— Всё куда сложнее, чем вам кажется, — вздохнул Джейк. — Спор о правах вампиров давно идёт. Все вроде отдают себе отчёт в том, что лишь единицы этих существ — реальная угроза людям, но… Невозможно угадать, кто попадет в их число. Случается — пострадает от острых клыков кто-то, кого ты любишь, настигла его серебряная пуля, ты поплакал, сколько полагается, — а потом сам вампира встретил и, хоть и представляешь, что по нему тоже родные и друзья убиваться будут, всё равно не позволишь ему существовать. Некоторых людей стремление отомстить ослепляет, а ещё встречаются те, кто вообще вампиров не выносит как класс. Такой человек собственного отца или сына пристрелит, если узнает, что они ими стали.

Ругательства в толпе становились всё менее цензурными, и друзья ускорили темп.

— Так странно смотреть на это с другого ракурса, — бормотал Дерик. — Когда-то ведь не задумывались над тем, что вампиры далеко не всегда злые, их было так мало, что люди могли позволить себе уничтожать всех без разбору. Жестокое утверждение, правда? Почему человечность проклюнулась в нас только тогда, когда размах бедствия стал так велик?

— Да не изменилась проблема в размерах, — сердито протянула Дашка, — суть другая стала. Раньше беда в людях была, сейчас — в вампирах. Тех, которые действительно держат в ужасе королевство.

— Не оправдывай всех, — Джейк заговорил, не поднимая головы. — Сколько сотен людей по-прежнему держит вампиров за основной источник несчастий в королевстве и в этом невежестве становятся страшней тех, кого ненавидят?

— Дерик, ты вспоминал, что мистер Мортис какие-то там отряды в вашей деревне собирал, чтобы ловить эту нежить. Он сам всегда придерживался мнения, что вампирам есть место в королевстве? — вдруг спросил Дима.

— Речь шла об агрессивных тварях, распрощавшихся с жалостью к людям, — невнятно ответил Джейк. Кажется, ему не хотелось даже рта раскрывать, но приходилось.

— Тебе совестно за то, что в Мрачном Лесу из-за нас две вампирши погибли? — осенило Алину.

Джейк кивнул. Студентам становилось всё понятней и понятней.

К вечеру выяснилось, что компании всё-таки суждено работать у мистера Тейлора. У остальных не было возможности нанимать людей: или по средствам не могли себе позволить, или к ним уже успели устроиться те, кто оказался порасторопнее.

Мысль о том, что скоро придётся выполнять жуткие поручения Патрика, не давала покоя не только Винсентам и их новым друзьям. В братьев то и дело вцеплялись с расспросами о том, каково было в Мрачном Лесу, явно не из праздного любопытства, а чтобы убедиться в том, что возвратиться с задания Тейлора не только живым, но ещё и здоровым реально.

Дома все были в сборе. В гостиной Анна вязала шарф, Теона помогала ей распутывать пряжу. Шаки с драконом устроились на подоконнике в коридоре второго этажа и смотрели, как по стеклу стекают капли дождя. Джессика пила чай на кухне.

Компания наскоро покончила с оставленным им ужином, и все ушли в гостиную, посидеть возле камина, только Дашка задержалась, решив тоже побаловать себя крепким горячим чаем. От недопитой чашки, которую оставила Джесс, исходил потрясающий аромат. Студентка плеснула в свою кружку заварки, долила кипятку и полезла в кухонный шкаф искать то, что придавало чаю такой запах. На полках хранилась уйма баночек, но в них вообще не было ничего душистого. В тот момент, когда Дашка впихивала одну из них, с чем-то сыпучим, обратно, на кухню вошла Джессика.

— Погоди, назад не ставь, — попросила она.

Дашка опустила банку на стол. Джессика достала из посудного шкафа ещё одну чашку, наполнила её водой насыпала туда из банки.

— На всякий случай запомни, — сказала девушка.

— Что? Зачем? — удивилась Дашка.

— Не торопись, сейчас всё узнаешь, — Джесс ложечкой размешала напиток, который сразу обзавёлся потрясающим запахом, не тем, которого хотела добиться Дашка, выскочила с ним за дверь, но скоро вернулась, уже без чашки.

— Моя сестра должна принимать это ежедневно.

— Лекарство, что ли? — Дашка вскинула брови.

— Не совсем. Это пыльца пещерного тюльпана, входит в состав многих сложных зелий, но практически никто не знает, что если её просто растворить в тёплой воде, получается зелье, из-за которого у женщины не могут появиться дети, — объяснила Джессика.

— Теона забывает его пить, и мне надо напоминать, если что?

— Забывает? — усмехнулась девушка. — Это было бы полбеды. Она считает, что принимать его глупо, так как не видит причин тому, чтобы дать зародиться новой жизни. Для неё одна мысль о том, что чья-то жизнь может быть лишней, ненужной — верх бессердечности. Моей сестре не объяснишь, что наша семья не потянет ещё одного ребёнка. Но Теона не догадывается, что

этот напиток и обладает такими гадкими свойствами. Когда-то я её только предупредила, что ей надо употреблять что-либо подобное, она ужаснулась, и я с тех пор даю сестре это средство под видом зелья для усиления энергии белой магии, которой она обладает.

— И Теона верит? — усомнилась Дашка. — Ты постоянно демонстрируешь не самое тёплое отношение к ней, и с какой-то стати проявляешь такую заботу, это должно настораживать.

— Она не умеет подозревать людей ни в одном грехе, — с горечью произнесла Джессика.

— А как же Анна? Она же разбирается в зельях?

— Мать не знает. Ничего. Даже того, что с Теоной полдеревни развлекается, — и девушка притихла.

Проникнувшейся Дашке стало не по себе.

— Твой чай остывает, — заметила Джесс.

— Что? Ах, точно, — молодая женщина обеими руками взяла чашку, будто надеясь согреться остатками тепла, и уставилась на стену, занятую вьющимся растением.

— Тебя в сон не клонит ещё? — неожиданно поинтересовалась девушка. — Хочешь, покажу кое-что?

Дашка поставила нетронутый чай на стол.

Джессика сделала шаг к двери, приоткрыла её и развернулась:

— Это на улице.

— Пошли, — откликнулась гостья, и они поспешили прочь из дома, в парк на холме.

На вершине, возле самой большой и красивой беседки, которую обвивало светящееся растение, а под крышей её висел фонарь, Джессика остановилась. Она секунд десять вглядывалась в небо; очевидно, увидела то, что намеревалась, отдышалась, наконец, после быстрой ходьбы и опустилась на землю, разлеглась на траве, раскинув руки в стороны, не объясняя ничего. Дашке ничего не оставалось, как лечь рядом.

Она поняла, ради чего её сюда привели: звёзды над этим местом горели необычные, мало того, что такие же разноцветные, крупные и яркие, как те, из которых был сделан Портал, соединивший два мира, но и беспрестанно движущиеся и складывающиеся в различные изображения. То летящий пегас, то маленькая фея, то непонятная надпись из странных знаков, то чьи-то лица, злые и добрые, суровые и приветливые, юные и изрытые морщинами, то карта, на которой было множество стрелок и пунктирных линий. А потом эти звёзды сплотились и потекли вниз, словно они шлейфом тянулись за чем-то. Всё ниже, ниже — и лента красочных огней плыла над парком, задевая

крыши беседок. Её переносил мощный воздушный поток, который расшевелил листья на деревьях, заколыхал траву и растрепал волосы наблюдательниц. Джессика вскочила на ноги, повернулась лицом к улетающим огням — Дашка подумала, что девушка хотела бы их догнать. Тут ей самой что-то приказало немедленно встать и посмотреть вслед этому течению маленьких звёзд.

Когда последний огонёк скрылся за горизонтом, Дашка изумилась:

— Что это было?

— Ветер Предостережения, — Джессика улыбалась.

— Великие Ветры? — расцвела Дашка, в голове у неё всё затуманивалось невесть откуда взявшимся счастьем. — Как вот что они из себя представляют!

— Нет, все они разные, — мечтательно вздохнув, возразила Джессика. — В Ветре Перемен кружатся лепестки, Ветер Надежды приносит серебристо-голубые искры, похоже на огни, которые мы сейчас видели, но только гораздо мельче, почти что пыль. Ветер Слёз — осенние листья, красные и оранжевые, и за каждым тянется жёлтый дымок; Ветер Смуты — бутоны цветов, на лету распускающиеся и сразу вспыхивающие зелёным пламенем, но из их пепла тут же возникают новые, снова сгорают, снова восстанавливаются.

— Я бы очень хотела это увидеть, — искренне сказала Дашка.

— Ты *должна* это увидеть, — решительно заверила её Джесс. — Тот, кто видел пять Великих Ветров, видел *всё*.

— А что, это не каждому удаётся?

— Ты успела подумать, что Ветры дуют не так уж редко, чтобы лишь немногие успевали насладиться великолепием этого явления? Ты не ошиблась. Пять великих воздушных течений находятся в вечном движении по известной замкнутой траектории, своей для каждого Ветра, который проходит её примерно за три дня. Два раза в неделю — столько у нас возможностей посмотреть на чудо. Согласись, не так уж и мало. Просто это никому не нужно. У любого из нас найдётся, чем заполнить время, в которое проносится где-то рядом Ветер. Есть люди, которые обещают себе в другой раз отложить все дела и сходить, полюбоваться на него, но труднейшая на свете задача — остановить свои обещания. Завтра. В конце этой недели. В начале следующей. Через месяц. Когда-нибудь… Эта лавина накрывает всё: планы, мечты, стремления, желания. Ты представить не можешь, сколько в королевстве людей за всю жизнь не видели ни одного Великого Ветра, — подвела печальный итог Джессика.

— Мы многого не замечаем, — рассуждала Дашка в ответ. — Если улавливаешь, что происходит что-то не то, то приходится

над этим задумываться, переживать. У большинства разум служит лишь для констатации фактов, но не для осмысливания событий. Сейчас такое общество, в котором *чувствовать* вредно — пока ты что-то прочувствуешь, другой просчитает и обратит в то, что ему надо.

— Да уж, — фыркнула Джессика, — В современном мире сердце — совершенно ненужный орган. Чем быстрее отомрёт — тем меньше неудобств. Ну, домой?

— Пожалуй, да, — вздохнула Дашка, представив, какая сила должна быть в этой девушке, что ей не приелась красота волшебства, которое она знает с детства.

Вернувшись, поговорили ещё, заняв кресла в гостиной. К беседе присоединились Саша с Алиной и братья. Точнее, Винсенты обсуждали те знаки, которые подают людям Ветра. Изображения, которые Дашка и Джессика наблюдали на небе полчаса назад, появлялись не просто так. Они обозначали разные события, произошедшие ранее, и в ближайшем будущем должно случиться что-то похожее, впрочем, сходство может быть и символическим. Тонкость, как сказал Дерик, была в том, что далеко не все эти события известны по всему королевству, а вот то, что Ветры предсказывают, всегда является чем-то выдающимся.

— В этот раз огни показывали что-нибудь узнаваемое? — спросил Джейк.

— Среди портретов — Эван Локхарт, который свои самые мощные заклинания придумал, пребывая в Денаувере, — стала перечислять Джессика, — и Колин Стивенс, отбыл в ссылке тридцать лет, вернулся в родной город и сделался там старейшиной. Как обычно, надпись на языке фей и карта невесть чего.

— Им не надоело? — Джейк закатил глаза.

— Ты про что? — не поняла Алина, впрочем и остальные студенты тоже.

— В той надписи, несомненно, прямым текстом говорилось, какая напасть стрясётся, но — вот незадача! — язык фей невероятно трудный, и овладевают им единицы, причём освоить его дано только женщинам. В истории королевства прочитать текст на нем человек смог всего восемь раз, из них три — послания Ветров. В одном, которое Ветер Смуты принёс, было про то, что в Чёрных Гаванях поднимется восстание. От Ветра Надежды узнали, что в королевстве скоро будет править новый король. От Ветра Перемен — что разрушат деревню Фривелл. Между прочим, это было шесть лет назад, и никто не понимает, почему именно Ветер Перемен известил о трагедии, — парень

задумался.

Поплыли мысли и в глазах Дерика и Джессики. Дашка догадывалась, почему всё, что связано с катастрофой, так беспокоит их, ведь Теона и Шаки оказались в семье после того жуткого события.

Первым вернулся к разговору Джейк:

— Так о чём я? А, про язык фей. Несмотря на то, что знающие его люди встречаются редко, бывает, несколько поколений друг друга сменяют прежде, чем появится та, которая сможет изучить этот язык, Ветры упорно приносят послания на нём. Иногда и вовсе, кроме такого текста, никаких знаков не подают.

— Представляю, какое это разочарование — увидеть в небе набор закорючек, когда ждали чёткого предсказания, — усмехнулась Алина.

— Не то слово, — согласился Джейк. — Но иногда Великие Ветры такие шифровки предлагают, что, будь они на языке фей, понятнее бы не стали.

Дерик подхватил:

— Королевство вовек не забудет, как из листьев, которые носятся в Ветре Слёз, сложилось число 73. Через час после того, как этот знак облетел всю Альдану, один чёрный маг с невесть откуда взявшейся армией решил захватить власть над страной. Война началась, и никто не знал, как справиться с ним: ежедневно на его сторону переходило немыслимое число людей, и все они появлялись из ниоткуда. Равно как и первоначальное его войско, с которым он пошёл на столицу. Поэтому-то армия его и была непобедимой, перебьёшь всю — наутро он с новыми солдатами. Каким-то непостижимым образом неприятеля одолели. А через несколько лет обнаружили, что в одной из книг о чёрной магии на семьдесят третьей странице есть заклинание о том, как любое животное превратить в человека. Стало ясно, о чём говорил Ветер. Тот колдун владел этим заклинанием в совершенстве, и армию свою таким образом создал и пополнял.

— А почему люди, сражавшиеся против него, не могли тоже прибегнуть к такой магии? — спросил Саша.

— Заклиная животное подобным образом, сложно получить полноценного человека. У созданных таким путём людей встречаются существенные недостатки: они плохо понимают человеческую речь, сами почти не могут разговаривать, часто бывают агрессивны по отношению друг к другу, но самое главное — им не хватает воли, чтобы бороться с инстинктами, поэтому эти люди почти неуправляемы, — охотно объяснял Дерик. — Мастеров, способных достичь значительно более высоких результатов, очень мало, и не все этим заклинанием пользуются.

Слишком уж дешёвый заменитель реальному человеку — как ни старайся, а души у него не будет.

— Ничего себе! Слушайте, я хочу почитать книги по истории королевства! — заёрзала на пуфике Алина.

— Без проблем! — воскликнул Джейк. — В этом доме должны где-то валяться учебники.

— Наверное, разгадыванию тайн Великих Ветров мудрецы всю жизнь посвящают, — протянула Дашка.

— Да, а тот, кто достигает больших успехов в этом, обычно становится старейшиной, — произнесла Джессика.

— А Вивьен, случайно, язык фей не изучает? — с блеском в глазах спросила Алина.

— Это долг всех священниц, — ответил Дерик и, разглядев белеющий в полутьме циферблат настенных часов, протянул: — три часа ночи. Увлеклись мы.

— Но на правах безработных мы можем спать хоть до вечера, — хихикнул Джейк. — И если мы продлим посиделки ещё чуть-чуть, никто от этого не пострадает.

— Только не здесь! — Анна, развязывая фартук, прошла через комнату к компании. — Вам напомнить, что тут моя спальня? Марш отсюда.

— Тогда давайте у нас! — предложила Алина в коридоре, когда за компанией раздражённо захлопнули дверь.

Все прокрались наверх, где Винсенты продолжили повествование о знаменательных фактах из жизни их страны, да настолько интересных, что про столь необходимый организму здоровый сон вспомнили под утро.

Подремав час, Джессика вспомнила, что очередная тренировка Отряда Лесных Воительниц состоится через двадцать минут.

Дима сидел на кухне и лениво жевал сэндвич. К завтраку почему-то спустились всего четверо: он, Анна, Теона и Шаки. Мать наспех перекусила и убежала по делам, девочка вскоре тоже вышла из-за стола. Парень теперь не спускал глаз со старшей дочери, чувствуя, что его взгляд становится совсем уж неприличным. Теона на него не смотрела, и Дима, сам того не замечая, подавался вперёд, к ней. Он сообразил, что делает, только когда нагнулся через весь стол и её кудри защекотали ему нос.

Через пять секунд поцелуя на кухню влетела Джессика. Дима тут же дёрнулся назад.

— Теона, оставь нас, — приказала девушка.

Блондинка, нахмурившись и сердито вздохнув, исчезла за

дверью.

— Я тебя предупреждала, — Джессика ядовито растягивала слова, — не вздумай пользоваться принципом моей сестры — счастье в том, чтобы подарить счастье другим. Она никогда не устоит перед тем, чтобы сделать то, что от неё хотят. Даже не пытайся ходить этой дорогой, иначе прибью тебя.

«Да ты, дорогуша, дура, — удовлетворённо отметил про себя Дима, — после такой подсказки надеяться, что я оставлю Теону в покое. А неожиданная страсть твоей сестрицы ко мне так просто объясняется, — сделал он второе заключение. — Что ж, мне только легче. Спасибо тебе, Джесс, сегодня-завтра эта девчонка будет моей полностью».

С этой мыслью он вышел из кухни. Теоны в доме уже не было, и Дима, прихватив немного денег, отправился разыскивать одного молодого колдуна, который занял ему энное количество золотых в тот день, когда Айрис Ави, назначив штраф Джессике, поставила под угрозу жизнь Дашки. Дима тогда с расстройства решил опрокинуть пару стаканов чего-нибудь алкогольного в таверне, но вспомнил, что у него нет денег, уже сделав заказ. Тот маг его и выручил, так как сам пребывал в прескверном настроении и нуждался в товарище по распитию спиртного, а Дима был отличной кандидатурой. После восьми убойных коктейлей на каждого они расстались хорошими приятелями, и началу крепкой мужской дружбы препятствовал только Димин долг.

Второй день подряд Дашка и Алина просыпались от злостного стука в дверь их спальни и раздражённого голоса Анны: «Вставайте, живо!». Алина невнятно проскрипела какую-то фразу, из которой Дашка разобрала только «Сейчас…», и перевернулась на другой бок. Единственное движение, которое смогла сделать Сотникова — разлепить веки. Резвившееся под потолком семейство летунчиков застыло в воздухе. Пятеро детёнышей, испуганно пискнув, метнулись за Роки, самого крупного зверька, и робко выглядывали из-за его спины, а он сердито зашипел, как показалось Дашке, защищая свой выводок.

«У меня что, выражение лица „Не влезай — убьёт“?» — подумала она, волоча ноги в уборную. Умывшись, посмотрела в зеркало над раковиной…

Оно не отражало Дашку.

В ужасе она поднесла руку ко рту — пальцы нащупали два длинных, острых клыка.

Глава 10 До свидания, солнце

— Что, ещё не очнулась?

— Нет! По-моему, ей только хуже.

— А бледная-то какая! С чего это ей плохо стало…

— У неё сердце здоровое?

— Без понятия, она раньше не жаловалась.

— Теона где? Джейк, поищи её!

— Да любого целителя сюда тащи, сестру днём не словишь!

Оглушительный топот, грохот двери, встревоженные перешёптывания. Дашка, наконец, поняла, что лежит на кровати и голоса возле неё принадлежат Саше, Алине, Дерику и Шаки, а минуту назад тут был ещё и Джейк. Неужели ей всего лишь приснился кошмар! Должно быть, из-за него она сейчас неважно выглядит, вот друзья и тревожатся за неё. Дашка распахнула глаза — компания ахнула.

— Мама! — пискнула Алина.

Дашка почувствовала, как мешают во рту клыки. Она провела языком по одному, по другому — это не дурной сон, это явь.

— Кто-нибудь, предупредите Джейка! — взвыл Дерик. — Пока он не привёл сюда кого постороннего!

Алина и Саша рванули в коридор прежде, чем он договорил. Винсент сел на пол у изголовья кровати, Шаки — в ногах у Дашки, было заметно, что девочка её побаивается, и, если бы не брат, она бы ушла из комнаты.

— Ты утром не увидела себя в зеркале и потеряла сознание от шока? — холодно спросил парень.

— Да, — Дашку сковывала слабость по мере того, как в голове разворачивались вероятные схемы ближайшего будущего. Несколькими днями ранее она опасалась, что милое семейство выгонит её, потому что ей суждено притягивать тёмные силы, но про эту участь почти никто и не знает пока. Теперь предсказание священницы всплывёт наружу, тем более что оно уже сбывается. Ещё ладно, если просто выставят за дверь — бросят в пасть закона, а он к вампирам пока что немилосерден до крайности. Получит ли Кеану Мортис разрешение старейшины на закон о сохранении жизни таких, как она?

— Когда это произошло? — всё так же, без эмоций, произнёс Дерик.

— Как только нас с Алиной разбудила Анна. Я сразу же встала и спустилась в уборную, — обречённо отчитывалась Дашка.

— Прости, я не так выразился, — в голосе Дерика мелькнули

невнятные, то чуть тёплые нотки. — Когда тебя укусили? В Мрачном Лесу или позже?

Дашка начала припоминать: она продирается сквозь колючие заросли, сжимая в кулаке единственный источник света, который у неё был, отдёргивает руку, вырвавшийся из плена пальцев свет отпугивает кого-то, кто подкрался к ней сзади. Ветки её беспрестанно задевали, били по лицу, царапали, щекотали, цеплялись за одежду и волосы — как было ощутить сквозь это аккуратный укус?

— В лесу. В зарослях, где мы куст нашли. А какое это имеет значение?

— Если бы позже, когда мы уже в деревню вернулись, это значило бы, что вампиры опять добрались до нашего поселения, — Дерик подавленно созерцал, как суетится народ в окне. — Совсем недавно инцидент был, вы от Лармы слышали. Когда между нападениями проходят считанные дни — жди беды, вампиры или набрались сил чтобы сделать нам вызов, или настолько измучились без свежей крови, что не успокоятся, пока не покалечат полдеревни. Или же очередной идиот возомнил себя Повелителем Тьмы.

— Кем? — Дашка, смотревшая в потолок, повернула лицо к Дерику. Парня передёрнуло: он не мог ещё свыкнуться с тем, что перед ним — вампирша.

— Маг, которому дано полностью прочитать Книгу Смерти. Эта история началась аж тогда, когда люди только-только стали осваивать волшебство, — Дерик заставлял себя не отводить взгляд от Дашки, но, когда она поднялась с подушки и подвинулась к нему, парень невольно отшатнулся.

— Разве сейчас время для историй? — в спальню вошёл Саша с друзьями.

— Конспирацию соблюдайте, — Джейк закрыл дверь, которая всё время, пока троица бегала на улице, оставалась распахнутой. — А про Книгу смерти вам знать стоит, это всё с вампирами связано, так что… — он сник.

Компания присела на кровать, явно рассчитывая на то, что рассказ Дерика займёт минуты три.

Парень начал:

— Первый человек, постигший тайны чёрной магии, описал все открытые им заклинания и проклятия в книге. Сильнее них не существует ничего, и редкий колдун обладает такой энергией, чтобы пользоваться ими. Должного применения тому, что содержится в книге, тот волшебник не нашёл. Поразительно, но он, как все злодеи во все времена, к власти над королевством не рвался, войн никаких развязывать не хотел. Кроме него, в

Альдане тогда смертельное колдовство не было подвластно никому, так что в стране царили мир и гармония. Но к старости маг начал жалеть, что не воспользовался мощью своих знаний. На той книге, названной им Книгой Смерти, он оставил Чёрное Благословение — это значит, что его пожелание, связанное с этим предметом, обязано сбыться. Любой, кто возьмётся за дело, в котором книга призвана помочь, погибает, если не сумеет справиться с ним. Дело это стандартное — завоевать наш мир. Как именно — колдун за всех решил. Половина глав в его книге о том, как управлять нежитью, делать так, чтобы все вампиры, скелеты, зомби и призраки подчинялись твоей воле. Из них предлагается сделать армию, которая и будет наводить порядок в королевстве, слушая твои приказы. Самая интересная деталь — каким образом добиться такого эффекта, может прочесть только тот избранный, которому хватит энергии обращаться с таким колдовством. Выяснится, что сил у тебя маловато — прощайся с жизнью, Чёрное Благословение недостойных убирает нещадно. И ведь находятся идиоты, которые полагают, будто им всё подвластно, открывают книгу, входят во вкус, начинают осваивать заклятия, изучают фолиант от корки до корки — а заветные страницы с теми самыми чарами, обеспечивающими достижение цели, не появляются. Всё, до свидания, безумный мир. Но стремление править миром убивает страх смерти. Ко всему прочему, многим, кому в руки попадает Книга Смерти, удаётся управлять небольшой толпой вампиров. Поэтому, если б нападения в деревне участились, я мог бы опасаться, что это — деятельность очередного ненормального, решившего поиграть в Повелителя Тьмы.

— А что, Книга Смерти может оказаться у любого? — неприятно поразилась Дашка.

— Да, смешно просто, хотя плакать хочется, — фыркнул Дерик. — Тот волшебник оставил Книгу своему сыну, но он был превосходным белым магом, чёрную изучать не стремился, и фолиант у него пылился в шкафу. В роду у колдуна чёрных магов так и не появилось, все младшие поколения постепенно теряли интерес к волшебству вообще, становились воинами, и один из потомков (когда тёмные чары стали известны многим) продал Книгу Смерти какому-то магу. Волшебника её содержание не прельстило, он отдал артефакт ещё кому-то… С тех пор и до наших дней Книга свободно гуляет по всему королевству.

— А уничтожить её? — Дашка догадывалась, что он ей ответит.

— Нельзя. Чёрное Благословение хранит тот артефакт, на который наложено. Сама по себе, между прочим, книга

безобидная. Недавно её мистер Тейлор читал, — улыбнулся парень. — Если ты уверен, что власть над миром — не твой удел, можешь пользоваться ей без угрозы для жизни, честных людей Чёрное Благословение не касается. Тейлор даже пару заклинаний из Книги изучил. Люди, которые получают её в распоряжение, часто находят в ней что-то для себя, и ничего страшного тут нет.

— А куда Книга делась потом? — потребовала ответа Алина.

— Он дал её почитать своему кузену, но парень уехал учиться в Зальван, у нас там Магическая Академия, прихватив артефакт с собой.

— Я одного не пойму, — нахмурился Саша, — эта Книга Смерти невероятно опасна, почему её по первой просьбе передают в чужие руки?

— В каждом из нас живёт кусочек надежды, — теперь Дерик смотрел на Дашку спокойно и грустно. — Книгу, как правило, вручают тому, кто кажется нам хорошим человеком. Пусть это незнакомец, но если у него добрые глаза — артефакт отойдёт ему. Только очень корыстные люди Книгу оставляют тому, кто больше заплатит. Её невозможно хранить в одной семье: в одном из поколений найдётся кто-нибудь, пристроит Книгу в другое место. По правде говоря, такого уж большого вреда она не приносила. Эффект от заклинаний из неё у мага со средними и даже выдающимися способностями получается и вполовину не таким мощным, как следовало бы. В истинном Повелителе Тьмы сосредоточено столько сил чёрной магии, что все его дети рождаются демонами. Чёрное Благословение обязывает, чтобы у Повелителя был ребёнок, который стал бы наследником тёмного дела.

— Из этого можно сделать вывод, что всем, кто мнит себя Повелителем Тьмы, Книга Смерти доставалась до того, как они становились родителями. Или же ребёнка-демона с виду не отличишь от настоящего, — скептически заметила Алина.

— Первый вариант случается, — с усмешкой кивнул Джейк. — А бывает, что женщина становится матерью демона из-за проклятия, тогда или она, или отец начинают думать про господство нал миром и Книгу Смерти.

— По-моему, все всё для себя уяснили, — Дерик поднялся с пола. — Пойдёмте за новостями. Что там с новым законом о вампирах?

— Сожалею, тебе придётся сидеть дома, — Джейк положил руку на плечо Дашке.

— Я понимаю, — она потупилась.

— Хочешь, кто-нибудь из нас с тобой останется? — предложила Алина.

— Не стоит. Правда, — Дашка свесила ноги с кровати. — Я найду, чем себя занять.

— Как скажешь, — Алина пожала плечами и вышла вслед за остальной компанией.

Шаки ускользнула вместе с ними. Дашка задёрнула шторы — от яркого света уже голова болела и ломило тело. Как только назойливые солнечные лучи перестали лезть сквозь стекло — стало намного лучше. На душе было подозрительно тихо, наверное, после такого обилия переживаний там что-то сломалось, остановилось, отказало, перегорело и отказывалось ещё что-то воспринимать. Всё уладится… Не может же быть такого, чтобы Дашка начала нападать на людей, не может… Внутренний голос убеждал в этом долго, настойчиво. Сопротивляться ему было незачем.

Дверь приоткрылась, и в щёлку осторожно заглянула Шаки:

— Я войду?

— Входи, — Дашка, метавшаяся из угла в угол, остановилась и плюхнулась в кресло.

Девочка опять принесла огромный букет, который предварительно уже запихнула в вазу. Со всей этой красотой в руках она в нерешительности переминалась с ноги на ногу возле двери, пока Дашка не взяла цветы и не пристроила их на подоконник.

— Спасибо, Шаки, очень красивый, — поблагодарила она.

Робко подойдя к ней ещё на шаг, девочка замерла. Дашка постаралась улыбнуться. Как её самой показалось, у неё получилась кривая грустная ухмылка, но этого было достаточно, чтобы успокоить Шаки. Девочка примостилась на кровати, у самой спинки.

— Ты любишь собирать цветы? — спросила Дашка. Оказалось, улыбаться хотелось от сердца.

— Это единственная радость, которая у меня осталась, — не по-детски серьёзно и грустно ответила Шаки. — Я каждый день хожу к башне старейшины, за ней поляна, где очень много цветов. Почти всё время там провожу. Оттуда столько всего видно.

— Наблюдаешь за тренировками Джесс?

— Нет. Ей не нравится, когда я за ней смотрю, — пробормотала девочка. — Я обычно знаки Ветров разглядываю. Все Ветры всегда дуют через это место.

— Мы несколько раз там были и ничего не видели, — рассеянно проронила Дашка и добавила со вздохом: — я бы вместе с тобой туда сходила, если бы не моё новое состояние. Не знаю, как скоро смогу снова туда попасть. Мы теперь похожи с тобой, нам на улицу свободно выйти нельзя. Тебе — без

поддержки никак, мне — без темноты и гарантии, что никто меня не заметит.

— Давай я днём спать буду, а по ночам с тобой гулять? — застенчиво пролепетала Шаки.

— Тогда каждый раз, когда надумаю размяться, буду тебя заранее предупреждать, — пообещала Дашка. — Но сегодня, пожалуй, я останусь дома.

— Хорошо, — глаза Шаки смеялись. — Я завтра тебе ещё больше букет принесу.

— Если хоть на самую малость больше того, который ты подарила мне сегодня, то он будет размером с тебя, — хихикнула Дашка, — и станет превосходно загораживать окно, которое мне не придётся зашторивать.

— А мама цветы, которые я собираю, никогда не ставит для красоты, — доверительно пожаловалась девочка. — Она из них зелья делает.

Послышался стук когтей, и в комнату протопал Шанди и стал по-кошачьи тереться головой об ноги хозяйки.

— Мне лекарство пора принимать, — Шаки погладила его. — Он всегда напоминает об этом, если… Ай! — вскрикнув, девочка побледнела и согнулась — от чудовищной боли.

— Что?!? Что такое? — всполошилась Дашка.

— При… приступ, — Шаки перекатилась на спину, оставив на одеяле мокрое от слёз пятно. — Пусть… кто-нибудь… за Теоной… Она мне помогает…. Попроси… кого-нибудь… за ней… Сестра должна быть у мистера Цельсия…

Дашка вылетела в коридор:

— Анна! Шаки плохо! У неё приступ!

Тишина. Дом пустовал. Дашка проверила все комнаты — никого.

Хаотично заплясали мысли: мистер Цельсий живёт на этой улице. Вампирша выбежала во двор и едва не лишилась чувств. Солнце. В глазах потемнело, и казалось, что по венам течёт кипяток, обжигающий все ткани и органы. «Соберись, несчастной девочке хуже, чем тебе». Дашка поплелась в ту сторону, где почти не было народу. Ускориться она не могла — так было мерзко во всём теле.

Возникла развилка. Прямо начиналась уже другая улица, а та, на которой следовало искать Цельсия, уходила в лес. Улицу прорубили сквозь него, но деревья в неё были высокие, выше, чем крыши домов, нереально густые и склонялись над дорогой и дворами, как навес. Солнца он пропускал мало, и идти здесь оказалось гораздо терпимее.

Вдруг краем уха Дашка уловила голос Тинзо, сына мистера

Цельсия. Вампирша притормозила, повертела головой, но так и не поняла, откуда именно он доносится. Дашка прислонилась к забору и, наморщив лоб от усилия и отчаяния, пыталась определить, из какого дома слышится голос. На секунду она отвлеклась — к ней кто-то приближался…

— Вот и попалась!!! — раздался торжествующий голос, и одновременно Дашку изо всех сил толкнули в грудь.

Вампирша шлёпнулась на землю. Над ней навис молодой парень. Он крикнул кому-то через плечо: «Быстрее давай!» — и, схватив Дашку за запястье, рывком поднял на ноги и скрутил ей руки за спиной.

Подоспел второй парень. Он, наклонив голову и прищурившись, оценивающе уставился на неё и произнёс:

— Хм. Хорошенькая!

— Ну так действуй, пока я её держу! — загоготал первый.

Дашка дёрнулась, и тут же получила от второго такой удар в живот, что дыхание перехватило минуты на две. Она стекла вниз, на колени и получила новую волну боли из-за того, что её руки оказались вывернутыми, парень по-прежнему её удерживал.

— Я бы рад, но эта шалава мне шею прогрызет прежде, чем я с неё брюки сниму, так что попрощайся с ней, и… — второй мучитель отцепил от пояса кинжал.

— Не, Берни, её надо сначала к управленцу вести, — сказал первый.

— Зачем? — рассердился второй.

— В Управлении всех убитых вампиров регистрируют, а если ты прикончишь её сейчас, она исчезнет, — раздражённо объяснил парень и приказал Дашке: — Поднимайся.

Она встала. Её запястья стянули верёвкой так сильно, что вампирша их уже не чувствовала. Парень, который держал Дашку, запрокинул пленнице голову, вцепившись ей в волосы.

— Иди вперёд, — скомандовал он, так и не отпустив их. Наверное, это было в целях безопасности, чтобы вампирша не изловчилась и не укусила кого-нибудь из конвоиров.

Дашка, которая не могла посмотреть не только по сторонам, но даже и перед собой, стала медленно двигаться. Очень скоро улица вынырнула из леса, и она чуть не сошла с ума от полуденного солнца. Когда перед глазами вырос внушительный каменный дом с вывеской «Управление», Дашка была настолько изможена, что не сразу его заметила.

Парень, который удерживал её, велел остановиться. Второй исчез в здании.

«Не бойся, сейчас всё закончится, — бессмысленно лепетал внутренний голос. — *Семнадцать лет — не время для смерти, ты*

не осуществила всё, что хотела… Но зато ты сохранила свои идеалы, не увидела, что наш мир слишком грязен для них, тебе не пришлось разменивать их на приземлённые стандарты ради того, чтобы получить от жизни хоть что-нибудь. Твоё сердце дало тебе надежду на то, что ты найдёшь свои идеалы в реальности, и ты закончишь, не пережив их крушение…»

«Это же смешно, — тут же возражал он сам себе, — *ты слишком веришь в свои идеалы, чтобы не воплотить их в жизнь, тебе нельзя умирать, пока с тобой твоя вера, нельзя!»*

О, нет, с каждым разом всё хуже и хуже — остановится эта дикая лавина событий или… Дашка не могла думать о том, что она теперь вампирша, опасное для людей существо, что она в ином мире, что её жизнь сейчас оборвётся; хотелось отключить разум и оставить лишь инстинкт самосохранения, который бы управлял тобой до последнего вздоха, не позволяя чувствам засорять мысли.

Потом она снова начала понимать происходящее: её по-прежнему держат за волосы, на руки давит верёвка, из Управления выходят второй её конвоир и человек, несущий стеклянный шар, точь-в-точь как тот, с помощью которого друзья разговаривали с Тейлором, останавливаются возле неё.

— Итак, шестого числа девятого месяца тысяча семьсот сорок первого года второй эпохи в третьем часу дня возле пятнадцатого дома улицы Дианы Бьёрн была поймана вампирша, — монотонно забубнил человек с шаром, уставившись в сей магический предмет, при каждом слове наполняющийся белым паром, — и доставлена в Управление деревни Фатона…

— Берни Кингом и Томасом Брауном, — сказал в шар парень.

— Отлично, — пропел человек. — Приступайте.

«Это конец, — заныл внутренний голос, — *это бесславный, совсем недостойный конец. Делай что-нибудь!»*

Наверное, надо было попытаться сопротивляться, выиграть кусок времени, но палящее солнце уже убивало её, опустошая голову и отнимая волю к жизни. Парень с кинжалом нацелил лезвие на Дашку, замахнулся…

Внезапно раздался взрыв — разлетелся на осколки стеклянный шар, который заботливо прижимал к себе человек из Управления. Освободившийся пар с шипением сбился в хлопья, носящиеся по воздуху. Осколки растаяли мгновенно, не успев никого ранить. Скорее всего, такой взрыв был предусмотрен, и шар заколдовали на этот случай. К тому же человек выглядел скорее рассерженным, чем потрясённым — знал, что так порой случается.

Хлопья слетелись в кучу, постепенно принимавшую форму

человеческой фигуры. Она становилась всё более детализированной и вскоре стало видно, что перед Дашкой, управленцем, Берни Кингом и Томасом Брауном возник Кеану Мортис.

— Господа, уведомляю Вас: старейшина Фредерик только что дал согласие на утверждение закона о сохранении существования вампирам, поэтому вы не имеете права убивать эту девушку, — громко сказал он.

— И что теперь с ней делать? — трагически спросил парень с кинжалом.

— Посадить в камеру до тех пор, пока не найдут людей, которые знали о том, что она вампирша, — Кеану нахмурился, — и вместе с девушкой отправить в Денаувер. Эту поправку к закону внёс король Мартин в обмен на саму вероятность утверждения закона.

— Всего-то? — хохотнул управленец. — Что-то Мартин продешевил. По-моему, ради подобных идей полагается жертвовать большим.

— Откуда тебе знать про жертвы? У тебя ведь нет ничего, чему можно было бы их приносить, — холодно ответил Кеану. — Твоя задача — выяснить, кому было известно о трагедии этой девушки на тот момент, когда её поймали, привести их в Управление и организовать конвой. И поаккуратнее обращайтесь с ними, я уверен, что они мои хорошие знакомые, и эти люди похожи на настоящих преступников, которым самое место на болотах Денаувера, не больше, чем ты на честного человека. Девушку, кстати, я встречал, когда она ещё не была вампиршей. Она безобиднее тебя, поэтому не стоит держать её за сомнительную личность. Поласковее с ней, я проверю.

— В хранитель информации что вкладывать? — проворчал управленец. Судя по его голосу, это был первый и последний раз, когда он намеревается соблюсти закон о вампирах.

— Имена вампирши, остальных ссыльных и конвоиров, дату и время выноса приговора и прибытия в Денаувер, а также адрес по месту ссылки, — перечислил Мортис и бесследно растаял.

Дашке почему-то совсем не хотелось радоваться.

Всё те же люди, следуя за раздосадованным управленцем, прошли вместе с ней в здание. Камеры для задержанных находились в подвале, почти все они пустовали. Дашку заперли в самой дальней и тёмной. Рядом, через решётку, скучала девчонка, на вид чуть младше вампирши. Её взгляд заскользил по Дашкиному лицу. Ни страха, ни отвращения, чистое девичье любопытство.

— Интересные у тебя волосы, — заметила она.

Что, всего лишь её стрижку и разноцветные пряди рассматривала? Быть такого не может. Дашка распахнула глаза то ли от неожиданности, то ли затем, чтобы обратить внимание на своё уродство.

— Да вижу я, что ты вампирша, — протянула девчонка и ободряюще сказала: — Не бойся, если Ричард запихал тебя сюда вместо того, чтобы, несмотря на последний закон, прервать твоё существование, он своего решения не поменяет.

— Ричард — это человек из Управления, который меня сюда привёл? — уточнила Дашка.

— Он самый! — девчонка тряхнула волосами. — Убедить его поступить по закону труднее, чем осилить ключевые страницы Книги Смерти, но если такое чудо случается, он до конца выдерживает и не срывается на произвол. Если сказано вампиров не убивать — он тебя не казнит, хотя руки будут чесаться, ой как будут!

— А откуда ты про закон знаешь? — Дашка подошла к решётке, за которой сидела её собеседница. — Я, парни, которые меня схватили и притащили сюда, и этот Ричард услышали о его принятии десять минут назад. Секундой позже — и я бы была горсткой зелёного пепла.

— А вот почему! — девчонка пошарила у себя под юбкой и вытащила полусонного информера. — Я наделена особым даром, понимаю язык мелких волшебных животных. Я их мысли читаю и свои им передаю, вот и прошу это существо периодически телепортироваться наверх и докладывать, что там такое происходит.

— Он тебя слушается? — поразилась Дашка. — А почему твой информер засыпает? Я имела дело с двумя такими созданиями, так они даже не уставали!

— Секретные чары! — усмехнулась девчонка. — У меня бабуля — специалист в области противозаконного колдовства. Была, — она вздохнула.

— Сожалею.

— Поверь, не стоит, — собеседница усмехнулась. — От старой перечницы никто никогда не то что доброго — приличного слова не слышал. Из-за её смерти все расстроились исключительно потому, что старуха знала тьму любопытных заклинаний, но далеко не все знания успела передать младшим поколениям. Но потом выяснилось, что переживать надо по другому поводу — она, умирая, наслала на нашу семью проклятие, от которого погибли отец и старший сын. Остались я, младший братец и сестрёнка, а маму несколько лет назад, пока бабка ещё переводила кислород, один из королевских слуг

покалечил магией. Она теперь совсем слабая, не в состоянии даже из постели встать. Вот из-за этого ты можешь сожалеть.

— Да… Печально, — Дашка посмотрела в пол, на носки своих ботинок, и вернулась к девушке: — Но почему это произошло?

— Ты про маму или про бабку? Бабка чрезмерно увлекалась тёмным колдовством. Когда человек ежедневно принимает на себя и отдаёт слишком много магической энергии, это наносит непоправимый вред здоровью и разуму. А на маме просто злость сорвали. Когда банду Детей Ветра искали, помнишь? — нетерпеливо спросила девчонка.

Дашка пришла в смятение. Конечно, можно соврать, что да, но вдруг…

— Ты не местная? — сообразила девчонка. — Тогда объясню. Первоначально предполагалась, что банда должна была скрываться неподалёку от столицы, и Детей Ветра выслеживали в окрестных поселениях. Собрали поисковые отряды, из приближённых короля Мартина. Тот, кто схватит хотя бы одного члена банды, мог требовать для себя едва ли не всё, что угодно. Командир отряда, занимающегося переворотом вверх дном нашей деревни, страстно мечтал о повышении. Каждый раз, когда очередной подозреваемый оказывался невиновным, он выходил из себя не на шутку. К несчастью, он имел привычку: для разрядки выстреливать каким-нибудь тёмным заклинанием куда попало, не глядя. Вот моя мама под горячую руку и попалась, — она пальцем остановила сбегающую по щеке слезу. — Старуха о нас совсем не заботилась, поэтому я и стала той, какой ты меня видишь.

Дашка только сейчас обратила внимание на то, что её собеседница выглядит слишком своеобразно. Платье омерзительно кричащих цветов: алого, ярко-розового и пронзительно-сиреневого — обнажало плечи и едва прикрывало грудь; ноги обтягивали чёрной паутиной ажурные чулки. Только причёска не указывала на грязное ремесло девицы: собранные в «хвост» волосы с двумя выпущенными крупными прядями.

— Тебя за это сюда бросили? — пробормотала Дашка.

— Не совсем, — собеседница поправила сползающее платье. — Я ещё хуже, чем ты думаешь. Своих клиентов обворовываю. Я вообще-то работаю не здесь, снимаю каморку в городе, а сюда раз в неделю приезжаю, деньги отдать маме и брату с сестрой. Вчера вернулась в деревню и напоролась на бывшего клиента. Он, оказывается, в столицу ездил на пару дней по делам, а живёт тут. Запомнил меня, гад. Противный такой мужик, я, когда с ним была, думала, не вынесу унижения.

— И что теперь с тобой будет? — тихо спросила Дашка.

— Ничего, пока со мной моя тёмная сила. Управленцы ведь рассчитывают мной попользоваться, так что околдую первого же, кому ласки захочется, и слиняю отсюда. Думаешь, до этого я ни разу не попадалась? — хмыкнула девица. — Всё отработано.

«Проклятый мир, — подумала Дашка, — что тут, что там, везде одно и то же». Закричать, разрыдаться, забиться в истерике — и всё равно не прогнать те эмоции, которые её терзали. Если в любом мире любовь уже никто никому не дарит, но её можно купить по сходной цене; если нравственность — это балласт, не дающий подниматься к высотам; то любому, чей разум ещё сопротивляется такому раскладу, остаётся только самому зарываться в грязь, пока это не помог сделать тебе кто-то другой.

Она опомнилась: собеседница похлопала её по руке, просунув ладонь сквозь прутья решётки.

— Держись! В тебе живёт добро, оно не позволит инстинктам вампира взять над тобой верх.

— Оно мне жить не позволяет, — Дашка прислонилась к решётке.

— Ради меня, — собеседница слабо улыбнулась. — Я буду знать, что хоть иногда зло уступает.

Тем временем работник Управления Ричард Стоун и три его помощника, грубые парни, похожие друг на друга бессмысленными взглядами, спешили на улицу Дианы Бьёрн. Одно несложное заклинание помогло установить, что молодая вампирша носит фамилию Винсент; адрес этой семьи им был известен (так как нередко представителям Управления приходилось разбираться с Джессикой). Дело оставалось лишь за тем, чтобы определить, кого надо привлекать к ответственности.

Глава 11 На поворотах заносит, держитесь крепче

Саша соскочил с подоконника в коридоре, нервно прошёлся взад-вперёд, остановился, попытался подумать, но не определил, что следует осмыслить в первую очередь. Нервничал он так, что Теоне, колдовавшей над Шаки, пришлось выгнать парня из комнаты. Остальные друзья с замиранием сердца наблюдали за магическим процессом.

Чудовищный день. Даша стала вампиршей и пропала, да ещё у Шаки случился приступ. Старейшина дал согласие на принятие закона, долго перед этим колебавшись. Если он принял это решение исключительно из-за Даши, то… На сколько же градусов повернула ход истории королевства четвёрка обычных студентов? Дашка, где она сейчас?!

Парень продолжал мерить шагами коридор, как вдруг со двора заорали:

— Представители из Управления, впустите!

Из спальни выглянул Дерик, бледнеющий так стремительно, что Саше показалось: Винсент вот-вот рухнет без чувств. Тем не менее он, хватаясь за стены, поковылял на первый этаж, открывать незваным гостям дверь. Следом из комнаты показался Джейк, выражение его лица тоже не предвещало ничего хорошего. Даже Теона оставила сестру и выглянула в коридор.

Пошумев для порядка внизу, визитёры соизволили, наконец, подняться. Тот, который шёл впереди всех и угрожающе потрясал посохом, рявкнул:

— Сегодня была задержана девица из вашей семьи, Дарья Винсент. Если вы ещё не догадываетесь, сия особа является вампиршей. Итак, кто знал об этом к тому времени, как она была схвачена, но поленился сдать её в Управление?

Компания (она уже стояла перед этими людьми в полном составе, включая Шаки) неприветливо взирала на представителей закона. Винсенты прекрасно знали, а Алина и Саша чувствовали, что управленцы без проблем добьются ответа, но из принципа говорить не собирались.

— Что ж, ваше право, — человек ударил посохом об пол, в воздухе нарисовались его портрет и золотые буквы: «*Ричард Стоун, представитель Управления деревни Альдана. Разрешение на применение заклинания Честности имеет*».

Он ударил посохом ещё раз, выкрикнув слово на непонятном языке, и повторил:

— Кто знал, что Дарья Винсент — вампирша?

— Я, — непроизвольно, под влиянием какого-то сверхъестественного импульса вырвалось у Алины, Джейка, Саши, Дерика и, к отчаянию компании, у Шаки.

— Что с ними будет, мистер Стоун? — воскликнула Теона.

— Переедут в Денаувер, — управленец в предвкушении потирал руки. — Сегодня же вечером, нам осталось только оформить группу сопровождающих. А сейчас всех сознавшихся я заберу в Управление, — он третий раз стукнул посохом об пол, и на запястьях у компании материализовались и защёлкнулись наручники.

— Вы, леди, — обратился Ричард Стоун к Теоне, — можете напоследок повидаться с ними часов в пять, перед тем, как их посадят на поезд, и передать им какие-нибудь вещи. Равно как и остальные члены семьи могут не отказывать себе в удовольствии и тоже сходить попрощаться.

Информер, ползающий в волосах Теоны, вылез на её плечо и мерзко захихикал.

— Вот и хорошо, — подытожил Стоун. — Шевелитесь, что встали! — управленец ткнул посохом в спину Саши.

Компания поплелась к выходу. Никто из друзей ещё до конца не соображал, что происходит кошмар с ними в главных ролях. Спускаясь по лестнице, Саша обернулся: Теона смотрела на них, переполненная решимостью. Парень готов был поклясться, что девушка намеревается поднять всю деревню, чтобы добиться их оправдания. Пожалуй, этому неземному созданию придётся так же плохо, как и друзьям, когда она узнает, что справедливость давно стала понятием относительным: у кого больше власти, мнение того и является справедливым.

Вскоре люди из Управления ненадолго избавили компанию от своего общества и от наручников.

— Ты как? — вцепилась в Дашку Алина, когда Стоун с помощниками покинули подвал.

— Никак, — призналась вампирша, глядя на девицу, скучающую в соседней камере. Та пожала плечами и улыбнулась.

— Мы, кажется, тоже не лучше, — вздохнул Саша из камеры напротив.

Остальные были слишком измотаны, чтобы продолжать разговор. Шаки тихо всхлипывала, и от этого друзья ощущали себя просто ужасно. Наверное, рано или поздно это должно было случиться, но как объяснить несчастной девочке, большую часть своей недолгой жизни чувствующей себя лишней в семье, что она только определила срок события, но не его само? Как научить себя самих не задевать эту мысль — если бы не приступ Шаки, то

всё могло быть иначе?

Старейшина рассеянно смотрел в магическое зеркало, в котором, кроме комнаты и двух задумчивых лиц — своего и мистера Мортиса — ничего не видел.

— Не стоит так переживать, — пытался успокоить его Кеану. — Они справятся. Эти молодые люди, как мне кажется, не станут опускать руки. Они не побоялись ночью идти в мрачный Лес, Фредерик, а это о многом говорит.

— Им всего по семнадцать лет, — возразил старейшина. — Столько тяжёлых испытаний подряд они не вынесут. Пока держатся, но надолго ли им хватит воли? На их плечах лежит большая ответственность ещё и потому, что так хотел Кевин Гранд.

— Вот именно, он так хотел! — воскликнул Мортис. — Гранд всегда знал, чего хочет, и никогда не ставил перед собой и другими невыполнимых задач. К тому же, у этих ребят здесь появились хорошие друзья.

— Лучших и не сыскать, — добродушно согласился Фредерик.

Будто в подтверждение его слов, в зеркале появилось изображение: у двери башни стоит Теона. Старейшина пробормотал что-то, и дверь открылась, гостья вошла. Через минуту она уже сидела в комнате, запыхавшаяся.

— Здравствуйте, леди, — Мортис приподнялся из-за стола, приветствуя её.

— Ты по поводу Дарьи? — настороженно спросил Фредерик.

— Не только! К нам в дом ворвались люди из Управления, арестовали Алекса, Элли, моих братьев и сестру, — Теона только-только отдышалась. — За то, что они не…

— Не сдали бедную вампиршу властям, — хмуро договорил старейшина. — Надеюсь, им не добавили лишнего наказания за то, что Джессика оказала бурное сопротивление мерзавцам из Управления?

— Не Джессика! Шаки! — Теона умоляюще посмотрела сперва на старейшину, потом на Мортиса, и вкратце рассказала, что знала про сегодняшние злоключения по словам младшей сестры и Саши, а также то, очевидицей чего оказалась сама.

— Я добьюсь, чтобы эту поправку к закону смягчили! — Мортис с силой ударил кулаком по столу, отчего от места удара разбежались по зеркальной поверхности трещины, а из-под пальцев Кеану потекла кровь.

Теона, ахнув, склонила голову и сложила ладони вместе, кулак мага тут же вспыхнул мягким светом, и все порезы

затянулись.

— Благодарю вас, — Мортис серьёзно посмотрел на неё. — Я очень волнуюсь за вашу семью, но, увы, пока ничего не могу тут поделать. Я имею право определять судьбу только самих вампиров.

— Но моя сестра! — Теона дрожала от возмущения. — Вы ведь видели её — о ней надо постоянно заботиться! Девочка должна постоянно принимать лечебные зелья, а в Денаувере невозможно достать ни один из ингредиентов!

Мортис твёрдо произнёс:

— Шаки не пропадёт. Я не допущу этого. Ей придётся некоторое время побыть в Денаувере, до этого вечера мы уже ничего не успеем, но потом… Крайне тяжёлое состояние здоровья — веская причина для того, чтобы девочка осталась в семье. Правда, разлюбезным лицам из Управления даже на элементарные причины надо указывать в официальном виде, объяснять всё на бумаге и снабжать всё это энным количеством печатей. И не забывайте, леди, что в нашем королевстве так повелось — люди, занимающие более высокие должности, могут позволить себе произвол по отношению к тем, кому до карьерных высот ползти ещё много-много километров. Так что мне стоит только живописать подробности того, что ждёт всё Управление Фатоны, если права несчастной Шаки нарушат — никто из вашей семьи в Денаувере не задержится.

— А как быть, пока вы всё это улаживаете? — не унималась Теона. — Шаки в любой час может потребоваться срочная помощь!

— К сожалению, я не всесилен, — мрачно ответил Мортис. — Так как я права других отстаиваю, а не стремлюсь их урезать, то каждый мой шаг проверяется более надёжными, по меркам короля, людьми. А Мартин ищет любой повод, чтобы убрать меня из Министерства. Если я без официально подтверждённой причины прикажу людям Управления отпустить вашу сестру, этого королю хватит.

— Могу я поехать вместе с ней? — спросила Теона сразу же, как Мортис сказал последнее слово.

— По закону — нет. Всё, что может облегчить людям жизнь в Денаувере, не приветствуется. С другой стороны, лишняя душа на Денауверских болотах не очень-то расстроит тех, кто разделяет взгляды короля, — рассуждал Мортис. — Я думаю, мистера Ричарда Стоуна можно будет уговорить, чтобы он разрешил вам отправиться в Денаувер.

— Теона, ты уверена? — старейшина не был таким спокойным, как Кеану. — Там очень опасно, очень. Незачем тебе

следовать туда со всеми. В Денаувере живут белые маги, так что Шаки там не пропадёт.

— Я должна туда ехать. Я так решила.

— Как знаешь, — проворчал старейшина. — Заставить тебя сидеть на месте я не могу.

— В этом твоя мудрость, Фредерик, — сказал ему Мортис. — Ты признаёшь право других на собственное решение, каким бы скоропалительным оно не выглядело.

— Предсказывать будущее — не наша компетенция, а предчувствия могут обманывать, — изрёк старейшина.

— Если вопрос исчерпан, то прошу вас пойти со мной, Теона, — Мортис встал. — Вероятно, ваше присутствие будет необходимо при оформлении разрешения на въезд в Денаувер.

— А мне предстоит поговорить с Анной, — вздохнул Фредерик. — Надеюсь, Теона, ты представляешь, как она будет переживать из-за твоего поступка, могут проблемы со здоровьем начаться. И попробую найти Дмитрия и Джессику, пусть они попрощаются с вами. А вот Анна, боюсь, после такого не захочет вас видеть.

— Винсенты, на выход! — пробурчал управленец, отпирая двери камер.

Чуть поодаль, возле ведущей на первый этаж лестницы, стоял Ричард Стоун.

— Перед отбытием с вами зачем-то хочет поговорить старейшина, — с безразличием протянул он, разглядывая собственный посох. — Ну, и напоследок повидаться с вами пришли какие-то… — нужного унижающего слова он не подобрал.

Друзья проследовали за Стоуном. Флорина (так звали девицу из соседней камеры) выкрикивала им вслед что-то ободряющее, и звучало это вполне искренне. Кажется, она велела компании не падать духом и уверяла, что в Денаувере, по крайней мере, лучше, чем в Чёрных Гаванях.

На улице уже ждал конвой, уже поднадоевшие люди в зелёных мантиях, с неизменными самодовольными ухмылками. Рядом старейшина, Теона, Джессика и Дима томились от нетерпения. Один из конвоиров, сделав особенно высокомерную рожу, махнул рукой в их сторону: вот вам минутка, чтобы наговориться.

— Что ж, — старейшина оглядел друзей, на каждом задержав взгляд, — всё, что ни случается, к чему-нибудь толковому да приведёт. Да, на поворотах жизненного пути порой заносит, так что держитесь крепче. Я могу лишь пожелать вам в этом удачи.

Пусть Ветер Слёз не будет вашим попутным.

— До встречи, — дрогнувшим голосом пробормотала Джессика и обняла сначала Теону, потом Шаки и, особенно крепко, Дашку.

— Я ведь тоже еду с вами, — объяснила Теона.

Все изумлённо посмотрели на неё.

— Но… Зачем? Почему? — растерялась Алина.

— Мне так будет спокойнее, — ответила Теона, — если я буду точно знать, что с вами происходит. Не волнуйтесь, меня ни в чём не обвиняют, просто я не хочу оставлять вас.

— Это ведь не разрешено, — строго сказал Дерик. — Нас можно навещать раз в год, и только.

— Мистер Мортис постарался, — заверила она брата. — Поговорил, с кем надо, и для меня сделали исключение. Так что всё законно.

— Верно, Дерик, — подтвердил старейшина. — Ну, мы ещё увидимся!

— Увидимся! — грустно повторил Дима. В присутствии Джессики он не мог проститься с Теоной так, как ему хотелось.

— Заканчивайте! — прогремел грубый голос Ричарда Стоуна.

Компания в последний раз сплотилась в одном большом тесном объятии, и приговорённым к ссылке друзьям приказали отойти. К каждому подошло по двое конвоиров, держащих наготове (то есть направленными в спину осуждённым) волшебные жезлы. Возле здания Управления рычала и фыркала пара драконов в ошейниках с шипами. На этих созданиях, очевидно, предстояло преодолеть часть пути…

Все разместились по драконам, они взмахнули крыльями — земля, пёстрые деревья, Управление, частные домики, суетящиеся люди и ставшие болезненно-одинокими Джессика, старейшина и Дима быстро уменьшались, пока не слились в одну грязную поверхность, от которой рябило в глазах.

Вопреки ожиданиям, драконы пошли на снижение уже над Зальваном, оказавшись в месте, которое друзьям уже приходилось видеть в магическом зеркале старейшины. Это был вокзал, в отражении тогда там присутствовал Кеану Мортис. Друзья и их конвоиры сошли на одну из платформ, вдоль которой тянулся поезд. Он был не очень длинный, всего четыре вагона. В два из них садились обычные люди, только невероятно грустные. Другие два предназначались для приговорённых к ссылке и их конвоиров: кроме компании друзей, в Денаувер суждено было отправиться молодому человеку, с виду ровеснику Джейка, старому седому волшебнику, красивой колдунье, над которой кружила целая стайка отвратительно верещавших информеров,

весьма неприятному типу, мертвенно-бледному, и довольно разношёрстной толпе народу, весьма и весьма колоритного, но молодого. Эти последние, судя по разговорам, были бродячей шайкой, сплотившейся до такой степени, что превратилась в одну большую дружную семью.

Вагоны заполнялись, платформа пустела, и на ней остались только компания друзей и их конвоиры. Настало время садиться на поезд тоже.

Вдруг послышался цокот копыт. Это опустился на платформу пегас. Необычный, чёрный с серебряной гривой и крыльями. Но внимание компании и «зелёных мантий» привлекла не волшебная лошадь, а всадник. Кеану Мортис.

— Позвольте осуждённым подойти ко мне, — велел он.

— Ладно, — скривился поигрывающий волшебным жезлом конвоир, по видимости, самый главный из всех, — но поторапливайтесь, поезд отходит через пять минут.

Друзья обступили министра.

— Клянусь, вытащу вас из Денаувера, — тихо сказал Мортис, наклонившись к ним. — Элли, Дарья, Алекс, Дмитрий, Фредерик поведал мне о вашем происхождении. Вы надежда Альданы, я не прощу себе, если брошу вас в беде. Джейк, Дерик, Шаки, разумеется, и вас не оставлю. Берегите себя. А теперь, могу я сказать несколько слов Дарье лично?

Закивав, друзья отошли. Мортис продолжил, неотрывно глядя на Дашку:

— Тебе следует запомнить одно простое правило. Ты настолько делаешься вампиршей, насколько ощущаешь себя ею. Чем меньше переживаний по этому поводу, тем лучше. Перестань бояться себя — и этим ты решишь свою проблему. Всё будет хорошо, поверь мне, как человеку, полжизни которого связаны с вампирами, — он тепло улыбнулся, и глаза его улыбались. — Ну, иди.

Дашка шагнула назад, засмотревшись на то, как пегас, услышав команду, пустился галопом, расправляя крылья. Кто-то из конвоиров, желая поторопить, сильно толкнул её, и она растянулась на платформе под взрыв глумливого хохота. Саша, вместе с остальными друзьями наблюдавший короткий монолог Мортиса из тамбура, кинулся к вампирше, чтобы помочь ей подняться, и, зло глядя на давящихся от смеха представителей правоохранительных органов, увёл Дашку в вагон.

Конвоиры зашли следом. Поезд тронулся.

В вагоне было душно и неудобно. Сиденья отсутствовали, но пол был устлан соломой, на которую не возбранялось опускаться. Для конвоиров были три стола и много деревянных ящиков,

призванные заменять стулья. Среди «зелёных мантий» сразу же началась резня в какую-то азартную карточную игру.

Осуждённые припали к окнам, впиваясь взглядами в ускользающие родные пейзажи. Поезд выехал из столицы, миновал несколько деревушек, и по обе стороны вагона потянулся забор лесов.

Когда прощаться стало не с чем, зашелестели голоса. Вместе с друзьями в вагоне ехали старик волшебник и часть преступной шайки, каждый из членов которой разговаривал с остальными товарищами одновременно: с кем-то спорил, кого-то утешал, кого-то отчитывал, с кем-то ругался, с кем-то просто беседовал, — умудряясь делать это вполголоса. Старого колдуна ежеминутно просили разрешить очередной конфликт. Друзья молча разглядывали шумных бродяг. Тут были две смазливые девчонки-близняшки, приятный парень в очках, высокий, смуглый и темноволосый (кажется, из всей шайки самый умный и сообразительный), миниатюрная девица с красными не очень длинными волосами, немного похожая на Дашку, устрашающе огромный детина с грудой идеальных мышц и волшебник, информер которого играл с жутким существом — ожившим скелетом летунчика.

— Кто-нибудь из вас знает, что представляет собой Денаувер? — обречённо спросил Саша, глянув в окно, картина за которым становилась более суровой.

— Он расположен на болотах, — во вздохом произнёс Джейк, — и окружён лесами, в которых водятся драконы. Эти существа иногда выходят к поселениям и утаскивают людей. Ещё в Денаувере всегда мрачно. От болот поднимаются ядовитые испарения и, как туман, висят над головой и закрывают небо и солнце.

— И всё-таки там живут, — колдун со скелетом летунчика вдруг бросил выяснять отношения с близняшками и обратился к друзьям. — Если будете держаться вместе, то не пропадёте.

— Томас! — завопила одна из близняшек. — Убери это!!! — она, выскочив вперёд, ткнула ему под нос свою руку, по ней невозмутимо полз другой скелет, ранее принадлежавший крохотному дракончику. — Сейчас же!!!

— Да, Томас, сию секунду, — заявила девица с красными волосами, — а то у меня голова болит, я не желаю терпеть эти вопли. И обещай больше не заниматься этими глупостями. Всякий раз, когда Тина или Динара обнаруживают на себе какой-нибудь из плодов твоей чёрной магии, они поднимают такую панику, что уши закладывает. Честное слово, если такое снова произойдёт ночью, от тебя самого один скелет останется. Между прочим,

сейчас это будет твоё юбилейное, сотое обещание, поэтому соблюдать ты его будешь по всем правилам. А они предписывают, что за нарушение обещания тебе будет очень нехорошо. Да-да, не поленюсь и приму меры, если не сдержишь слово.

— И тебя с юбилеем, — ехидно протянул парень в очках. — Ты в сотый раз клянёшься, что всенепременно примешь какие-нибудь меры по пресечению экспериментов Томаса.

— А ты сам попробуй! — ощетинилась девица. — Легче беседовать со стенкой, чем предотвратить появление этих бесполезных созданий. Не держать же Томаса связанным, тогда возни с ним будет больше, чем с его зверюшками.

— Вы не обращайте внимания, — Томас снова сосредоточился на друзьях, — у нас все по десять раз на дню ссорятся и мирятся. Держу пари, мы до Денаувера не успеем доехать, как про эту перебранку забудем.

— Ты снимешь это или нет? — ныла близняшка, пытаясь стряхнуть с руки скелет.

— Динара, я не с тобой разговариваю, — отрезал Томас.

— Она не поговорить, а убрать скелет просит, — резонно заметил второй парень.

— Я не прошу, я требую! — взвизгнула девица и тут же об этом пожалела: один из конвоиров медленно вылезал из-за стола.

Выбравшись, он задал вопрос:

— Кто сейчас орал? — и со злорадной физиономией уставился на оцепеневшую шайку.

— Я! — одновременно выпалили красноволосая девчонка, Динара, молодой человек в очках и Томас, неожиданно для всех и друг для друга, причём каждый из этой четверки явно хотел приковать внимание «зелёной мантии» исключительно к своей персоне.

— Короче, весь ваш сброд, — упростил себе задачу конвоир, махнул жезлом — и всех членов шайки отшвырнуло к стенкам вагона.

Парень удовлетворённо оглядел получившуюся картину и занял своё место.

Когда все конвоиры оторвали глаза от зрелища и уткнулись в свои карты, пострадавшие, потирая ушибленные места, стали снова собираться в кучу.

— Я целитель, — вызвалась Теона. — Сейчас каждому помогу.

К ней тут же подскочили обе близняшки, но их осадил здоровяк:

— Совесть имейте! Если она нам всем ушибы лечить начнёт, представляете, во сколько это ей обойдётся? Налог за

использование магии всё равно придётся выплачивать, но только не ей самой, а её семье. А она не из богатых, так ведь? — кивнул он Теоне, заметив несколько разномастных заплаток на подоле её платья.

— Да, — смутилась она.

— Ой, прости! — воскликнул парень. — Я не хотел тебя обидеть!

— И нас прости! — виновато сказала та близняшка, которую ожившие скелеты сегодня не трогали. — Мы не подумали!

— Мы вообще никогда не думаем! — покаялась её сестра. — О, нет! Томас, я себе этого никогда не прощу! — она бросилась к волшебнику, ползающему по полу и собирающему мелкие кости, на которые его питомцы развалились после удара об стенку.

— Ничего, — буркнул Томас, — они всё равно всех раздражали.

— Что ты, они просто лапочки! — чуть не рыдала девчонка. — Это я в искусстве чёрной магии ничего не смыслю!

— И мы ещё тебя притесняли! — рядом плюхнулась на колени девушка с красными волосами. — Мне так стыдно, Томас, так стыдно! У тебя же талант, а мы пытались его задавить! Экспериментируй с чёрной магией, сколько хочешь, больше мы возражать не будем!

— Нет, вы были правы — эти существа только мешаются, — вздохнул Томас, подняв, наконец, голову. — Всё, перехожу на более безобидное волшебство.

— А это чем вредит? — протянул здоровяк.

— Шаловливые очень получаются создания, — колдун откинул через плечо череп дракона. — Вчера кто-то из них твои часы утащил.

— Это я взял, — признался парень в очках, — и, раз речь об этом зашла, твою волшебную мантию тогда тоже я позаимствовал.

— Бруно?! Значит, это ты её изодрал так, что все магические свойства пропали? — возмутился здоровяк. — А не вместе ли с моим заговоренным кинжалом ты мантию прихватил?

— А зачем тебе кинжал? — задал встречный вопрос Бруно. — В данный момент оружие без надобности. Хотя тебе оно вообще ни к чему, ты дракона голыми руками задушишь.

— Так ты его прихватил или нет?

— Нет! Секундочку… Кинжал пропал?! Наш счастливый кинжал?!

— Именно! Исчез! Испарился! Стой, а почему он *наш*? Это мой кинжал!

— Люди, — Бруно пропустил претензию громилы мимо

ушей, — по-хорошему спрашиваю: кто присвоил себе артефакт?

— *Мой* артефакт, — внёс поправку здоровяк.

— Феликс, мы договаривались, что в экстренных случаях у нас всё общее, — укоризненно произнесла девушка с красными волосами.

— Но сейчас не экстренный случай, — упёрся громила, — впрочем, и вчера, и позавчера, и всю прошедшую неделю у нас таковых не было, так что тот, кто брал кинжал, мог бы меня уведомить!

Под шумок колдун Томас оставил свою банду и заговорил с друзьями:

— Тряпки какой-нибудь не найдётся, завернуть? — он озадаченно посмотрел на кучу костей, которую кое-как держал в руках.

Саша стянул с себя жилет:

— Вот, возьми. На одном болоте жить будем, так что как-нибудь потом отдашь.

— Спасибо, — усмехнулся Томас, упаковывая кости. — У своих бы попросил, да только пришлось бы ждать момента, когда среди них воцарятся мир и согласие. Пока сердитые — вместо помощи на каждое слово твоей просьбы по греху припомнят. А жилет всенепременно верну — пока буду вас искать, от этой милой компании отдохну.

— Конечно, — проронил Саша.

Его вдруг уколола мысль о том, что между волшебником и Дашкой могут возникнуть романтические отношения. Томас очень симпатичный, блондин, с длинноватыми волосами и чёлкой, падающей на отчаянно голубые глаза безнадёжного романтика. Одет аккуратно, дорого, во всё чёрное. Если ему понравится кто из прекрасной половины их компании, то только Дашка. У Алины слишком взрывной характер, таких Томас натерпелся на всю оставшуюся жизнь, а Теона — уже девушка Фёдорова (по словам самого Димы). Но самое главное: Томас вроде бы одинок в этой компании, точно так же, как Дашка — в своей, а два одиночества друг к другу тянутся. Ну а если у них и случится любовь — что из этого? *Тебе должно быть всё равно, у тебя с Дашкой ничего не вышло, ты свыкся, что не добьёшься её сердца.* Может, просто ещё подождать?

Но, когда Саша принял это решение, Томас вновь принимал живейшее участие в новой перебранке банды, а Дашка слушала вялотекущий разговор Алины и Джейка. Шаки спала на коленях у Дерика. Саша уставился в окно, перестав улавливать голоса членов шайки и азартные возгласы конвоиров. Для него остался только стук колёс поезда.

Некоторое время спустя стало резко темнеть. Бандиты, обрывая свои споры на полуслове, зачарованно следили, как стремительно меняется вид за окнами. Вместо ярких сине-зелёно-фиолетовых лесов — чёрно-коричнево-бурые чащи, над которыми нависал густой ярко-зелёный с желтизной туман.

Поезд подошёл к платформе. Это был Денаувер.

Народ зашевелился. Из вагонов вышли все, включая тех людей, которые ехали самостоятельно, без конвоя. Друзья поняли, что это были те, для кого настало время ежегодной встречи с близкими, отбывающими здесь наказание. Эти люди сразу поспешили вглубь мрачной чащи, а без пяти минут ссыльные толпились на платформе, пока конвоиры что-то выясняли (при этом не сводя с них глаз и не опуская оружия). Друзья пока изучали вторую половину банды. Шумный бойкий парнишка лет пятнадцати, красавица-ведьма восточной внешности, симпатичная пухленькая молодая женщина, кудрявый парень, выделяющийся тем, что был невозмутимым, подозрительный юноша в чёрном плаще с капюшоном, скрывавшем лицо, человек, имевший пропорции здоровяка Феликса, но ростом пониже, улыбчивая волшебница с волнистыми русыми волосами — они все тоже ни на секунду не закрывали рта.

— Спускайтесь вниз, к дороге, — послышался приказ.

К каждому из осуждённых опять пристроилось по два конвоира, и унылая процессия побрела по вырубленной через лес дороге.

Глава 12 «Ты можешь летать»

Становилось по-настоящему страшно. Дорога постепенно расширялась, зато под ногами захлюпала вонючая ядовито-зелёная жижа, и омерзительные испарения, которые все, пока сидели в поезде, приняли за зловещий туман, плыли не только над головой, а ползли и пониже, норовя попасть в рот или нос.

Когда толпа брела уже по колено в болоте, её путь преградила высокая каменная стена с решётчатыми воротами, за ними виднелись невероятно убогие, насквозь прогнившие деревянные строения. Ворота открылись, люди вошли. Неожиданно где-то в небе пророкотал громоподобный голос:

— Почти полностью свободен шестой квартал, ведите всех туда.

Ворота захлопнулись. Дашка заметила, что у решётки стоят дети, мальчик и девочка, и сквозь прутья что-то высматривают. Они попали в поле зрения и Дашкиного конвоира, который раздражённо бросил им:

— Убирайтесь от ворот, нечего ждать! Все, кто сегодня должен был приехать, приехали, в день прибывает только один поезд, сколько раз повторять!

Мальчик заплакал беззвучно, девочка заревела в голос. Конвоир влепил ей затрещину, и поторопился, чтобы не отстать от остальных, по-прежнему не жалея тычков для Дашки.

Ссыльные понуро оглядывали новый «дом». Жуткие одноэтажные хибары, не отличающиеся друг от друга решительно ничем, возвышались на торчащих из болота островках, соединяемых до того ненадежными на вид висячими деревянными мостиками, что казалось более спокойным идти по пояс в болотной воде (именно этим способом конвоиры предпочли вести осуждённых к шестому кварталу). На некоторых островках были заросли чего-то чахлого, корявого, но, несмотря на всё, плодоносящего. Очевидно, эти полуживые представители флоры служили здесь источником пищи: кое-где друзья видели людей, обрывающих в зарослях поразительно неаппетитные фрукты, бесформенные, противного землистого цвета. Иногда люди, снабжённые каким-нибудь оружием, направлялись в лес, стискивающий болото; мимо компании только что прошагали два крепких молодца, тащивших тушку неизвестного в Большом Мире зверя. Наверное, в лесу разрешалось охотиться. Встречались и рыбаки, пытающиеся поймать что-нибудь прямо в болотной воде.

Первый квартал закончился ещё одной каменной стеной, менее внушительной. На воротах висела табличка «Второй

квартал». Они впустили толпу (бестелесный голос промолчал), которая поплелась дальше. Во втором квартале всё было, как в первом, и от третьего его отделяла такая же стена. И вот, третий, четвёртый и пятый кварталы были пересечены, в шестой отправились только ссыльные, конвоиры остались за воротами.

— Теперь, насколько мне известно, надо заходить во все дома и узнавать, нет ли свободных мест, — протянул парень в плаще с капюшоном. — И имейте в виду, вся наша банда в одном бараке не разместится, так что заранее выбирайте себе соседей.

— А если нас семеро? — крикнула ему Алина.

— Семь — да, — кивнул парень, — каждый барак рассчитан на двенадцать человек.

— А откуда он знает? — оторопел Джейк, обращаясь к Томасу, сидевшему рядом на кочке с развёрнутой жилеткой с костями на коленях и собиравшему скелет карликового дракона. — Он что, раньше тут наказание отбывал?

— Николас много чего знает, — ответил Томас. — У него таинственное прошлое и богатейший жизненный опыт. Ник выглядит молоденьким, но мы все полагаем, что ему на пару сотен лет больше, чем кажется.

— Ясно, — Джейк отошёл от колдуна. — Так, давайте уж поищем себе, с позволения сказать, дом, пока лучшие места не разобрали, — напомнил он друзьям.

— Пожалуй, можно начать вон с того, — Алина показала пальцем на одну из развалюх, маячащих посреди болота. — Мне как-то не хочется жить в считанных метрах от леса, где обитают питающиеся людьми драконы.

— Да, если будем жить в считанных сотнях метров от леса, а из него выползет какая-нибудь тварь с людоедскими пристрастиями в еде, мы успеем убежать и скрыться, — без тени сарказма в голосе прокомментировал выбор Алины Дерик.

Перемазавшись в грязи и тине, друзья забрались на островок. Джейк поднялся на крыльцо и осторожно постучал в оббитую дверь. Через секунду на улицу выглянула усталая белокурая женщина:

— Заселяться будете? У нас семь мест свободных.

— Нам столько и нужно! — обрадовался Джейк. — Так к вам можно?

— Входите, — и женщина исчезла в проёме.

Друзья впихнулись в крохотный коридорчик. Внутри барака — тоже ничего хорошего, скрипучий пол и облупившаяся краска на стенах. Дверей отсюда вело две, одна, в данный момент распахнутая, — на тесную кухню, оттуда раздавался стук ножа по доске. Значит, за второй, закрытой дверью, скрывалась жилая

комната. Джейк потянул ручку — отворилась. Компания заглянула внутрь.

Как и ожидалось — уныло до невозможности. Стоят изголовьями к стене двухъярусные кровати, по три слева и справа, застеленные одинаковыми дырявыми одеялами. Под окном — стол, являющийся одновременно и обеденным, и письменным, а также полкой для разного барахла. На полу — вытертая ковровая дорожка. Возле двери прибито несколько крючков для одежды. Напоминало казарму, но только тут был небольшой беспорядок.

Обитатели барака отреагировали на появление новых соседей по-разному. Мужчина, хлебавший за столом непонятное варево, с набитым ртом пробурчал что-то приветливое. Женщина, открывшая друзьям дверь, потеряла к ним всякий интерес и продолжала вязать что-то на спицах. Девушка, валявшаяся на кровати с книгой, соскочила на пол, подлетела к стене, разделяющей комнату и кухню, и замолотила по ней кулаком с оглушительным воплем: «Аксель, Эрик, к нам въехали!». Тут же из кухни прибежали два молодых человека, судя по всему, они сейчас разделывали тушу: оба были перепачканы кровью.

— Здравствуйте! — радостно выпалил один.

Второй принялся пожимать всем руки (свои собственные тщательно вытерев о фартук), восклицая: «Очень приятно, Аксель!». Когда обмен рукопожатиями закончился, представилась девушка:

— Ну а меня зовут Марика.

Друзья, замерев, облепили её взглядами. Перед ними стояла вампирша. Очень хорошенькая, у неё были красивые длинные волосы цвета красного дерева, закрывающая один глаз чёлка, лицо сердечком и томный взгляд. Синий плащ небрежно накинут поверх брюк и рубашки, застёгнут только на одну пуговицу у горла. Красные глаза девушку не портили нисколько, а белоснежные клыки делали её похожей на дикую кошку.

— Что ж, располагайтесь, — она отошла в сторону, позволив всем получше осмотреть комнату. Голос у неё был похож на мурлыканье: низкий и приятный.

Эрик показал компании те постели, которые не были заняты. Без посторонней помощи определить это было довольно затруднительно, ибо *все* кровати были заправлены кое-как (вероятно, лишние одеяла использовались в разнообразных целях), и практически на каждой спинке что-то висело. Дашка выбрала себе место на верхнем ярусе, улеглась там, слезать оттуда до завтрашнего дня не хотелось. Краем глаза она наблюдала и вполуха слушала, как Марика, Аксель и Эрик

суетятся вокруг компании.

— Вы откуда? — интересовалась вампирша.

— Из Фатоны. Место тесное, но небезызвестное, — хмыкнул Дерик.

— И вы дали себя в обиду?

— Так получилось, — старший Винсент развёл руками.

— Слухи про смелость фатонцев — лишь слухи, — упрекнули Марику из-за стола. Этот мужчина, нестарый, но уже с первыми морщинами на лице, светло-русыми волосами, прикрывающими уши, с неровной чёлкой, лезущей в голубые глаза, выглядел добродушным, но вызывал странную неприязнь, взгляд у него был странный, назойливый.

— Роджер, а я никого сейчас не обвиняю, — Марика сделала замечание в ответ. — К тому же я бывала в Фатоне, хорошо представляю, что там творится и могу поклясться, что если бы жители этой деревни не представляли собой то, что о них говорят — стояла бы на месте Фатоны чья-то лаборатория.

— Но мы здесь, — протянул Дерик. — Несмотря на нашу хвалёную стойкость.

— Не забывай, у нас теперь есть связи, спасибо Теоне, полдня их налаживавшей. Кеану Мортис в нашей семье души не чает, так что приложит все усилия, чтобы мы тут не задержались. Ради такого можно и помучиться здесь месяц-другой.

— Джейк! — возмутился старший брат.

— Ничего страшного, — Марика хихикнула. — Столько раз закон нарушали в пользу тех, кто неправ. Если его нарушать в пользу тех, кто не виновен, никто не пострадает. Вы за что здесь? Ведь не за убийство с особой жестокостью?

— Мы у себя вампиршу прятали, — вздохнул Верников. — Даша! — позвал он.

— Эту вот девушку, — пояснил Саша, когда Дашка, выглянула вниз.

— Надо же! — обрадовалась Марика и переключилась на неё: — А ты давно вампирша?

— Первый день, — буркнула Дашка. — Даже напасть ни на кого не успела.

— Не повезло, — согласилась Марика. — Впрочем, смотря как на это посмотреть. Такой поворот событий по-своему хорош, и лично я склоняюсь к мысли, что он лучше любого другого. Когда у тебя прибавится настроения, я всё объясню. Сейчас отдыхай.

Дашка постаралась изобразить как можно более благодарную улыбку и снова уткнулась в подушку. Вдруг во входную дверь постучали. Теперь пошёл открывать Эрик, впустив в жилище маленькую девочку.

— Марика, у вас чёрные нитки есть? — спросила она.

— На столе, — ответила вампирша.

— Хорошо! — взвизгнула девочка и, ни на секунду не задумавшись (и не забыв пожелать всем обедающим приятного аппетита), кинулась к разбросанному по полу барахлу, которое скинули со стола. Расшвыряв вещи ещё живописнее, она нашла-таки то, за чем прибежала, и с гиканьем унеслась.

— Что это было? — Саша растерянно посмотрел на Марику.

— Это Сьюзи, — улыбнулась Марика, — постоянно ходит к нам в гости, так что чувствует себя в нашем жилище как у себя дома.

— Вы привыкайте, сюда со всего квартала детишки собираются, уж очень они Марику любят. Пока тут свободные места были, ночевали у нас часто, она им истории всякие рассказывала, — протянул Аксель, закрыв за девочкой.

— А почему бы и нет, — до сих пор не назвавшийся мужчина откинулся на спинку стула. — Наша Марика двести лет на свете живёт, много чего прочувствовать и узнать успела, пора бы с другими опытом делиться.

— Нас этим не удивишь, — хмыкнула Алина. — Одну четырёхсотлетнюю долгожительницу мы уже встречали и видели сегодня одного типа, которого подозревают в том, что ему немного за двести.

— Ну, в моём случае всё просто. Вампир ведь просто так не умрёт и не погибнет, прекращая стареть и получая бессмертие в придачу к жажде крови, клыкам, красным глазам, умению летать и непереносимости солнечного света, а в чём может крыться причина человеческого долголетия — сложно сказать, у каждого она своя, — протянула Марика.

— Простите, что некстати встреваю, — неожиданно женщина с вязанием оторвалась от своего занятия. — Аксель, Эрик, десять минут назад вы были заняты делом. Истории Марики у нас заведено слушать по вечерам, а сейчас идите и продолжайте.

Оба парня подчинились тут же, хоть и с недовольным видом. Выражать ничего вслух они не стали, сдержав даже сердитые вздохи.

Почти всех в компании, кроме Теоны и Шаки, это неприятно поразило.

— Придётся вам привыкать к постоянному подчинению, — заявила женщина. — Выживать в Денаувере сложно, сами не справитесь. Учиться будет некогда. Если учишься — ты пробуешь что-то снова и снова, пока не начнёт получаться идеально. А здесь только подчинение. Вам сказали — вы сделали в точности, как вам велели, без ошибок.

— Так редко бывает, — парировал Саша.

— Поэтому отсюда возвращаются не все, — человек, которого Марика назвала Роджером, вышел на середину помещения, рассуждения его были бесстрастны, даже с прохладой в интонациях. — Некоторых отправляют сюда навсегда. А они не сдаются, сражаются, отстаивают право на последующие дни. Потому что жизнь каждого — его личная забота. Она ваше дитя, не наоборот, как принято говорить. Поэтому воспитывать должны вы её, а не она вас.

— Вы от своей жизни послушания добились, — юноша не то съязвил, не то просто высказался.

— Вполне. Скоро увижу, как этого добьётесь вы. Или у вас не получится. Жалеть не буду, отвык.

— Очень скоро вы столкнётесь со смертью, — подхватила женщина. — Предстоит охота.

— Алекс, Джейк, Дерик, всем мужчинам положено, — продолжил вводить компанию в курс дела Роджер, сохраняя хладнокровие. — В лес ходят группами по пятнадцать человек. Именно пятнадцать, ни больше, ни меньше. Оружие у нас есть, не беспокойтесь. И в нашей группе остались ещё бывалые люди, так что не пропадём. Хотя это зависит от вас — если вы с нами сработаетесь, сложностей не будет.

— Подождите, — Саша нахмурился, — если вы берёте нас в свою группу, то куда делись три человека, которым мы стали заменой?

— Вам расписывали главную прелесть жизни в Денаувере? — хмуро спросил он.

— Ядовитые испарения болот?

— Нет, драконов из окрестных лесов, выходящих к людям, чтобы полакомиться человеческим мясом. Недавно тут побывало целое их семейство, так что большая половина населения шестого квартала уже не с нами. Вообще-то из нашего барака в группе, кроме меня, Эрика и Акселя, было не трое, а пятеро, а из остальных семи человек, кто входил в группу, остались только старик Эдисон и Вильям Бланш. Кто примкнёт к нам — не знаю, — мужчина тяжело вздохнул. — Вы не успели в поезде с кем-нибудь познакомиться? Если хотите, можете попросить их вступить в нашу команду.

— Тех ребят из банды, — обрадовалась Алина. — Даже если и не согласятся, всё равно стоит их найти. Забавная у них компания.

— Они мне показались ненадёжными, — вырвалось у Саши.

— Да брось ты, в моменты, когда надо быть ответственным, они, по всей видимости, нормальные люди, — протянул Джейк

прежде, чем Саша разозлился на себя за сказанное.

— Если отправитесь к этим знакомым прямо сейчас, то мы идём с вами, — не терпящим пререканий тоном сказал Роджер. — Пока вы всего не знаете, вас нельзя отпускать бродить по кварталу одних.

— Теона, Дерик, вы что, остаётесь? — удивилась Алина и, увидев, что они дружно замотали головами, возразила: — Нет, мы не одни, нас четверо.

— Хоть всей компании за дверью окажитесь — пропадёте, — Роджер оставался непреклонным. — Мы ещё не показали вам, как здесь выжить.

После непродолжительного сопротивления Алины и Джейка, которое было с лёгкостью сломлено, все жаждущие встречи с новыми знакомыми и их сопровождающие: — Роджер, Эрик, Аксель и Марика, — покинули барак. На улице едва начало темнеть, но сквозь толстый слой испарений добиралось мало света, когда его по естественным причинам стало меньше, казалось, что почти ночь.

Джейк шустро сбежал вниз, к болоту, но вслед ему прогремел торжествующий вопль:

— Одно из правил Денаувера — без оружия в болото не входить! Там полно водяных змеев, укус которых парализует человека, — Роджер убедился, что предупреждение произвело должный эффект — парень вернулся наверх — и понёсся дальше: — Так как в данный момент у нас его нет, передвигаться с островка на островок — только по мостам. Каким образом мы идём: я смотрю вперёд, Джейк и Дерик — направо и налево, Аксель и Эрик — направо и налево вниз, в воду, эта особенная обитель всяких тварей, кто ещё не догадался, и туда надо глядеть даже внимательней, чем по сторонам. Марика летит чуть позади нас всех, следит за небом. Девушки идут в середине группы, если что, мы их прикрываем. Кто заметит что-то подозрительное, громко об этом говорит, и мы смотрим туда, где замечена опасность, а потом — по обстоятельствам, то есть как буду командовать я и Аксель с Эриком, они уже достаточно опытные, чтобы брать на себя такую ответственность. В общем, кто из нас троих сообразит первый — тот и командир. К подозрительному относятся любые шорохи и шевеления, которые не сопровождаются вот таким сигналом, — он вынул из кармана камень, от которого отделялись красные огоньки, и их через минуту-другую стало очень много. — Такие камни носят с собой все, кто ходит по улице в тёмное время суток. Красный свет — значит, человек. Поняли? Отлично. Вот теперь пошли.

Двинулись, наконец-то. Каждые несколько шагов то Джейку,

то Дерику мерещилось, что кто-то крадётся из леса и все моментально откликались на ложную тревогу, причём Роджера злило не это, а то, что радость по поводу отсутствия угрозы для жизни выражалась друзьями чересчур долго и бурно. Но, несмотря на бесконечные переполохи, все упорно шагали от острова к острову.

Вскоре друзья добрались до хибары, в которой гремела перепалка, так что долбиться в дверь пришлось изо всех сил. Отворила им ведьма из шайки, восточная красавица.

— Прошу! — колдунья уступила им проход.

В комнате, обставленной так же, как и в хибаре, где поселились друзья, полным ходом шла война за верхний ярус кровати между Динарой и самым младшим из бандитов. Николас и Бруно препирались из-за причины, которую по обрывкам их перенасыщенного эмоциями диалога установить было сложно. Томас и Феликс, играя за столом в шахматы, вели дискуссию со второй близняшкой и ещё одной представительницей банды, колдуньей с русыми локонами. Только девушка с красными волосами мирно общалась с незнакомыми друзьям людьми: колдуном и простым человеком, оба выглядели изрядно помятыми жизнью. Очевидно, с ними банде теперь предстоит делить это жилище.

С появлением в комнате целой толпы народу все замолчали, взглядами давая друг другу понять, что утихли только голоса, но не страсти. Видимо, на этот раз решили соблюсти приличия и не ставить друзей в неловкое положение. Кое-кто и радовался неожиданной возможности перевести дух.

— Нам нужны люди в охотничью группу, — сразу сказал Роджер.

— Мы тоже задумывались над этим вопросом, — хмыкнул разговаривающий с бандиткой колдун, — наши тогда погибли все, лишь мы с Фоксом спаслись, — он переглянулся с третьим собеседником (тот посмотрел на Роджера и вздохнул), — так что мы, да и пятеро молодых людей, которые с сегодняшнего дня здесь живут, свободны как ветер.

— Вас семь, и нас восемь, — Роджер оживился. — Получается группа. Согласны? Сегодня же отчитаюсь перед квартальным, что у нас всё в порядке.

— Конечно, — удовлетворённо ответил мужчина. — Осталось выдрессировать новичков, ну да в этих парнях определённо что-то есть.

— Олеандр, Фокс, я очень рад иметь с вами дело, — сердечно произнёс Роджер, — да и с вами тоже, — он чуть заметно улыбнулся, кинув по взгляду на бандитов. — Раз есть люди,

которые в вас поверили, это что-то значит. Что ж, раз всё решено, мы пойдём.

— Прямо сейчас? — изумилась Алина, да и в глазах остальных: и друзей, и весёлой шайки, читалось то же самое.

— А тебе что-то ещё здесь нужно? Поговорить хотела? Все беседы у вас будут в основном со мной и с теми, с кем я скажу.

— Столько было возни из-за нескольких минут пребывания здесь, — фыркнул Джейк.

— Мне лучше знать! — прикрикнул Роджер, остыв сразу. — Скоро по кварталу начнут бродить нелетучие драконы, а встреча с ними без оружия ничем хорошим не заканчивается. Вперёд, если хотите узреть, что будет завтра.

Возражать ему было глупо, и компания послушалась. Путь обратно оказался чуть легче: в это время многие возвращались в свои бараки, и красные огоньки мелькали повсюду, что вселяло уверенность. Силами многих ведь справиться легче, законом джунглей — выживает сильнейший — тут, по всей видимости, не руководствуются, а помогают всем, кто попал в одну с тобой беду, и беда эта — Денаувер.

Когда все добрели до очередного острова с домом на нём, Роджер попросил компанию подождать и зашёл в барак, быстро вернулся обратно — пошли дальше.

Очутившись в собственной хибаре, друзья почувствовали, что силы улетучились из них разом. Чересчур много было пережито за день, и только сейчас, когда появилась возможность перевести дух, они это поняли. Саше и Дашке бросили только: «Согласились», — а они не ощущали никакого желания выпытывать подробности.

Все поужинали. Друзья сразу расползлись по постелям, старые жители дома ещё немного посидели за столом и тоже легли. Свет в комнате погасили.

Дашку в сон не клонило совершенно. Совсем как в ту ночь, когда их студенческая группа заблудилась в лесу. И точно так же от мыслей тяжелела голова. Дашка слезла на пол, выскользнула на улицу. В это время в любой другой точке волшебного королевства, наверное, можно было бы вдыхать потрясающий аромат ночи, но не здесь. Только гадкий запах болот. Увидеть бы сейчас звёздное небо и луну — нет, лишь ползающие пласты испарений. Но даже если бы ночь была такой, какой должна быть: великолепной, таинственной, зачаровывающей, — было бы Дашке от этого легче?

Возле дома стояла бочка с чистой водой — заколдованная, как объяснял Эрик, никогда не заканчивается, сколько не черпай; в кварталах, кроме таких бочек, источников воды, пригодной для

питья, нет. Дашка наклонилась над ней — да, нет её лица там. Тишина абсолютная, и отчётливо слышно, как капают в воду слёзы. Порыв ветра расчистил большой кусок неба, Дашка увидела это в отражении и подняла голову.

— Ведь это прекрасно, — вдруг коснулся её спокойный, но, кажется, счастливый голос Марики. — Теперь это всё твоё.

Дашка непонимающе повернулась к ней.

— Ты можешь летать, подниматься над крышей ядовитого тумана ближе к звёздам. Полёт — это свобода, так что ты гораздо свободней, чем тебе кажется.

Всхлипнув последний раз и вытерев оставшиеся на щеках слёзы, Дашка пробормотала:

— Я ещё не пробовала летать. Не представляю, как.

— Сначала почувствуй, что хочешь полететь. Соберись. Как будто ты сейчас готова прыгнуть вверх, — говорила Марика, глядя ей в глаза.

Дашка отчётливо представила, едва заметно задрожав от напряжения, и тут же ощутила, что какая-то сила толкает её наверх, словно она сейчас стоит в морской воде.

— Чувствуешь? — медленно продолжала Марика. — Осталось только оторваться от земли, а дальше ты поймёшь, что делать, — и она взлетела сама, невысоко, остановившись там, где ветер разогнал туман. — Смелее, в тебе сейчас появилась энергия, которой осталось только управлять.

Дашке уже начало казаться, что на земле удержаться сложнее, чем подняться в воздух. Страх, что может не получиться, щекотал изнутри, решимость подталкивала. Они вели борьбу с переменным успехом, потом стремление всё-таки вырвалось вперёд, но со слишком незначительным отрывом, Дашка только встала на цыпочки, но…

Её неожиданно потянуло вверх, так быстро, будто засасывало в невидимую трубу. Испугавшись, Дашка неосознанно попыталась податься назад, но не рассчитала неизвестных ей самой появившихся собственных возможностей, и камнем рухнула вниз, однако что-то заставило её странным усилием так же резко перевернуться головой вверх, а затормозить ей не составило никакого труда — для этого стоило только расслабиться.

Сделав такой кувырок, Дашка очутилась на одной высоте с Марикой.

— Убедилась? — она торжествующе посмотрела на ученицу. — А страшно лишь поначалу бывает, потом привыкаешь и нравиться начинает.

— А как приземляться? — Дашка освободила вертевшийся на языке с момента, когда она побывала в свободном падении,

вопрос.

— Это у тебя тоже получится само собой, — заверила её Марика. — Это инстинкт, он не подводит. Что, готова продолжить полёт?

Дашка неотрывно смотрела на небо, над толстым слоем испарений оказавшееся просто неправдоподобно синим. Его расшитое звёздами-стразами полотно красиво дополняли чёрные силуэты верхушек многовековых деревьев, протыкающих зелёный туман.

— Ну, куда летим?

— Я покажу тебе место, где ты почувствуешь себя королевой мира, — серьёзно сказала Марика. — За мной!

Она взвилась высоко, так, что ещё не превратилось в тёмное непонятное движущееся пятно, но её черты её лица были уже не различимы, и с этой высоты рванула в сторону и за полмгновения пропала из виду. Дашка, наделив вызывающе яркую луну особенно восторженным взглядом, вдохнула, зажмурилась и взмыла к звёздам ещё на десяток метров. Распахнула глаза — толща тумана уже под ногами и кажется отсюда чем-то изящным, воздушным. Марика ждала её чуть поодаль. Дашка подлетела к ней.

— Уже улыбаешься, — заметила старшая вампирша, — и глаза сияют.

— Ой… Правда, — Дашка только поняла, что абсолютно счастлива.

Они, обменявшись радостью, устремились ещё дальше. Дашка не видела, куда именно, просто слушала песню одуревшего от свободы сердца, пока её не окликнула Марика:

— Эй, остановись! Это здесь.

Перед ними была гора, небольшая, но выглядящая величественной: она гордо возвышалась над кронами древних деревьев. Марика с Дашкой опустились на её вершину. С неё открывалось всё. Необъятная территория Денаувера, застеленная испарениями, которые смотрелись зелёными облаками. Там, где они заканчивались, леса продолжались, исполосованные долинами рек и взбирающиеся на холмы. Горели где-то огни населённых пунктов, блестели водные глади. Двигалась куда-то лента серебристо-голубых светящихся точек; это определённо один из великих Ветров, но Дашка, хоть ей и объясняла Джессика, забыла, какой именно. Навстречу ему летели цветные огоньки Ветра Предостережения, его Дашка видела второй раз, но сегодня они ничего не изображали, зато были ярче, чем тогда. Из-за горизонта потянулись три потока остальных Ветров. Эту ночь, этот мир можно было видеть в полном, истинном великолепии.

Марика не преувеличила — сейчас у двух молодых вампирш было *всё*, и они ощущали себя главными здесь.

— У нас с тобой немало забрали — солнце, но получать взамен такие ночи достаточно для того, чтобы не впадать в отчаяние, — произнесла Марика и добавила как бы между прочим: — Скоро новая эпоха наступит. Уверена, что она будет лучше, чем эта.

— Почему? — искренне спросила Дашка.

— Потому что новая, — мечтательно вздохнула вампирша.

— Многое улучшится, но лучшее — враг хорошего, — философски заметила Дашка.

— На такие вещи принципиально не стоит обращать внимания, — бодро возразила Марика. — В любых переменах есть и хорошее, и плохое, надо только уметь замечать в них то, что нужно тебе. Надо лишь научиться этому.

— Возможно. Кстати, откуда ты знаешь про новую эпоху?

— Все пять великих Ветров собрались в одном месте. Получается, они изменили свой путь, а это значит, что вместе с ними изменится всё. Вообще ветры не встречаются, — Марика сделала паузу. — Я ответила на твой вопрос, теперь твоя очередь говорить: ты ещё не рассказала мне про себя что-то очень важное, что же именно? С чего я так решила? Про то, что могут сообщать нам Ветра, хотят знать далеко не все. Большинство не торопятся открывать для себя это. Но я более чем уверена: у тебя должна быть какая-то очень веская причина, чтобы лишить себя возможности *узнать*. Ты не похожа на тех, кто предпочитает не заполнять голову рассуждениями. Так что с тобой было?

— Я скажу, — медленно произнесла Дашка. — Я попала в королевство несколько дней назад из Большого Мира.

Глава 13 Школа выживания, урок первый

Медленно, но верно начинался новый день. В какой-то степени раннее утро явилось лишним, непрошеным гостем: ещё не все текущие мысли успели вылиться в разговор и навсегда покинуть голову, а с приходом нового дня их, скорее всего, потеснят новые, старые при этом останутся мусором, жутко захламляющим память.

Дашка с Марикой сидели на своём островке, у самого болота. Марику, безусловно, потрясло признание подруги, но это потрясение было неуёмно радостным. Вампиршу, кажется, делали счастливой любые перемены. Она обещала Дашке, что, как только у компании друзей выдастся пара свободных часов, поделится со всеми историей своей жизни. Сомнений быть не могло — неисправимой оптимисткой Марика стала, наглотавшись воды в стремительном течении тех событий, где ей приходилось учиться плавать.

За ночь Дашка задала ей множество терзавших её вопросов, но так и не решилась спросить то, что внушало самый глубокий страх: как бороться с жаждой крови и как быть, когда закончатся силы её терпеть. Сейчас она не чувствовала её вообще, но неизвестность пугает ещё больше… Дашка не могла представить Марику нападающей на человека, поэтому боялась попросить у неё ответа. Сама Марика ведь ни разу не упомянула о том, как переживается такое состояние.

— Ну, тебе стало легче? — вдруг спросила она.

— Скорее да, — проронила Дашка. — Мне надо ещё кое-что обдумать, но это я уж сама.

Она же собралась рассказать всем про себя, вот если и тогда об этом умолчит… Впрочем, у неё должны проявляться какие-то признаки, когда захочет свежей крови, постараюсь вести себя, как она.

— Надеюсь, ты справишься, — улыбнулась Марика.

Дашка вздрогнула, не сразу поняв, что вампирша ответила на её слова, а не на мысли.

— Я *обязана* справиться.

— Уж не знаю, о чём ты думаешь, но будь осторожна, понятие «*Надо*» иногда вредит нам, заставляя ломать себе душу, — предупредила Марика.

— Хорошо, — вздохнула Дашка. — Сейчас спать пойду, глаза слипаются.

Но это намерение было задушено прежде, чем она добралась до кровати. В комнате Роджер с энтузиазмом будил всю

компанию. Аксель и Эрик, вставшие, по всей видимости, без посторонней помощи, уже бодрые и одетые, с весёлым блеском в глазах наблюдали, как стараются выйти из состояния покоя остальные. Более привычные к ранним подъёмам Винсенты вскоре пришли в себя, даже Шаки, которую вовсе не тормошили, уселась в постели и равнодушно смотрела на всех. А вот Алине и Саше удалось встать, но не проснуться.

— Для начала недурно, — довольно констатировал Роджер. — Все ваши предшественники любили со мной спорить, прежде чем вылезти из-под одеяла.

— Предшественники — это те, кто… — прошептала упавшим голосом Теона, но заканчивать гадкую мысль ей не пришлось.

— Да, это погибшие, — отрезал Роджер. — Как раз из-за неумения подчиняться.

— Если вам привычнее иметь дело с такими людьми, лучше возьмитесь за ту банду, — огрызнулась Алина. — Они мастера отстаивать собственное мнение, просто из принципа.

Роджер пропустил замечание мимо ушей:

— Сейчас мне срочно надо к квартальному, вчера все запомнили, на каком острове он живёт? Когда я выйду из его дома, примерно в полседьмого, первое, что я должен увидеть — ваши заинтересованные лица, — и он вышел, на ходу натягивая плащ.

— Он всегда такой неприятный тип? — буркнул Джейк. — Меня со вчерашнего вечера интересует: почему его так заботит число человек в охотничьей группе?

— Представляю, насколько циничным вам кажется его поведение, — Марика грустно улыбнулась, — но, живя на ладони у смерти, начинаешь отсекать от сердца всё лишнее.

— А разве там бывает лишнее? — удивилась Теона.

— Даже больше, чем ты думаешь. Зачем оплакивать умерших? Это не поможет, не вернёт их, не убережёт никого от смерти. Да, у многих, кто от нас уходит, остаются в этом мире неоконченные дела, несбывшиеся мечты, не воплощённые в жизнь планы, самое главное — друзья и родные… Да, смерть в подавляющем большинстве случаев — неописуемая несправедливость, но не позволять же ей высасывать жизненную силу из тех, кого на этот раз она не смогла захватить? Умирает человек — умирает частичка каждого, кто этого человека знал с лучшей стороны. Это такая же несправедливость, как и сама смерть. Почему должны страдать другие? Мы ведь не виноваты в том, что она приходит и забирает людей, так почему разрешаем ей командовать нашим сердцем, когда оно хочет свободы, а его заставляют гореть в печали? — невозмутимо возразила

вампирша. — Вот если у тебя есть чистый повод для радости — не стесняйся, показывай миру, что счастлив. Добрая улыбка согревает всех, кого затрагивает. Но бывают моменты, когда любые эмоции — непозволительная роскошь. Умение видеть их — настоящее искусство.

— Ты говоришь странные вещи, — пробормотала Теона. — Я не совсем понимаю тебя.

— А ты и не обязана, — улыбнулась Марика. — Таких жизненных искусств много. Умение не держать зла, например. Мы должны быть благодарны своим врагам: желая доказать, что мы лучше их, мы совершенствуемся. Если, конечно, не решаем пойти по другому пути, и не опускаемся до их уровня. Умение сохранять индивидуальность. Видеть во всём только лучшие стороны. Понимать. Слушать. Терпеть. Талантливый человек вовсе не всегда в равной степени превосходный художник, актёр, певец, писатель и архитектор, так и всеми жизненными искусствами мы не владеем всеми сразу. Лучше знать одно или два, но так, чтобы быть уверенным в своих знаниях и умениях. Какой-нибудь из подобных талантов есть в каждом из нас, но ему тоже нужно вдохновение — жизненный опыт.

— Получается, Роджер — гений? — скептически произнесла Алина.

— Что ты, он вряд ли талантливее вас! — воскликнула Марика. — Кто знает, может, гениями окажетесь как раз вы, время покажет.

Все переглянулись. Над словами вампирши стоило задуматься, так что до половины седьмого, когда все предстали перед домом, где жил квартальный, в компании не завязался ни один живой разговор: каждый про себя старался понять те произведения «искусства», с которыми он когда-либо сталкивался, и кое-кто был близок к выводу, что жизненных гениев тоже не сразу признают. Один раз только Алина спросила Эрика, почему он и Аксель пошли с ними, если и так знают все законы жизни в Денаувере. Парень ответил, что, во-первых, у них много свободного времени, во-вторых, друзьям может понадобиться моральная поддержка. «В-третьих, знание жизни — самое высокое искусство, — вдруг добавил Аксель и, поймав на себе несколько удивлённых взглядов, пробормотал: — А что? Так обычно Марика говорит». Дашка попыталась представить, в каких случаях. Игра воображения оказалась настолько увлекательной, и ожидание того, что не сегодня-завтра друзьям расскажут ещё больше, чем может создать фантазия, и маленькое, но упрямое желание осуществится, — всё это приводило в тихий восторг, который даёт столько энергии, что прожить этот день и несколько

следующих можно будет с неимоверной лёгкостью. Из транса счастья вывел голос Роджера:

— Да, я рано обрадовался. Джейк, Дерик, Алекс, Дарья, Теона, Элли, скажите мне, пожалуйста, почему никто из вас не соизволил следить за тем, что творится вокруг вас, как я вам вчера объяснял?

Унизительное виноватое молчание.

— Теперь вопрос к вам, господа Эрик и Аксель. Почему вам показалось, что эти парни и девушки — профессиональные охотники на магических хищников, и они не нуждаются в том, чтобы им напоминали о правилах безопасности?

Аналогичный ответ.

— Впрочем, Марика тоже отличилась, раз завалилась спать вместо того, чтобы присутствовать с нами. Уверена, что видит людей насквозь, вот и будет считать вас всех умными, сознательными и ответственными. Ошибаться в людях вот так вот — это смертные приговоры им подписывать!

Он перевёл дух. Друзья хмурились. Бесспорно, Роджер прав и возразить ему нельзя. Потребовать более мягкого отношения к себе? Каждый из компании украдкой глянул на Эрика и на Акселя. Молодые люди упрёки перенесли, кажется, весьма безболезненно. То ли привыкли, то ли… Неужели местная действительность настолько сурова, что полагаться на себя — самое нелепое решение?

Алина рассеяно шагнула назад и наступила на что-то. Она посмотрела вниз — её передёрнуло. В лохматой траве валялся расколовшийся надвое череп с чрезмерно большими глазницами. Друзьям сразу полезло в глаза: остров-то усеян жутко желтеющими костями. Вечером этой жути не было, все готовы были поклясться, что это появилось утром или, что кажется более вероятным, ночью. С опозданием все поняли: так и есть, кости были обглоданы совсем недавно. А спустя ещё мгновение убедились в этом окончательно.

Из леса показался дракон, и первое, что выцепил его кровожадный взгляд, была стайка летунчиков, летящая над болотом. Хищник рванул к ним, разверзнув гигантскую пасть — зверьки кинулись врассыпную, но одному не повезло, он оказался ближе всех к дракону и исчез за сомкнутыми зубами монстра. Раздался омерзительный хруст. Сделав пару движений челюстями, дракон выплюнул осколки черепа. И всё — моментально, будто разгрыз орех. Щёлкнув зубами и облизнувшись, он полетел дальше, через квартал, вертя во все стороны башкой: выискивал следующую жертву.

Скрипнув в порождённой расстройством тишине дверью, из

дома вышла девочка, огляделась, вздохнула, взяла прислонённые к стене возле входной двери грабли и принялась сгребать в кучу обломки костей со всего островка. Закончив (пока она делала невесёлую работу, друзья ошеломлённо наблюдали за ней), девочка пробормотала короткое заклинание, куча вспыхнула уже привычным гадким ядовито-зелёным пламенем и исчезла.

— И так каждый день, — объяснил Эрик. — Они до обеда по кварталу разгуливают, вы вчера просто ни одного не застали, а возле дома мы уже убрали.

Снова треск раскалываемой кости и сосредоточенное чавканье полоснули по ушам, но теперь доносились они откуда-то со стороны. Нет, с разных сторон.

— И ничего поделать нельзя? — возмутилась Теона. — Мы должны спокойно на это смотреть?

— И слушать, — проворчала Дашка, мрачно взирая с островка. В утренний час жизнь Денаувера оказалась активной и шумной, но значительная доля этой жизни приходилась на грубую борьбу за существование.

Всё пространство вокруг заполнялось отчаянными вскриками (что бы ни думал Роджер, навыки самозащиты почти ни у кого не были доведены до автоматизма, ко всему прочему, мгновенный испуг — сильнейшая вещь), хлюпами и всплесками болотной воды, когда из неё выстреливали чьи-то щупальца, плотоядным рыком, клацаньем зубов, воплями, требующие немедленной подмоги или подсказывающие, с какой стороны секунду спустя начнётся атака очередного обладателя острых клыков. Теперь всё виделось под другим углом, который поменялся из-за пинка действительности. Да, здесь каждый был готов сломя голову броситься спасать другого, и в то же время относился к приятелю как к любимому домашнему животному: если вдруг ваша собачка умрёт, вы, конечно, расстроитесь, но вскоре начнёте искать ей замену.

— Вы все так внимательно смотрите, как народ увёртывается от драконов и болотных хищников, может быть, кто-то из вас сможет применить увиденное по отношению к себе? — неожиданно спокойно поинтересовался Роджер.

— Не совсем, — пробормотал Дерик, от развернувшейся картины очнувшийся первым.

— Но ты пытаешься заметить что-то необычное в их поведении, как я вижу, — к Роджеру снова возвращался энтузиазм.

Парень, затаив дыхание и боясь моргнуть, следил, как из болота высунулось чудовищное растение вроде тех, которые питаются насекомыми, только огромное, в цветке его могла бы

поместиться человеческая голова. Растение угрожающе вытянулось, как змея, готовая броситься на жертву — и бросилось. Однако парень, на которого покусился плотоядный представитель местной флоры, не показал ровным счётом никакого испуга, даже не вздрогнул, а уверенно увеличил темп в несколько раз и моментально очутился в конце моста. Там растение достать его не могло, оно сердито раскрывало лепестки-челюсти, с которых капал мутный противный сок, очевидно, предназначенный растворять то, что окажется внутри голодного цветка. Капли, попадая в воду, шипели и оставались плавать в ней белыми шариками. Некоторые люди, надев безразмерные кожаные перчатки, вылавливали их с островков.

— Что, теперь можешь прийти к выводу? — не отступал Роджер.

— Да… Здесь все… — Дерик не мог оторвать глаз от захватывающей картины: точно такое же растение кинулось за девочкой лет семи.

Ребёнок явно был не способен удирать так быстро, чтобы это имело смысл, но зато изловчился, вцепившись в стебель у самого цветка, впихнуть его под перилами моста и обмотать его вокруг несколько раз, после чего довольно перебежал на сушу.

— Здесь все… парень медленно отходил от шока.

— …привыкли, — выдохнул Джейк. — Да так, что мне за нас стыдно. И немного страшно.

— Ничего страшного, вы ничем не хуже, — заверил его Роджер. — Чтобы перестать обращать на это внимание, потребуется время, не стану отрицать, и для этого вам придется научиться обращаться с нашими хищниками в ситуациях, когда вы окажетесь в нежном контакте с их клыками, когтями, щупальцами и прочими приспособлениями для удержания жертвы. Умение придёт с практикой, и только с практикой.

— Вы предлагаете нам лезть к монстрам в пасти? — ужаснулась Теона.

— Ни в коем случае, — протянул Роджер. — Если вы сможете избежать атак — флаг вам в руки, коли вам так везёт, то и на деле ничего применять не придётся. Но — вот незадача! — подобных счастливчиков Денаувер давно не видел, монстры — существа неприхотливые, никем не брезгуют. Вас и конвоиров вчера не тронули только потому, что вы успели прийти сюда до того, как они проснулись, а местные твари начинают бодрствовать, как правило, одновременно. И не делайте такие страдальческие лица, необходимыми теоретическими знаниями я вас, конечно же снабжу.

— Снабжайте, мы все внимание, — обречённо вздохнула

Дашка.

К обмотанному вокруг перил растению тем временем бежал мужчина со здоровенным ножом — отрезать цветок. Наверное, сок растительного хищника представлял для человека какую-то ценность.

— Самое важное — нельзя бояться, — изрёк Роджер.

— Ценный совет, — скривилась Алина. — И как мы это сделаем?

— Страх уходит, когда практика увеличивается, — резонно заметил мужчина, — пока же вы можете только принять то, что столкновение с монстром неизбежно, и вам придётся от него отбиваться. Готовность — вот главное, что должно управлять вами.

— Это всё, что вы хотели нам сказать? — ледяным тоном произнёс Дерик.

— Естественно, нет, — Роджер с лёгким укором посмотрел на Винсента. — Вот теперь перейдём к подробностям, и будет лучше, если вы будете слушать, не отвлекаясь и не перебивая, — он подождал, пока в глазах у каждого отразится полнейшая сосредоточенность на его словах. — Итак, главное, что вы должны запомнить — монстры делятся на тех, что летают и тех, что живут в болоте, но кто бы на вас не напал — сохраняйте спокойствие. Да, это возможно, вы в этом убедились. На плохое перестаёшь реагировать быстрее, чем на хорошее. А дальше — три варианта. Если к вам из воды тянется что-то — убегайте. Бегаете медленно — соображайте, что намеревается вас схватить: щуп или хищное растение. Если растение, то хватайте его за стебель. Это вы видели. Я заметил, во все глаза смотрели, и, надеюсь, запомнили. Уверяю вас, растение неповоротливое, поэтому увернуться от него довольно легко. Впадёте в ступор — вот тогда у вас шансов нет. Когда в цветок попадёт ваша голова — это конец, смерть наступает через считанные секунды. Я говорю это для того, чтобы вы не думали — как пойдёт что не так, вас спасёт кто-то более опытный. Не рассчитывайте. Не успеет. А вот если к вам лезет щуп, хватайте руками лишь в том случае, когда на вас перчатки: шкура морских монстров, как правило, выделяет яд, разъедающий кожу. В перчатках со щупом поступайте так же, как с растениями. Если вы беззащитны — просто падайте ничком, тогда он не сможет вас захватить. Кстати, всё оказывается гораздо проще, если вы идёте кучей. При нападении бегите в разные стороны. Тогда любой монстр задумывается, с кого же ему начать, и дарит вам спасительные мгновения, за которые удрать-то точно представляется возможным. Не хотите ли полюбопытствовать: если есть такое простое решение, почему многие ходят

поодиночке? А не наводит ли это на мысль о том, что перехитрить монстра — задача нетрудная? Верно, когда есть уверенность в своих силах. Даже дети справляются! Было бы сложно — нас бы здесь столько не жило, не подумали? А мы живём, и учим жить других. Всем ясно? — почти ласково спросил он.

— Да-да, — заикнулся Джейк. — Если я понял правильно, бояться надо только страха, так?

— Так. Это — самое трудное, но, когда этого добиваешься — легко всё, — кивнул Роджер.

— Постойте, — медленно проговорил Дерик, — но вы ничего про драконов не сказали!

— Потому что тут говорить бессмысленно, — Роджер со вздохом оглядел компанию. — Те, которых вы видели, на людей не бросаются, а твари, считающие человека деликатесом, слишком сильны, непредсказуемы и опасны, чтобы можно было знать, как надо от них спасаться. Единственное, что вы обязаны сделать — со всех ног бежать к людям, неважно, враги они тебе или друзья. Ну и, конечно, собрать волю и не впадать в панику. Вам кажется, я вдалбливаю в вас простейшие истины, но, если перегрузить голову чем-то более сложным, всё самое простое и самое верное вытесняется. Прошу, не мусорьте в собственной памяти. И это правило действенно не только здесь, но и вообще в жизни.

Он проговорил это медленно и уверенно. Было заметно, что вопрос не застал его врасплох. Похоже, слова Роджера для него самого не были пустым звуком. Перебороть любой страх реально, он, несомненно прав. Вполне вероятно, знает по личному опыту. Тут друзья подумали: Роджер ведь *выжил* после нападения драконов-людоедов, так что…

— И когда мы начнём? — решился Дерик.

— Сперва повторите про себя то, что я объяснял вам насчёт болотных хищников, — велел Роджер, — потом, чтобы я был уверен, каждый скажет это мне. Я должен убедиться, что вы запомнили это, как молитву. А после возвращаемся к себе. По пути у нас будет много шансов закрепить всё на деле.

Ни одна фраза Роджера не пропала зря: каждый проговорил всё сказанное им так чётко, будто сообщил своё имя, фамилию и адрес. Настало время… Нет, конечно же, другие тоже через *это* проходили. Вообще всего самого страшного, ужасного и невообразимого не стоит бояться именно по этой самой причине: все с этим справлялись, справляются и будут справляться. Когда не можешь представить себя в какой-то роли, представь в ней кого-то другого. А после подумай — он что, хуже тебя?

К сожалению, самое логичное, самое здравое рассуждение не убьёт панический ужас перед чем-то ответственным, что предстоит испытать впервые. Поэтому с практической частью «курса молодого бойца» у друзей возникли ощутимые трудности.

Те, у которых соображение не оказалось в ступоре, пытались поймать момент, когда в воде какой-нибудь монстр станет чуть-чуть заметным, чтобы распознать, растение это или тварь с щупальцами, чтобы точно знать, как себя вести на мосту. Часть компании, у которой разум от шока подал в отставку на время, наоборот, следила, когда болотная поверхность сделается идеально спокойной. Наконец, Дашка внезапно вспомнила, что ей вся эта тактика поведения не нужна вовсе, потому что она теперь умеет летать и по мостам ей можно не ходить. Но прекрасно знающий об этом Роджер об этом не напомнил. Она бы подумала, что он просто не в курсе, но отчаянно-красные глаза выдали бы её даже полуслепому. Кстати, сам Роджер бросил всю компанию здесь, утащив с собой и Акселя с Эриком. Дашка поступила бы точно так же, но почему-то ей было неудобно перед друзьями: я сбегу, а им тут от лопающихся нервов изнемогать?

— Какая-то ты странная сделалась, — заявила Алина, заставив Дашку вздрогнуть. — С тобой ещё что-то произошло, что ты от нас утаила? Так напряжённо думаешь, что голова вот-вот взорвётся. А ну, признавайся!

— Да ничего такого, — протянула Дашка. — Я это… Я же летать умею. Как все вампиры.

— Роджер — дурак, — заключила подруга. — Ладно ты, вокруг себя видишь всё, внутри себя — ничего, но Роджер?!

— И эти двое хороши, — высказался Джейк в адрес Акселя с Эриком. — Имея в соседках вампиршу, знали уж, что эти создания могут летать.

— Если уж начал искать виноватых, то начни с себя, — Теона, кажется, рассердилась. — Ведь тебе, как и любому жителю королевства, прекрасно известны все возможности вампиров. Так почему не никому напомнил? Ой, и я виновата… — с её лица мгновенно сошло недовольство. — Прости меня, пожалуйста, — расстроено сказала она Дашке, — но я… Мне было неудобно напоминать тебе о том, что ты вампирша.

— С тобой тоже всё ясно, — вздохнула Алина. — Я, признаюсь, просто не подумала об этом, Саша, наверно, тоже… Верно говорю? А вы почему? — она нацелилась на братьев.

— Я как-то тоже… Забыл, — смутился Джейк.

— Честное слово, вспоминать некогда, — проворчал Дерик. — Когда нам радостно сообщают, что нас поджидает неминуемая смерть в случае нашей нерасторопности,

несобранности и ещё десятков «не» — до других никакого дела нет, уж простите.

— К слову о неминуемой смерти. Если мне она в лице болотных монстров никак не грозит, то вам как-то надо учиться с ней, то есть с ними, справляться, — заметила Дашка.

— Ладно-простите-меня-за-всё! — на одном дыхании выпалил Дерик и, прежде чем кто-то успел удивиться (и вздохнуть с облегчением), — шагнул на мост.

С самым решительным видом он за считанные секунды проделал полпути, и тут, с шумом и тучей брызг, из воды высунулся тёмно-фиолетовый щуп. Парень вздрогнул, но не растерялся — живо рванул к берегу. Щуп, не желая упускать жертву, несколько раз попытался схватить Дерика, но тот был очень быстрым, и монстр лишь несколько раз хлопнул щупальцем по доскам, правда, попадая сантиметрах в десяти от Винсента. Парень оттого, что хлипкий мост от этих ударов раскачивался более чем сильно, терял равновесие, но это его не останавливало. И вот — он уже стоит на противоположном берегу.

Раздались изумлённо-восторженные возгласы, настолько бурные и громкие, что все поняли: за компанией и за Дериком в частности наблюдают люди с других островков и, безусловно, вспоминают, как им самим когда-то приходилось перешагивать через свой страх, в первый раз перебегая по мосту в опасное время.

Дерик заулыбался. Видно было, что он невероятно доволен и собой, и тем, что всё на деле не так уж и трудно.

— Поздравляю! — хором заорали два голоса за спинами друзей: Томас и Николас.

— По правде говоря, мы поспорили, кто из ваших решится первым. Я вообще-то посчитал, что он, — Томас кивнул на Сашу, — а Ник предположил, что она, — молодой колдун показал на Теону. — Но это хорошо вышло, что ничья получилась. Если бы кто-то из нас проиграл, он должен был бы сказать Феликсу, что где-то потерял его кинжал. В действительности неизвестно, куда сей артефакт подевался, но выяснять это будут до скончания веков, упорно и с энтузиазмом, так что ради блага всей нашей толпы кому-то следовало бы принять удар на себя.

— Рада, что вам повезло, — рассмеялась Теона. — Только почему ваш друг про меня подумал?

— Своими рассуждениями он ни с кем не делится. Выводами — да, но путями, которыми он до них добирается — ни за что. Да, Ник? — Томас посмотрел на него с улыбкой.

Николас тряхнул головой. Видимо, этот странный человек был вообще предельно скрытным. Можно было догадаться по его

капюшону, скрывающему лицо.

— А вот и я, — незаметно вернувшийся Дерик одной рукой хлопнул по плечу Алину, другой — Дашку. — О, привет! — поздоровался он, заметив двух бандитов.

— Пугать-то зачем, — выдохнула Алина. — Ну, рассказывай, как оно?

— Нормально всё, — отмахнулся Дерик, — По-моему, эти существа действительно не очень-то расторопные, так что увильнуть легко. Пробуйте, что стоите?

Вторым решился Саша, третьей — Теона. Скорее всего, им придавала силы вера Томаса и Ника. Алине повезло, когда она перебиралась с берега на берег, ни один болотный монстр не высунулся наружу, зато на Джейка обрушились сразу двое: зубастое растение и нечто с фиолетовыми щупальцами. Парень благополучно выдержал атаку. Под конец даже Дашке захотелось рискнуть, и ей удалось. Томас и Николас тоже перебрались к ним, но бандитам это не стоило абсолютно ничего: молодой маг просто оглушил растительного монстра каким-то заклятием, и тот замертво рухнул в зелёную мутную воду.

— Мы, кстати, должны были вам сказать одну очень важную вещь, — сообщил Томас запыхавшимся, растрёпанным, но счастливым друзьям. — Не забывайте, завтра нам на охоту идти, и в два часа сегодня всей нашей группе надо собраться в нашем доме для инструктажа. Подчёркиваю — всей.

— Не вопрос, будем секунда в секунду! — бодро ответил Джейк. — Кстати, нам будет интересно пообщаться с вами просто так.

— Хотите к нам в гости? — предложила Теона.

— От своих — хоть на край света, — признался Томас.

Двигаться с островка теперь было не так страшно — собственный опыт плюс магические способности Томаса, и в скором времени народ оказался в хибаре, где обосновалась компания друзей. В бараке были только Марика и Шаки, остальные где-то бродили. Вампирша дремала в своей постели, девочка играла с летунчиком.

— Хорошо-то как, — Томас рухнул на ближайшую к нему кровать, — тихо!

— Лови момент, в нашей обители такого не увидишь, — хмыкнул Николас. — Вы не станете возражать, если мы будем иногда к вам заскакивать? Душа домашнего уюта, знаете ли, требует.

— Ну конечно, мы всегда рады всех вас видеть! — воскликнула Теона. Дашка тщетно пыталась уловить в её голосе «дежурные» нотки — нет, наверное, Джессика права — эта

молодая женщина действительно по-доброму относится ко всем и каждому.

— Всех? — удобно устроившийся Томас приподнялся с постели. — Нет, не подумайте ничего плохого, мы ценим ваше гостеприимство, но *всех нас* нам и в своём бараке хватает, — он усмехнулся и опять опустился на одеяло.

— Чего-то не достает, кажется, — улыбнувшись, Николас порылся во внутренних карманах плаща, извлёк на свет маленькую склянку с прозрачной жидкостью, капнул чуть-чуть на стол — раздался хлопок, и он мгновенно оказался накрытым.

— Вот за такие штучки мне иногда хочется тебя придушить, — произнёс Томас, уставившись на ломящийся от деликатесов стол. — Иметь такую замечательную вещь и ничего не говорить нам, твоим друзьям, в последнее время не имеющим возможности даже перекусить по-человечески! Я не удивлюсь, если у тебя есть талисман, блокирующий охранную магию Денаувера, из-за которой никто не может выбраться на свободу, и об этом талисмане ты нас уведомишь в день, когда нас отсюда выпустят.

— Но до сих пор что-то тебя удерживало от покушений на мою жизнь, — заметил Николас и посмотрел на Теону: — Ну, за стол можно садиться только после хозяев, прошу!

Все расселись. Некоторое время компания сосредоточенно опустошала тарелки, потом Алина поинтересовалась:

— А что это было в бутылочке, Ник?

— Так, изобретение одного знакомого, — ответил Николас. — В зависимости от того, чем это вещество разводить, оно может выдавать что-нибудь определённое, например, гору сладостей или лёгкий завтрак. А в чистом виде из него получается то, что вы видите сейчас. Его также можно разбавлять водой, чтобы дольше не заканчивался, но тогда угощение из него будет получаться всё более и более скудное. Мне эта прелесть, кстати досталась в уже разбавленном виде.

— Твой старый знакомый — гений! — Алина, отставив тарелку, откинулась на спинку стула. — Кажется, я начинаю понимать Томаса.

— А ведь правда, почему ты хранил это у себя? — удивилась Теона. — Твои друзья, наверное, нуждались в нём больше, чем мы.

— К тому моменту, когда вещество попало ко мне в руки, мы уже привыкли обходиться без подобных излишеств, — объяснил Николас, — а сегодня было бы неприлично напроситься к вам в гости на обед, который стоит здесь немалого труда.

— Вы не напрашивались! — возразила Теона.

— Всё равно, — настаивал парень.

— Его не поймёшь, — заверил всех Томас. — Впрочем, Мишель говорит, что по отдельности ни от кого из нас не добьёшься понятной мысли.

— Мишель — это кто? — спросил Джейк.

— Девушка с красными волосами, — ответил колдун. — Периодически требует к себе особого уважения, потому что она — одна из тех, кто собрал банду. Вместе с Николасом, Бруно, Клариссой — тогда она единственная в банде владела чёрной магией, — Феликсом и Анитой — наверное, вы успели её заметить, полненькая такая женщина, светится добротой.

— А зачем вообще ваша банда появилась? — спросил Саша. — Уж вряд ли только для того, чтобы грабить людей.

— Вначале эта компания решила продолжить дело Детей Ветра, — сказав это, Томас смутился. Дашка уже слышала про Детей Ветра, и, когда ей об этом рассказывали, она подумала, что люди, назвавшие себя так, занимались либо чем-то очень гадким, либо чем-то благородным, раз их разыскивали власти королевства.

Зато Алина и Саша, не имевшие никакого представления об этом, хотели спросить, кто такие Дети Ветра. Их намерения уловил Джейк и метнул на друзей взгляд, в котором явственно отражалось: «Не вздумайте».

«Всенепременно потребую подробного рассказа от Марики, — решила Дашка. — Хотя, раз не знать про это, по-видимому, неприлично, она сама догадается нам всё объяснить».

Вдруг Дашка заметила, что Марика уже проснулась и конец беседы от неё не ускользнул, и бывалая вампирша сейчас кивает ей: расскажу, куда денусь!

Возникшую паузу Николас истолковал по-своему:

— Да, глупыми были. Но нам или повезло, или мы на тот момент поумнели, но, когда нечаянно наткнулись на весьма любопытные записи Виктора Эванса, стали жить ради другой цели, уже не легенды, а реальности.

Вопрос «Кто такой Виктор Эванс, и про какую легенду речь?» был пресечён двумя обстоятельствами: по-прежнему грозным взглядом Джейка и появлением Роджера.

Глава 14 Перестановка в голове

— Томас Дьюри и Николас Гриффин! — с каменно-холодной официальностью отчеканил Роджер. — Мистер Олеандр очень, очень недоволен вашим поведением и требует, чтобы вы немедленно явились на свой остров.

Кажется, молодые люди в течение последующей минуты восстанавливали в памяти вчерашний вечер и сегодняшнее утро, но ничего аморального не вспомнили.

— Это почему? — отчитался о результатах проделанной умственной работы Томас.

— Потому что, мистер Дьюри, вы слишком самоуверенны, полагаясь исключительно на свои познания в области чёрной магии, — Роджер нисколько не поменял тон. — Конечно, они у вас весьма обширны, по его словам, но, по ним же, вы ещё не имеете никакого понятия о том, что тут полно существ с врождённой устойчивостью к тёмным чарам и магическим атакам. Это не всё, — с издёвкой протянул он. — Своей самоуверенностью вы подвергаете опасности жизнь вашего приятеля, так как он, надеясь на тёмную силу вашей персоны, не станет предпринимать решительных действий при атаке монстра, потеряет тучу времени и шанс спастись. Мистер Гриффин, вы, соответственно, также демонстрируете поразительную недальновидность. Доверяетесь приятелю, хотя следить за собственной жизнью — сугубо личное дело!

— Мы поняли, — проворчал Томас, создав видимость относительного раскаяния. — А второй раз эту нотацию слушать обязательно, или в устах мистера Олеандра она приобретёт иной оттенок?

— Нам её предоставят в слегка расширенном и дополненном варианте, — усмехнулся Николас.

Фраза до цели не долетела — Роджер ушёл на кухню. Хотя может быть, высказывание его ушам и не предназначалось. Томас и Николас поспешили к себе, наскоро попрощавшись с новыми друзьями. Потом, заявив, что он не будет возвращаться и напоминать, что в два часа всем будущим охотникам предстоит ответственное мероприятие, и Роджер ушёл.

Марика сразу, так только за ним дверь захлопнулась, слезла на пол.

— Вижу, что про Детей Ветра Даше, Алине и Саше никто не рассказывал, — вампирша только радовалась, что почётное право устранения у непосвящённых информационного голода перешло к ней. Несомненно, ей известны такие подробности, о которых

большинство жителей королевства и не подозревают, или же просто та доля правды, что покрылась слоем сплетен, слухов и массовых домыслов.

— Так получилось, — Джейк оценил выражения лиц друзей из Большого Мира, никакого недовольства или порицания там не нашёл и закончил мысль, — мы этой темы не касались. Не пересказывать же им всю историю королевства!

— Да уж, для этого потребовалось бы столько свободного времени, сколько у обычного альданца бывает только в выходной день, а выходные дни у обычного альданца случаются реже, чем они встречаются в календаре, — весело согласилась Марика. — Но что-то они от вас узнали?

— Про Книгу Смерти. Ещё про Лесных Воительниц, но это потому, что их семья, — Саша показал на Теону, — имеет к этому отношение. Старейшина нам про Кевина Гранда говорил и про Великие Ветры. Стоп, а ты что, знаешь про нас?

— Знаю, — успокоила его вампирша, — Даша мне сказала. Вернее, я догадалась, что она-то точно не из нашего королевства, поэтому ей глупо было бы скрывать от меня, откуда вы. Но те тонкости, которые могут вас выдать, заметить может только невероятно проницательный, умный и чуткий человек. Разоблачение вам не грозит.

Помрачневший Саша успокоился, но неприятный осадок в сердце парня остался.

— Ещё никто, кому нашу тайну не раскрывали лично, не заметил, что мы не из королевства, — сказала Алина. — Всё, этот вопрос мы решили, давайте уж вернёмся к пополнению наших знаний об Альдане и всём, что в ней происходило.

Представив просторы для просветительской деятельности и чуть не завопив при этом от восторга, Марика радостно потёрла руки, что выражало: дети мои, рассаживайтесь, сейчас я утоплю вас в словесном потоке и погребу под лавиной информации.

Винсенты представили, что на действительность сейчас прольют столько света, что в глазах заслезится, и, заодно с троицей, не ведавшей истины по стопроцентно объективным причинам, тоже приняли боевую готовность: устроились возле Марики, кто на кроватях, кто на полу, и всё оставшееся после пиршества перетащили туда же, чтобы удовольствие было совсем уж полное.

— Начну с того, из-за чего мы все так уютно расположились, — Марика усилием воли приказала восторгу сидеть тихо и не высовываться, не тормозить дело. — Банда Детей Ветра. Старейшина Фредерик облегчил мне задачу, — (*а жаль*), — рассказав вам о том, что представляют из себя пять

Великих Ветров: души людей, сделавших что-то значимое для народа королевства. Нечасто, но всё же случается, что у тех, кто присоединяется к Ветрам, остаются неоконченные при жизни дела. Нет, дела — плохое слово. Грандиозные планы, которые они не успели реализовать до конца. Кто-то искал спрятанные сокровища, кто-то — писал труды по всевозможной магии, кто-то доводил до ума своё изобретение…

Десятилетие назад в Ветре Смуты прибавилось три души. Вы ведь знаете, чем был печально известен город Чёрные Гавани? — (быстрые кивки: давай, продолжай скорее). — Так вот, десять лет назад вышел приказ, чтобы город заселяли снова. Там ничего не изменилось, разве что вампиров стало больше, а света — меньше. В народе даже появилась грустная шутка: все, кого ссылают в Денаувер из Чёрных Гаваней, идут на преступления нарочно, чтобы поменять место жительства на более спокойное. Понятное дело, добровольно ехать в Чёрные Гавани никто не хотел, поэтому людей просто выселяли из родных домов и они, если не было возможности купить себе новый или хотя бы пожить у родственников или друзей, были вынуждены отправляться в этот ужасный город, где жильё давали даром. Поэтому выживали в основном самых бедных и беспросветно одиноких. Да и то часть их предпочли остаться бездомными, но не ехать туда. Тем не менее, кому-то пришлось обосноваться в Гаванях. Вот в таком зловещем месте познакомились и сдружились Виктор Эванс, чёрный маг, Фред Картер, алхимик, и Тим Астор, парень, ловко обращавшийся с оружием. Все трое были молоды, хотели приключений, поэтому и согласились перебираться в Чёрные Гавани. Помня о том, что это место служило прибежищем для вампиров с тех времён, когда закончилась Эпоха Солнца, молодые люди решили, что в Гаванях спрятан какой-то источник зла, притягивающий сюда нежить, и вознамерились во что бы то ни стало его найти и уничтожить. Они были сильной, умной… но абсолютно безголовой командой. Не боялись ничего. Облазили все окрестности города — а окружали его жуткие леса — и обнаружили, наконец, пещеру, всё в которой чёрной магией было насквозь пропитано. Бегали они туда, бегали, пока в один расчудесный день не пропали. Искать их никто не рискнул, к тому моменту троица распугала в пещере всё, что умело испытывать эмоции, и это *всё* стало проявлять невероятную бдительность, не позволяя пробраться туда ни одной живой душе. Каким образом с пещерными монстрами удавалось справляться Эвансу, Картеру и Астору — не ясно. Посчитали бы, что парни как раз погибли из-за них, но Эванс вёл дневник, где были записи, прямым текстом говорящие: монстры нам не мешали. Почему не

мешали — Виктор умолчал. Упоминал, что он с Картером придумал нечто, охраняющее от них, и только лишь.

За какие заслуги храбрая до слепоты троица удостоилась чести оказаться в Ветре? Молодые люди зарядили народ Чёрных Гаваней такой надеждой, что каждый предвкушал скорейшее возвращение к нормальной жизни. Но для того, чтобы к ней вернуться, нужно усердно противостоять смерти. И Чёрные Гавани противостояли. Вдохновлённые, едва не добились того, что смысла бы не было ехать обратно в родные края: истребили тьму вампиров, дышать свободнее стало.

Но я рассказываю вам про Детей Ветра. Кто они? Дети тех легендарных алхимика, воина и чёрного мага, решившие продолжить поиск источника зла Чёрных Гаваней. Родители-духи оставляли им знаки, подсказывали, направляли — именно поэтому банда назвалась Детьми Ветра. Почему целая банда? К юным безумцам присоединялись люди. Не из Гаваней, тем уже и так хорошо жилось, а со всего королевства. Благодаря Ветру Смуты про перспективу искоренить Зло знали во всех его уголках. В банде его стараниями оказалась целая толпа. Король не мог допустить, чтобы источник зла попал в руки простому народу, он захотел заполучить его сам. Поэтому Мартин отдал приказ схватить Детей Ветра и требовать с них всё, что они знают про этот источник. Вот так вот наивное предположение троих приятелей держало в плену разумы следующего поколения. Ведь даже не выяснили, существует ли месторождение зла или это лишь миф, а уже воображали, как расправятся с ним и изменят мир. К сожалению или к счастью, банду поймали, но выпытать у её членов ничего не смогли, и Детей Ветра казнили. Такова эта страница истории.

Винсенты сидели с каменными лицами.

— Да ладно, вам, — усмехнулась Марика, — лучше порадуйтесь. Только представьте, что бы *вы* им наговорили.

— Действительно, селить в других свою личную неприязнь — последнее дело, — виновато согласился Джейк. — Томас, как мне показалось, сожалел о том, что втянулся в это, но я подумал, что таким людям верить нельзя.

— Всё неправда, — пробормотала Теона, — но почему Тому было стыдно за прошлое?

— Интересно получается, — Саша задумался, пытаясь определить проступающие смутные чувства Винсентов. — А кто-нибудь объяснит нам, от какой неправды нас спас рассказ Марики?

— Все твердили, что эта куча народу с помощью найденного Зла хочет захватить Альдану, — покаялся за часть королевства

Дерик, — и многие сами разыскивали банду. Раскрывать Мартину и его людям тайну, где и как зарождается Зло, никто не собирался, народ только хотел не дать проникнуть туда Детям Ветра. Все умудрились забыть о том, что ни один Великий Ветер не будет вести людей, задумавших подлость, к их цели. Нет, все решили, что Ветер Смуты олицетворяет зло.

— Нам такого никто не говорил, — возразила Дашка.

— Значит, вам повезло и вам встречались только умные люди, — сказала Марика.

Дашка удержалась, чтобы не добавить: «Хоть в чём-то нам должно везти», — но передумала. Вместо этого напомнила:

— Кстати, ты обещала нам про себя рассказать.

— Это лишним не будет, — расцвела Марика. — Я как раз застала такие времена, которые в народных пересказах оказались исковерканными ещё сильнее, чем история Детей Ветра.

Семь заинтересованных лиц повернулись к ней. Вампирша осторожно, подбирая для слушателей самые точные, самые выразительные слова, самые интересные и значимые моменты, начала:

— Признаться, одно моё детство удалось таким, что впечатлений от него приличному человеку хватило бы впрок, он бы смаковал их всю жизнь, и всё равно что-то осталось бы. Итак, моя мамаша была старше меня на каких-то пятнадцать лет, поэтому материнские инстинкты как спали, так и остались спать, точно убитые. Я даже знаю, кто их убил: моя драгоценная бабуля. В молодости она нагулялась от души, поэтому у мамаши имелось десять сестёр, все младшие, и обо всех ей приходилось заботиться. Впрочем, после появления четвёртой сестрички её забота стала сводиться к минимуму: надавать каждой подзатыльников. Так что росла я в широком окружении, постоянно забывая, кто из этой толпы приходится мне матерью. А что вы хотели? И она, и тётушки проявляли ко мне абсолютно равное участие. Кто накормит, кто спать отправит, кто лекарство даст, если заболею, кто накажет… Бабуля с дедом до моего появления на свет не дожили, а про своего папу я знала только то, что он существует, так что воспитывали меня девицы, которых самих ещё воспитывать нужно. Как-то одна из тётушек совершила непоправимую ошибку — научила меня читать по Книге Смерти. Так как я росла, предоставленная самой себе, пробовать эти заклинания в действии мне никто не мешал. Колдовать мне понравилось, и когда мне исполнилось десять, я решила сбежать в столицу, чтобы поступить в Магическую Академию, которая находится в Зальване. Вообще-то туда принимают с шестнадцати, но о том, чем мне заниматься шесть лет, я как-то не подумала.

Ушла из дома я посреди дня, на виду у всей семьи. Им было всё равно, до этого я частенько убегала куда-нибудь, где было что-то интересное, и не возвращалась домой ночевать несколько дней подряд, но моего отсутствия или не замечали, или оно никого не волновало.

И вот я оказалась в столице. Город встретил меня не лучшим образом: именно в этот день началась Чёрно-Белая война, между тёмными и светлыми волшебниками…

Марика будто впала в транс — говорила и говорила без остановки. Слушали её так же, ни разу не перебив, не издав вообще ни звука. Начнись сейчас землетрясение или ураган, не заметили бы.

Впечатления и эмоции слушателей поражали нещадно, в сердце. Марика, казалось, тоже всю свою жизнь переживала заново. Друзья начинали испытывать самые яркие, натуральные чувства ко всем, с кем Марике когда-либо приходилось сталкиваться за два своих века. Полюбили старого колдуна, пригревшего её у себя, когда десятилетняя Марика попала в озлобленный войной город. Возненавидели командира, забравшего девочку, знавшую отдельные главы Книги Смерти наизусть, в свой отряд, сражаться на стороне чёрных магов. У всех глаза наполнялись слезами, когда Марика рассказывала, что командир убил того старика-мага, заменявшего ей отца, потому что оказалось, что старик — светлый колдун. Переволновались, когда она описывала, как попала в плен. Потихоньку отходили по мере того, как вампирша описывала: у светлых волшебников ей понравилось и она даже начала учиться их магии, решив, что не будет ни на чьей стороне, а станет сама по себе. Радовались на том моменте, когда Марика уехала в другой конец королевства, не тронутый войной, и вместе с ней покинул Зальван молодой боец. Этот парень как-то запустил страшное заклинание в толпу неприятелей (светлых), а, когда подошёл ближе к куче остывающих трупов, первое, что бросилось ему в глаза, была мёртвая девушка, похожая на его возлюбленную. Парень подумал, что и его любимой, может быть, тоже уже нет в живых, и ужаснулся этой мысли. Затем подумал, что у этой несчастной убитой, лежащей перед ним, наверное, тоже есть молодой человек, который точно так же придёт в ужас и жизнь для него потеряет всякий смысл, когда узнает, что его любимая теперь в царстве мёртвых. А про себя юноша подумал, что он самый настоящий злодей, раз отбирает смысл жизни у таких же, как он, простых жителей королевства. И решил как можно скорее бросить воевать. То есть сперва он хотел сброситься с обрыва, но Марика его отговорила, и они уехали в мирный край, считая друг друга

братом и сестрой, стали жить в небольшом городке. Два года они не знали горестей, а потом в соседнем городе поднялось восстание, и по королевскому приказу в войско, которое должно было его подавить, забирали молодых людей из окрестных поселений. Названого брата Марики тоже забрали. Больше она его не видела.

Повстанцы оказались бойцами свирепыми, сильными и выносливыми: наспех и принудительно сколоченное войско порвали, отряды королевской армии, брошенные на помощь, растоптали и двинулись к столице, по пути громя все большие и маленькие города и деревни. Так Марика потеряла свой третий дом. Где искать четвёртый, девочка не знала, так что оказалась в стайке бродяжек. Бродяжничать ей пришлось не по душе: приходилось обманывать, воровать и творить прочие нехорошие вещи. Правда, если какой-то человек ей не нравился, в глазах у него читалось что-то нехорошее или там вовсе пусто было, — она с удовольствием обкрадывала его до нитки, ещё и награждала одним из лёгких проклятий, которые знала. Но другие бродяжки подобной избирательности не одобряли и принуждали Марику обводить вокруг пальца того, кто под руку подвернётся, а не того, кто кажется подлецом, мерзавцем или ещё кем недостойным. Друзья сначала содрогнулись, а потом заполыхали от возмущения, когда узнали: эта свора за то, что Марика в очередной раз отказалась принимать участие в разбойном нападении, девочку избила и бросила прямо на улице. Очнулась несостоявшаяся разбойница в приюте. Много верных друзей там приобрела и чувствовала себя неплохо, хоть и плакала иногда по старику-волшебнику и названому брату. Через год Марику удочерили, но приёмная семья была скучная, строгая и приличная — девочка от неё удрала. Хотела вернуться в приют, а работники приюта, в свою очередь, захотели вернуть её в приёмную семью. Пока разбирались со всем этим, Марика удрала и от них. Не одна, с ней отправились друзья из приюта, Джек и Шелли. По разным причинам: Джека собиралась усыновить такая же ужасная семья, и парнишка хотел избежать этой участи, а Шелли очень любила Марику и не хотела больше с ней расставаться. Эта троица тоже стала бродяжничать, но по-доброму. На жизнь зарабатывали тем, что устраивали уличные представления. Примерно раз в полгода детей ловили стражи порядка и сдавали в другие приюты, откуда маленькая весёлая компания удирала, восстановив силы. Так продолжалось да тех пор, пока Джеку не стукнуло шестнадцать. В приют его забрать уже не могли, зато арестовать и швырнуть в камеру — запросто. Так пути Джека и Шелли с Марикой разошлись. Через год двери

приютов захлопнулись и перед девочками, вернее, юными девушками. Они устроились в ученицы к волшебнице, радовались новой жизни и новым знаниям, в меру скучали по Джеку…

Но в один прекрасный день Марика влюбилась. В молодого красивого воина, который отправлялся на север королевства. Там некроманты создали своё гадкое войско из живых трупов, вампиров и скелетов, и шли с ним, понятное дело, захватывать королевский замок в столице. Это восстание народ отправлялся подавлять добровольно, не по велению короля, и тот человек тоже решил принять участие в борьбе против живых мертвецов. Марика — вместе с ним. Она вернулась с войны, он — нет. Она обросла крепкими знаниями тёмного искусства некромантии, он стал одним из духов, составляющих Великий Ветер Надежды. Марика и Шелли оставили добрую волшебницу, пообещав никогда не забывать её, и отправились в Зальван. Марика снова видела в мечтах Магическую Академию, но теперь она хотела там преподавать. Мечта приняла форму действительности на год, и в городе началась эпидемия смертельной болезни. Академию закрыли, потому что в ней некому стало ни заниматься, ни преподавать. Марика переехала в другой город, а с ней — несколько оставшихся в живых учеников, в классах которых она вела занятия. Студенты её любили, поэтому кое-кто был готов следовать за ней в неизвестность. Шелли, ставшая известной на всё королевство целительницей, осталась в Зальване. Марика с учениками странствовала по Альдане, помогая всем своей магией. Однажды они остановились в городке, страдавшем от засилья вампиров. Там Марика и простилась с человеческой жизнью. Молодая женщина и студенты вступили в отряд охотников на вампиров, на одном из заданий Марике не повезло.

На этом месте рассказчица всё же перевела дух. Слушателям пауза оказалась кстати: все стали сбрасывать с себя груз эмоций, выражая их вслух.

— Я в шоке, — высказывается Дерик насчёт Чёрно-Белой войны. Раньше он, как и его семья, и знакомые, думал, что тёмные колдуны, сильные в разрушительной магии, одерживали над светлой стороной одну победу за другой. А на самом деле белые маги могли из обычного человека при помощи пары-тройки заклинаний сделать практически непобедимого бойца, и эти воины уничтожали противников, как насекомых. — А ведь после Чёрно-Белой войны большинство людей начало недолюбливать тех, кто предпочитает чёрную магию белой!

Ему за себя стыдно и за брата. Они всё время ссорились с мистером Тейлором, при встрече постоянно хамили ему. Нанимаясь к нему три дня назад, думали, что совершают

маленький подвиг, перешагивая через свою неприязнь (ведь даже виду не подали, что имеют что-то против Тейлора!), а на самом деле он над ними одержал заслуженную победу. То-то они удивлялись, почему мистер Тейлор и бровью не повёл, когда их предложение услышал.

— Как они могли! — ужасается Теона, не понимая ни волшебников, развязавших Чёрно-Белую войну, ни восставших некромантов, ни жестоких детей, как вообще не понимала жестокости, насилия и целей, их оправдывающих. — Зачем?!

— В наше время такой преданной любви и дружбы не бывает, — вздыхает Алина и думают Дашка и Саша.

И только Джейк нашёл в себе силу, чтобы вспомнить…

— ДВА ЧАСА!!! — взвыл он, заметив, как устроились стрелки на часах. — В два часа нам надо быть на вашем острове, на учениях!

Парни вскочили на ноги молча исключительно потому, что не смогли вспомнить ни одного цензурного слова, обозначающего те разнообразные чувства, которые мгновенно появились в них после этого вопля. В каждом царапалась неописуемая досада: не может быть, чтобы в женском обществе на последнюю обсуждаемую тему ничего не было сказано, девчонки поднажмут, и Марика выдаст им крупицы, нет, песчинки информации, но исключительно золотые, уникальные. И даже Теона не уговорит подруг подождать.

Будущие охотники умчались.

Опасения их не оправдались. Марика была за равноправие полов и принялась обороняться, попросту, улеглась спать дальше. Алина с Дашкой обсудили события последних дней, новоявленная вампирша пересказала подруге всё, что узнала о Великих Ветрах от Джессики и Марики и пообещала ей сегодня же ночью эту красоту показать. Захотели было сделать что-нибудь по хозяйству, но Теона уже и прибралась, и посуду помыла, а обед соседка по комнате, с которой детального знакомства пока не состоялось, приготовила утром. От души развлекли Шаки, чуть-чуть помаялись, пытаясь по примеру Марики задремать — не удалось. В помещении сидеть надоело, и подруги вышли постоять на крыльце.

Они с удовольствием посмотрели, как Теона приводит в порядок заморенные деревца, которыми был утыкан остров. Молодая женщина дотрагивалась до сухой корявой ветки, из-под её пальцев выползали серебристые и золотые огоньки, разбегались по всей кроне и стволу, и деревце преображалось. Оно становилось толще, кора меняла цвет с уныло-серого на какой-нибудь оттенок коричневого, листья разворачивались,

распрямлялись, вытягивались и насыщались краской, и, самое впечатляющее, деревце расцветало. Обильно, крупными нежными цветками. Всё это происходило одновременно, так что глаз от волшебства было не оторвать. Через полчаса цвёл и благоухал весь остров. При малейшем дуновении ветерка осыпалось несколько цветков, но вместо них тут же распускались новые. Если цветки падали в воду, она из мутной, зелёной, становилась чистой, умопомрачительно голубой.

Красотой остров просто засиял, и выглядел маяком в квартале, соседи сразу начали проявлять интерес и бегали знакомиться. Дашка и Алина и Теона неприятно поразились: сколько же тут детей, девушек и стариков! Правда, молодая волшебница не раз слышала, что в Денаувер отправляют семьями, один человек поиграет с законом — и всех родных заодно с ним в ссылку. Но про Чёрно-Белую войну тоже много чего говорили…

Уходили все соседи с необычного острова, согреваясь милой симпатией к его новым обитательницам.

К вечеру вернулась соседка по дому. Наконец-то подруги узнали, что зовут Лара, живёт она здесь пятый год за то, что не стала уговаривать своего сына, когда он не захотел идти воевать против лавины очередных повстанцев. Юношу швырнули в бой насильно, а Лару сослали в Денаувер на шесть лет.

Наконец, явились измотанные до полусмерти братья Винсенты и Саша, заметно уставшие Аксель и Эрик и вполне бодрый Роджер.

— Отличная команда! — восторгался он под нечленораздельное мычание Саши, Дерика и Джейка, выражавшего, к радости всех, удовлетворение от прошедшего дня, осознание собственной сплочённости и благодарность остальным членам команды за то, что они позволяют так думать.

Пока Роджер нахваливал новичков, приходившие в себя новички нахваливали друг друга, ту часть группы охотников, которая здесь не присутствовала, и преобразившуюся природу острова, Лара с Теоной приготовили ужин и накрыли на стол. (Всё, что осталось от роскошного обеда, к неудовольствию компании, исчезло само собой: и еда, и посуда, и скатерть, — будто ничего и не было).

После тихого ужина Роджер принялся описывать компании все виды обитающих здесь драконов. Слушать большинству не хотелось — Дашку неумолимо клонило в сон (она вторые сутки не находила времени, чтобы выспаться), а парни были ещё слишком уставшие, чтобы что-то воспринимать. Тем не менее, всем пришлось себя заставить выдержать очередную атаку перетекающих в головы знаний.

Друзья снова оказались шокированы. Роджер преспокойно вещал об уже упомянутых им вчера нелетучих драконах, которые выдыхают огромные клубы усыпляющего пара. Человек от него тут же падает без сознания — стоит вдохнуть самую малость этой дряни, и дракон без затруднений уносит его в своё логово. На памяти Роджера ни один человек, которого нелетучие драконы утаскивали в лес, не возвращался. Марика, правда, вставила, что знала пять человек, сумевших спастись от них, но эти счастливчики выжили исключительно потому, что им вовремя подоспели на помощь: когда усыплённый паром человек приходит в себя, он чувствует такую слабость, что сам не может ничего сделать. На резонный вопрос: а почему усыпляющее драконье дыхание не подействовало на спасителей, вампирша, кажется, приготовилась что-то долго и подробно разъяснять, так как Роджер не дал ей и слова сказать, продолжил собственное повествование.

После издевательски-красочного описания нелетучих драконов Роджер до полусмерти напугал друзей, рассказав им про местное многообразие видов и подвидов драконов огнедышащих. С подобными Саша, Алина и Дашка уже сталкивались, но те существа едва не испепелили компанию студентов неосознанно, драконьи детёныши хотели всего лишь поиграть с ними. А здесь? Большие и маленькие, ядоносные и нет, с одной головой или несколькими, имеющие разный уровень защиты от магии, от полного её отсутствия до полного иммунитета к ней — все драконы были одинаковы в неуёмном пристрастии к человеческому мясу. Конечно, Марика знала уйму деталей на тему «Если вы оказались один на один с драконом», и Роджер не воспрепятствовал их озвучиванию. У друзей голова пошла кругом. По словам вампирши получалось, что каждый дракон состоит из одних слабых мест, но у каждого они свои, общих нет. Если знать их все — проблем не будет, погонится за тобой хоть стая драконов — убежишь целым и невредимым. Дело в том, что, существуй эти правила выживания в печатном виде, объёмом этот труд во многом превзошёл бы историю Альданы… И самой твёрдой для человека надежды — у всех получается, с чего вдруг у меня не получится? — тут не было. Общеизвестное мнение, что драконы в Денаувере губят множество жизней, Роджер отрицать не стал.

При всём ужасе у друзей возникло разумное недоумение: раз драконы в квартале буянят часто, почему никаких следов разгрома нет? Всё оказалось просто, все кварталы были заколдованы так, что любые разрушения за ночь восстанавливаются. Это почти никому из друзей не понравилось.

Они не могли толком объяснить, почему. Дашка вдруг подумала, хоронят ли тут людей или нет.

К ночи хорошее настроение компании бесследно растаяло. Спать друзья легли рано, чтобы обезопасить себя от мыслей о драконах и о том, как цинично в Денаувере относятся к смерти (пусть Марика и говорила на этот счёт вполне разумные вещи).

В эту ночь кошмары снились им всем.

Глава 15 Время жажды крови

К новой жизни постепенно привыкли, и время поползло мучительно медленно. Парни на еженедельной охоте не могли нахвататься впечатлений настолько, чтобы они давали заряд жизненной энергии до следующей вылазки в лес. Молодым женщинам приходилось ещё хуже: делать им было совершенно нечего. Охотники немало времени проводили, шлифуя своё умение обращаться с оружием, на этих тренировках выматывались, и поэтому ленивый отдых был им в радость. Подруги сходили от безделья с ума.

Деревья на острове, преображённые волшебством Теоны, зачахли на следующий день, а сама Теона ослабела так, что два дня не могла встать с постели. Оказалось, что это — от переизбытка в воздухе чёрной магии. Мало того, что светлые заклинания не дают эффекта, так ещё и при сотворении чар волшебнику приходится тратить во много раз больше своих сил, отчего маг потом долго болеет.

Так как Теона не могла облегчать страдания Шаки, девочка чувствовала себя отвратительно. Как назло, из всех белых магов квартала, которые к переполняющим Денаувер злым чарам притерпелись и никаких неудобств из-за собственного волшебства не ощущали, никто не владел тем заклинанием, что Теона лечила сестру. Дашка, помнящая о том, что когда-нибудь она будет вынуждена напасть на человека, и ему потом потребуется помощь целителя, всех чародеев знала лучше, чем своих родителей. Молодая вампирша с осознанием перспективой стать едва ли не убийцей изо дня в день ощущала всё более сильное беспокойство. Почувствовав малейший физический дискомфорт, Дашка впадала в панику и рвалась подальше от людей. Как-то она, сама не заметив, как её туда занесло, убежала в лес, где на неё набросился голодный волк. Зверь вцепился ей в горло, но его клыки не нанесли ей никаких повреждений, и перепуганный хищник отступил. После этого случая Дашка совсем сникла, убедившись, *чем* она теперь стала.

Марика постоянно пропадала: все мужчины квартала звали её с собой, когда шли охотиться. Во-первых, по части чрезвычайных ситуаций и форс-мажорных обстоятельств она была невероятно опытна, во-вторых, как вампирша, практически бессмертна. Охотники могли бы брать собой и Дашку, но она, уйдя в себя, стала такой рассеянной, что пользы от неё не было никакой.

Не имея возможности побеседовать с Марикой (она не успела даже сказать друзьям, как попала в Денаувер), Алина, Теона и, на

первых порах, Дашка наведывались к знакомым из банды, и сдружились весьма крепко. Подруги теперь знали всех, не только Томаса, Феликса, Бруно, Николаса, близняшек Тину с Динарой и любительницу всеми командовать Мишель. Красавица-колдунья Кларисса — строгая, даже суровая, но понимающая. Самый младший из всех, пятнадцатилетний Клавьер, ничего не помнит про своё детство, ни родителей, ни место, где он родился. К Аните все бегают, чтобы выговориться, она всем как мать. Милая волшебница Пола — родственная душа Марики, всегда призывает всех не падать духом и смотреть на жизнь веселее. Невозмутимый Вирон такой же загадочный, как и Николас, так же много молчит, но неясно, много ли он знает того, что недоступно другим. Ник нет-нет, да обронит что-нибудь этакое, а из Вирона не вытянешь ничего лишнего. Очень похожий на Феликса Честер походит на него и характером: добродушный, безобидный, но порой бывает глуповатым.

И вся эта непонятная, взбалмошная, шумная компания была очарована Теоной, Дашкой и Алиной, дружными и спокойными. Но, хоть каждый из шайки обожал их, у бандитов имелось какое-то важное дело, на которое они тратили всё своё время. В его тайны подруг не посвящали. У бандиток возникли с ним какие-то проблемы; те, кто в этом деле разбирался лучше: Томас, Николас и Феликс, — часто пропадали на тренировках, а без их знаний всё трещало и разваливалось. А подруг вежливо и с сожалением выпроваживали.

Один раз компании пришло послание из дома. Квартальный принёс им в барак стеклянный шар, назначение которого друзьям было известно, и деликатно вышел за дверь. Джейк поставил шар на стол, все собрались вокруг. Внутри шара появилось лицо Джессики. Заплетающимся языком (напилась, как обычно), она говорила, что в деревне всё плохо. Анна ходит злая, потому что за то, что Теона применила волшебство (имелось в виду возвращение к жизни деревьев на острове), им предъявили кошмарный счёт, а, так как Анна одна столько не зарабатывает, всю оставшуюся семью грозятся переселить в Чёрные Гавани. Ещё Анна поссорилась с мистером Тейлором, потому что это он отправил всех в Мрачный лес. Мистер Тейлор терзается чувством вины. Ещё он получил во владение Книгу Смерти и исполнился намерениями никому её не давать, чтобы Дашка жила спокойно и не попала под чью-нибудь власть. Мистер Мортис ничего не может сделать с законом. Министр уже так надоел королю, что Мартин чуть не сместил его с должности. Однако мистер Мортис добился внесения поправки к закону. В чём её суть, Джессика не сказала. Девушка только нахмурилась, потом замялась, потом

что-то промямлила, выпалила только, что лучше будет, если к Дашке эту поправку применить не получится. Фёдоров Джессику безумно раздражает. Дракон Шанди сбежал и его не могут найти. Летунчик Роки умер, не выдержав разлуки с хозяевами. Сама же Джессика за всех волнуется и умоляет всех не терять надежды и самообладания.

Понятное дело, после этого сообщения друзьям стало только хуже. Шаки расстроилась из-за своего дракона, Теона — из-за Шаки и мистера Тейлора, Джейк и Дерик волновались из-за Джессики, полагая, что она может совсем отбиться от рук без влияния Теоны или натворить дел, добиваясь освобождения компании. Всем было грустно из-за Роки, Джейк угрюмо сказал, что после этого, наверное, всё семейство летунчиков погибнет.

Вот так и жили. Молодые женщины — вполсилы, парни — надеясь найти забвение в телесном изнурении, Шаки таяла на глазах. Со временем на всех стало сказываться воздействие постоянно вдыхаемых ядовитых болотных испарений: подскакивала температура, знобило, болела голова, появилась нестерпимая горечь во рту. У Джейка начался жуткий конъюнктивит, Теону постоянно лихорадило, Алину тошнило. Исцеляющие заклинания помогали опять же ненадолго. Все соседи наперебой уверяли, что самочувствие придёт в норму примерно через неделю, но на поправку пошла только Теона, да и то потому, что в ней было много исцеляющих сил.

Спустя некоторое время друзьям стали приходить послания от Кеану Мортиса, едва ли не ежедневно, квартальный даже разрешил компании оставить магический шар у себя. Вообще-то ссыльные имели право лишь на одно послание в месяц, но Мортис, разумеется, злоупотреблял служебным положением. В каждом сообщении, подбодрив всех, он подолгу учил Дашку бороться с тем подавленным состоянием, которое она испытывала. Говорил он всегда практически одно и то же: надо смириться с тем, что наступит час, когда управлять собой станет невозможно, и не беспокоиться. К страшному дню можно даже подготовиться, найти волшебника, который исцелит жертву, чтобы, когда к тебе вернётся способность воспринимать мир по-человечески, не терять время, а нести жертву к нему. Жертву можно тоже выбрать. Если она окажется сознательная, храбрая и понимающая, то с ней и вовсе можно договориться, чтобы она сразу сдалась, и ты, насытившись, быстрее пришла в чувство. От тревожных мыслей надо отвлекаться, думая о чём-нибудь постороннем.

И Дашке наставления Кеану действительно помогали. Друзья знали, что говорит ей мистер Мортис, и охотно вызывались

пожертвовать собой. В Дашке даже зашевелилась радость: неужели они так меня любят, что готовы рискнуть своей человеческой жизнью?

Но радость была недолгой.

— О, Ветры, неужели я снова свободна! — Марика захлопнула за собой дверь, прислонилась к ней и шумно выдохнула, будто избавляясь от осадка всех проблем недели, в которые была вовлечена. — А где все? — спросила она, заметив, что в комнате, кроме Дашки, никого нет.

Дашка, валявшаяся на постели с книгой, которую взяла в соседнем доме, нараспев ответила, перевернув страницу:

— К Акире ушли, за зельями.

(Акирой Самери звали волшебницу, лечившей всю отчаянно недужившую компанию).

— Да, что-то не повезло им, — вздохнула Марика. — Теона с её энергией целителя вообще не должна была отравиться этими ядами в воздухе, а Алину её стихия Воздуха должна защищать.

— Джейк в обмороки часто падает, — Дашка отложила книгу, — сегодня ему прямо на мосту плохо стало, он остановился, а к нему Потрошитель потянулся, щупальцем по лицу ударил, Джейку кожу разъело. Акира сказала, бедняге теперь постоянное наблюдение нужно. Сейчас решают, или она у нас поживёт, или Джейк — в их доме. Я уже высказалась за то, чтобы Акиру — к нам.

— Не сомневайся, так и будет, — заверила её Марика. — Они просто так спорят, потому что ответственность положения обязывает. Ну не бывает так, чтобы важное решение приняли за две минуты, даже если это решение очевидно. Люди по привычке перебирают варианты, а если таковых нет — придумают. Сама посуди — твоим друзьям ведь себе дороже иметь в доме целительницу, пока у Теоны способности не восстановились.

— Да… Они все: и Саша, и Алина, и Теона, и Джейк с Дериком, — думают, что будут делать, когда моя вампирская сущность одуреет окончательно.

Марика села рядом, улыбнулась:

— Ты, возможно, даже не догадываешься, но каждый человек в чём-то счастливее других. Скажу тебе честно, когда я только стала вампиршей, у меня не было никого, кто отнёсся бы к этому с таким пониманием. Все мои тогдашние друзья — студенты Академии, вместе со мной оставившие столицу, стали слишком увлечёнными, слившиеся воедино со своим делом охотниками на вампиров. Им было, наверно, тяжелее, чем мне. Самая жестокая вражда — между преданностью делу и преданностью человеку. Я

не стала ждать, пока что-то одно победит. Я ушла. Далеко. Навсегда.

Дашка молча всё поняла, а Марике и не нужны были никакие подтверждения в словах. Она спокойно переменила тему:

— Что читаешь?

— «Заклинания магии Огня первого уровня», — Дашка протянула ей книгу.

— Это ведь не наша книга, — Марика полистала страницы. — Твой интерес понимаю, но такое обычно дети изучают. Очень редки случаи, когда человек узнаёт о своих способностях только к семнадцати годам или позже, а те, у кого сила с детства, не откладывают её развитие до совершеннолетия. Те, у кого ты брала книгу, должны были поинтересоваться, зачем эта книга нужна кому-то из нас. Всем в квартале известно, что Шаки из-за болезни волшебство изучать не может, тем более Огненное, одно из самых мощных видов.

— Я сказала, что не имела времени учиться волшебству, так как состояла в отряде Лесных Воительниц, пока на меня не наложили Верманское проклятие, — созналась Дашка. — Я слышала про такое от Томаса.

— Проклятие, из-за которого у человека пропадает прежняя физическая подготовка? — уточнила Марика. — Ну, могу насчёт тебя сделать два вывода. Твоя внимательность позволяет тебе врать так, что представительницу другого мира в тебе не разглядят. Это ценное умение, порой и бесценное. Но для того, чтобы твоим словам поверили, ты соврала не очень удачно. Айрис ведь сама колдунья, так что многих своих учениц и магии обучает. Впрочем, про это знают не все, и твои слова, вероятно, приняли всерьёз. И не забывай, что у многих, кого сослали в Денаувер, есть что скрывать. Так что если кто-то понял, что ты врёшь, он не придаст этому значения. По этой же причине ты можешь недоговаривать то, чего не знаешь.

— Николас Гриффин явно имеет какие-то тайны, но даже его банда не может уловить, какие, — вспомнила живой пример Дашка.

— Ну вот! Только не делай его образцом для подражания, ладно? — рассмеялась Марика.

Вдруг на улице раздался голос Чарли, соседа:

— Скажите, Марика здесь?

Вампирша жестом послала Дашку открыть дверь, а сама выглянула в окно и жестом же пригласила соседа войти.

— Марика, срочно требуется твоя тёмная сила! — выпалил он, едва в комнате оказалась его голова. — Мы идём уничтожать Потрошителя, — пояснил Чарли, влетев в помещение целиком.

— А что я вам говорила! — с чувством довольства своей правотой, но в то же время сердито воскликнула Марика. — Давно было пора, вы всё боялись. Отвечай, вы решились на это, потому что с Джейком Винсентом что-то серьёзное?

Потрошителем в квартале называли болотного монстра, того самого, от которого досталось Джейку. Монстр представлял собой хищный цветок со щупами вместо листьев. Он был агрессивен не в меру, пускал в ход, как обычные монстры, не один щуп, а все, и причинял, соответственно, куда больше хлопот, чем прочие болотные твари.

— Да, что с Джейком? — Дашка подошла к Чарли, смотря на него так, что он был вынужден прятать от неё глаза.

— Всё в порядке, — буркнул сосед, — выглядит не хуже, чем все предыдущие пострадавшие от щупов Потрошителя. Просто этот монстр уже изрядно всем надоел.

— Именно сегодня, — съязвила Марика. — Несколько минут назад твою голову вдруг посетила замечательная мысль: а не убить бы эту дрянь, которая всем покоя нет даёт?

— Мисс Новиш, вы сами понимаете, это дело нелёгкое, — виновато протянул Чарли.

— Ага, и ты, осознавая сложность задачи, все шесть лет, что тут живёшь, изобретал гениальный план по избавлению квартала от этого монстра, — не сдавалась Марика.

— Мисс Новиш!!!

— Уже поняла, Чарли. Когда ко мне обращаются по фамилии, значит, от меня хотят получить какую-то гениальную идею, — Марика выдохнула, усмиряя раздражение. — Да уж, одним из моих самых идиотских решений было то, что я заподозрила вас в способности избавиться от Потрошителя самостоятельно. Следовало продумать всё самой, а с вас лишь потребовать привести продуманное в действие. Ну ладно, раз виновата — придётся исправляться. И всё-таки, какие же вы все вредные! — добавила она с беззлобным укором.

— Что, пойдёмте? Там нас ждут уже, — Чарли распахнул перед ней дверь.

— Представляю, как долго, если я для тебя вдруг стала «Мисс Новиш», — усмехнувшись, Марика вышла, Чарли — за ней.

Дашка продолжила чтение, но через три страницы остановилось: в голове опять началось помутнение. Молодая женщина к ним уже привыкла. Подобное состояние, очевидно, и было усиливающейся жаждой крови. Оно охватывало Дашку сначала раз в несколько дней, потом ежедневно, потом по несколько раз на дню, и напоминало алкогольное опьянение: голова кружилась и в ней был такой туман, что Дашка плохо

понимала, что делает. Вампирша к этому привыкла. Потом ко всем симптомам добавилась и, собственно, жажда. Причём хотелось именно свежей крови, несмотря на то, что Дашка её ни разу не пробовала. Но и на это она перестала обращать внимание. Чтобы прийти в себя, надо было поступить предельно просто — проспаться.

Она не стала паниковать и сейчас. Отбросила книгу, зарылась в подушку. Обострения длятся с каждым разом всё дольше, это наверняка будет держаться до ночи. Посчитав, что день закончен, Дашка закрыла глаза. Уснуть не удавалось — только задремать, но дремота была ненадёжной, вампирша постоянно пробуждалась. Мешала особенная, невероятная жажда. В горле пересохло так, что внутри всё жгло огнём. Дашка нетвёрдой походкой добралась до кухни, налила себе воды, но она в горло не лезла. Вампирша с трудом сделала несколько глотков: было так противно, что больше она не осилила. Облегчения это не принесло, наоборот, после воды ещё и затошнило. Дашка вернулась в постель, но из-за тошноты дремота не находила.

Пришли друзья всей компанией. Они шумно обсуждали, как стараниями всего квартала убрали, наконец, Потрошителя, и что в честь такого грандиозного события устраивают большой праздник. Забежали в барак друзья только для того, чтобы что-то взять и спросить Дашку, не пойдёт ли она с ними принимать участие в веселье. Дашка не видела и не слышала, что именно потребовалось вынести из дома компании, лежала, нырнув с головой под одеяло, и даже не высунулась, чтобы поздороваться. Друзья уже привыкли, что у Дашки бывают такие обострения, поэтому, хоть очень хотели позвать её с собой, и беспокоить её не стали.

Комната опустела. Из разговоров друзей Дашка уловила, что уже глубокая ночь. Это её настораживало. Обычно приступ, если настигал её днём, в это время медленно стихал. А сейчас он продолжал усиливаться! От сухости во рту Дашка уже языка не чувствовала, ей казалось, у неё не горло, а печка. Сознание тоже отказывало, она плохо понимала, что с ней происходит. Звуки перестали долетать до неё, в голове и перед глазами всё плыло… Дашке не было гадко физически — ей было страшно. Она явственно ощущала, как из неё стремительно испаряется воля. Молодой женщиной командовало что-то необъяснимое. Оно заставило её выйти на крыльцо, дальше Дашку куда-то понесло.

Она ориентировалась в квартале превосходно, к нужному бараку всегда шла, не задумываясь, — сейчас она не понимала, куда идёт, а заставить разум отвечать ей не могла. Всё, что Дашка смогла осознать — это то, что она уже не идёт, а почти бежит…

Мчится со всех ног… Отрывается от моста и летит, не набирая высоты… Дальнейшее с ещё большим трудом поддавалось восприятию. Какая-то толпа людей… Кажется, они её знают. Вдруг все пропадают, скрываются, и это отчего-то злит, будит внутри мощнейшую ярость. Она придаёт энергии, заставляет метаться по всему кварталу, кажется, в поисках чего-то, что приведёт её в чувство. Её организму требовалось нечто, и она была вся в напряжении, готовая броситься на любого, кто носит в себе то, в чём она так мучительно нуждается.

Внезапно её потянуло в сторону. Что-то притягивало, манило, звало… Навстречу ей шли парень и молодая женщина, немного от него отстающая. На долю секунды у Дашки мелькнула мысль, что она его где-то видела, но тут же скрылась под волной дикого желания впиться ему в горло. Кровь! Сейчас же! Немедленно!

И тут вампирша заметила, что в метре от неё, в зарослях, в ужасе притаилась девочка. Дашка остановилось, новое, хищное подсознание подсказывало, что лучше кинуться на ребёнка, он не сможет сопротивляться, а с парнем придётся ещё бороться. Охотничий азарт приказывал не упускать намеченную жертву. Дашка решила подчиниться ему, отвернулась от дрожащей девочки, подняла глаза — те двое уже уходили. Вампирша приготовилась броситься за ними, но адская сухость во рту на миг обернулась не просто неприятным ощущением, а жгучей болью, вырвав из Дашки короткий стон. Нет времени догонять, она не выдержала — бросилась…

Вампирша отбросила то, что держала в руках, и утёрла рукавом рот. Облегчение. Ярость больше не властвовала над ней, не душила, горло наполнилось влагой. Мир вокруг оживал, наполняясь звуками и яснымі образами, которые успешно воскрешали память. Уже ночь. Долго же длилось это безумие! Дашка поднялась с колен, собралась уходить. Нет, лучше улететь, сейчас такое великолепное настроение, такая легкость, находиться близко к земле совершенно невозможно. Но тут она увидела цену этой лёгкости…

Девочка была мертва. Она лежала так, что в лунном свете был хорошо виден след от укуса и размазанная по шее кровь. И жуткий ужас в глазах. Вампирша только сейчас увидела, что девочка ещё младше Шаки, лет семь-восемь.

Мир опять сделался пустым. Всё померкло, отдалилось. Бегающие внутри мысли разом прекратили движение. *Я убийца.*

Стоп, может, ещё можно что-то сделать? Сильные белые маги почти всесильны. Она заставила себя успокоиться, и тогда в уме восстановилось необходимое: ближайший барак, где живёт маг-целитель. До нужного дома было всего два моста, Дашка взяла на

руки мёртвую девочку и отправилась с повинной к старику Джозефу.

— Пожалуйста! Помогите! — она чуть не выломала хлипкую дверь, отчаянно пиная её, потому что выпускать из рук убитую почему-то боялась.

— Дарья, что… — заспанный Джозеф выглянул на крыльцо. — О, Ветры, это произошло!

Он рывком втащил Дашку в коридор и впихнул на кухню. Вампирша усадила девочку на стул, старик наклонился над ребёнком, тяжело вздохнул, положил ладони на грудь несчастной, на то место, где находится сердце, пробормотал что-то — и ничего. Обычно, когда маги совершали обряд исцеления, из-под их ладоней выбивался яркий свет, а у старика вышла только слабая-слабая вспышка. Он повторил заклинание — опять безрезультатно.

— Всё потеряно? — со слезами прошептала Дашка.

— Дети, как правило, после укуса вампира погибают, не вынося его тёмной энергии, и не продолжают существование, превращаясь в вампиров сами, — произнёс Джозеф, не убирая рук от девочки. — У ребёнка невелика естественная защита от тёмных сил, и то зло, что передаётся ему от вампира, ничем не подавляется и убивает окончательно, отторгая любую белую магию. Видишь, как слаба сейчас моя сила?

Дашка, всхлипывающая в тихой истерике, на мгновение замолчала и разрыдалась в голос. Джозеф прервал попытки оживить девочку и сказал:

— Успокойся. Может быть, одной моей силы тут недостаточно, я сейчас Элен разбужу.

Он вышел, за стеной послышался хриплый ото сна голос девушки. Джозеф с Элен кинулись к убитой, протянули к ней руки, но и вдвоём ничего не добились. Кто-то сбегал к соседям, привёл ещё двух белых магов: парня и старушку-волшебницу. Дашку выпроводили в соседнюю комнату, где уже никто не спал. Все по очереди бегали на кухню, надеясь помочь хоть чем-то, к Дашке, после того, как ей предложили сесть, стали относиться как к предмету мебели. Или не до неё сейчас, или они нарочно — вампирше и без того было плохо. Но в этой суматохе она услышала голос Элен:

— Ожила!

Дашка мигом очутилась на кухне. Молодая целительница от девочки не отходила, по-прежнему держа руки на её груди, и строго сказала:

— Ей нужно выпить живой воды, литр, не меньше. Иначе до утра не протянет.

— У нас закончилась, — развёл руками парень с соседнего барака.

— У нас — тоже, — покачала головой пожилая колдунья.

Обитатели этого дома после живейших поисков с горечью сделали вывод, что и у них живой воды нет.

— А откуда эта вода вообще берётся?! — воскликнула Дашка, но никто не заметил её подозрительной неосведомлённости.

— Считай, что ниоткуда, — злился кто-то, но не на Дашку, а из-за безысходности ситуации, — из магических источников или лабораторий алхимиков. Самим такую не создать. Вся, что есть в квартале — с собой из дома привезли. Это не запрещено.

— У кого-нибудь ещё осталась?! — Дашка сорвалась на крик. — Где-нибудь!?!

— Пожалуйста… — простонала девочка. — Хоть сколько-нибудь… Я не хочу… Не бросайте меня… Не надо… — она заплакала.

— Акира Самери! — осенило Джозефа.

— Она далеко живёт, вспоминайте, кто ближе, — возразила Элен, потом наморщила лоб, что-то представила и нервно протянула: — Ладно, отыщем, берите кто-нибудь девочку и пойдёмте!

— Там драконы, забыли?! — чуть не рыдал сосед.

— Так уже утро почти! — заорал Джозеф, хватая на руки полуживого ребёнка. — Всё, некогда спорить, на выход!

Толкаясь и крича друг на друга в истерическом припадке, народ переместился на улицу. Дашка не хотела ничего понимать, она только старалась не терять из виду Джозефа с девочкой, но вскоре перестала думать о том, что происходит, и бродила в толпе сама по себе. До тех пор, пока в толпе не зазвучала тревога.

— Она умирает, быстрее!

— Держись, пожалуйста, держись!

— Не закрывай глаза!

Разом стало слышно, что все целители нервно выкрикивают заклинания, собравшись вокруг ребёнка. Дашка увидела, что у Элен мокрые от слёз щёки, ещё одну девушку всю трясёт. Джозефа с умирающей девочкой заслоняла толпа, вампирша, растолкав всех, прорвалась к ним, захлёбываясь ужасом. Ребёнок уже был без сознания, едва дышал. У четырёх целителей, пытающихся его спасти, протянутые руки дрожали от напряжения, свет из-под ладоней лился настолько яркий, будто был электрическим, освещая лица всех волшебников. «Получается», — пробормотал кто-то сзади.

— Не мешайся, — какой-то парень вдруг одёрнул Дашку, — лучше беги за живой водой. Хоть помнишь, у кого мы уже

безуспешно спрашивали?

— Нет, — честно буркнула она.

— Проклятье! — сплюнул сквозь зубы парень и рванул к бараку через мост.

Дашка стояла, уставившись ему вслед, и очнулась только, когда он вернулся, разочарованно протянув, что и в том доме нет живой воды. Парень, что-то спросив у кого-то, умчался в другом направлении. Пару минут спустя он не вернулся, и Дашка снова пробилась к Джозефу и девочке. Свет волшебства всё усиливался, и это успокаивало.

Внезапно Элен пошатнулась, вскрикнув.

— У меня весь запас сил кончился, — смущённо пробормотала она, потирая виски.

— Голова заболела? — спросил Джозеф. — Немудрено, столько раз за ночь использовать добрый десяток высших заклинаний — для волшебницы, только-только закончившей Академию, это не шутки.

— Я чуть-чуть отдохну и продолжу, — сказала Элен.

— Ну уж нет, — нахмурился Джозеф, — так и умереть можно, если перестараться.

— Ох, и я уже себя плохо чувствую, — сокрушённо вздохнула седая колдунья, отведя руку от девочки. — Годы уже не те, сожалею, но я тоже не могу продолжать.

— Позовите кого-нибудь ещё! — велела Элен, глядя на магический свет, который стал заметно тусклее. — Силы двоих ей может не хватить.

Часть присутствующих при этой драме разбежались в разные стороны, их крики с отчаянными просьбами о помощи раздавались на весь квартал, как и колотьё в двери бараков, взволнованные восклицания разбуженных: «Что случилось?!» и топот несущихся к девочке. Прошли считанные минуты — вокруг Джозефа и неё собралась туча народу.

— Что тут происходит? — прозвенел оглушительный женский голос. — Что с Дженни? — молодая колдунья, очевидно, мать умирающей, кинулась к девочке. — О, Ветры, что с ней?

— На неё напала вампирша, — вздохнул Джозеф. — Часа три назад.

— Это я, — произнесла Дашка. — Простите, — и ей стало гадко от этой последней фразы, выглядящей до безобразия нелепо. Ну зачем она это ляпнула?

А женщина посмотрела на неё глазами, полными боли, но не ненависти или презрения. В её взгляде даже обвинения не читалось. От этого Дашке стало не по себе.

Несчастная мать взяла ребёнка на руки, прижала к себе…

— Она уже не дышит, — женщина подняла глаза, заблестевшие от слёз, — и сердце у неё не бьётся.

— Мы… Не заметили?! — голос Элен задрожал от нападок истерического смеха.

— Да, получается. Джозеф передал её мне уже… мёртвую… — прошептала женщина.

Дашка безумно хотела тоже умереть, прямо сейчас. А ещё лучше — проснуться.

Подоспел парень, брат Дженни. И тоже Дашке ни слова. Но почему-то обнял её, тяжело вздохнул, постоял так немного и выпустил вампиршу из объятий:

— Мы с матерью зла не держим. Не можем позволить себе. Мы всё понимаем.

Лучше б вы злились!

— Но буду честным, наброситься на тебя с обвинениями очень хочется, — процедил парень так, чтобы мать не услышала. — Наверное, она тебе объяснит всё. А мое мнение — ты стала тварью, ею и остаёшься. Без обид.

Вампир уже не живое существо. Дашка впервые чувствовала себя мёртвой. Жизнь закончилась.

Глава 16 Неживая

Дашка вернулась в свой барак только потому, что Шегре, брат Дженни, её отвёл туда за руку. Друзья и соседи по комнате уже знали обо всём, равно как и весь квартал, и полным составом нападали на Сашу и Акиру, а парень и колдунья и не пытались отбиваться.

— Ясно видел: на меня неслась и вдруг остановилась, глаза в сторону, присмирела, — твердил Саша, — ну я и подумал, что всё-таки в себя пришла. Как мог? Ну почему я не захотел её подождать?!

— Потому что я сказала, что её лучше сейчас не трогать, не злить! — убивалась Акира.

— Алекс, а я-то считала, что у тебя с головой порядок, — Алина чуть не плакала от злости и горя. — Ты ей друг или нет?! Даже если бы к ней действительно вернулось сознание, с твоей стороны было бы отвратительно убедиться в том, что с ней всё в порядке и развернуться и уйти!

— Он не ушёл, — вздохнул Роджер. — Он исчез. Просто исчез. Скажите мне, Алекс и миссис Самери, вы оттуда бегом бежали?

— Не бегом, но быстро, — ответила Акира тупо, без эмоций.

— Зачем!?! — взревел Роджер. — Хотели поскорее сообщить нам радостную новость?!

— Роджер, не ехидничайте, — холодно осадила его Марика и вынесла свой приговор: — По-моему, Алекс не идиот. Он банальный трус.

— Простите, — Шегре громко постучал костяшками пальцев о косяк, входя в комнату. — Я Дарью привёл. Следите за ней, она хочет удрать куда подальше.

— Да уж догадываемся, — огрызнулся Джейк.

— Парень, тебе, конечно, плохо, если ты друг Дарьи, но я родной брат Дженни, девочки, убитой ею, и мне сейчас ещё хуже, однако я на людях не срываюсь, — отчитал его Шегре.

Всем сразу стало до невозможности гадко. Теона справилась первая:

— Нам очень жаль, очень! Уже ничего не вернёшь, но… Мы можем вам чем-то помочь сейчас, раз трагедия на нашей совести?

— Леди, не стоит теперь перед нами стелиться, — измученно протянул Шегре. — Я прекрасно понимаю, что меньше всего вы хотите сталкиваться со мной и с матерью Дженни. Уверяю вас, нам от вашей помощи тоже легче не станет. Единственное, что нам может от вас понадобиться… — он повернулся к Акире. —

Мисс Самери, вы умеете проводить обряд Упокоения?

— Да. Я служила при храме в Радужных Холмах полгода, но за это время кое-чему научилась, — пробормотала Акира.

— За полгода освоить такой сложный обряд? — недоверчиво переспросил парень. — Впрочем, о ваших светлых способностях весь квартал отзывается очень лестно, так что ладно. Сможете явиться через час к сорок третьему дому?

— Да, конечно, — рассеянно ответила волшебница.

— Отлично. И ещё, — вспомнил он, — моя мать после обряда придёт к вам, с Дарьей поговорить. Я догадываюсь, что она хочет сказать. Это полный бред, ни Дарье, ни ей от этого легче не станет, но она не успокоится, пока не скажет. Прощайте. Мисс Самери, вас ждём через час, — и он вышел, хлопнув сначала дверью в комнату, потом — входной дверью.

Теона совсем расстроилась. Если бы она умела оскорбляться или хотя бы обижаться — она бы, несомненно, чувствовала сейчас именно это. Остальные боролись с искушением обозвать Шегре бесчувственным и циничным, но их удерживало предположение, что парень просто не в себе из-за смерти сестрёнки, вот и срывается на всех.

— Я пойду? — неуверенно пролепетала Акира. — Мне следует подготовиться к обряду.

— Конечно, иди, — опомнилась Лара. — Обряд Упокоения — нелёгкое дело.

Пока она провожала Акиру, компания принялась за Дашку. Точнее, Марика приказала ей немедленно ложиться спать, и у всех не осталось другого выбора, кроме как вернуться в свои постели, из которых их подняли страшным известием час назад. Но все и рады были. Задремать, конечно, ни у кого не получилось, но пребывание наедине с собственным внутренним голосом помогало разбираться во всём.

Но очень скоро эти внутренние беседы стали невозможны из-за того, в квартале начался день. Как было тут заведено, в шесть утра на улице вовсю звучали голоса, раздавались всплески воды, когда из болота вырывался монстр, до сих пор заставляющий друзей вздрагивать хруст костей, раскусываемых драконами. Сегодня к этой унылой симфонии добавился ещё вой ветра.

— Хм, как раз сейчас Акира должна обряд проводить, — Джейк сел в постели, свесив ноги вниз. — Нам стоит туда идти или нет?

— Всей нашей толпе — вряд ли, — ворочавшийся на нижнем ярусе кровати Дерик высунулся наружу и задрал голову, чтобы видеть брата. — Всё-таки в чём-то Шегре прав, если мы явимся к ним полным составом, только хуже сделаем. Но человека три

пусть сходят, проявят участие.

— Пусть Алина с Сашей идут, — тихо, чтобы не услышали Роджер, Лара, Аксель и Эрик, сказала Марика. — Они ведь ещё не видели, как происходит Упокоение.

— Не видели, — вздохнул Джейк. — Наверное, для людей Большого Мира этот обряд — очень красивое зрелище.

— Я могу с ними, — отозвалась с соседней кровати Теона.

— Не надо, — Дерик слез на пол, подошёл к сестре, обнял и пробормотал, гладя её по голове: — Не понимаешь ты ничего. Раз Шегре тебя за тряпку принял, значит, будет об тебя ноги вытирать. Лучше с ребятами мы с братом пойдём.

Теона не знала, что ответить. Дерик посидел с ней так, пока все, кто собрался присутствовать при исполнении обряда: Саша, Алина и Лара, — не привели себя в порядок. Парень решил побыть там тоже. Они вчетвером ушли.

Ни Джейк, ни кто-либо ещё, видевший хоть раз в жизни обряд Упокоения но не знавший, как обращаются с мёртвыми в Денаувере, не мог представить себе, насколько жутко Упокоение, действие, по-своему великолепное, выглядит здесь. Марика же имела в виду лишь то, что Алине и Саше надо знать, как этот обряд происходит, но никак не призывала оценивать его красоту, в этом дурном месте меркнущую.

Так как хоронить всех погибших в земле не было возможности: умирали здесь слишком часто, а земли было мало, — трупы, завёрнутые в полотнище, просто сбрасывали в болото, где их раздирали на куски болотные твари. Алине и Саше хотелось развернуться и уйти, пока Акира проводила обряд, потому что невыносимо было видеть и слышать, как, рыча и отталкивая друг друга, монстры рвут мёртвую девочку на части. Самого обряда никто не заметил. Смысл его был в том, чтобы освободить душу умершего — тогда она растворялась в небе и сливалась с природой, получая свободу и, безусловно, счастье. Как Акира произносила длинное заклинание и посохом описывала в воздухе символы, это заклинание обозначающие, и они прорисовывались ярким изумрудно-зелёным свечением, как призрак Дженни, окружённый золотыми и белыми искрами, медленно поднимался туда, где должны быть облака, но здесь был мерзкий туман, и исчезал постепенно, улыбаясь и махая всем рукой, — всё это друзья пропустили мимо. Когда волшебница закончила, в мутной зелёной воде плавали только обрывки полотнища, в которое обернули несчастную Дженни, твари все скрылись на дне, и водная гладь слегка колыхалась. Висела тишина. Высоко в небе, затмив туман, вспыхнули два огромных глаза, в которых резвились смешинки. Это была Дженни.

— Теперь мы можем быть спокойны за неё, — мать девочки два раза провела пальцем по щекам — остановила убегающие слёзы. — Теперь мне хотелось бы поговорить с Дарьей. Вы не будете возражать?

— Нет, — буркнул Саша. — Только не знаю, будет ли Дарья слушать вас. Но вы, наверное, ничего не потеряете, если попробуете.

— Вы все так любите её, — вздохнула женщина, когда они побрели к бараку, где обосновалась компания. — Ей, должно быть, придётся легче…

— Легче, чем кому? — спросила Алина.

Она не ответила. Дальше шли молча, друзья даже взглядами не обменивались. Поэтому, когда добрели до барака, всем показалось, что путь был гораздо длиннее, чем он есть на самом деле.

Комната теперь напоминала больничную палату: все лежат в постели, изредка перебрасываясь с кем-нибудь парой фраз, некоторые занимаются чем-то своим, а некоторые просто лежат, не спят и от этого мучаются. Когда две женщины, два парня и девушка вошли в комнату, все апатично повернулись к ним, отметили, что тут ещё несколько человек появилось, и потеряли к ним всякий интерес. Только Теона задержала на вошедших взгляд дольше, чем остальные.

Дашка лежала на своём верхнем ярусе, безжизненно смотря перед собой, одна рука болтается в воздухе.

— Даша, с тобой поговорить пришли, — тихо позвала Алина. — Поговорить, не ругаться. Слезь, пожалуйста, чем скорее тебя всё скажут — тем скорее оставят в покое.

Никакого внимания.

— Даша? — Алина легонько потянула её за руку.

Взгляд молодой вампирши, пронзительно-несчастный, опустился на Алину.

— Очень прошу вас, выслушайте меня, — мать Дженни подошла к ней. — Я… Я понимаю вас больше, чем вы полагаете. Я прошла через это… Можно считать.

В глазах Дашки мелькнуло неравнодушие. Она задумалась, ещё раз посмотрела на женщину и спрыгнула на пол. Пересекла комнату, рухнула на стул у стола: ну, говорите. И не произнесла ни звука, даже не вздохнула ни разу. Женщина села напротив.

— Знаете, у меня сын тоже… как вы стал, — она нервно теребила в руках оборку на платье. — Ему и лет было примерно столько, сколько и вам, наверное, — шестнадцать. Мы тогда уже жили здесь, и в те времена в окрестных лесах вампиров водились полчища. Сейчас их перебили всех, а тогда от них не могли найти

спасения… Мой сын был чёрным магом и поэтому очень страдал… От этих припадков, когда во рту огнём жжёт и сознание уходит. Пока человеком был, он в тёмном колдовстве огромные успехи делал… И оттого зло в нём прижилось и начало расти изо дня в день. Невыносимо было видеть… Его первой жертвой стала собственная жена… Она беременная была, седьмой месяц… Умерла… Он не простил себе. У соседа по комнате был серебряный нож… Мой сын покончил с собой.

— Сожалею, — проронила Дашка. Ей хотелось, чтобы женщина прекратила.

— Так что не вините себя, — мать Дженни постаралась посмотреть нечаянной убийце дочери в глаза, но смогла только исподлобья глянуть на неё, не выпустив оборку из пальцев. — У вас, кажется, доброе сердце, и вряд ли вы терзаетесь меньше, чем мой сын… А ему было очень плохо. Напрасно всё это… Наверное. Вы ведь ничего не могли с собой поделать, поэтому и казнить себя глупо…

Она замолчала. Резко встала и быстрым шагом вышла из комнаты, так и не взглянув в лицо Дашке. В дверях бросила: «Извините…», — и выбежала из дома.

Все остались ошарашенными. Теона выглядела совсем беспомощной, она, казалось, готова была закричать: «Ну почему всё так происходит?!». Алина растерянно смотрела то на Дашку, то на распахнутую дверь, то на кого-нибудь из друзей. Эрик и Аксель виновато косились на друзей, Лара сидела, обхватив голову руками.

— Всё! Хватит! — внезапно выкрикнула Марика, спрыгнув с постели. — Не думайте ни о чём, пожалуйста! Жестоко это звучит, но вы постарайтесь… Отвлекитесь как-нибудь, побродите по кварталу, поговорите друг с другом — ну найдите себе по средству!

И она замерла, ожидая от всех чего-то. Чего — неважно, лишь бы это *было*. Её сковывали цепи напряжения, которые вот-вот — и разорвутся, разлетятся, выпустят… Что именно: гнев, отчаяние, боль, — никто не мог сказать уверенно, но все желали, чтобы это так и не выяснилось. Для этого пришлось внять её словам и сделать так, как она просит — комната наполовину опустела. Теона утащила Алину на кухню (предполагалось, чтобы залить переживания горячим чаем), Роджер, Аксель и Дерик ушли к квартальному, на ходу размышляя, что им от него нужно, Эрик, Джейк и Саша отправились искать оружие для охоты, которая должна была состояться послезавтра. Те, кто остался в комнате, тоже постарались не расстраивать ни себя, ни Марику. Лара снова взялась за вязание, а Шаки принялась пришивать своему

тряпичному котёнку оторванное ухо, напевая что-то себе под нос.

Дашка же не собиралась делать ничего. Новое неприятное чувство образовалось в ней. *Все вокруг молодцы. Сильные. Получается, им может быть хуже, чем мне, но ничего, держатся. Просто какая-то невероятная, высшая раса. Как правило, если ты оказался в тупике, надо развернуться, пройти чуть-чуть обратно и свернуть в переулок, который может вывести на широкую освещённую дорогу. А у меня нет сил идти, хочется биться головой об стену, преграждающую путь, и выть от отчаяния. Почему? Не поддерживает никто. И надо-то всего ничего, лишь выплакаться кому-то. От души. С чувством. Чтобы в один момент понять: всё, слёзы закончились, и можно возвращаться к жизни. Пусть тебя закидают глупыми призывами собраться, взять себя в руки и уверовать в то, что жизнь, в общем-то прекрасна. Да, от такого сначала будет ещё хуже: они не понимают, они бесчувственные, им никогда не было так плохо, как мне, а они ещё пытаются советы давать! Но горе тоже уйдёт, а значит, слёзы быстрее исчезнут. Но не от кого ждать поддержки. Некому освободить моё горе.*

Она так надеялась, что Марика её не оставит, но старшая вампирша в её сторону даже не смотрела, будто и не замечала Дашкиного присутствия. Вдруг в сознании зашевелилась полуживая идея: обратиться к бандитке Поле. Наверняка заладит, что Дашка — большая умница, трагически обернувшийся приступ бешенства её достоинств не уменьшит.

Но и Полы, и остальных бандитов в бараках не было, а ходить разыскивать жизнерадостную колдунью по кварталу, слушая за спиной недоверчивый шёпот, казалось невыносимым. Поначалу малозаметная, неустойчивая и неуверенная недоброжелательность людей, знавших о Дашкином невольном преступлении, усилилась благодаря обязательным сплетням, и её укусы прогрызали то безразличие, которым пыталась прикрываться Дашка. Вампирша села на крыльцо развалюхи, где жила часть банды и в дверь которой Дашка только что долбилась. Невидящими глазами смотрела, как проходит день, вечер, наступает ночь. В жилище никто не спешил. Она поднялась и пошла на лунный свет.

Куда идти — было всё равно. Главное, что людей вокруг меньше стало, все торопились попасть к себе, пока драконы из лесов не повылазили. А ей даже нравилось двигаться так спокойно, в то время как все суетятся.

— Стойте! — неожиданно раздался сзади голос.

Дашка обернулась: за ней бежал какой-то парень, которого она часто видела, но знакома с ним не была.

— Стойте… — запыхавшись, он остановился перед ней и, не

отдышавшись, спросил: — На остров Одиночества идёте?

— Да, — ответила Дашка. Она, вообще-то, до этого мгновения не знала, куда направляется, но вопрос молодого человека натолкнул её на идею. Островом Одиночества называли единственный в квартале остров, на котором не было ни бараков, ни зарослей того, что приносило людям съедобные плоды. Там просто торчало несколько старых, огромных деревьев. Располагался он так, что если встать лицом на восток, то впереди не видно ни одного острова. Дашка как-то забыла про него, а сейчас вспомнила.

— Не надо! — ни с того ни с сего взмолился юноша.

— Почему? — удивилась Дашка.

— Ну вы подумайте! Сколько вам лет? Семнадцать? Шестнадцать? У вас же наверно столько планов оставалось, пока вы в вампира не превратились! А теперь у вас жизнь бесконечная, так что времени на их осуществление вы имеете более чем много. Вам это в голову не приходило? — он вцепился в её руку.

— Спасибо, — улыбнулась Дашка. — Только я не понимаю, почему мне нельзя на остров?

— Не притворяйтесь! Я вас всё равно не пущу!!! — он сжал её запястье с такой силой, что Дашке было бы больно, если б она могла это чувствовать.

— Да объясните вы мне, с чего вдруг такое рвение! — воскликнула Дашка.

— А ты не понимаешь? — разозлился парень. — Столь юный возраст не время уходить из жизни, даже если эта жизнь уже не совсем жизнь, а существование. Столько возможностей ещё не открыто! Скажите, у вас мечта есть? — глаза молодого человека загорелись.

— Ну, есть, — хмыкнула вампирша.

— Вот! — просиял юноша. — У вас же с бессмертием появилось бесчисленное множество попыток её осуществить!

— Понятно, а с чего вы решили, что я хочу покончить с собой? — поинтересовалась она.

— А что, это не так? — парень ослабил хватку.

— Я собиралась просто побыть там одна, — Дашка посмотрела на него с лёгким укором, — а вам советую бежать туда, где живёте, пока драконов нет.

Парень с минуту изучал её лицо и глаза: не читается ли там что подозрительное, — убедился в Дашкиной искренности и отпустил руку:

— Ладно, вижу, вы не врёте, — и с пониманием быстро удалился.

Дашка, задумавшись, пошла. От такой странной заботы ей

стало чуть-чуть теплее. Похоже, действительно всё рано или поздно проходит, если это не удерживать. На острове Одиночества она провела полночи. Отсутствие естественного страха перед драконами открывало перед ней новые возможности. Теперь Дашка могла видеть, что эти существа по-своему красивы: они величественны, у них изумительно ярким светом горят глаза в темноте. Иногда драконья морда оказывалась прямо перед Дашкой, принюхивалась, замирала на несколько мгновений и, злобно сверкнув глазами, исчезала. Вампирша, сидевшая, прислонившись спиной к дереву, отползла вперёд, чтобы лечь на землю. Звёзды из-за тумана болотных испарений были видны плохо, и Дашка попыталась сосчитать среди них самые яркие. Потом над слоем тумана, кажется, появилось голубое свечение Ветра Надежды, и она попробовала всмотреться и понять, что за образы из него складываются, но это было весьма затруднительно. Дашка предположила, что это могут быть какие-то древние символы. Так, в разгадках тайны этого Ветра, она заснула.

Ей привиделся необычайно яркий сон: она на балу вампиров. Обстановка там была соответствующая: великолепный старинный замок, свечи, полумрак. Танцует она с молодым красавцем, человеком. Он ею очарован, ничего вокруг не замечает, а она смотрит на него с чувством превосходства: ну что, ты у моих ног, смертный! Парень наклонил голову, чтобы поцеловать её — Дашка рассмеялась тем соблазнительным смехом, который похож на мурлыканье, и впилась клыками в его шею.

Молодой человек преобразился на её глазах, тут же оставив её, чтобы выбрать из танцующих себе жертву, а она тоже принялась высматривать себе нового кавалера-человека. Вскоре всех людей в зале обратили в вампиров, но азарт никого не покидал. Вампирша вышла на балкон, увидела там скучающего юношу. Он только глянул на Дашку с безграничным восхищением, как у него стали пронзительно-красными глаза. Парень оскалился, продемонстрировав появившиеся клыки, и улетел с балкона. Она ощутила укол капризного недовольства: что-то слишком уж быстро, и распробовать не успела. Вернулась в зал, покрутилась перед зеркалом (в этом сне она могла любоваться своим отражением и видеть в зеркале других вампиров). Красавица, что тут можно сказать. Внешность после человеческой смерти только интереснее встала. Рассмотрела своё платье. Почему-то у неё единственной оно не бальное, а вечернее, современное. Чёрное, с двумя откровенными разрезами по бокам. Да, она тут самая красивая. Вон, позади ещё двое молодых людей, сражённых её красотой стоят, шепчутся. Один, наконец, осмелел

и пригласил вампиршу на танец. И ещё одним человеком в зале меньше…

Торжество нарушил разбудивший Дашку раскат грома и шум ливня. Мысль о том, что надо идти в барак, примчалась тут же, казавшись очевидной, что радовало. Значит, убитому состоянию конец. Окончательный.

В доме никто не спал. Все выглядели до крайности обеспокоенными, а Саша, Теона и Алина ещё и насмерть перепуганными, и при виде Дашки каждый подскочил с места.

— Ты где была!? — выпалил Саша.

— На острове Одиночества, — растерянно ответила Дашка.

— Что?! — вспыхнул Роджер, Лара тихо ахнула.

— Успокойтесь, она не знает, — громко произнесла Марика, но голос, её, кажется, дрогнул. — Или… Признайся, тебе никто про тайник Терлена Керри не рассказывал? Честно?

— Нет! — Дашка начала сердиться. — Но несколько часов назад один парень уже пытался не пустить меня на этот остров, подумав, что я хочу совершить самоубийство. Объясните мне уж, что на острове Одиночества такого страшного. Я только что была там, и ничего со мной не произошло.

— Вообще-то, мы тоже ничего не понимаем, — протянул Джейк. — Мы просто боялись, что Дарья, не успев отойти от шока, может натворить чего-нибудь. Но чтобы она забрела на остров Одиночества и простилась с жизнью — простите, а где связь?

— Хороший ты парень, Джейк, только непонятливый, — вздохнула Марика. — Или наивный такой… Не подумал, что все твои друзья переживают за Дарью, так как достаточно знают её и могут представить, что она может наделать глупостей, а остальные, раз тоже перепугались, хоть у них нет для того оснований, да и Дарья, уж простите, им не самый дорогой человек, имеют для страха какую-то причину?

Джейк оглянулся на Роджера, Лару, Эрика и Акселя. Те были в напряжении, жадно ловили каждое слово странного разговора, но то, что о них Марика говорит так, будто их здесь нет, никого не покоробило.

— Я… — молодой человек смутился.

— Ладно, не отвечай, — покачала головой Марика. — Сейчас всё расскажу. Знали бы, как мне не хочется этого делать, но придётся, как я вижу.

— На кухню, — буркнул Роджер. — Там всё объяснишь, а мы — спать. Кто не заметил, уже полпятого.

Друзья, толкаясь, перебежали в соседнее помещение, Марика принялась за повествование:

— Итак, тайник Терлена Керри на острове Одиночества. Терлен Керри — никто иной, как старший брат Дженни, убивший свою беременную жену.

Громкий вздох потрясения, у некоторых — скорее даже ужаса. Она продолжила:

— Вы уже знаете, что он убил себя серебряным ножом в сердце. Это произошло на том самом острове. Умирая, Керри успел спрятать нож в дупле одного из деревьев, что заметил другой вампир. Помните, да, что их тогда тут много было? Этот вампир потом в припадке напал на лучшего друга, который был очень болен, поэтому он не обратился, а погиб. Вампир вспомнил про спрятанный нож и тоже покончил со своим существованием. И так стали поступать многие вампиры. Кто-то после убийства, а кто и сразу после своего перевоплощения, чтобы избавиться от предстоящих душевных мук. Все самоубийства так и совершались на острове Одиночества. В его земле копилась тёмная сила умерших вампиров. К сегодняшнему дню её там не настолько много, чтобы она влияла на людей, но достаточно, чтобы она действовала на вампиров. Поэтому, Дарья, тебе нельзя туда ходить. Конечно, и тот парень, что цеплялся к тебе, и все наши, кто знает Денаувер не две недели, а в течение нескольких лет, хотели уберечь тебя от самоубийства, и только. Но остров хранит в себе большую опасность, о которой, как водится, мало кто знает. Действие силы умерших вампиров в том, что она проникает в тебя и ослабляет влияние твоего разума на вампирские инстинкты. Проще сказать — она ускоряет твоё полное превращение в нечеловека. Усиливает жажду крови.

— Как наркотик, — сказала Дашка.

— Именно. Эта сила придаёт вампирам бодрости, энергии. К ней привыкаешь, возвращаешься на остров снова и снова, чтобы получить ещё одну её часть, и забываешь своё человеческое. Эта сила одуряет. Ты сейчас ничего особенного не чувствуешь? — настороженно спросила Марика.

— Нет, — Дашка пожала плечами.

— Хорошо, — Марика прошла к двери. — Всем спокойной ночи… Хотя скорее уж доброго утра. Вторую ночь подряд не спите. Отоспитесь хотя бы днём, — она исчезла за дверью.

— Это дело, — Джейк зевнул. — А то мы вслед за Дашей на ночной образ жизни переходим. Непорядок, если учесть, что через два дня охота.

Мысль об острой необходимости в здоровом сне все разделяли, так что до самого обеда с постели не поднимался никто, только Роджер куда-то выходил (что, впрочем, не означало то, что он выспался или хотя бы окончательно проснулся).

Подумав и сойдясь во мнении, что этот день следует объявить Днём Имени Себя, Любимых (попросту, выходным), друзья наотрез отказались проявлять активность и отходить от барака дальше, чем на двести метров, после чего продолжили восстанавливать силы, валяясь в постелях, в то время как остальные разбежались по своим делам.

Собственно, обед готовить было лень, но выручил Николас, который вместе с Томасом и Феликсом пришёл к друзьям для того, чтобы выяснить кое-какие детали насчёт предстоящей охоты — Алина выпросила у него пару капель волшебного раствора, мгновенно превращающегося в гору еды. Только троица ушла — явился квартальный с магическим шаром. На связи опять был мистер Мортис. Узнав, что у Дашки был припадок, он тут же исчез. В компании появилось волнение: почему он так отреагировал на эту новость? У Дерика даже появилось предположение, что Мартин собирается утвердить закон, разрешающий казнь вампиров после первого убийства, в ответ на это высказывание Джейк и Саша стали наперебой уверять Дашку, что они её в лапы правосудия не отдадут, а Теона возмутилась, заявив, что молодые люди говорят глупости, потому что такой закон выглядит весьма нелепо. Дерик не остался в долгу, принявшись в ответ перечислять сестре все абсурдные законы, когда-либо существовавшие в королевстве, которые он помнил. Джейк с сарказмом произнёс, что в доме наконец-то царит семейный уют, но иллюзия скоро растворилась: Дерик замолчал. То ли он вспомнил всё, что знал, то ли не видел смысла вспоминать дальше, так как заподозрил по выражению лица Теоны, что длинный перечень нелепых законов ей ни о чём не говорит. Друзья накинулись на обед, и за столом никто не произнёс не слова: пустяковых тем для разговора ни у кого не было, а затрагивать что-либо серьёзное никто не решался: может такой спор начаться, что до вечера не остановишь.

Под вечер случилось событие: приехал мистер Мортис. Накинуться всей компанией на него не успели — он сам начал говорить:

— Могу вас обрадовать — скоро подпишут указ о том, что всех вампиров сразу после приступа будут отпускать домой на половину того времени, которое прошло между двумя последними нападениями.

Стены ветхого жилища сотряслись от восторженных возгласов.

— В вашем случае, Дарья, это неделя, — напомнил Мортис. — И все, кого отправили в Денаувер вместе с вами, тоже

получают на это время свободу.

Ещё один залп радостных возгласов.

— Мистер Мортис, вы ведь здесь не только для того, чтобы сказать нам это лично? — опомнился Дерик. — У вас тут какое-то важное дело?

— Мне надо подготовить отчёт о поведении вампиров, которых сюда сослали после принятия закона о смертной казни для них. Мартин ведь надеется отменить этот закон и ищет поводы для этого. В отчёте надо предоставить данные о том, что в результате нападений смертельных случаев не было, тогда король будет вынужден сдаться.

— Но я ведь… — сникла Дашка.

— Во-первых, это пока единственный случай, когда жертва погибла, — стал спокойно объяснять Мортис, — во-вторых, я смогу доказать, что трагедия случилась из-за того, что девочке вовремя не оказали помощь, хотя возможность помочь своевременно была.

— С меня и Акиры Самери будет ответственность, да? — вздохнул Саша.

— Вряд ли, — улыбнулся Кеану. — Но если что, я вам помогу. А сейчас мне пора браться за отчёт. Со мной команда «зелёных мантий», они меня контролируют. Предполагалось за отчётом посылать их без меня, но такое им доверять нельзя. Так что я пошёл, вечером ещё загляну к вам.

— А у меня разве ничего для отчёта спрашивать не будете? — удивилась Дашка.

— Да что мне с вас взять? — весело сказал мистер Мортис. — Теоретически вы можете сказать всё, что угодно. А то, что попадает в отчёт, должно быть истиной, которая гарантируется, потому что людям, которых я буду допрашивать, дают сыворотку правды. А на вампиров это зелье не действует. Ладно, мне во всех кварталах надо побывать. Кажется, к настоящему моменту с принятия закона во всём Денаувере имели место шестнадцать нападений вампиров. Пожалуй, следует допросить вас, Алекс, но это — вечером. Всё равно сюда вернусь.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Дашка, и это слово эхом повторил каждый, всё так же от сердца.

Компания простилась с Кеану до вечера.

Глава 17 Опасность и надежда

Остаток дня пролетел в тихой, милой и почти уютной обстановке: каждый обнаружил, что за время жизни в Денаувере у него набралось достаточно того, о чём знают не все, но все узнали бы об этом с интересом, и друзья проговорили до вечера. Немного порадовались друг за друга, немного посмеялись, чуть-чуть погрустили, вспомнили дом — каждый свой, самую малость пожаловались на неудобства (всего лишь!) местной жизни и выразили полное удовлетворение тем фактом, что они пусть не в самый прекрасный день, но познакомились.

Вечером Кеану, как и обещал, вернулся. Уже весь квартал был в курсе, что мистер Мортис знает компанию, а компания для себя открыла, что некоторые ссыльные тоже знакомы с ним, и имеют об этом человеке очень хорошее мнение. Как выяснилось, знал его и Томас: мистер Мортис когда-то преподавал в Магической Академии, где учился молодой человек. Эрик рассказал, что несколько лет назад входил в один из тех отрядов, которые по всему королевству организовывал Мортис для борьбы с нежитью (как раз в такой не приняли из-за возраста Джессику), и министр лично хвалил его за выдающиеся успехи. Сообщив эту часть своей биографии, парень заверил всех, что не принадлежит к числу тех, кто готов истреблять вампиров только лишь за то, что они ими являются, поэтому Дашку он ни за что не тронет, даже если она нападёт на него.

Сашу допросили быстро. Ему дали сыворотки правды (оказалось — жуткая гадость) и попросили подробно объяснить, как он и Акира Самери собирались предотвратить беду, но ошибочно подумали, что беде места не будет, и бросили Дашку. Всё, что говорил Саша, сохранялось в магическом шаре, заполняющимся белым дымом: точно таким же образом Ричард Стоун из Управления сохранял данные о том, что такого-то числа в такое-то время в таком-то месте представители правопорядка схватили Дашку. Никакого магического воздействия зелья Саша на себе не ощущал, вероятно, он просто и не собирался врать. После этого расспросили Кеану насчёт того, что творится дома, а он их — о том, как им живётся здесь. Перед тем, как уезжать, Мортис захотел поговорить с Дашкой наедине, что, впрочем, уже никого не удивило. Дерик махнул рукой на дверь: ну, ступайте на улицу. Они вышли.

Кеану сел на ступеньку крыльца, Дашке, очевидно, предлагалось сделать то же самое. Вампирша устроилась рядом. Мистер Мортис пока молчал: о чём-то задумался. Было больше

похоже, что он не знает, с чего начать, но такое предположение смотрелось как-то странно. Дашка для мистера Мортиса ничего особенного не представляет. Если глядеть на это с долей цинизма, так молодая вампирша для него — часть работы.

— Нормально себя чувствуешь? — вдруг спросил он.

Всё ясно. Мистер Мортис просто переутомился.

— Сейчас намного лучше, — Дашка, прищурившись, посмотрела на него, даже не стараясь скрыть любопытство. *Похоже, несчастный деятель так вымотался, что у него из головы уплыло всё, что он собирался мне сказать.*

— Знаете, мистер Мортис, если вам трудно вспомнить то, что хотели, то не утруждайте меня. Мне Марика говорит всё, что нужно. Как себя вести, как с собой бороться. Я с её помощью сама справлюсь, — произнесла Дашка.

— Тебе не стоит полагаться на мисс Новиш, — Кеану, изучающий звёздное небо за пеленой тумана, развернулся, чтобы смотреть на вампиршу, прямо ей в глаза. — Марика, безусловно, держится великолепно, обходится свежей кровью только раз в месяц, а то и реже. Но эта леди является вампиршей чуть менее двух столетий, у неё всё уже по-иному происходит, все процессы, заставляющие убивать людей. Вряд ли мисс Новиш с точностью вспомнит, каково ей приходилось почти два века назад. Не всё, что она применяет к себе, может помогать и тебе.

На лице Кеану появилась тревога. У Дашки его трепетное отношение к ней вызывало усмешку. Она продолжала присматриваться к Мортису. Да уж, красив, занимает хорошую должность, умён — охотниц на него, соответственно, тьма. Причём очень даже вероятно, что среди них весомую долю составляют безумные мамаши, желающие выгодно продать своих дочерей. А ему это всё надоело, и он хочет себе какую-нибудь серую мышку. *Нашёл себе защиту, сообразительный какой. Я не вещь, чтобы мной прикрываться.* Или ему просто для поддержания тонуса надо дурить головы наивным дурочкам. Если приглядеться повнимательней — есть у него на лице такое мерзкое аристократическое высокомерие, иногда меняющееся на ещё более мерзкое снисхождение. Всё это перетекает друг в друга в бесстыжих ярко-синих глазах. Выражение лица покрыто инеем изящной отрешённости. Получается мощное орудие для выбивания опоры из-под любого существа женского пола в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти. *Ну и гадость. Ты не представляешь, Мортис, как мне сейчас это отлично видно, когда ты сидишь в пяти сантиметрах от меня. И вообще, возвращаясь к гипотезе о серых мышках — где ты мышку видишь? Я ею быть не собираюсь. Ну, больше не собираюсь. Точка. Жирная. Решено. Не*

мышка, а кошка. Своенравная кошка. Дашка вспомнила свой сон: там ей в новом умопомрачительном образе было вполне удобно. Из хорошенькой, симпатичной превратилась в однозначно красивую. Надо воспринимать как руководство к действию.

— Ты изменилась, — отметил он неожиданно. — Это обличье идёт тебе больше, чем человеческое.

— Хотите подмазаться? — хмыкнула Дашка.

— Точно изменилась, — удовлетворённо тряхнул головой Мортис. — И, тем не менее, я настоятельно рекомендую тебе послушать то, что я скажу, и следовать этому.

Вместо тревоги теперь абсолютное спокойствие. *Что ж, решил продумать тактику получше — ну-ну. Мне интересно, насколько у вас, молодых самцов, может хватить терпения.*

— Тебе Марика не говорила, что вампиры, пытаясь сдерживать себя, могут сойти с ума? — спросил Мортис.

— Говорила, — ровно ответила Дашка. Пожалуй, даже с нарочитым холодком.

— Понимаешь, к чему она клонила? Нельзя слишком себя истязать, каждый раз терпеть, пока разум не откажет. Иногда можно делать послабления. Хочешь — попроси кого-нибудь из друзей, чтобы позволил напиться его крови, и тут же отведи его к целителю. У тебя друзья хорошие, поймут, не откажут, — мистер Мортис со вздохом посмотрел назад, на дверь дома. За ней раздавался гул голосов с редкими всплесками выкриков. — По-моему, младший Винсент в твою сторону неровно дышит.

Так и знала. Мортис точно меня хочет. Поздравляю себя с тем, что я начала-таки воспринимать знаки физиологического внимания не как оскорбление, а как очевидное доказательство собственной привлекательности.

Так. Кто-нибудь понял, что послужило причиной революции в подсознании?

— Мистер Мортис, у вас всё?

— Пожалуй, тебе больше ничего и не нужно, — ухмыльнулся Мортис. — Так что я пойду. До встречи, — он встал, отряхнул светлую мантию и поспешил к ожидавшим его «зелёным мантиям», представители закона то и дело поглядывали на свои волшебные жезлы.

— Прощайте, — усмехнулась Дашка.

Удаляясь, Мортис повернул голову и долго смотрел на вампиршу. Вот в его взгляде она своё отражение видеть могла. Когда министр снова уставился вперёд, Дашка зашла в дом — больше на улице изучать было нечего.

— Что он тебе сказал? — задал дежурный вопрос Саша.

— Что обычно. Так, моральная поддержка, — *а в чём-то*

мистер Мортис прав: я с собой сама разберусь. Нечего им всей кучей мои проблемы обсуждать.

— Ты глянь, блеск в глазах появился! — радостно воскликнул Джейк. — Да, Дарья, вот-вот мы все дома будем. Прямо не верится.

— Это ведь не насовсем, — покачал головой старший брат, но он тоже был очень доволен. — Хотя, если представить, что домой мы будем ездить не так уж редко — всё хорошо.

— Эти возможности нам недёшево достаются, — пробормотала Алина, оглядела друзей и счастливо вздохнула: — Но такого, как в этот раз, больше не повторится, всё проще будет. Да и Даша себя обвинять бросит! Подумай, чем теперь твои нападения оборачиваются? Временной свободой нам всем. А ради того, чтобы Дашка чувствовала лёгкость, стоит принять такую цену.

— Ну, раз всё хорошо — всем ужинать и спать, — решительно сказала Лара. — Наконец-то мы ляжем ночью, а не рано утром.

Спорить никто не стал, и в постелях все оказались в то время, в которое здесь было принято: когда к болоту выползли первые драконы.

Дашке не спалось. Это была не бессонница — просто вампирша всё ещё пребывала в абсолютно бодром состоянии. Настолько бодром, что сидеть в доме не хотелось. Так что Дашка тихо вышла на улицу.

Природа неожиданно показалась ярче. Слой тумана будто бы стал тоньше настолько, что не загрязнял синеву ночного неба. Звёзды сияли красивее, и луна распространяла свет как-то по-особенному завораживающе, приглашая прогуляться. Дашка не отказалась.

Она почти растворилась в этой ночи. Мыслей не было, только тишина и звуки, великолепно её дополняющие: плеск воды и шелест листьев. Вносящих жуткую дисгармонию в это великолепие драконов Дашка почему-то смогла не замечать, хоть они рычали, и фыркали, да и вообще загораживали весь пейзаж, выползая перед Дашкиным носом.

Остановилась она, когда ноги принесли её на остров Одиночества. Следовало немедленно уходить, но её удерживало необычное чувство. Именно здесь, на этом небольшом куске земли, Дашка ощущала на себе лунный свет. Солнечный свет греет, а этот — освежал. Причём именно здесь. Ни в Большом мире, ни в каком-либо уголке королевства Альданы луна ничего такого не давала. Освещала, и только. А сейчас лунный свет был прохладным. Став вампиршей, Дашка постепенно переставала чувствовать тепло и холод, не могла вдыхать запахи (потому что у

неё дыхания не было вообще), распознавать вкус еды. А смешанным с лунным светом воздухом она могла наслаждаться сполна. Казалось, эту свежесть можно было руками потрогать, настолько она была явная, густая. Хотелось взлететь и больше не спускаться на землю, поиграть в догонялки с ветром, посидеть на верхушке самого высокого дерева, забыться в нахлынувшем восторге…

Домой она возвратилась даже не под утро — когда рассвело. Восход солнца Дашка наблюдала там, где впервые попробовала летать под руководством Марики. Больше от природы брать было нечего, и пришлось нырять вниз, на свой островок.

В доме была только прекрасная половина компании. Но назвать её прекрасной в данный момент язык не поворачивался: Лара, Марика, Алина и даже Теона предстали перед неприлично счастливой Дашкой злыми, всклокоченными и не выспавшимися. Взгляды, которыми они испепеляли молодую вампиршу, вышвырнули бы из мира мечтаний в реальность кого угодно, но Дашка, очевидно, пребывала в такой эйфории, что смогла только удивиться:

— Вы чего это?

— Сколько ты проторчала на острове Одиночества? — в лоб спросила Лара.

— А я откуда знаю? — непонимающе протянула Дашка.

— Значит, около часа, — вздохнула Марика. — И не отпирайся. Я видела тебя там, и ты уже была в трансе.

— Видела? Когда? Почему не подошла ко мне? — Дашка продолжала беспомощно удивляться.

— Марика была в припадке, — сурово сказала Лара. — Ей не до тебя было, она преследовала жертву.

— Но она ведь меня как-то заметила! — воскликнула Дашка.

— Опытный вампир может чувствовать присутствие другого вампира, а также то, что с этим вампиром в этот миг происходит, — сухо, как плохой учитель, объяснила Марика.

— Ясно, — спокойно ответила молодая вампирша и только тут уловила невероятное: — Марика?! Ты напала на человека? Но по тебе нельзя было сказать, что у тебя скоро случится приступ!

— Потому что я научилась управлять своей тёмной сущностью, — так же строго продолжала Марика. — А тебя может ждать обратное. Аура острова Одиночества разбудит в тебе инстинкты зла, хотя твоя задача — их усыпить. Спустя некоторое время они будут просыпаться либо по требованию твоего организма, либо по велению души. В тебе сейчас война зла и добра идёт. Если твоя стихия — Огонь, то перевес будет на стороне первого.

Дашка, уверенная, что то было её последнее посещение острова, ничуть не обеспокоилась. К тому же ей хотелось спать. Пропустив мимо ушей ворчание Алины и Марики, она добралась до постели и выключилась, едва закрыв глаза. И опять видела сон, в котором ни время, ни место не изменились. Теперь Дашка в окружении таких же молодых красавиц-вампирш отдыхала в саду возле старинного замка. Они обсуждали, кто обратил в тёмных большее число молодых людей. Дашку превзошла только одна вампирша, в которой она с трудом разглядела Марику. Отдохнув, леди вернулись в замок, где должны были объявить королеву бала. Дашка была уверена, кому достанется этот титул, но проснулась прежде, чем вампирши поднялись в зал.

Первыми звуками, которые уловила Дашка, было звяканье вилок и ножей. «Обедают», — подумала она, распахнула глаза и увидела квадрат окна, заполненный чернотой. Дашка мигом очутилась на полу. На гулкий звук прыжка с верхнего яруса кровати все дружно оторвались от ужина и уставились на вампиршу.

— Садись быстрее, тебе ещё осталось, — скомандовала Теона.

— Что, бодрячком? — хмыкнула Марика. — Придётся мне ночью за тобой следить. Следует рассердиться на тебя за такое вольное поведение, но я поверю в то, что твой разум по-прежнему трезвый и ты скоро осознаешь, что тебе к острову Одиночества даже приближаться нельзя. Ладно, давай за стол. А я хоть вспомню, как вести себя в качестве зануды.

Дашка втиснулась между Марикой и Эриком. Он продолжал уничтожать ужин с невероятной скоростью, равно как и остальные парни: сегодня они долго тренировались перед охотой.

— Но ты поосторожней, — вдруг произнёс Роджер, — от твоего поведения зависит, поедете ли вы домой или нет. Не разочаровывай никого.

— Ни за что на свете, — Дашка посмотрела ему в глаза.

При упоминании о доме друзьям стало веселей. Когда все увидели, что от мысли о возвращении Шаки просто расцвела, то сделались совсем счастливыми. Теперь народ хотел потратить последние часы, когда ещё можно было ходить по кварталу, на прогулку с забеганиями «на пять минут» ко всем, с кем были знакомы не слишком поверхностно, а чуть глубже. Вспомнилось, что многим соседям что-то должны по мелочи, кого-то следовало за что-то отблагодарить, у кого-то недавно была неприятность и надо узнать, всё ли в порядке сейчас, ну а с некоторыми просто давно не общались. Наскоро привели собственный домишко в порядок (в результате жилище даже стало казаться не такой уж и

развалиной), и начали «обход».

Дашке энтузиазма хватило ненадолго. Суета начала раздражать. Когда толпа ввалилась в дом, где жила Акира Самери, она через минут пять незаметно выскользнула обратно на улицу. Ждать никого не вампирша не собиралась: на острове играла компания детей, нестерпимо громко вопивших, а Дашке хотелось если не уединения, то хотя бы тишины. И ещё свободы.

Ладно, в последний раз — на остров Одиночества.

На острове оказался Томас, расхаживающий взад-вперёд и о чём-то размышляющий. За ним семенила кучка живых скелетов всяких разных мелких зверьков — самые последние его творения. Если он внезапно останавливался — существа останавливались тоже и поднимали головы, будто бы на хозяина смотрели.

Дашка опасалась показываться на глаза кому-либо из хороших знакомых. Подождала, пока Томас уйдёт — следила за ним из-за дерева. Когда остров опустел — кинулась туда. Сразу стало спокойнее. Она только поняла, что на этот остров посторонние звуки будто бы не долетают. Или это сила самовнушения? Дашка попробовала уловить из разговоров вокруг хоть что-то связное, но, кроме отдельных слов, разобрать ничего не могла. Из головы улетучивались неприятные, мешающие мысли, а лёгкостью наполнялось всё тело. Дашка лежала на земле, а ей казалось, будто она на воде и её выталкивает куда-то вверх. Вампирша окунулась в дремоту.

Разумеется, Дашка очнулась глубокой ночью. Её разбудил лунный свет, который начинал казаться совсем осязаемой материей. Вампирша решила не баловать себя и не сидеть на острове всю ночь. Она попробовала прочувствовать лунную свежесть как можно глубже, словно надеялась, что ощущения ей хватит на несколько дней вперёд, но, когда она шагнула на мост, остановилась.

Не могла она заставить себя идти дальше. Хотелось вот так стоять, чувствовать, растворяться… Дашка себя уговаривала: «Ещё минута — и я лечу отсюда… Ну ладно, ещё одна… И ещё… Вот это точно последняя… Нет, следующая…»

Ушла она, когда начало светать, ругая себя на все лады и ощущая вину перед всеми. Сколько она проблем друзьям создаёт! Компания над ней трясётся, а она так себя запустила. Промывание себе мозгов переросло в апатию, вытянув все силы. Когда Дашка ступила на порог дома, ей было уже всё равно, что ей скажут.

Но все промолчали. По глазам было видно: сердиты, отчасти разочарованы, хотят высказать всё, что о ней думают, но почему-то сдерживаются. Иногда кто-нибудь вопросительно смотрел на

Марику, и взгляд её сразу леденел. Наверное, она отвечала: «Нет». Дашка поняла: старшая вампирша убедила всех, что с младшей говорить бесполезно. Ей стало совсем плохо. Даже когда она зарылась под одеяло (откуда-то пришла сонливость), то ей казалось, что взгляды друзей скоро его прожгут.

Осознание масштабов бедствия наступило, когда вампирша проснулась с наступлением темноты. *Превосходно. Перешла на ночной образ жизни.*

Неприятное удивление так отчётливо проступило на её лице, что Марика хмыкнула:

— А ты что думала? Привыкание будет медленное? Запомни: из-за своей стихии любые тёмные силы действуют на тебя в несколько раз быстрее. И сильнее.

— Это необратимо? — оторопела Дашка.

— С твоим упорством — да, — парировала Марика. — А вот я, как видишь, могу жить, как хочу. Могу только предупредить: если вы поедете домой, там, вероятно, у тебя сильно ухудшится самочувствие без той энергии, которую ты черпаешь на острове Одиночества.

Дашка откинулась на подушку. Страшными фактами и перспективами её завалило, как камнями, но она про себя радовалась тому, что необходимость задуматься потребует времени и поэтому сможет удержать её от посещения зловещего острова.

— Дом… Неужели мы, наконец, отдохнём от этих проклятых вылазок в лес, — Джейк растянулся на постели. У парня была перевязана рука выше локтя. — Сегодня чуть калекой не остался.

— Что произошло? — виновато спросила Дашка.

У меня под носом жизнь кипит, а я ничего не знаю.

— На него дракон огнём дыхнул, — вздохнул Дерик. — Еле увернулся.

— Ещё вопрос, кто от кого! — довольно воскликнул Роджер. — Ваш брат — превосходный воин. Если бы я вам не верил — подумал бы, что он у кого-нибудь из мастеров обучался. Джейк заметил, что ранен, только тогда, когда снёс дракону голову.

— Ну так некогда мне замечать было, — смущённо улыбнулся парень. — Только глаза опустишь — и тебя сожрут. Вы же сами нас учили!

— У меня когда-то свой отряд был, — пустился в воспоминания Роджер. — Ты мне одного из моих учеников напоминаешь, Даймена Оллена. Он в бою тоже о себе не помнил. Драться за кого-то был готов постоянно. Именно за кого-то. Поговаривали, что он просто искал славы, потому что вырос, как

и ты, в бедной семье. Нет, по этой самой причине он хотел бороться за справедливость. Ему не составляло труда отправиться в место вроде леса, окружающего Денаувер, чтобы принести оттуда какое-нибудь магическое растение, необходимое для приготовления зелья знакомой колдунье, которая не может позволить себе нанять собирателя. Или атаковать группу «зелёных мантий», уводящих невиновного человека. Он погиб, сражаясь с красным драконом. Мартину пришлось пожертвовать одним ради того, чтобы покончить с Дайменом. По-другому его поймать не могли.

— Красного дракона натравить ради одного человека? — ужаснулся Джейк. То же самое хотели воскликнуть и остальные, но парень всех опередил.

Роджер объяснял друзьям, кто такие красные драконы, ещё в самом начале пребывания компании здесь. Именно из-за этих страшных существ в лес можно было входить только группами по пятнадцать человек, ни больше, ни меньше. Всё потому, что у красных драконов по пятнадцать голов, и, так как взгляд у них гипнотизирующий, один человек бороться больше, чем с одной головой, не может; а если у красного дракона свободна хотя бы одна голова — на его стороне огромное преимущество, а люди обречены на смерть. Если хоть один человек подоспеет на помощь — шансы появятся у людей. Но красные драконы гордые. Самая позорная смерть для них — быть умерщвлёнными человеком, поэтому они всю свою жизненную силу, если на стороне человека возникнет преимущество, тратят на то, чтобы призвать полчище демонов. Дракон умирает, а демоны уничтожают людей. Правда, существуют чёрные маги, которые обладают даром подчинять себе красных драконов, и все они служат у короля. В королевской армии есть красные драконы, но, так как приручить их — дело долгое, дорогостоящее и кропотливое, их ведут в бой только в самых исключительных случаях, ведь они могут демонстрировать свою мощь лишь единожды…

— И с Дайменом нельзя было справиться по-иному? — поразилась Алина.

— На иную смерть он бы не согласился, — вздохнул Роджер. — Нам пришлось смотреть, как он умирает. Кинуться к нему на помощь мы не могли: это означало бы, что дракон призовёт демонов, которые уничтожат всё вокруг. Мы, конечно, порывались броситься к Даймену, но он успел крикнуть, что не простит нам этого.

— Так Мартин догадывался, что Даймен настолько благороден, и поэтому дракон останется жив? — рассвирепел Дерик.

— Вряд ли мы это узнаем, — Роджер помрачнел. — Да и неважно уже.

— Кажется, вы переоценили меня, — грустно протянул Джейк.

— Спасибо Ветрам, если у тебя не появится возможности показать, так это или нет, — пробормотал Роджер и встал со стула. — Я пойду, проветрюсь. Мыслей много.

— Так поздно уже! — воскликнула Теона.

— Ничего, у меня в запасе примерно полчаса, — мужчина рывком открыл дверь, вышел и с грохотом её захлопнул, входную отворив и закрыв так же решительно.

— С ним всё в порядке? — Теона растерянно уставилась на дверь комнаты.

— Да, не волнуйся, — Марика едва заметно улыбнулась. — От прошлой жизни у него остались по большей части только лучшие воспоминания. Утешится ими немного, развеется, ему только легче станет. То, что он в тебе, Джейк, своего любимца увидел, Роджеру лишь на пользу. Старик воодушевится, новые силы в себе найдёт.

— Удивительный он, получается, человек, — произнёс Саша. — Таких мало. Нам повезло, что мы под его опекой.

— Не вопрос. Конечно! — заявил Эрик. — Просто к нему надо привыкнуть.

— К людям нельзя привыкать, их понимать нужно, — мудро поправила его Марика.

— Даже не знаю, с кем ребятам повезло больше — с Роджером или с тобой, — покачала головой Лара, рассмеявшись. — И не спорь, что ты не получаешь вдохновение от общения с ними. Ты же в этом смысл жизни видишь!

— Ничего от вас не скроешь, — хихикнула Марика. — Ладно, всем, кому надо — спокойной ночи. Кому не надо — марш на кухню, разговор есть, — она кивнула Дашке.

Вскоре в комнате поселилась тишина, а на кухне началась душевная беседа.

— Что ж, для начала я бы хотела, — Марика сделала паузу, замявшись, — извиниться. Да, извиниться. За то, что сказано и за то, что мне ещё придётся тебе наговорить.

— Я не обижалась, — отмахнулась Дашка.

— А ты прислушайся к себе внимательней. Тебя ведь очень задевает то, как мы к тебе сейчас относимся. Как к ребёнку. Отчитываем, воспитываем, ругаем. Я права?

— Если честно, я об этом не задумывалась. Это плохо, да? — наморщила лоб Дашка.

— Лукавить не стану — не самое лучшее развитие событий.

Тебе нельзя сейчас замыкаться в себе, иначе процесс превращения быстрее пойдёт. Именно поэтому мы к тебе и цепляемся. Думаешь, мне не хочется признать за тобой право самой принимать решения? Может быть, ты сама не представляешь, но ты достаточно хороша, чтобы твои решения были верными. Не говорю — умна, потому что одного ума бывает мало. Ум в чистом виде как раз глупость. Но не буду отвлекаться. Итак, я могла бы тебе рассказать, что за опасность таит в себе остров Одиночества. Ты бы сперва не поверила, что действие заключённых в его земле сил начнёт сказываться так стремительно, несколько раз пренебрегла бы моими словами — но потом, ощутив, что в тебе просыпается новая сущность, испугалась бы и прекратила тайком бегать на остров. Но ты не только хороша, ты ещё и очень оригинальна, а значит — непредсказуема. При всём своём богатом опыте я не могу предвидеть то, что может взбрести тебе в голову. Да что я — ты же и сама не догадываешься, какая идея мелькнёт у тебя через час. Я это не осуждаю. Предсказуемый человек может стать зрелищем удручающим, ты себя от этого уберегла. Но в твоём положении это может стоить тебе жизни, так что мы не имеем права оставить тебя в покое. Прости, — Марика пристально посмотрела на Дашку, расплываясь в улыбке, сперва чуть заметной, потом яркой, смеющейся, заразительной: младшей вампирше сразу захотелось ответить тем же, ну да она и не стала сдерживаться.

Подруги долго улыбались, потом начали беззвучно смеяться. Крепко обнялись: поняли, что обожают друг друга.

— Теперь я обязана сделать из тебя человека, — твёрдо сказала Марика, выпустив Дашку из объятия.

Дашка была счастлива. Эта фраза, взятая в прямом смысле, была не унизительной, я окрыляющей.

— Куда ты теперь? — весело спросила Марика.

— Хм, — Дашка задумалась. — В последнее время мои ночные прогулки заканчиваются не самым лучшим образом. Может, ты мне что посоветуешь?

— Конечно! Приглядеться получше к жителям квартала. Кроме тебя, здесь появилось несколько вампиров, а ты с ними до сих пор не знакома, — протянула Марика.

— Интересно, — проронила Дашка. — А мы друг на друга плохо влиять не будем?

— Вряд ли! Им лет по сто, они уже научились ладить со своей тёмной стороной, так что ты их не собьёшь с верного пути больше, чем они уже отклонились, а эти вампиры, в свою очередь, не станут подначивать тебя на глупости. Один из них, между прочим, тоже живёт под стихией Огня, так что сможет тебя

понять, если что, — Марика стрельнула глазами. — Впрочем, должна сказать: с четырьмя стихиями связано очень много предрассудков, и тебе, вероятно, придётся с ними сталкиваться. Разумеется, покровительствующая стихия влияет на человека, но это влияние распространяется на его магические способности, ну, и ещё на пару деталей. А люди склонны связывать с ней характер и судьбу человека. Считается, что люди Воды легкомысленны, безответственны, ветрены и лживы, успешно зарабатывают деньги, но нечестным путём, обманывая народ. Думают, что все шлюхи, воры и бродяги принадлежат этой стихии. А люди Земли? О них говорят как о милых, добрых, гостеприимных, но глупых и необразованных, живущих всю жизнь на одном месте, панически боящихся перемен. По недалёким представлениям, у них должна быть огромная семья и куча друзей, знакомых, друзей знакомых, которые нагло пользуются их добротой. Люди под стихией Воздуха — всенепременно белые маги, служители храмов или охотники на вампиров и демонов. Правильны до такой степени, что их хочется злить нарочно. Ну а что касается людей Огня… Им отводят роль безумных чёрных магов, стремящихся захватить мир. Ну, хотя бы город или деревню. Или чью-то душу. В общем, в народном представлении они весьма неприятные личности. Сама понимаешь, так думают только дураки, но дураков в любое время и в любом месте предостаточно…

— Это точно, — усмехнулась Дашка. — Ну а ты сама под какой стихией?

— Воздух, — ответила Марика. — И последние сто семьдесят семь лет я нахожу это весьма забавным.

Глава 18 Кризис

Ночь в новой компании Дашку весьма порадовала. Вампиры, с которыми познакомила её Марика, оказались личностями разговорчивыми и весёлыми. Когда они утром расстались, Дашка не могла вспомнить, о чём в течение всей прогулки шёл разговор. Болтали о всякой ерунде, можно было подумать, что беседа была не между вампирами и даже не между представителями разных миров — нет, будто обычные люди пытаются завязать знакомство. Ничего нового и полезного для себя Дашка не узнала, но ничуть не жалела об этом. Это ведь сущий пустяк по сравнению с тем, что она, обходясь без подзарядки энергией острова Одиночества, превосходно себя чувствует. И, когда Дашка вернулась в дом, в сон её совершенно не клонило.

Под ветхой крышей барака устанавливалось такое счастье, какого Винсенты, кажется, не помнили в своём родном доме. Начала крепнуть магическая сила Теоны. Молодая женщина могла теперь без вреда для себя лечить отравления болотными газами и заметно облегчать страдания Шаки. Девочка стала непривычно подвижной и иногда играла с другими детьми. Теона, правда, ещё была не в состоянии залечить рану Джейка, но парень, по-видимому, не сильно по этому поводу переживал. Ему даже нравилось его положение пострадавшего: сёстры, Дашка, Алина и Лара трогательно о нём заботились. Дома Джейку такого откровенного безделья не позволялось.

Спать Дашка легла в одно время с остальными. Продолжение великолепного сна было: да, её избрали королевой бала. Когда бал закончился, она полетела домой. Будто бы Дашка жила в городе, который населён только вампирами, в доме, состоящем из четырёх квартир — по две на каждом этаже. Её квартира — на верхнем. Две комнаты — огромная гостиная и небольшая, но уютная спальня.

Изучить интерьер Дашка не успела — очнулась. Нестерпимо хотелось… крови. Жажда была не мучительной, но ощутимой. Вспомнилось, что мистер Мортис настоятельно рекомендовал давать себе поблажки. Конечно, сейчас ещё ночь, потом кого-нибудь из целителей придётся варварски разбудить, заодно потревожив покой тех, кто делит с ним (или с ней) комнату, ну да ладно!

В радостной задумчивости она спустилась на пол. Медленно ходила от одной кровати к другой — вампирша уже была в состоянии улавливать аромат крови, и у каждого из спящих он был разный. Какой-то ей нравился больше, какой-то — меньше.

Она поймала себя на мысли, что сейчас *выбирает* себе жертву. Процесс невероятно увлекал: Дашка не могла объяснить, какие ощущения возникают у неё, не могла понять, какими органами чувств она улавливает их, но неопределённость была необычной, приятной, приводящей в возбуждение. Внутренний голос успел пискнуть: «Может, этого хватит? Если тебе уже хорошо, зачем ещё и рисковать человеческими жизнями?» — но разумное замечание тут же затерялось где-то вдалеке. *Есть сигнал разума — вот и отлично.* Она опустилась на колени возле изголовья одной из кроватей — туда её притягивало больше всего. Разобрать, кто перед ней, Дашка уже не могла из-за господства её тёмной части, которая нежно нашёптывала на ухо: «*Хочешь? Так действуй же!*»…

Вампирша припала к жертве надолго, пока не почувствовала, что больше пить не может, и вкус крови стал менее отчётливым. Тёмная и светлая сущности объединились и дуэтом настаивали на том, что надо бы вздремнуть ещё. Светлая сторона Дашки просто включила механизм самозащиты: пока спишь, ответственности не чувствуешь, — но тогда она об этом не подумала.

Механизм проработал всего ничего — потом его сломал Сашин крик:

— Очнись! Ты слышишь меня! Элли! Алина! Открой глаза!

— Она жива?!?

— Неясно! Какая, говоришь, у неё стихия?

— Воздух, — нервно ответил Саша. — Это как-то меняет дело?

— Вероятно, она продержится долго, где-то час, если её укусили недавно.

— А как узнать?

— Видишь, ранки свежие. Это минут десять назад было.

Дашка подскочила в постели. Проклятье, совсем забыла об ответственности!

— Я за целителем! — вампирша мигом оказалась у двери. — Простите, пожалуйста, мне ужасно стыдно за то, что я не обратилась за помощью сразу.

— Некогда оправдываться, — отрезал Дерик. — Надо поторопиться.

— Хорошо! ОЙ! — в дверях Дашка налетела на Клавьера так, что они столкнулись лбами. — Ты чего? У вас что-то случилось?

— Вы все живы?! — выпалил парнишка.

— Что такое? — испугалась Теона.

— Ты цела!!! — Клавьер вдруг кинулся ей на шею. — Жива!

— Так, — Роджер резко нахмурился. — Только не говори, что…

— Да, мистер, взбесившийся королевский дракон! — мальчик отпустил Теону и быстро заговорил: — Просто чудовище, восточную часть квартала снёс полностью. Сорок человек погибло, то есть сначала он пятерых убил и потерял сознание после атаки кого-то из магов, дракону тому было лет под семьсот, труп ходячий, а не дракон, и все подумали, что он умер. Стали созывать со всего квартала целителей, чтобы помочь пострадавшим, а дракон пришёл в себя и стал на всех бросаться, пока его не убили. Теперь мы не знаем, что делать: нужно освободить души погибших и уничтожить труп дракона, раз он заражённый, и дух его надо очистить и выпустить, иначе он будет на всех проклятия насылать. А никого из тех, кто умеет проводить обряд Упокоения, в живых не осталось, и вообще у нас ни одного сильного белого мага не осталось, некому лечить раненых, а если им вовремя не оказать помощь, у них начнётся заражение и после смерти они могут превратиться в монстров.

— Погибли все белые маги? — ужаснулся Роджер.

— Ну, не все, но самые сильные. Том с Николасом спрашивали по кварталу, может ли кто-нибудь из оставшихся исцелять магические болезни и проклятия, — вздохнул Клавьер. — Нет, способностей у людей хватает только на то, чтобы лечить физические повреждения. В нашей банде белых магов двое: Пола и Анита, но они тоже не обладают достаточной силой. А Теона слишком слаба, чтобы применять сильную магию, так ведь?

— Акира тоже… погибла? — пробормотала Дашка.

— Она сейчас при смерти, — в отчаянии посмотрел на неё Клавьер, — у королевского дракона ядовитые клыки, а он ей руку прокусил.

— А разве в таких случаях жителям Денаувера не оказывают помощь? — поразилась Теона. — Власти допускают, чтобы люди вот так умирали?

— А ты что думала, — мрачно произнёс Роджер. — Кого-то беспокоит судьба тех, кто не наделён ни властью, ни богатством? Наша безопасность никого не заботит. Такие страшные случаи, когда дракон нападает на людей, здесь не редкость, и вам об этом говорили. Пару раз в месяц — это норма. И сорок человек — потери небольшие. Самое жуткое — когда в квартале остаётся в живых человек пять. Я прошёл через это. Думал, сойду с ума.

— Да тем, что происходит здесь, никто и не интересуется, — покачала головой Лара. — Кроме людей из Управлений и хранителей закона тут никого из наделённых властью не появляется. Только мистер Мортис, пожалуй, но он, хоть и не отрицает, что тут творится сплошной ужас, ничего не может

сделать без разрешения короля, а король не даёт ему решать вопросы, не связанные с прямыми обязанностями министра. Если бы бешеный дракон был, виверной, творением некроманта — мистер Мортис мог бы применить свою власть. Но монстр был живой, и он не имеет право вмешиваться.

— Если с трупом дракона ничего не сделать, в квартале поселится дракон-призрак, — процедил Аксель, — и тогда мистер Мортис получит свободу действий.

— Какую свободу, — усмехнулся Эрик, — Мартин его терпеть не может. Даст добро на то, чтобы сюда отправили группу экзорцистов, уничтожить призрака — и всё. Жди, пока новый призрак не появится.

— Раньше Мортис своего добивался, — не сдавалась Теона.

— Слишком большой ценой, — холодно произнёс Дерик. — Вспомни-ка, почему мы все здесь. Наша ссылка — плата за жизнь Дарьи. Не говорю, что я слишком плохо отношусь к Дарье, чтобы считать такую цену неприемлемой. Но нельзя предугадать, за какую несправедливость Мортису придётся купить кусочек прав для народа в этот раз.

— Люди, не забывайте, у нас сейчас другая проблема, — громко сказала Марика. — Надо спасти Элли.

— А что с ней? — насторожился Клавьер, и тут он заметил след от укуса на шее Алины: — Унеси Ветер мою крышу, ТОЛЬКО НЕ ГОВОРИТЕ, ЧТО НА НЕЁ НАПАЛ ВАМПИР!

— Ты хочешь сказать, что никто из оставшихся целителей не может очищать человека от тёмной энергии вампиров?! — ошеломлённо выпалила Дашка.

— Эта особый дар — священная магия, — расстроенный паренёк присел на кровать. — Далеко не всегда белый маг владеет ею, разве ты не знала?

— Когда люди в шоке, им не до логики, — сказал Роджер. — Но как быть с Элли? Вы по-прежнему не можете её разбудить? Так ведь нельзя понять — она погибает полностью или начинает существовать как вампирша.

— ОНА УМЕРЕТЬ МОЖЕТ? — чуть не упала Дашка.

— К сожалению, это весьма вероятно. Наличие и сила сопротивления тёмной энергии у человека — особенности, мало от чего зависящие, — вздохнул Роджер. — Впрочем, что я тебе рассказываю — ты и сама прекрасно знаешь. Смирись.

Дашка с мольбой беспомощности уставилась на Марику — та жестом велела ей выйти на улицу и отправилась следом. За домом была скамейка в чахлых зарослях, считающаяся всем бараком местом уединения. Неписаные правила запрещали беспокоить того (или тех), кто сидит в этом уголке. Две

вампирши устроились там.

— Объясняю: степень внутренней защиты от тёмных сил не зависит от пола и возраста, исключение — лишь старики, дети, беременные женщины и больные, у которых она заметно меньше. Конечно, из этих исключений бывают свои исключения, но сейчас не об этом. С равной вероятностью от укуса вампира может погибнуть и семнадцатилетняя девушка, и сорокалетний мужчина. Есть мнение, что женщины умирают чаще — неправда. Если бы ты выбрала жертвой Роджера или Дерика, у них было бы не больше шансов выжить, чем у Алины. Может быть, даже меньше — Алину охраняет её стихия Воздуха. И ещё: не вздумай винить себя. Нам всем просто не повезло. Так трагически вышло, что в один день мы потеряли всех сильнейших белых магов. Ты можешь себе позволить то, что обычно является привилегией слабых — сослаться на обстоятельства, — она криво улыбнулась, встала и ушла, судя по скрипу входной двери — в дом.

Дашка сидела, продолжая отрешённо смотреть в одну точку. Потом поднялась со скамьи и спустилась к воде. Поблизости тут же вынырнуло растение-монстр и щёлкнуло челюстью в сантиметре от Дашкиного уха: впилось зубами ей в плечо. Кроме щекотки она ничего не чувствовала, поэтому даже не пошевелилось, всё так же глядя вдаль, где не было видно ничего: чернел лес, зеленело болото, покачивались деревянные мосты и лишь изредка (теперь уже изредка) где-то пробегали люди. Некоторые из них были убиты горем так, что не понимали, почему продолжают существовать. Ощущая, что душа с остатками жизни стремительно испаряется внутри, оставляя страшную пустоту, где было холодно и темно, как в глубине пещеры, Дашка наблюдала, как молодой человек, сосед по дому уже покойных старика Джозефа и Элен, бредя по мосту, вдруг остановился, чтобы позволить болотному монстру утащить себя в воду, и на зелёной поверхности болота расплылось кровавое пятно. Растение, упрямо вгрызающееся в Дашкино плечо, сообразило, наконец, что это несъедобная жертва, разжало пасть и скрылось в воде. По руке вампирши стекала жёлтая слизь — она и этого не замечала. Поднялась, чтобы заглянуть в окно. Алину так и не привели в чувство.

Озарение было ярким и внезапным, как вспышка молнии. Остров Одиночества, тайник Терлена Керри. Серебряный нож она нашла быстро. Хотелось умереть так, чтобы последнее, что она увидит, было бы необыкновенно красивым. То есть убить себя ночью.

До наступления темноты оставалась пропасть времени, и за эти долгие часы решимость могла утихнуть. Чтобы исключить

такую вероятность, Дашка пошла на место ночной трагедии.

Оно выглядело безобразно. Убитый дракон лежал прямо в болоте, и кое-где из него были вырваны куски мяса — успели покормиться плотоядные растения. У него вытекли оба глаза, из многочисленных ран торчали кости, а голова не шее держалась еле-еле: кто-то хотел обезглавить дракона, но силы не хватило, и огромный меч не прошёл насквозь, застрял в горле. Дашка подумала, что людей жалко не намного больше, чем хищника. Он ведь, если верить разговорам, был бешеный, то есть больной, а в этом *обвинять* нельзя, и карать за это, соответственно, тоже. А даже если бы он был здоров? Вампирша перевела взгляд на гору трупов, сваленных на острове. Нет, столько убить ради собственной выгоды — это может только человек. Ни одно другое существо не способно на такое. Если это не бешенство, то самооборона, однозначно.

Сорок человек погибших… Дашка пригляделась внимательней. Не только те, кто боролся с драконом: мужчины и парни, совсем молоденькие, лучшие охотники квартала, мастера холодного оружия, и маги, большинство которых — женщины и старики. Были и дети, и девушки, оказавшиеся возле дракона случайно. Событие куда более страшное, чем кажется. Те жертвы, без которых обойтись было нельзя — печально. Ещё больше боли за тех, что покинул этот мир из-за обнажившейся глупости, не своей, чужой.

Эта мысль своё дело сделала — Дашка возвращалась на остров Одиночества шагом быстрым и уверенным. Долгожданный закат. Особенно великолепный — сам по себе или же оттого, что он последний. Вампирша запустила руку в дупло, нащупала нож, поднесла к глазам. Он сверкал ослепительно, настойчиво.

Дашка напоследок посмотрела на небо, прощаясь. Сбросила кардиган, чтобы не мешал, сильнее сжала рукоятку ножа, зажмурилась — нет, глаза надо открыть, чтобы не промахнуться. Замерла, приготовилась…

— Дарья! Дарья! Элли спасли!!! — взорвался за спиной голос Полы.

Вампирша вздрогнула, выронив нож, развернулась:

— Что?!? Как?!?

— Ты не представляешь! — захлёбывалась волшебница. — Теона — Солнечная Принцесса!

Дашка на долю секунды растерялась: а что это значит? — но непонимание тут же уступило место легкому приятному недоверию, которое всегда предшествует осознанию того, что наступило счастье.

— Что, с Алиной всё в порядке? Абсолютно? Она здорова? —

таращилась на Полу Дашка, совсем забыв, что для непосвящённых Алину зовут Элли.

— Мы сами сначала не поверили, когда увидели, — Пола, в свою очередь, была слишком возбуждена, чтобы обращать внимание на такие мелочи. — Солнечная Принцесса рождается раз в сто лет, и это оказалась именно Теона!

— Это невероятно! — согласилась Дашка, чтобы не вызывать подозрений. — А Алина как? С ней всё хорошо, да?

— Всё замечательно, — закивала Пола. — Чудеса происходят.

Они поспешили к Алине и остальной компании.

В бараке собрались все, кто смог придти (после битвы с драконом некоторые себе этого позволить не могли), а те, кому свободного пространства там не хватило, столпились у крыльца. Бесцеремонно растолкав всех, Пола втолкнула Дашку в дом и юркнула за дверь следом. В комнате, кроме, собственно, живущей здесь компании, сидела банда в полном составе, а также мистер Фокс и мистер Олеандр. Алина, выглядевшая абсолютно нормальной и чувствовавшая себя, судя по весело блестевшим чёрным глазам, превосходно, шепталась с Марикой, которая тоже пребывала в приподнятом настроении. Вне всякого сомнения, обсуждают, когда будет возможность рассказать Алине, Саше и Дашке о том, что это за девушки такие — Солнечные Принцессы. Сама Теона была, конечно, потрясена, но нельзя было сказать, что это потрясение очень уж радостное.

— И ты раньше не догадывалась о том, кто ты есть? — спросил Томас. — В ваших краях ведь всегда было много вампиров. Ни за что не поверю, что они не совершали нападений в вашей деревне.

— Опомнись, Теона же не знала, что у неё особая сила. Если пострадавшим не успевали оказать помощь вовремя, то обращались к нашей священнице. Если и она ничего не могла сделать, нам не приходило в голову бороться за жизнь умирающего дальше, — Дерик подошёл к сестре, присел рядом: — Не волнуйся. Твой дар очевиден. Он никуда не денется и никогда не подведёт тебя.

— Простите. Мне казалось, что Теона как раз из тех, кто не теряет надежды на спасение до тех пор, пока есть самый призрачный шанс, — пожал плечами Томас.

— Её просили помочь только тогда, когда время не было упущено: не позднее, чем через полчаса после несчастья, — Дерик сердито посмотрел на него. — Пожалуйста, кончайте расспросы.

— Так, мне всё ясно, — вдруг громко сказала Марика. — Том, ты всё равно не догадаешься. То же самое касается и остальной банды. Причины тому, что вас так удивило, две. Одна — в самой

Теоне, другая — в тех, кто её окружал. И обе эти причины чужды вам.

— Вижу, ты нас в этом не упрекаешь, — заметил Бруно.

— Ты не ошибся, — кивнула вампирша. — То, что вам не понять второй причины — это хорошо. Явление, которое я имею в виду, портит больше жизней, чем войны. А насчёт первой… Знаете, эта черта отличает Теону от всех нас, а люди и не должны быть одинаковыми.

На это ответов и возражений не было. Каждый про себя задумался, повисла тишина.

— Так, ребята, на сегодня хватит, — после паузы сказала Пола. — Расходимся, расходимся, — она замахала руками на друзей-бандитов.

Большинство из тех, кто толпился в доме, сообразил, что торчать тут дальше невежливо, и жилище практически опустело. Те, кому чувство такта было неведомо, были выпровожены Роджером.

Обсуждать дело дальше сил не было, смысла — тоже. После быстрого ужина все, кроме друзей из Большого Мира и Марики, с облегчением легли спать. Продолжающая бодрствовать четвёрка перебежала на кухню.

— Ну, выкладывай скорее! — радостно потребовала Алина, опускаясь на стул.

Дашка и Саша сели молча, но глаза их тоже горели огнём нетерпения.

— Что ж, слушайте, — Марика принялась рассказывать, расхаживая перед друзьями. — Солнечными Принцессами называют девушек и молодых женщин, которым дарована особая священная сила. Вообще священная сила — это та, что уничтожает нежить и демонов. Дар редкий, но существуют волшебные способности и более поразительные. Сила же Солнечных Принцесс во сто крат мощнее силы простых священников и экзорцистов. Во-первых, она может исцелить человека, укушенного вампиром, не только до того, как началось превращение, но и незадолго после его начала. Белый маг не способен помочь человеку, в котором сущность вампира уже явно дала о себе знать. Священник же вампира может лишь уничтожить, но только после того, как с момента превращения пройдёт часа три. Если человек только-только принял обличье вампира — тёмной энергии в нём слишком мало, чтобы священник мог её уловить, и слишком много, чтобы с ней мог бороться белый маг-целитель. Солнечная Принцесса же обладает такой силой, которая улавливает даже слабую энергию, поэтому может исцелять вампиров.

— Здорово! — восхитилась Алина. — Солнечная принцесса может превращать вампиров обратно в людей, да?

— Я снова стану человеком? — не поверила Дашка.

— Я вас разочарую, но это возможно только для вампиров, которые пробыли таковыми максимум сутки, не больше. Потом тёмная сущность въедается в человеческую, и уничтожается только вместе с ней, то есть вампир погибает. Не переживайте. У Дарьи есть все шансы пережить нас.

Все грустно улыбнулись, Марика вернулась к повествованию:

— Итак, священная сила Солнечных Принцесс настолько огромна, что позволяет им чувствовать даже слабую тёмную энергию и подавлять её, и защищает от неё Принцессу, убивая любого вампира, сумевшего преодолеть её защитное поле и напасть на неё.

— Я могла бы умереть, если бы укусила Теону, а не Алину? — испуганно пробормотала Дашка.

— Как только ты приблизилась к ней, тебя бы парализовало дикой безумной болью, и тебе было бы уже не до Теоны. Не удивляйся, что раньше ты, когда находилась с ней рядом, не чувствовала даже головной боли. Это потому, что у тебя не было желания на неё напасть, — объяснила Марика. — Но, кроме такой неуязвимости и способности возвращать вампиров к человеческой жизни, Принцессы могут ещё кое-что. Из-за этого, собственно, перед ними и преклоняются. Они могут использовать Жезл Света, уникальный артефакт.

Она сделала паузу, указывающую, очевидно, на невероятную значимость этой магической вещи. Друзья переглянулись, и их взгляды вернулись к Марике, продолжившей:

— Этот артефакт заполняет всё королевство солнечным ярчайшим светом. Проще говоря — превращает ночь в день. Догадываетесь, зачем это нужно?

— Оружие против вампиров? — пробормотал Саша.

— Да, — Марика остановилась, подошла к столу. — Ночью вампиры выходят из укрытий и, когда резко наступает день, вызванный Солнечной Принцессой, не успевают спрятаться там, где мрачно, и солнце убивает их. Но каждая Принцесса может использовать Жезл Света лишь раз в жизни, поэтому его берут в руки только тогда, когда жизнь из-за вампиров становится совсем невозможной. В королевстве было двенадцать Солнечных Принцесс, из них только семь брались за Жезл Света, а остальные, считая жизнь в своё время относительно спокойной, не дождались тяжёлых времён, когда великий артефакт был бы нужен. Не знаю, как вы, а я надеюсь, что Теоне Жезл тоже не понадобится.

— Наверное, ты права, — вздохнул Саша. — Она, как поняла,

кем является, сама не своя стала. Конечно, она, может быть, боится, что не справится с ответственностью: не в то время возьмётся за Жезл или же наоборот, упустит возможность, но ответственность её обычно не пугает.

— Тут всё гораздо глубже, — Марика опустилась на свободный стул. — Но ответственность гигантская, не спорю. Существует даже правило, разрешающее Солнечным Принцессам отрекаться от своей силы. Если девушка поступит так, святая сила покидает её и наполняет храм того места, откуда Принцесса родом. Что за обряды становится возможным проводить в таких храмах — неизвестно, потому что за историю Альданы ни одна Солнечная Принцесса этим правом не воспользовалась.

— Кто же захочет терять неуязвимость против вампиров? — хмыкнула Алина.

— Отказ от силы лишает Принцессу только возможности использовать Жезл Света. Остальное остаётся неизменным, — в глазах Марики появилась чуть заметная печаль, совсем не тяжёлая. — Они все истинные героини, Солнечные Принцессы. Случается, такую девушку обрекают на невероятные душевные муки, когда обманом, хитростью вынуждают её использовать Жезл в неподходящее время, и, когда единственный шанс упущен, поднимают восстание вампиров и оборотней. Колдуны, у которых тёмная не только магическая вила, но и душа, искусно управляют добрыми людьми.

— Так часто бывает? — мрачно спросил Саша.

— Три трагедии на семь применивших Жезл Принцесс. Три омерзительных плана, приведённых в действие. Заметьте, ни одному из мерзавцев, задумавших собрать войско нежити, не пришло в голову просто убить Принцессу. Нет, им надо было лишь заставить её потратить мощь артефакта зря, чтобы несчастная потом изошла в страшных душевных мучениях, — Марика опустила лицо.

От мысли, что она сейчас ждёт, когда слёзы отступят, всем стало не по себе.

— Теона этого должна больше всего бояться, — Дашка нахмурилась. — Что она не сумеет спасти народ, потому что её перехитрят. Вряд ли она задумывается над тем, что нереально наивна и обмануть ещё не составит никакого труда, но мысль о том, что такое возможно, её сожрёт.

— Вы и не представляете, насколько легко можно будет заставить Теону применить силу Жезла, — Марика посмотрела на друзей. — Излюбленный приём всех злодеев вообще — подвергать опасности того, кто дорог жертве, рассчитывая на то, что она не бросит его в беде. У Теоны таких людей слишком

много. Не только вся её семья и вы — она же за любого знакомого душу готова отдать. Хотите знать, как Солнечных Принцесс вынуждали обращаться к Жезлу Света? Одну из них заставили вызвать день под гипнозом, это ещё не так страшно. А вот двух других… Лаура Ральес. У неё было двое детей, сын и дочка, двойняшки. Как-то они отправились в соседнюю деревню, на ярмарку. Короткий путь до деревни был через мост над пропастью. Оказалось, что мост разобран. Длинный путь лежал через холмы и занимал полдня. Так что, когда дети возвращались домой, опять же по длинной дороге, их настигла ночь. Они заблудились, но встретили незнакомца, который подсказал им, как выйти к их деревне. Дети Ральес не догадывались, что этот человек и мост утром разобрал, и путь им указал неверный, через заброшенный город, который заселили вампиры. И что, отправив ребят туда, он на драконе помчался в деревню, где жили Ральесы. Там он нашёл Лауру, представился ей алхимиком, направляющимся в столицу, где его пригласили преподавать в Магическую Академию, и попросился переночевать. Молодая женщина согласилась. За ужином человек упомянул, что, когда летел на драконе, увидел сверху, как двое детей, близнецы, мальчик и девочка, шли в направлении города вампиров. Лаура в описании человека узнала своих детей и попросила доставить её туда как можно скорее. Солнечная Принцесса обязана всегда носить с собой Жезл Света с момента, как он попадёт к ней в руки… Когда человек вместе с Лаурой добрался до зловещего города, дети уже были там. Всех четверых поджидал чёрный маг. Когда дракон, на котором летели странный человек и Лаура, опустился на улицу и дети, увидев мать, кинулись к ней, колдун выкрикнул одно из самых жутких заклинаний чёрной магии. Любой вампир, который услышит его, впадает в бешенство и начинает бросаться на людей. У колдуна был защитный амулет против вампиров, у странного человека — тоже, Лауру охраняла её святая сила, а близнецы были совсем беззащитны…

Материнский инстинкт не подчиняется разуму. Лаура взмахнула Жезлом Света, не раздумывая. Её никто не осуждал за это на следующий день: вампиры из этого разрушенного города, Аренвилля, терроризировали все окрестные города и деревни на протяжении многих веков, и все рады были, что с этим, наконец, покончено. Но в глубокой пещере возле Чёрных Гаваней, той самой, где трое смелых молодых людей искали источник зла, ждала приказов армия нежити, созванная человеком, заманившим Ральесов в Аренвилль и попросивший своего приятеля вовремя произнести слова проклятья. Эти омерзительные воины, выйдя из укрытия, стали истреблять всех, кто отказывался подчиняться

воле их господина.

— Что мне непонятно в людях — почему сила ума прямо пропорциональна вероятности, что её применят не на пользу человечеству, а наоборот, — произнесла Дашка.

— Ужасно. Слов нет, — Алина откинулась к стене, чувствуя, что утомилась.

— А третья подлость? — спросил Саша. — Кого использовали? Или повторились и сыграли на материнском инстинкте?

— Нет, на любви. Веймина Антери с подругами часто поднималась по ночам на гору, расположенную неподалёку от её деревни. Оттуда можно было наблюдать движения Великих Ветров. В то время, когда девушки оказывались на вершине горы, всегда возвращались в деревню молодые люди, занимающиеся на ближайшей тренировочной базе. В их числе был и возлюбленный Веймины, Эдвард. Впрочем, почти между всеми её подругами и молодыми воинами были романтические отношения. Как-то раз на направляющихся с тренировок домой парней напала стая вампиров, а у молодых людей не было ни подходящего оружия, ни артефактов — ничего, что помогло бы против стаи. Девушки обладали святой силой, но спуститься с горы можно было не скорее, чем за десять минут, а за это время вампиры могли перекусать всех. Веймина схватилась за Жезл… Через неделю — война. Командующий тёмной стороной, Аарон Райден, был невероятно силён в чёрной магии, — Марика оглядела друзей. — Вы ведь не знаете, за что я отбываю срок в Денаувере?

Дашка, Саша и Алина затаили дыхание.

— Я сражалась за Райдена.

— Что?! — в голос поразились друзья, чуть не свалившись на пол.

— Аарон Райден — специалист по магическому воздействию на сознание, — Марика усмехнулась. — Подумайте: вампиры, напавшие на воинов по его приказу, знали о его планах, а значит, понимали, что их ждёт гибель. Но добровольно ли они пожертвовали собой? Нет, Райден внушил им это. У него была одна из самых больших неживых армий за историю королевства, потому что тех, кто не хотел в неё вступать, он гипнотизировал, после чего они пополняли ряды войска, а тем, кто соглашался сам, внушал, что они самые сильные, свирепые и бесстрашные, после чего околдованные оказывались просто непобедимы. Я была в числе вступивших в армию под чарами. В отряде я была единственным неживым воином, все остальные — некроманты. Наш отряд захватили в плен, а через три дня война резко закончилась — это долгий рассказ, поведаю потом — и нас

отправили в Денаувер в пожизненную ссылку. То, что я вампирша, никто попросту не заметил. Поэтому я здесь.

— Ты совсем ничего не помнишь? — спросила Алина. — Как ты была в армии Аарона?

— К сожалению, помню, — скривилась вампирша. — Я была из тех немногих, кто магии поддавался с трудом и приходил в себя в самое неподходящее время. Когда командир тратил на нас все магические силы, он принимался истязать нас физически.

— Мы, конечно, тебе сочувствуем, но вы что-то расшумелись, — на кухню вошёл Роджер. — Идите в постель, все, быстро!

— Мы будем тихо, — пообещала Алина.

— Это такая драма — то, о чём рассказывает сейчас Марика, что лучше завтра, чем тихо, — Роджер зевнул и вышел.

— А он прав, — Марика поднялась со стула.

Друзья — следом за ней.

Глава 19 Перерыв

— Эй! Вставай! — Алина изо всех сил трясла Дашку.

Вампирша открыла глаза. В комнате царило необычайное оживление. Компания друзей, одетых и причёсанных, торопливо уплетала завтрак, будто куда-то опаздывала. Роджер и Лара что-то обсуждали с человеком, у которого был подозрительно знакомый голос. Когда они отошли от собеседника, Дашка, наконец, сообразила, что к ним опять заявился мистер Мортис, а на улице, за дверью, шумят сопровождающие его стражники в зелёных мантиях.

— Ты есть будешь? — спросила Алина. — Если помнишь, до Фатоны долго ехать, так что лучше позавтракать.

— Фатона? Ты хочешь сказать, что мы…

— На время уезжаем отсюда, — энергично закивала головой подруга.

Спросонья верилось с трудом. В голове некстати всплыли слова мистера Мортиса о том, что домой компанию могут отпустить на срок, равный половине того времени, что прошло между последними нападениями её, Дашки, на человека. С учётом последних событий это… Один день!?!

— И… Как долго мы пробудем на свободе? — пробормотала Дашка.

— Неделю, как я вам и говорил, — спокойно ответил Мортис. — Если будешь вести себя хорошо — гораздо дольше.

Дашка застыла с открытым ртом.

— Я протолкнул ещё один законопроект, — улыбнулся министр, — Вампиры, если не отличаются агрессивностью, могут жить на свободе под присмотром лиц, обладающих священной силой. То, что ты не бросаешься на людей от нечего делать, подтверждают все.

— Мы не вернёмся сюда? — у Дашки внутри всё сжалось.

— Если с тобой не возникнет никаких проблем — этого не случится, — Кеану говорил медленно, растягивая радостное известие. — А ещё тебе Алина не успела сказать, что мисс Новиш тоже едет с вами.

Тут пружина восторга в Дашке развернулась, и вампирша, в момент оказавшись на полу, кинулась душить в объятиях всех подряд (досталось даже мистеру Мортису).

— Скорее всего, я буду жить при храме, — мечтательно вздохнула Марика. — С удовольствием пожила бы у вас, но в вашем доме и без меня тесно.

— Ничего страшного, — протянула Теона. — Всё равно

большинство членов нашей семьи домой приходят только поужинать и переночевать.

— В тесноте да не в обиде, — вспомнила пословицу Алина.

— Я владею некоторыми знаниями, которые могут понадобиться вашей священнице. Дело ответственное. Тут всё не так: я ей рассказала, она всё поняла, все довольны. Гораздо сложнее. Так что в храме я буду пропадать столько, что к вам домой не буду успевать заскакивать даже для того, чтобы подремать часок. Но зато вы будете ко мне приходить! Тем более что Теона теперь обязана за мной следить, — рассмеялась Марика.

— Вам троим: тебе, Теоне и Дарье, — надо будет получить специальные магические кулоны, — сказал мистер Мортис. — С их помощью между вами будет установлена связь. Как только Дарья или Марика захотят крови, кулон Теоны загорится красным светом. Она должна наложить на вас усмиряющие чары. Если они не подействуют на расстоянии, кулон сразу телепортирует мисс Винсент туда, где находится опасность в лице кого-то из вас. Предупреждаю заранее: усмиряющее заклинание имеет побочные эффекты для вампиров. Головная боль, тошнота, обмороки в течение суток. И ещё в деревне постоянно будут находиться… — он выразительно покосился на дверь, за которой только что раздался женский визг и взрыв хохота. — Представители правопорядка. Мешать будут, безусловно, больше, чем сами вампиры, — добавил он тише, — но придётся потерпеть.

— Потерпим! — воскликнула Теона.

— Замечательно. А теперь пора идти. Дорога будет весёлой, с нами сегодня много народу едет. Я ещё ни разу не видел, чтобы *из* Денаувера возвращалась такая толпа, — он призывно оглядел компанию. — Что ж, нам пора!

На улице оживление царило необычайное. Все, кто сегодня отправлялся домой, собирались на соседнем острове. Если говорить точнее, их туда приводили представители закона, пытаясь одновременно отгонять провожающих, которые направлялись за ними, несмотря на угрозы и периодические пускания в ход волшебных жезлов, и на острове устраивали такие эмоциональные прощальные сцены, что даже «зелёные мантии» умилялись.

Компанию стражи порядка тоже препроводили к месту сбора вежливыми и не очень тычками волшебных жезлов в спину, и её тут же облепила банда. Обнимались бандиты сначала с каждым персонально, потом загребали в объятия столько человек, сколько получится. Прощальные речи говорились так же: сначала каждому, потом всем. Даже молчун Вирон, изъяснявшийся, как

правило, только в исключительных случаях и только фразами, состоящими не более чем из трёх слов, выражал бурный восторг по поводу того, что познакомился с такими расчудесными людьми. Крупногабаритный Феликс раз пять или шесть с чувством (то есть с силой) обнимал Теону и, наконец, стиснул её мёртвой хваткой. К Алине своё отношение таким же образом выражал Честер, уступавший Феликсу в размерах, но не в силе. Томас тряс руку Саше так энергично, что, казалось, вот-вот оторвёт или сломает ему пальцы. Саша, в глубине души ощущавший некоторую антипатию к Тому, был в растерянности: этот человек ведь искренне считает его если не другом, то хорошим приятелем точно, и стыдно на него сердиться, тем более что повод для этого — исключительно его предположение, а не имевшее место событие. Близняшки Тина и Динара в красках рассказывали Шаки, что они знали колдунью, которая исцеляет самые страшные последствия самых разрушительных заклинаний и проклятий, и Шаки она поставит на ноги за считанные часы, и клялись, что, как только банда опять эту волшебницу найдёт, вместе с ней (пусть даже против её воли) направится в Фатону. Пола с Клариссой убеждали Дашку идти учиться в Магическую Академию на факультет чёрной магии или демонологии, заявляя, что у Дашки есть большой потенциал. Анита по-матерински обнимала братьев, уверяя, что они станут славными воинами и о них будут слагать легенды. Клавьер шёпотом (конспирация!) всех по очереди уговаривал вступить в банду, когда, собственно, банда сбежит из Денаувера, при этом парнишка так живо и ярко обещал, что и без того замечательная, весёлая, полная приключений жизнь бандитов станет ещё замечательнее после того, как к ним присоединится компания друзей, что верилось ему непроизвольно. Бруно и Николас в шутку давали им наставления, чтобы, как только друзья окажутся дома, начали отдыхать не только за себя, но и за всю банду, и отдыхали без перерыва неделю как минимум, до тех пор, пока не появится желания работать.

Роджер, Лара, Аксель и Эрик прощались с Марикой чуть ли не со слезами на глазах. Конечно, ведь каждый успел привязаться к ней как к дочери или родной сестре. Потом подошли мистер Фокс и мистер Олеандр, которые совсем-совсем чуть-чуть жалели, что теряют таких великолепных охотников, Джейка, Алекса и Дерика, и таких очаровательных леди, Теону, Алину, Дашку и Шаки. Расставаться с Марикой им было тоже очень тяжело. Новость, что Марика покидает Денаувер, многих просто убила, дети даже плакали. Многие прощались с компанией быстро, но тепло, и обступали плотным кольцом двухсотлетнюю вампиршу:

не могли с ней не проститься, разумеется.

Когда настала пора двигаться к станции, толпу людей провожали до ворот квартала, а бестелесный голос, обитавший у входа на территорию Денаувера, пожелал всем больше никогда сюда не возвращаться.

В поезде действительно ехать оказалось куда веселее, чем в тот раз, не только потому, что сейчас он мчал всех на свободу, а тогда — в неволю. «Зелёные мантии» не демонстрировали ни агрессивности, ни унижающего превосходства. Всё-таки они боялись мистера Мортиса. Хоть им и было поручено следить за его действиями, министр занимал куда более высокую должность, и он имел полное право командовать ими, а значит и пресекать любые попытки поиздеваться над людьми.

Перезнакомившись со всеми, с кем ехали в вагоне и немного поболтав то с одним человеком, то с другим, компания принялась следить за меняющимися пейзажами за окном. С каждым километром леса становились всё светлее, то тут, то там мелькали за высокими деревьями башни городов или выскакивали холмы, усеянные маленькими домиками, и в каждой деревеньке обязательно был храм, причём ни один из них не был похож на Храм Ветров в Фатоне. Потом компания втянулась в беседу, которая завязалась между двумя мужчинами и охватила всех, кто был в вагоне (ну, за исключением стражей порядка). Вернее, это была не совсем беседа: каждый говорил, что он собирается сделать первым делом сразу, как окажется дома. Высказавшись на этот счёт, все стали вспоминать, что у них оставались за дела, которые они не успели закончить, и обещания, которые не успели выполнить. Друзья тоже вставили по паре слов, сказав, что, переступив порог дома, сразу пулей полетят на кухню, а затем проспят целый день и пойдут к мистеру Тейлору с известием, что они живы и здоровы. (Тут друзья были абсолютно правы: сперва компания хотела увидеть именно Патрика, а уж потом идти к старейшине, чтобы узнать, нет ли ничего нового о Портале). Однако одна девчонка предупредила, что Дашке, Марике и Теоне ничего этого не грозит, пока их будут трепать в Управлении, подписывая великое множество справок, необходимых, чтобы им выдали магические кулоны. Девчонка не злорадствовала — ей самой предстояло через это пройти. Её младшая сестра была вампиршей, поэтому они вместе успели побывать несколько дней в ссылке, а сейчас благополучно возвращались. Сестра была весьма подозрительной: девятилетняя девочка с прямыми иссиня-чёрными волосами до колен, невозможно бледная, тощая, и глаза у неё были не просто красными — пронзительно-алыми. В силу каких-то причин

девочка не погибла, но с укусом ей передался вирус, медленно превращающий ребёнка в чудовище.

Но компания была готова переночевать в тюремной камере Управления, главное, что после пребывания в его стенах друзья увидят, наконец, Диму, Анну с Джессикой, Патрика, старейшину, Вивьен и вообще всю деревню. Оказывается, Алина, Дашка и Саша невероятно соскучились по Фатоне и дому Винсентов.

В разговорах никто не заметил, что поезд прибыл на станцию. Народ двинул на перрон с таким энтузиазмом, что чуть не снёс стенку вагона, в которой были двери. Некоторых встречали друзья, возлюбленные или родные, и вскоре на платформе образовался шумный клубок из воссоединившихся семей и сердец. Те, кого никто не встречал, прощались с товарищами по бывшему несчастью и либо шли к кассам и покупали билет до своего города (кое-кому повезло: на нужный поезд уже шла посадка, и они, не переставая махать всем руками, влетели в вагон, через полминуты высунулись из окна купе и снова стали махать и выкрикивать что-то с радостными лицами), либо, распрямив спину и нежно любуясь городом вокруг, уходили с вокзала — спешили домой.

Были, к сожалению, и такие, кого и не ждал никто, и идти им было некуда. Джеймс, парень, с которым компания познакомилась через три дня после того, как оказалась за стенами шестого квартала, с жуткой тоской и слезами, пока плескавшимися внутри, на дне, оглядывался по сторонам. Сгорбившись и засунув руки в карманы, он отошёл и сел на скамью. В той ночной бойне дракон прокусил ему предплечье, теперь рана гноилась так, что повязка не помогала, гной просачивался сквозь неё, стекал по руке и капал на землю. В вагоне он, когда его спросили, сказал, что живёт в городе Серебряные Леса, где у него остались два брата и отцовская волшебная лавочка. Бедный Джеймс не захотел портить общий праздник, вот и наврал… К бедняге подковылял Дьюк, с которым друзья тоже многое пережили. Дракон дыхнул ему кислотой в лицо, и мужчина ослеп на один глаз, вторым почти ничего не видел. Час назад Дьюк говорил, что в Зальване у него семья. И было здесь ещё несколько таких же потерянных человек, видимо, отбывавших срок в других кварталах, потому что друзья их раньше не замечали.

К ним стали подходить стражи порядка, не те, которые ехали в поезде, а дежурившие на вокзале, весьма грубо что-то у них спрашивали, а через некоторое время их всех по очереди увели. Несчастные даже не пытались сопротивляться. Наверное, только тюремная камера могла спасти их от голодной смерти на улице.

Теона порывалась подойти к ним, но её не пускали стражники.

— Младший хранитель закона мистер Клаудио, — перед друзьями возник один из блюстителей порядка в зелёных мантиях. — Я доставлю вас в Управление по месту жительства. Ты и ты, — он ткнул жезлом сначала в Марику, потом в Дашку, и у них на запястьях появились наручники. — Вот так-то лучше. Следить за вами приставили тебя, как я понимаю? — он посмотрел на информера Теоны, потом нагло уставился на неё саму.

— Да, — пробормотала она.

— Отлично, — с мерзкой усмешкой протянул младший хранитель закона, и Теона тоже оказалась в наручниках. — К порталу номер три, БЫСТРО!!!

Дашка понятия не имела, где он находится, но Теона куда-то поспешила, Марика тут же направилась за ней, так что Дашка, не раздумывая, кинулась следом.

Когда она поравнялась со старшей подругой, та процедила сквозь зубы:

— Будь потише. Если нас доверили *младшему* хранителю, к нам относятся с таким презрением, что только плеваться в нас не будут. А если этот юнец ещё и так официально представился, не поленился — он своё презрение станет вовсю демонстрировать.

Дашка, глянув на Марику, скривилась. Мистеру Клаудио было лет двадцать, не больше. Да уж, плохому всегда учатся быстрее, чем хорошему.

Выяснилось, что портал номер три, как и все остальные пятнадцать, находятся в зале ожидания и представляют собой застеклённые двери, за каждой из которых виднелась какая-нибудь улица или помещение. Перед ними змеились очереди. Младший хранитель закона, разумеется, в очереди стоять не собирался, распихал всех, подошёл к двери с табличкой «3» и легонько коснулся жезлом того места, где должна была быть замочная скважина, а находилась щель, куда следовало кидать монеты: порталы не были бесплатными, но младший хранитель закона посчитал, что платить — это тоже ниже его достоинства. За дверью и в щели мелькнула зелёная вспышка.

— Фатона, Центральная улица, — сказал Клаудио.

За дверью опять вспыхнул свет, теперь синий, и друзья увидели, что теперь за ней находится не рыночная площадь, а Храм Ветров. Пинком открыв дверь, Клоди впихнул в проём своих сопровождаемых и довольно вплыл туда сам. С той стороны портал закрыли.

Друзья с наслаждением огляделись: родное место, мелькают то здесь, то там, знакомые лица. У входа в Храм Вивьен

разговаривала с каким-то колдуном, из магазина с вывеской «Артефакты» вышел мистер Цельсий с сыном, пробежали мимо две девушки из Отряда Лесных Воительниц, Сабрина Феллини и Ферджи Лоренс.

— Что встали, шалавы, шевелитесь! — рявкнул Клаудио. — И не прикидывайтесь, что не знаете, где здесь Управление! Как часто вы там бываете? Еженедельно? По вам там небось все соскучились! — он заржал.

Дашка не могла сообразить, как попасть в Управление с Центральной улицы, потому что на вокзал их тогда доставили не через этот портал, а на драконах, так что она с Марикой опять последовала за Теоной. Уходя, молодая вампирша успела заметить, что здесь дверь портала стоит прямо на улице, на маленькой лужайке, и выглядит по-другому, чуть поярче. На витражном стекле была прилеплено объявление «При переходе в Долину Единорогов могут быть затруднения. Соединение с Бервельтом временно отсутствует. Приносим извинения за неудобства».

В Управлении троицу отвели в просторный и относительно удобный кабинет. Удобным он был относительно «зелёных мантий». Они восседали в огромных креслах, каждый за своим столом, заваленным бумагами и стеклянными шарами, где хранилась всякая важная информация. Миловидная девушка приносила хранителям закона чай, то и дело её просили достать что-либо из шкафа или со стеллажа, коих в кабинете было несколько, стоящих вдоль стен или так, что они отделяли один стол от другого. Девушка выглядела совсем измотанной, и на вампирш и волшебницу иногда бросала взгляды, полные понимания и сочувствия.

Подругам приказали сесть на узкую деревянную скамью, низкую и неудобную. Клоди подошёл к одному из столов, скучающий за ним работник Управления вяло спросил:

— Что у вас?

— Две вампирши под присмотр целительницы, — небрежно бросил Клаудио.

— Ясно, — протянул управленец и крикнул: — Эй, Орзен, тут две мертвячки с нянькой, что заполнять надо?

— Справку о том, что у живой степень защиты от тёмных сил не ниже восьмидесяти, и на неё не наложено проклятие, затуманивающее сознание. А мертвячек отправить на очистку разума, — ответили ему из-за дальнего стеллажа. — А они хоть хорошенькие?

— Целительница очень даже, всё при ней. Мертвячки тоже ничего, симпатичные, — усмехнулся управленец.

Дашка чуть не задохнулась от возмущения, Теона испуганно уставилась на управленца, с которым разговаривал Клаудио, Марика закрыла глаза, пытаясь сохранить спокойствие, но, когда Орзен выглянул из-за своего стеллажа, чтобы проверить, насколько прав его коллега, и принялся нагло пялиться на подруг, она больше не могла сдерживаться и послала ему такой свирепый взгляд, что управленца передёрнуло.

— Кабинет тридцать пять, — зло сказал он, нырнув обратно за стеллаж, — магические проверки, кабинет тридцать шесть — лаборатория. Это этажом выше.

— Что расселись? — моментально рявкнул Клаудио. Встали, пошли!

Они поднялись на один этаж. Теону Клаудио отдал на растерзание в тридцать пятый кабинет (комната с зеркальным полом и стенами, из мебели в которой был только стол, стул и небольшой книжный шкаф, сидел в ней неприятный старик с такой длинной бородой, что она подметала пол). С Дашкой и Марикой он остался в лаборатории. Тридцать шестой кабинет был заставлен жуткими приборами и кипящими котлами.

Устрашающе толстая женщина, помешивающая что-то в одном из них, подняла глаза на вошедших:

— Получение волшебных кулонов оформляете?

Клаудио утвердительно проворчал.

— Как вы все надоели, — вздохнула толстуха, плюхнувшись за письменный стол и достав из его ящика бланк. — Вы, нежить, называйте своё имя, фамилию и возраст.

— Марика Новиш, двадцать три живых года, сто семьдесят семь мёртвых.

— Дарья Винсент, семнадцать живых лет, а мёртвых… ну, месяц почти.

Женщина, недовольно бубня что-то себе под нос, вылезла из-за стола, прихватив с него пробирку, в которой принялась смешивать разные зелья, бурлящие в котлах. Дело оказалось невероятно долгим и кропотливым, потому что каждой жидкости нужно было вливать по определённому числу капель (двадцать три, сто семьдесят семь или все двести), а составляющих зелья для очистки разума было ой как много. Раз пять женщина сбивалась со счёту и со словами: «Новиш, ну почему тебя раньше не убили», — выливала зелье в пустой котёл и начинала процесс заново. За окном стемнело, когда она справилась с задачей и всунула Марике, которой Клаудио освободил руки, пробирку с жидкостью отчаянно жёлтого цвета: «Пей».

Вампирша первые несколько глотков сделала, поморщившись, потом решилась и выпила жёлтую жидкость

залпом. Осушив пробирку, она очень медленно опустила руку и разжала пальцы — сосуд упал и разбился. Взгляд Марики пугающе остекленел. Она вся замерла и, наверное, не меньше чем через минуту сказала, по-прежнему не шевелясь и не меняя направление взгляда:

— Убить его.

Она захохотала. Хохот не был истерическим — он был зловещим, пронизывающим. Толстуха отвела её, не ставшую сопротивляться, в сторону, и взялась за зелье для Дашки, которая от страха чуть не теряла сознание. Пойло было готово быстро, вампирше показалось — моментально. С неё исчезли наручники, но она никак не могла заставить себя протянуть руку, чтобы взять пробирку.

— Мы силой в тебя вольём, — озвучил угрозу Клаудио.

Дашка вцепилась в зелье мёртвой хваткой, потому что если бы она держала его слабее — выронила бы, пальцы из-за надвигающегося ужаса почти не слушались; и поднесла пробирку ко рту. Ей не хватило ничтожного усилия воли, чтобы поднять зелье на пару миллиметров выше и опрокинуть в себя, и эта нехватка оказалась предательской. Марика в жутком хохоте уже билась на полу, этот кошмар никак не переходил в обыкновенную истерику, когда для успокоения достаточно хорошенько надавать по щекам.

Внезапно она замолчала и, не поднимаясь на ноги, посмотрела на Дашку, Клаудио и толстуху с такой ненавистью, что молодая вампирша, лишь бы этого не видеть, в несколько глотков осушила пробирку…

Голова раскалывалась так, что жить не хотелось, организм болел весь, и язык во рту не ворочался. В памяти — чёрная-пречёрная дыра. Насколько жёстко знакомые описывали похмельный синдром — это ни в какое сравнение не идёт. Кажется, болят даже веки, так что глаза открыть затруднительно.

Дашка кое-как вспомнила, что в лаборатории управления ей дали сомнительное зелье, но вот даже тот момент, когда она сделала последний глоток и оторвалась от пробирки, уплыл из биографии. Невозможность вспомнить прошлое требовалось компенсировать представлением о настоящем, и Дашка приоткрыла глаза настолько, насколько смогла.

Комната. Она тут когда-то уже бывала. Два кресла, комод, книжный шкаф. Комната для гостей в доме Винсентов! Душа возжелала немедленно увидеть это доброе семейство, и друзей-одногруппников тоже. Для этого надо было или встать и пойти к ним, или позвать их, но ни на то, ни на другое Дашка сейчас

способна не была. К счастью, ничего этого и не понадобилось: дверь спальни приоткрылась, и в комнату осторожно заглянули Саша, Дима, братья и Джессика.

— Ой! Привет! — Дашка постаралась улыбнуться, это тоже оказалось невыполнимой задачей.

— Слава Ветрам, пришла в себя, — вздохнула Джессика, а Саша тут же заорал:

— Анна, Теона, Алина, Шаки, Марика, все сюда, она успокоилась!

Комната тут же заполнилась, и все девять человек и вампирша во все глаза смотрели на Дашку. Она заметила, что Марику, несмотря на получившуюся в спальне тесноту, никто старается не задевать: если кто дотрагивался до неё, она морщилась и ойкала, очевидно, её состояние было немногим лучше Дашкиного.

— Они тебя отравить хотели?!? — возмутилась Алина.

— Нет, мозги промыть, — ответила Дашка. Всё-таки глаза её могли излучать счастье, несмотря ни на что.

— Разве так можно? — расстроено протянула Теона. — Это зелье лечит проклятия, действующие на сознание, но тебе дали дозу, которая в десять раз превышает допустимую!

— Что поделать? Идиоты, — пожала плечами Джессика. — Лень им было образованного алхимика в свою лабораторию искать, вот и пригрели эту особу без мозгов. А вообще вампира зельями в человека не превратишь, это всем известный факт. Сдаётся мне, они просто хотели проверить, будете ли вы с Марикой сильно мучиться или не очень.

— Да правильно ты говорила, нет в нашей деревне алхимиков с высшим образованием, — вздохнула Теона. — Это дело немалых денег стоит, а у нас таких ни у кого нет. А если есть — эти люди, уехав учиться, сюда не возвращаются. Только мистер Тейлор остался. Не домысливай глупости.

— Балда ты, — Джессика покачала головой. — Высшее образование ещё не показатель великого ума. А та женщина, я уверена, — родственница кого-то из управленцев.

— Хватит уже про неё, — остановил сестёр Саша. — Ты-то как? Как Марика или получше?

— Хуже, — простонала Дашка. — Марика хотя бы явиться сюда смогла, а мне даже шевелиться больно.

— По-моему, это мы с ребятами и Джесс перестарались, — виновато пробормотал Саша.

— Не бери в голову. Физической силой вампиру вреда не причинить, — успокоила его Джессика. — Это всё зелье. К тому же, Марика тоже на части разваливается, а её мы и пальцем не

тронули.

— Так, — Дашка насторожилась. — Что я успела натворить в беспамятстве?!?

— Буйствовала ты, конечно, страшно, — усмехнулся Джейк, — но никого не покалечила. Видела вокруг себя полчища вампиров и воображала себя охотницей на оных. Причём периодически вампир тебе мерещился в ком-нибудь из нас.

— Извините, — пробормотала Дашка, хихикнув. То, что она узнала, в сравнении с закравшимся было подозрением выглядело забавным.

— Ничего страшного, — улыбнулась Джессика. — Оно того стоило! Ты же не думаешь, что из Управления сюда вас с Марикой, вела Теона? С тобой, буйно помешанной, она бы не справилась. Вас четыре управленца сопровождали, им от тебя досталось!

— А дома как меня терпели? — хмыкнула молодая вампирша. — Управленцы же здесь не задержались?

— Ошибаешься! — Алина подняла вверх указательный палец. — Они испарились раньше, бросили тебя на полпути. Вам Патрик на встречу шёл, предложил свои услуги. Заклятием тебя оглушил, дотащил до дому. Был страшно рад встрече. Это я без сарказма. Приглашал всех в гости, кстати, как только ты поправишься.

— В общем, приволок он тебя, мы твою тушку сюда, в спальню, отнесли — всё, тишина и покой, — перебил подругу Джейк. — Марика просто бредит, никому не мешает. Раздавала приказы воображаемому войску, которое сражается с нежитью. Патрик интересуется, как наше самочувствие после Денаувера, очень за нас радуется, уходит — через минут десять ты вылетаешь из комнаты и начинаешь гоняться за Дериком. Мы тебя поймали кое-как, признаюсь, треснув тебя по голове. Ты — без сознания на пол, мы тебя возвращаем в спальню. Тишина! На пять минут. Следующим тебе я не угодил. Мы второй раз тебя обезвредили. Потом — в третий, когда ты по двору с кухонным ножом за Теоной носилась. Прошло полчаса — а тебя всё не видно и не слышно. Мы с Дериком, Сашей и Джесс к тебе заглядываем — ты сидишь и ревёшь. Мы на кровать рядом садимся, Джесс только к тебе нагнулась — а ты на неё с воплем: «Тварь, уничтожу!». И по новой всё…

— Не будем о грустном, — весело сказала Марика. — Ты посмотри, с какой красотой нам теперь ходить, — она показала на изящный кулон из изумрудного камня в золотой оправе на тонкой цепочке, висящий у неё на шее. — Такая прелесть — и совершенно даром!

Тут Дашка обратила внимание, что и у неё, и у Теоны есть точно такие же, только у волшебницы оправа и цепочка были серебряные.

— Не снимается и не рвётся, мы проверяли, — добавила Марика. — А Теоне под цвет глаз и платья очень подходит.

— Да, красиво, — согласилась Дашка. — Кто-нибудь скажет, сколько сейчас времени?

— Семь утра, — ответила Анна. — Ладно, отдыхайте. Ночью ведь никто глаз не сомкнул. Я принесу тебе успокаивающее зелье. Дозу я правильно рассчитала, не бойся.

Все рассмеялись. Она вышла.

— Ну всё, теперь, когда проснёшься, будешь себя чувствовать намного лучше, — пообещал Дерик. — Это лучшее мамино зелье.

— До того лучшее, что нам она ни глотка не даст, — вздохнул Джейк. — Ладно, мы тоже спать. Я не вылезу из постели до ужина, наверное.

— Я тоже. Вот за ужином и увидимся, — Саша улыбнулся Дашке и поднялся с кровати.

— Выздоравливайте! — крикнул в дверях Джейк, парни ушли, кроме Димы, который чуть-чуть задержался: всё-таки в глубине души он соскучился по одногруппнице. Поговорив с ней немного и сказав напоследок, что она «изменилась как-то, не понять как… но в лучшую сторону!», тоже оставил комнату.

Теона, Джессика, Алина, Марика и Шаки сидели с Дашкой до тех пор, пока Анна не принесла ей зелье и она не уснула.

Глава 20 Против правил

Дерик не преувеличивал: после зелья Анны Дашка, когда очнулась ото сна, ощущала всего лишь лёгкое недомогание. Настроение подскочило до небес, когда она увидела, что рядом, в кресле, сидит Джесс. Девушка, правда, выглядела немного грустной, но Дашка ещё ни разу не видела её весёлой. Счастливой — да, когда они ночью смотрели на звёзды Ветра Предостережения. Но не весёлой.

— Тебе легче? — устало спросила Джессика.

— Гораздо, — Дашка села в постели лицом к девушке.

— Это хорошо, — уголки её губ чуть дёрнулись вверх.

И всё-таки Джессика сегодня была чем-то опечалена. Сидела она, сильно ссутулившись и подперев лицо ладонями, взгляд девушки был отстранённым.

— У кого-то проблемы? — Дашка пододвинулась ближе, свесив ноги с кровати.

— У Теоны. Очень большие, — произнесла Джесс, голос её дрогнул.

— Она боится брать на себя ответственность, которую возлагают на Солнечную Принцессу?

— Если бы так, — девушка тяжело вздохнула, было ясно, что ей хотелось плакать. — Она вообще не хочет становиться ею.

— Как? Почему? — поразилась Дашка. — По ней и не скажешь! Да, Теона сейчас подавленной кажется, но я думала, что это…

— А она и не покажет, что не хочет. На неё же теперь все надеются. Отречься от Жезла Света значит обмануть надежды людей. А Теона обманывать не может.

— Но почему она не хочет быть Солнечной Принцессой? — непонимающе воскликнула Дашка.

— Потому что, вероятно, придётся убивать. Много убийств сделать. Один взмах Жезла — сотни вампиров погибнут в мучениях, — с безразличием из-за обречённости протянула Джессика. — А любой вампир, даже самый жестокий, стал таким не по своей воле, так что смерти не заслуживает. Но Теона и не знает подобных. Вы с Марикой так и вовсе два сокровища. Любой человек, не только она, скажет с уверенностью, что вы лучше многих людей. Вы же не виноваты, что превратились в нежить? Впрочем, Теона считает, что смерти не заслуживает никто на свете. Сестре сейчас очень плохо. Какой выбор она ни сделает — всё равно предаст свою душу. Или стать убийцей, или подвести тех, кто верит в неё — такова отныне её судьба.

— Вовсе не обязательно, что ей понадобится Жезл, — попыталась успокоить её Дашка.

— Вы ещё ничего не знаете, — вздохнула Джессика. — Тебе известно о Книге Смерти?

Дашка, предчувствуя неладное, склонила голову и подняла, энергичный кивок мешала сделать разрастающаяся по сердцу тревога.

— До недавнего времени Книга Смерти хранилась в библиотеке мистера Тейлора. Три дня назад она оттуда исчезла.

— Что? — Дашка отказывалась в это поверить. — Её украли?

— Да, — девушка устало откинулась на спинку кресла. — Очевидно, это кто-то из «зелёных мантий», которые всюду сопровождают мистера Мортиса. Он часто бывает в Фатоне, и почти каждый раз заходит к Тейлору: оба, как истинные знатоки чёрной магии, всё время обмениваются опытом, уча друг друга новым заклинаниям. Сопровождающие Мортиса имеют право следовать за ним повсюду, министр не имеет права требовать, чтобы они оставили его в покое, так что мистер Тейлор вынужден впускать их в свой дом. Сперва, как только Книга пропала, мы все думали, что, как это ни противно, её украл кто-то из деревенских жителей. У Патрика в доме постоянно визитёры. К нему покупатели ходят за зельями и магическими предметами, учеников полно, кое-кто даже из соседних поселений приезжает, девушки из нашего Отряда приносят ему ингредиенты для зелий, кое-кто всё-таки заглядывает к нему, чтобы наняться на работу… Ну, и самое главное — многие маги специально приходят к нему, чтобы воспользоваться его библиотекой, Патрик разрешает. Да и ученикам позволяет в ней хозяйничать. Подозреваемых множество, но, как только мы обратились в Управление, там заявили, что не желают заниматься этим делом. Мы бы не стали уделять этому большое внимание, да только мистер Мортис каждый раз и Управление посещает, и те хранители беспредела, которые следят за ним, хорошо знают наших управленцев. Ясное дело, договорились. Если бы они полагали, что Книга может быть у кого-нибудь из наших людей, ни за что не отказали бы себе в удовольствии устроить массовый обыск с конфискацией приглянувшихся вещей. Фредерик считает, что Книгу Смерти передали Мартину, и правитель теперь или ищет кого-нибудь, кто сможет прочесть скрытое заклинание, чтобы завладеть волей всей нежити королевства, или сам совершенствует свои тёмные знания для этого, и надо ему всё это, чтобы утопить мистера Мортиса. Буйное помешательство всех живых мертвецов должно убедить министра в том, что его борьба за права нежити совершенно себя не оправдывает. Может, всё не так, но, кто бы Книгу ни стащил —

быть беде. Если бы этому человеку она была нужна в мирных целях, он бы не стал выкрадывать её.

— У него может ничего не получиться, — уверенно возразила Дашка.

— С каждым разом за это тёмное дело берутся всё более сильные и опытные злодеи, — Джесс покачала головой. — Неудачи предшественников заставляют тех, кто не достиг особых успехов в изучении чёрной магии, оставить идею подчинить себе легионы нежити с помощью Книги, борьбу продолжают колдуны, достаточно владеющие злыми чарами. Из десятилетия в десятилетие им удаётся призвать армию всё многочисленней и свирепей. Последняя попытка была, когда мне года три было. Цель была почти достигнута: войско ворвалось в замок, король был убит — Мартин потом занял его место, — Альфред Борден, без пяти минут Повелитель Тьмы, провозгласил себя правителем, успел издать несколько законов… Всеобщая паника, слёзы. До нашей деревни война не дошла, армия живых мертвецов наступала с другой стороны, но Фатона — в нескольких километрах от столицы, где было невиданное побоище. Войска, потерпевшие поражение в битве с ордой вампиров и зомби, отступали через нашу деревню. Да, первое детское воспоминание. Издалека слышен грохот войны, а по улице плетутся люди, истекающие кровью, жутко стонут, и те, кто падали на землю, больше не поднимались на ноги. К счастью, у Бордена не хватило сил, чтобы удерживать армию под контролем. Его убила стая вампиров.

— Значит, всё так плохо? — пробормотала Дашка. — Теона знает уже?

— Да. О том, что Книга Смерти украдена. Но Теона сама не в состоянии понять, к чему это. Что предстоит новое жестокое сражение. Она отказывается принимать то, что ради всеобщего могущества люди готовы отнимать сотни жизней. Если ей придётся в этом убедиться — она не вынесет, — несколько слезинок из серых глаз Джессики всё же вырвались наружу. — Только что Теону отвели к старейшине. Он должен поговорить с ней насчёт того, готова ли она взять на себя такую ответственность. Таков неписаный закон. Фредерик, конечно, объяснит ей, что среди нас затаился Повелитель Тьмы.

Все слова куда-то пропали, да и толку от них не было бы никакого. Дашка хотела бы утешить Джесс, но проблема стала казаться слишком безнадёжной, чтобы утешения имели смысл. Она просто встала и обняла подругу, им этого было достаточно.

— Насчёт нас старейшина ничего не говорил? — спросила Дашка через некоторое время.

— Нет. Он опасается, что вам придётся сражаться на будущей войне, — произнесла Джесс, всё ещё находясь в объятиях Дашки.

— Шикарно. Интересно, что с нами будет? А с Теоной?

— Понятия не имею, что теперь с ней делать. Всё бы отдала, чтобы отговорить её от этого, но вряд ли она меня слушать станет. Безумно жаль сестру. Никто из нашей семейки и вообразить не может, как ей плохо.

Подруги замолчали. Минут через десять Джессика сказала со вздохом, что ей надо на тренировку, и ушла.

Дома не было никого. Дашка постояла на балконе, наблюдая за деревенской суетой. Она была уже другая, не шумная и пёстрая, а тревожная настолько, что яркая, разноцветная деревня казалась какой-то серой и невыразительной. Будто страх высосал из каждого кусочка жизни все краски. Дашка не заметила этого вчера. Бурлило ведь всё вокруг по-прежнему, но с совершенно другим настроением. В парке за домом Винсентов было так же много народу, но люди уже не прогуливались, не отдыхали в беседках — этот милый изумрудно-зелёный уголок превратился в тренировочную площадку. Несколько девушек из отряда госпожи Айрис учили группу подростков, и мальчиков, и девочек, обращаться с мечом и луком, остальные тренировались в одиночку. Кроме упражнявшихся с оружием, там занимались несколько магов. Один пытался призвать какого-то монстра, но нужного результата добиться не мог. Чудище получалось то слишком маленьким, то слишком пушистым, глазастым, симпатичным и дружелюбным, то слишком толстым и неповоротливым, или же оно обзаводилось лишними частями тела. Две девушки поражали друг друга самыми разнообразными проклятиями и так же искусно их снимали. Другой маг швырялся огненными шарами в приятеля, который носился над парком на драконе и ловко уклонялся от них. Пару раз ему это не удалось, но вреда молодому человеку огонь не принёс, очевидно, парень защитил себя специальными чарами.

Почти все бегущие по улице жители несли или толстые книги, или новое, ещё сверкающее оружие, или волшебных посохов или жезлов несколько штук. Судя по разговорам, все стали вооружаться так усердно, что в деревенских лавочках уже ничего не осталось, и народ отправлялся в столицу за приобретениями.

Волнение всегда заразно. Дашка не могла просто так сидеть дома, необходимо было куда-то пойти, что-то узнать, что-то сделать… Вампирша отправилась на Центральную улицу. Заглянула в несколько магазинчиков — как и говорили в народе, прилавки пустовали. В Храме Ветров толпились люди. Многие

молились. Дашка подошла, спросила, ей ответили — сюда приходят, чтобы получить Благословение Предков, дающее силу и отвагу.

Неожиданно из толпы выскочила Марика:

— Привет, я сегодня не буду ночевать у вас. Тут такое творится, мы с Вивьен только к утру управимся.

— А что, собственно, такое?

— Понимаешь, чем в большем количестве храмов ты помолишься, тем большую поддержку свыше получишь, — принялась шептать Дашке на ухо Марика (значит, это был слишком известный факт, чтобы его можно было не знать). — Так что народу тут не только из Фатоны — со всей окрестности. Целыми группами ходят из города в город, из деревни в деревню. В любом поселении ведь храм есть. Молятся, кстати, не только духам предков, но и духам той стихии, к которой принадлежат. Поэтому тебе тоже следует помолиться. Попроси Анну, Теону или кого-нибудь из братьев, пусть научат тебя.

— Марика, с кем ты разговариваешь? Не время отвлекаться, — раздался из Храма сердитый голос Вивьен.

— Это Дарья Винсент, — ответила ей вампирша.

— С возвращением в деревню! — крикнула священница. — О, Ветры, я совсем забыла, мне надо было присутствовать в доме Фредерика!

Извиняясь, она протолкалась сквозь толпу к выходу, отдышалась:

— Скажи, Теона давно у старейшины?

— Примерно полчаса, — пробормотала Дашка.

— Тогда я пойду, — облегчённо вздохнула Вивьен. — Марика, все обряды на тебе. Дарья, всех вас я жду в Храме послезавтра в час ночи. Сказать по правде, — она понизила голос, — молиться следует в тишине и покое, а не в таком хаосе, но такое возможно теперь разве что ночью. В Храме ещё будет Обряд Посвящения у Лесных Воительниц, его и положено проводить ночью, а после — ваш черёд.

— Я передам, — кивнула Дашка.

Вивьен под возмущённые возгласы умчалась.

— Успокойтесь! — приказала Марика. — Я прекрасно знаю эти обряды. Понимаю ваше недоверие, но госпожа Вивьен задержится надолго.

— Что ж, удачи, — хмыкнула Дашка, глянув в сторону галдящей толпы. — Дело тебе поручили непростое.

— Ничего, у меня полно опыта общения с массами, — бодро ответила вампирша. — А тебе совет: ступай или к старейшине, или домой. В свете последних событий нас, клыкастых и

красноглазых, опасаются несколько больше, чем обычно. Ты, случайно, не знаешь в деревне кого-нибудь старого и мудрого?

— Нет, — Дашка мотнула головой. — А зачем?

— Такие люди, если увидят, что человеческая душа в тебе сохранилась, могут, если что, встать на твою защиту. И научить кое-чему. Ты ведь так и не дочитала «Заклинания магии Огня первого уровня» Брема Шелтона? — Марика улыбнулась.

— Нет. Книга куда-то делась после того, как я… Ты помнишь.

— Ну, вот у тебя и появилось занятие. Только придумай убедительный повод, почему ты взялась за поиск у себя магического дара так поздно, — последнюю фразу вампирша прошептала Дашке на ухо.

— Хорошо! Удачи ещё раз! До встречи! — прокричала она, быстро уходя.

— До встречи! — весело раздалось ей вслед.

Теона молча смотрела на лежащий перед ней артефакт, жезл сантиметров сорок длиной, покрытый серебром, с огромным синим камнем. Жезл Света. Она глядела на него, не шевелясь.

— Возьми себя в руки, — вздохнув, старейшина, до этого ходивший по комнате, сел рядом с Теоной. — Понимаю, тебе сложно представить, что ты обрываешь чьё-то существование, но, когда начнётся восстание, всё будет выглядеть совсем иначе. Ты ведь не была свидетельницей ни одного? Армия нежити Альфреда Бордена не проходила через Фривелл, не так ведь? Войско демонов Миранды Ливенсо тоже. Полчища одержимых Моргана Мино тоже обошла твою родную деревню стороной. И с момента, как ты попала в Фатону, здесь тоже не было крупных сражений. Не передать словами, какой ужас приносят войны и восстания. Когда тот, кто командует армией, заражает сознание воинов одной единственной мыслью: убивать, убивать, убивать, убивать всех без разбору, — невозможно думать о том, что они действуют не по своей воле.

— Разве они виноваты в том, что кто-то решил превратить их в своё орудие? — воскликнула Теона. — Если вас введут в транс и заставят уничтожать всех, в чём здесь ваше преступление? В том, что тёмный колдун воздействовал на ваше сознание с помощью магии?

— Если меня заставят нести разрушение и смерть, затуманив мне разум, я могу лишить жизни и твоих братьев, и Анну, и Джессику, и даже Шаки, — произнёс Фредерик. — Да, моей вины тут не будет ни в чём, но, как ни трудно сейчас представить, это покажется абсолютно несущественной деталью. Какая разница, что у меня насильственно отняли рассудок, если из-за этого могут

пострадать люди, в том числе и женщины с детьми?

— Но это несправедливо! — в отчаянии выкрикнула Теона.

— Несправедливо, — с горечью согласился старейшина. — Но таково устройство мира. Даже если за справедливость бороться и победить, это уже не будет справедливостью, потому что всякая борьба стоит каких-то жертв.

— И выхода нет? — прошептала Теона.

— Нет, — старейшина опустил взгляд, разговор становился невыносимым.

— Вы позволите мне пару дней подумать? — тихо спросила молодая волшебница.

— Да, конечно, — рассеянно ответил Фредерик.

— Тогда я пойду, можно? — Теона встала.

— До свидания, — старейшина посмотрел на неё.

Теона выбежала из кабинета, быстрым шагом спустилась вниз, к выходу, и пулей вылетела из башни, будто там ей не хватало воздуха.

На улице её ждал Дима. Не догадываясь ни о чём, он полагал, что Теона сейчас упорхнёт куда-то, как обычно, и намеревался задержать её хотя бы на десять минут: всё-таки парню она очень нравилась, а со вчерашнего дня он ещё не успел побыть с ней достаточно долго, чтобы опять куда-то отпускать.

Но опасался Дима зря. Едва закрыв за собой дверь, Теона бросилась ему на шею.

— Почему всё так плохо? Я не знаю, что мне делать, — она подняла лицо, их взгляды встретились и остались прикованными друг к другу.

— Тебе надо дать ответ сейчас?

— Нет, у меня есть немного времени на размышление, — растерянно пробормотала Теона, ослабив объятие и отдалившись от молодого человека на едва заметные несколько миллиметров.

— Значит, решение само собой придёт. Только не забивай этим голову.

— Я не могу… Это слишком серьёзно.

— А ты попробуй. Хочешь, я буду тебя отвлекать от этих мыслей? — Дима притянул её обратно к себе.

Дима недолго топил Теону в своих глазах. Забытьё наступило сразу же, и у него, и у неё, наверное, с того мгновения, когда он припал к её губам. Он и она не только перестали воспринимать всё, что творилось вокруг, но и самих себя перестали чувствовать — только друг друга. Прервались они только один раз: когда пошёл дождь и парень укрыл Теону своим плащом.

— Разрешите пройти, — разрушил идиллию вежливый

женский голос.

Теона и Дима одновременно повернули головы. Перед ними стояла Айрис Ави. Только сейчас молодые люди сообразили, что загораживают дверь в башню. Они поспешно шагнули в сторону.

— Благодарю, — Айрис постучала в дверь, через полминуты она открылась и на улицу выглянул Фредерик.

— Доброй ночи, Айрис, — сказал он. (Тут Дима и Теона увидели, наконец, что небо давно стало иссиня-чёрным и покрылось звёздами). — Что привело тебя ко мне в такое время?

— Дело есть, Фредерик, — женщина, отстранив старейшину, вошла в башню, захлопнув дверь, и сразу стала что-то громко и отчётливо говорить, что-то про опасность.

— Дмитрий! — раздался грозный окрик. — Помнится, я велела тебе оставить её в покое.

Возле башни отдыхал в ожидании предводительницы Отряд Лесных Воительниц в полном составе. Джессика вышла вперёд и злобно смотрела на парня.

— Если через десять секунд ты ещё будешь торчать у меня перед носом и лапать мою сестру — получишь несколько изумительно точных ударов по разным органам, в том числе жизненно важным, — холодно произнесла она.

— Джесс, не надо, — взмолилась Теона, но девушка её остановила:

— Заткнись. С тобой позже разберусь. Язык бы тебе вырвать, чтоб не лизалась с кем попало. Ну, Дмитрий, время пошло, — она приблизилась к нему ещё на два шага.

— Тебе не надоело отравлять людям жизнь? — усмехнулся Дима. — Понимаю, такое чувство, как любовь, тебе недоступно, но оно существует, в том числе и между нами, — он обнял Теону за плечи.

— Отойди, — Джессика грубо схватила сестру за руку, а через мгновение Дима оказался на земле, скривившись от боли.

— Если б ты знал, как мне хочется пнуть тебя в живот, — протянула воительница, — но так опускаться я не собираюсь. А ты, — она вплотную подошла к Теоне, — только посмей сейчас к нему притронуться. Лети домой, пока живую отпускаю. Бегом!

Теона, бросив отчаянный взгляд на Диму, у которого из разбитого носа текла кровь, кинулась прочь. Парень, постанывая, встал. Нос, кажется, ему сломали, но по сравнению с унижением это было не так страшно. Джессика не отрывала глаз от Димы, излучая уничтожающее превосходство и злорадное удовлетворение. Молодой человек посмотрел на неё: она стояла, сложа руки, и, покачивая головой, следила за его движениями.

— Я сегодня очень добра к тебе, — издевательски-ласково

отметила Джессика, — и позволяю тебе отступить. Спокойной ночи, Дмитрий.

Парень быстрым шагом (вообще-то ему хотелось бегом бежать отсюда, но это означало бы ещё больший позор), зажимая рукой кровоточащий нос, покинул это место. Когда Дима поднялся на холм, то что-то заставило его обернуться. Джессика не сводила с него глаз. В это мгновение он готов был поклясться, что перестанет думать о Теоне.

Дождь всё ещё хлестал.

В доме Винсентов, как назло, народу оказалось полно. Семейство было в сборе, Алина, Дашка и Саша, мистер Мортис, мистер Тейлор и мистер Цельсий с сыном.

— Что за столпотворение? — раздражённо спросил Дима у Дашки, снимающей со стены коридора оружие.

— Алина назвала это начальной военной подготовкой, — вампирша осторожно положила на пол древний арбалет. — Собственно, так оно и есть.

— Изумительно, — буркнул парень. — А почему этим надо заниматься именно сейчас?

— Вообще-то, мы с четырёх тут суетимся, — Дашка потянулась за вторым арбалетом. — В Мрачном Лесу некоторые стаи вампиров совсем взбесились. В деревеньке, которая возле Леса, они всех без исключения перекусали, за один вечер. Если быть точнее — за полчаса. Спасся только один маг, который владел искусством телепортации, от этого человека и информация.

— И ему поверили?

— Такими вещами не шутят. Вампиры сами так себя не ведут. Даже если они утратили человеческие черты и им нравится сам процесс охоты на людей — убивать всех они не будут. Кроме того, стаи одновременно на одной территории не охотятся: это бы обозначало, что они друг другу мешают, отбивают чужую добычу. Таких презирают. Значит, волю тех вампиров кто-то подчинил себе, и этот кто-то присвоил себе Книгу Смерти и совершенствует подобными выходками свою тёмную силу, чтобы самое мощное заклинание Книги сотворить. Так что надо быть готовыми к тому, в любую минуту в нашу безобидную деревню вторгнется туча живых мертвецов далеко не с самыми добрыми намерениями, — она сделала взмах мечом, чудом не сбив ничего со стен, и кинула его к арбалетам.

— Больно ты умная стала, — фыркнул парень, — уже меня в магических делах просвещать начала. Можно подумать, ты в Альдане всю сознательную жизнь живёшь.

— Ты на этот счёт не очень-то распространяйся, — протянула Дашка с нотками беспокойства и лёгкого, почти невесомого испуга в голосе. — О том, что мы… э-э-э… сильно неместные, знает ограниченный круг людей: кроме Винсентов, старейшины, Вивьен, Марики, мистера Мортиса и, если помнишь, нескольких девушек-воительниц из отряда госпожи Айрис, это сама Айрис, Патрик Тейлор и мистер Цельсий. Та толпа народу, которая лицезрела нас, когда мы только появились в королевстве и выглядели как люди Большого Мира, не в счёт. Жители Фатоны короля Мартина и «зелёных мантий» ненавидят, а те отвечают им взаимностью. Поэтому, чтобы хранители порядка нечаянно не услышали, или шпионы королевские, обитатели деревни хранят молчание.

— Получается, все, кто присутствует в доме, знают? — уточнил Дима.

— Тинзо Цельсий не знает. Парнишка слишком общительный, поэтому пусть думает, что мы очень дальние родственники Винсентов.

— А что из этого, если местные жители всё равно нас никому не сдадут?

— Ты помнишь их всех в лицо? Деревни Альданы от наших, русских, существенно отличаются. Тут жизнь повсюду ключом бьёт. Деревня от города кроме как размерами ничем не отличается. Вон, на Центральной улице портал стоит — любой желающий может в Фатону за две секунды попасть. В деревню народ толпами валит. По делам. В том числе из тех краёв Альданы, которые давно продались или подчинились королю.

— Ты что там возишься? — крикнул кто-то из братьев со второго этажа.

— Да я уже всё! Дмитрий пришёл, с ним вот разговариваю! — Дашка сгребла в охапку оружие в количестве шести экземпляров и потащила наверх.

— Дмитрий?!? — возмутилась на кухне Анна. — Молодой человек, где вас носит в такой ответственный момент?

— Я Джессику видел, — увильнул от ответа парень, — она с остальным отрядом ждёт Айрис, которая какой-то вопрос обсуждает со старейшиной в его башне. Раз все ждут, значит, госпожа Ави им ещё задержит. Ну, в общем, сегодня у Джесс вряд ли будет время на то, чтобы напиться и с кем-нибудь подраться.

— Ладно, — Анна подобрела и более не имела к парню никаких вопросов, зато из спальни братьев высунулся Джейк:

— Дмитрий, ты чем лучше умеешь пользоваться: мечом или арбалетом?

— Ни тем, ни другим, — сознался молодой человек, начиная

злиться.

— Ничего, — заявил Джейк, — Алекс тоже не догадывался, что умеет обращаться с мечом. Мистер Тейлор!

— Что? — красавец-колдун сбежал по лестнице на несколько ступеней.

— Проверьте, Дмитрию можно какое-нибудь оружие доверить или нет!?!

— Хорошо, — Патрик спустился к ним. — Дмитрий, идёмте на задний двор.

Мысленно использовав в отношении Джейка и Тейлора все известные ему непечатные слова и выражения, Дима поплёлся на улицу, следом за ним, насвистывая какую-то мелодию, шёл маг.

От дождя к этому времени осталась одна морось, так что погодные условия никак не препятствовали раскрытию у студента из Большого Мира какого-нибудь военного таланта. Впрочем, парень так явно демонстрировал своё нежелание сражаться на мечах и тренироваться в стрельбе из лука, что мистер Тейлор вскоре отпустил Диму, попросив его отнести то оружие, что лежало во дворе, в дом.

В коридоре он столкнулся с Тинзо.

— В спальню Анны, — направил Диму мальчик и проскользнул на улицу.

Нераскрывшийся воин толкнул локтем дверь указанной комнаты. Спальня впервые выглядела неприбранной, из-за того, что на кровати складировалось всё, что может понадобиться в бою: волшебные посохи (раньше место им ввиду плачевного состояния было на стене в коридоре, но в Димино отсутствие кто-то восстановил их), доспехи и кольчуга (на удивление новые и, скорее всего, очень дорогие), то оружие, которое Дашка недавно поснимала со стены, колчан со стрелами и несколько кинжалов. Дима присоединил к этой куче то, что было у него в руках, и поднялся наверх.

Мансарда, оказалась занята: Зонарус Цельсий обучал Дашку и Алину основам простейшей магии. Обе не упустили шанса похвастаться. Алина, как выяснилось, могла заживлять ссадины и порезы. Сломанный нос приятелю девушка срастить ещё не могла, но несколько мелких ранок на щеке устранила. Дашка могла делать так, что у неё в ладони загорался огонь. Делать с ним она пока что ничего не могла, но ведь это её первые попытки применить магию.

— Я тоже способен творить что-то подобное? — задумчиво протянул Дима.

— Можно попробовать, — кивнул Зонарус. — Была у Кевина Гранда теория, что люди Большого Мира имеют способности к

магии той стихии, которая оберегает их в Альдане. Эти две леди теорию пока только подтверждают.

— Моя стихия — Вода, — пробормотал парень.

— Сегодня я уже не успею уделить тебе достаточно времени, но ты можешь придти ко мне завтра… Или в какой другой день. Главное — желание учиться. Искреннее. Чтобы тобой не зависть двигала — у других получается, а у меня нет, — а желание познать тайны магии для себя, для души, — мистер Цельсий внимательно посмотрел на Диму, информер немолодого волшебника показал парню язык.

«Мысли читают», — с досадой подумал Фёдоров, а вслух сказал:

— Хорошо, обязательно к вам зайду, — и спустился на второй этаж.

Из комнаты Джессики доносились голоса Кеану Мортиса и Патрика Тейлора, они обсуждали содержание Книги Смерти. Тейлор вспоминал наиболее опасные заклинания из неё, а министр по борьбе с нежитью думал, какими контрзаклятиями следует пользоваться против них. В спальне Дашки и Алины братья и Шаки дрессировали дракона девочки, надеясь научить его казаться свирепым зверем. Тинзо подслушивал разговор Мортиса и Тейлора и пересказывал его троице Винсентов. Теона спала тяжёлым сном.

Разошлись все в час ночи, причём двое молодых магов на ходу продолжали обсуждение грязного колдовства Книги и борьбы с оным.

— С завтрашнего дня… точнее, со светлого времени суток, всем волшебникам следует небольшими группами, чтобы не вызывать подозрений, собираться в назначенное время у мистера Тейлора. На лекцию о контрзаклятиях, — бросил в дверях Кеану.

— Передавайте это всем магам, которых встретите, — попросил Патрик.

— Обязательно, — пообещала Анна, провожая гостей. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Вот и хорошо. Можно временно не думать о восстании.

Глава 21 Всё ближе и ближе

— О, Ветры, опять… — вздохнула Анна.

— Мама, не делай из этого трагедию. От меня в доме всё равно никакой пользы, я нигде не работаю, а, кроме того, предыдущие разы, когда Отряд уходил из деревни, ты как-то переживала, — Джессика отхлебнула из кружки чай.

Только что девушка сказала матери, что из избранных воительниц отряда Айрис Ави создаст группу охотниц на вампиров, которая будет разбираться с взбесившимися стаями нежити, странствуя по всей территории Элиорамии (административной единицы королевства, в состав которой, собственно, входила Фатона).

— Знаешь, как я за тебя волнуюсь? — вспыхнула Анна.

— Если у тебя слабое сердце — попроси Теону тебя вылечить, — невозмутимо проронила девушка, сделав ещё глоток чаю.

— Джессика!!!

— Ну что, мам? Только не говори, что сильно расстроишься, если меня там убьют.

— Джессика!!! Не болтай глупости!

— А что такого? Ты по-прежнему надеешься, что в один прекрасный день я образумлюсь и начну вести нормальную домашнюю жизнь? Могу тебя заверить, этого не произойдёт. Неужели ты не радуешься возможности отдохнуть от меня месяц-другой?

— С тобой невозможно разговаривать, — Анна резко встала из-за стола и вышла из кухни, с трудом удержавшись от того, чтобы не хлопнуть дверью.

— Снова мать нервируешь, — упрекнул сестру Дерик. — Она и так извелась за тот месяц, что мы в Денаувере были.

— Ну и пусть, — жестоко ответила Джессика. — Раз она зла на меня за то, что я такая, какая есть, почему я не имею права относиться к ней так же по этой же причине?

— В каком-то смысле ты права, но…

— Раз так, то нечего и возражать, — холодно отрезала девушка.

Больше за завтраком никто не проронил не слова.

Четвёрка студентов впервые увидела Храм Ветров ночью. Синий шпиль здания мягко светился — сам собой, без помощи факелов или ещё чего. Внутри Храма же источником слабого освещения была статуя девушки в центре, в вытянутых руках

которой появлялись по очереди все четыре стихии, да и то лишь в те минуты, когда на её ладонях возникал огонь. Дашка с лёгким разочарованием посмотрела на потолок, где была изображена карта созвездий: ей, когда компания была здесь месяц назад, казалось, что звёздное великолепие в темноте должно давать красивый свет.

Отряд Лесных Воительниц уже ждал начала обряда, пока Айрис выясняла что-то со священницей. На вошедшую компанию они посмотрели равнодушно, только Сабрина, Ферджи и Мира, успевшие познакомиться с четвёркой, чуть заметно ей улыбнулись.

— Тихо! — вдруг сказала Вивьен. — Разойдитесь, освободите центр Храма. Время начинать Обряд Посвящения.

Все подчинились. Айрис отошла назад, к статуям, стоящим позади каменной девушки.

— Итак, все представляют, в чём заключается этот Обряд? — Вивьен оглядела девушек.

Воительницы согласно закивали.

— А в чём заключается смысл Обряда?

Этого никто из девушек не знал.

— Каждая из вас должна представиться духу Винсента Мелброка, величайшего из экзорцистов. Все его деяния и заслуги вы обязаны знать. У Джессики даже фамилия в честь этого человека. Дух в ком-то из вас увидит тех, кто достойны продолжать его дело.

Никто не произнёс ни слова, но было ощутимо, что воительницы напряжены и взволнованы. Очевидно, перед Винсентом Мелброком все трепетали.

— Алана Нортон, — вызвала Вивьен первую девушку.

Воительница приблизилась к статуе девушки, в ладонях изваяния стихии больше не сменялись, там горел огонь, причём зелёный. Алана встала лицом к ней, и в пламени материализовался меч. Девушка, чуть побаиваясь, взяла его, отошла назад, сделала элегантный взмах мечом над головой и вонзила его в пол, упав на колени. Компания изумилась: оружие вонзилось в поверхность достаточно глубоко, такой силы у изящной девушки быть не может. Впрочем, это же магический храм… Алана замерла, не отпуская рукоятку меча и склонив голову. Из того места, куда вошло лезвие, вырвался свет и столб искр такого же цвета, что и пламя в руках статуи, а огонь превратился в призрачного человека по пояс, мужчину с суровым взглядом. Воительница подняла лицо. Дух кивнул и опять стал пламенем.

Раздались дружные аплодисменты.

— Поздравляю, — улыбнулась Вивьен несколько испуганной, ещё не до конца осознавшей произошедшее Алане.

Айрис оставалась невозмутимой, но гордость за ученицу в глазах заблестела.

— Мальтера Бриони, — пригласила священница следующую воительницу, когда свет и искры исчезли и меч снова оказался в пламени.

Мальтеру дух достойной не посчитал, отрицательно покачав головой. Ферджи Лоренс в праве быть охотницей на вампиров он тоже отказал, а её подруге Сабрине Феллини дал согласие на это опасное дело. Благосклонным Винсент Мелброк оказался к меньшинству девушек Отряда.

Джессика предстала перед ним последней. Никто, похоже, не сомневался в том, что ей позволят бороться с нежитью. Когда девушка посмотрела на в очередной раз возникшего духа, он не кивнул ей… Он протянул ей руку.

Все ахнули. Айрис теперь излучала неприкрытую, отчётливую гордость напополам с восхищением. А невероятное продолжало разворачиваться дальше. Когда Джессика, встав, пожала руку духу и медленно, будто боясь, что сейчас проснётся, отступила назад, к девушкам, на её месте остался стоять её зелёный призрак, не отпускавший пальцы Винсента Мелброка. Исчез дух вместе с призраком Джессики.

— Вы только что узнали свою судьбу, Джесс, — отчётливо произнесла Вивьен. — Вероятно, в этом вы были уверены с детства, но… Вы станете известны по всему королевству как безжалостная воительница. Дух только что забрал часть вашей души и когда-нибудь будет направлять вас, а он очень жесток. И абсолютно бесстрашен.

— Будьте мудрее, Джессика, — Айрис подошла к ученице, — даже духи могут выбирать неверный путь. Иногда следует верить собственной душе, а не чужой. Желаю вам удачи. Надеюсь, в охоте на вампиров Винсент Мелброк будет хранить вас.

— Я не подведу! — Джессика распрямила плечи.

— Иного я от тебя и не жду. Отряд, свободен!

Храм стал медленно пустеть. Многие задержались, чтобы помолиться. Друзья, которые были здесь, чтобы сделать то же самое, мысленно готовились. Анна объяснила им, что определённых молитв не существует, каждый придумывает себе свою в зависимости от того, что ему нужно, слова обращения следует записать на чём-либо и после прочтения молитвы оставить просьбу духу — с этим остаётся и часть тебя, того, что туда вложено.

Дашка всегда была атеисткой, но в этом мире, в королевстве

Альдана, высшие силы есть определённо, и на них, кажется, можно полагаться (если знать меру). Вампирша подождала, пока в руках изваяния не вспыхнет огонь, положила туда слова своей молитвы, неразборчиво начёрканные на клочке бумаги, который вместе с пером дала Вивьен, и стала тихо бормотать её. Всё, что хотела Дашка: покинуть Альдану до того, как Повелитель Тьмы произнесёт заклинание. Последнее Заклинение — так оно называлось в Книге Смерти, говорил Патрик Тейлор. Её автор дал очень точное название…

Когда листок бумаги догорел, в пламени, взметнувшемся до потолка и ставшего ярко-жёлтым, мелькнуло лицо какой-то женщины. Очевидно, того духа, который услышал молитву, наверное, принял её.

Созерцание того, как обращаются к духам другие, успокаивало и расслабляло. Всё-таки это выглядело красиво. Листок с просьбой Саши превратился в стайку фей со светящимися крылышками, они сначала носились под потолком, потом, когда из-за деревца (символ стихии Земли в ладонях статуи) выглянул дух молоденькой глазастой девушки, вдруг рассыпались в оранжевые искры. Дух, взявшийся помочь Алине, взял её клочок бумаги и дунул на него: тот полетел из Храма, оставляя за собой серебристый след.

Только молитву Димы никто не принял. Клочок с её словами просто растворился в водяном шаре, и ничего не произошло. Его это не расстроило. Вряд ли парень относился духам всерьёз.

Дашка поняла, что имела в виду Вивьен, когда говорила про силы стихий: «Надеюсь, вам не случится обращаться к ним».

На следующий день в доме Винсентов было непривычно тихо и уютно. Будто все, не сговариваясь, решили позволить себе отдохнуть от всего, что на них навалилось, и купались теперь в такой роскоши, как задушевные беседы. Можно было поговорить, наконец, друг о друге, а не о бесконечных трудностях. Дашка нашла в библиотеке семьи книгу древних легенд и сказаний, но читать ей мешали: в этой же комнате Джейк рассказывал Алине весёлые случаи из жизни, и, когда вампирша улавливала обрывки историй, ей делалось так смешно, что было уже не до чтения. Парень улыбался: наконец-то он видит Дашку смеющейся.

Дима не давал Теоне ни прочувствовать тяжесть её нового положения, ни вспомнить о делах, беспрерывно у неё возникающих: уединившись в мансарде, парочка разговаривала и целовалась, разговаривала и целовалась… Разговаривала о романтической чепухе, целовалась так, что теряла счёт времени…

Саша с Джессикой сидели в комнате девушки. Парень

собирался вместе с Дериком в соседнюю деревню, но что-то его остановило, когда он, проходя по коридору, увидел Джесс. Дверь спальни молодой воительницы распахнулась, но лежавшая на кровати девушка не вставала, чтобы закрыть её. Джессику так придавила усталость, что она была не в состоянии даже подняться с постели. И ещё тонна неразрешимых проблем. Саша остановился перед распахнутой дверью. Идти дальше он не мог. Не мог вот так оставить Джесс. Да, она ненавидит, если вмешиваются в её жизнь, но часть этой ненависти, скорее всего, привычка, доставшаяся в наследство от печального детства, когда вмешательство было бестактным и злым. Кроме того, он вряд ли собирается предлагать помощь… Саша не понимал, что вообще собирается делать. Жалеть — Джессика воспримет это как унижение для себя. Возможно, просто показать, что он неравнодушен к тому, что у неё какие-то сложности? Семья ведь усвоила, что воительницу лучше не трогать, а даже для самого замкнутого человека полное одиночество — это неестественно.

— Алекс… — Джессика повернулась со спины на бок и заметила парня. — Что-то хотел?

— Прости, — зачем-то ляпнул он. — Просто мне показалось, что у тебя… не всё хорошо.

— Да. Не всё… — медленно произносила слова Джесс. — Но ты мне ничем не поможешь.

— Я ожидал, что ты это скажешь. Прости, тебе, наверное, не понравится мой вопрос, однако попробуй ответить на него честно: а сама ты хочешь помощи?

— Странно, что ты об этом спросил, — тон её стал мягче, но она так и не смотрела на юношу. — Я не вижу никого, у кого можно было бы её попросить. Более того, не вижу, кому можно было бы рассказать, что меня сейчас мучает. Мучает. Но даже и об этом никто не узнает. Не поймут…

— Я не собирался на это претендовать, — парень подошёл и присел на кровать. — Плохо тебе, да?

— Плохо, — девушка, наконец, приняла его взгляд. — Теперь ты честно скажи: если я не стану тебе ничего говорить, ты поймёшь?

— Да, — вырвалось у Саши.

Он не успел понять, искренне это или нет, и добавил:

— Мне кажется…

— Спасибо, — Джесс нашла в себе силы улыбнуться. — Можно тебя попросить: посиди здесь немного? Пожалуйста…

— Конечно, — пробормотал Саша.

— Ты торопишься?

— Нет, а почему… — тут он понял, что сидит на краю

постели, будто готов в любой момент встать и уйти.

И парень устроился по-другому: на полу, у изголовья, удобно опираясь на кровать правым боком. Лицо Джесс теперь было совсем близко… Наверное, даже слишком, но девушку это не раздражало — скорее, наоборот.

— Забавно, — она глядела на него каким-то особенным взглядом, чистым, наверное, внутри Джесс всё тяжёлое сейчас отступало, — мы ведь с тобой толком не разговаривали ни разу, не так ли?

— Ты постоянно пропадала на тренировках, — пожал плечами Саша. — А потом мы на месяц пропали.

— Скоро меня вообще в деревне не будет, — вздохнула Джессика. — Не очень-то я хочу вернуться домой и увидеть, что вы тоже уже дома… В Большом Мире. Я к Дарье привязалось. Случайно вышло, если бы Айрис тогда проклятие не на неё наложила, а на кого-нибудь другого, не стала бы я с ней беседовать… Да и завязался разговор случайно. Точнее… Говорила я, Дарья больше слушала. И понимала. Вот за это я к ней и привязалась. Интересно, она меня считает подругой? Я ведь только своим с ней делюсь, а ничего, что ей мешает, не беру. Да и не знаю до сих пор про неё ничего. Это нечестно по отношению к ней, наверное. Почему в нашем общении одна я есть? Использую я Дарью, а она терпит.

— Со стороны всё не так кажется. Ты ведь ей то самое рассказываешь, чем с другими делиться не станешь?

— Оно самое! — усмехнулась девушка. — По правде, я не собиралась перед ней вот так вот наизнанку выворачиваться, но почему-то занесло меня вдруг. Я опомнилась — а она внимательно каждое слово ловит. Ну, я и продолжила.

— Значит, ты доверяешь ей?

— Именно так.

— А теперь последний вопрос, на который я потребую от тебя честного ответа: ты доверяешь ей, потому что твоя подруга из другого мира, скоро исчезнет из королевства и поэтому не успеет выдать твои тайны кому-то, кто знать их не должен?

— Я уже говорила: не хочу, чтобы она возвращалась домой слишком скоро.

— Ты веришь, что она будет хранить твои тайны — значит, ты веришь *в неё*. Любой человек мечтает, чтобы в него верили. А ещё ты показала ей знаки Великого ветра ночью — уже забыла? Дарья осталась в восторге. Она мне в Денаувере говорила.

— Возможно, ты прав, — она села, прислонившись спиной к стене, уже бодрая. — А у тебя не поворачивается язык называть её вампиршей. Ты молодец. Впрочем, у тебя, наверное, в голове наш

волшебный мир и нежить в частности до конца не уложился ещё. Имей ты дело с вампирами раньше — может, думал бы сейчас по-другому.

— А когда мы выполняли задание Патрика? — Саша сел с ней рядом.

— Один раз не в счёт. Кстати, я не просила Дарью, чтобы она не распространялась о моих проблемах. Она сама поняла.

— Жаль, что Дарья может понять других, а саму себя — нет. Возможно, она умалчивает про себя потому, что в мыслях у неё сплошная путаница и это чудо не знает, как связно и внятно выразить их. И ещё ей не везёт.

— Везение — самая несправедливая на свете вещь. Почему одним достаётся, другим — нет? — Джессика откинула голову, коснувшись затылком стены. — Причём достаётся чаще тем, кого по справедливости не то что всех благ — жизни лишить надо.

— Ей постоянно не везёт, — грустно произнёс Саша, — в Большом Мире тоже. Я лично у неё столько счастья отнял… И тоже началось с того, что мы случайно столкнулись и разговорились.

— Ты? — удивилась Джессика.

Он сознался ей во всём. В том, что любил Дашку. В том, что слишком настойчиво приставал к ней и, как это ни противно вспоминать, добился своего. И в том, что продолжает её любить.

— Осуждать твою пьяную выходку не имею права, так как сама, если наглотаюсь алкогольной дряни, творю беспредел. Другого рода, конечно, но в животное превращаюсь — отрицать не буду. Но хочется тебе высказать, хочется… — произнесла Джессика, когда Саша закончил. — А насчёт того, что ты к ней неравнодушен больше, чем следовало бы… Жестоко осуждать любовь, если любящий ей кроме себя, никого не терзает. Дарья не догадывается, что у тебя не всё прошло?

— Нет. Она мне тот случай простила.

— Значит, ненужное чувство вины — ты *из-за неё* так изводишься, так жестоко… — не будет её мучить. И на вторую глупость она не решится.

— В этом-то я уверен. Но с собой мне как поступить! — он вдруг в отчаянии схватил Джесс за руку, умоляюще посмотрев на девушку. — Проклятье, вот почему я в ней родственную душу почувствовал — мы оба не можем понять себя!

— Ты хоть пробовал со своим чувством что-то делать? — прищурилась Джессика.

— Ну… Старался обращать внимание на других девушек, только толку… — поник Саша. — Что-то меня удерживает. Зачем оно так — не имею понятия.

— А я-то уже начинала считать тебя умным, — фыркнула Джессика. — Утверждение «лучше средство от любви — новая любовь» придумали люди, у которых душа настолько усохла, что на высокие чувства они не способны. У тебя же она требует не постоянную подружку, а Близкого Человека. Тебе не искать, тебе *понимать* нужно. Будь осторожен. Пожалуйста.

— Хорошо, — растерянно пробормотал парень. — Не подозревал, что это тебя обеспокоит.

— Счастье твоё меня беспокоит! — воскликнула Джессика. — Ты же достоин его! Я так Дмитрия ненавижу, потому что он у Теоны её счастье отберёт ведь и не заметит…

Она во второй раз поделилась тем, что так давит на неё: отношения Теоны с Димой… Сначала девушка собиралась поведать только это, но раскрылась больше: волнует её и то, справится ли с собой Теона после того, как она оказалась Солнечной Принцессой, и не убьёт ли Анна жизнь в своих детях.

Потом Саша проводил Джесс до тренировочной базы.

— Пойдёмте, отсюда, здесь тоже ничего нет! — проворчал Джейк, отходя от прилавка.

— Что, направляемся в соседнюю деревню? — вздохнула Алина.

— Подожди, мы здесь ещё не все магазинчики осмотрели, — Дашка упорно разглядывала полки с товарами. — Тем более, если мы не знаем, что ей нужно, в любой другой лавке ситуация повторится.

— Разумно, — хмыкнул Джейк.

— На твоём месте я бы устыдилась, — упрекнула его Алина. — Не знать, что хочет собственная сестра…

Завтра Шаки Винсент исполнялось одиннадцать лет, и компания сейчас выбирала ей подарок, исследуя все магазинчики и лавочки Центральной улицы.

— То, что она хочет, мы купить не можем. — Вампирша подошла к другому прилавку.

— К тому же предыдущие шесть лет, что Шаки живёт в нашей семье, у нас не было выбора, что ей дарить, потому что денег вечно не хватало, приходилось дарить только то, что очень уж необходимо: обувь новую и тому подобное, — Дерик отвлёкся от созерцания изобилия товаров. — Мы впервые смотрим ей подарок в магазине магических предметов и артефактов. Всё-таки мы получили выгоду из того, что месяц отмучались в Денаувере.

— Да, брат, ты гений! — с восхищением произнёс Джейк.

Дело было в том, что Дерик умудрился вынести на свободу из места ссылки несколько клыков синего дракона (множество этих

существ водилось в Денауверских лесах), являющихся ингредиентом большинства сильнодействующих зелий, и продал из одному друиду за такую сумму, что семья могла теперь жить месяц, ни в чём, даже в волшебстве, по-прежнему облагаемому налогом, себе не отказывая.

— Эй! Я кое-что нашла! — в магазин ворвалась Теона. — Это должно ей понравиться!

— Что-то купила? — Джейк с интересом подошёл к ней. — Солнышко! Да ты молодец!

Молодая волшебница держала в руках толстую красивую книгу «Магические растения Альданы». Теона открыла её на первой попавшейся странице, и изображённый там цветок заблагоухал. Как оказалось, почти каждая картинка в книге имеет соответствующий аромат (за исключением тех растений, которые в природе пахли довольно неприятно — зато такие иллюстрации оживали и тянулись вверх).

— Очень дорогая, наверное, — произнёс Дерик.

— Тысяча пятьсот золотых! Пусть это будет подарком за все предыдущие дни рождения, — просияла Теона.

Парень чуть не закашлялся. Ещё бы, раньше, когда в семье недоставало средств, они могли перебиваться на эти деньги недели три.

Вслух он, конечно, сказал другое:

— Малышке понравится. Цветы — её единственная радость.

— Если она когда-нибудь сможет восстановить силы настолько, чтобы пользоваться магией — наверное, станет травницей, — мечтательно вздохнула Теона.

— Тогда — уходим? — бодро спросил Джейк.

— Ну да. Больше ведь никому ничего не надо? — и стоявшая ближе всех к выходу Алина толкнула дверь.

Фатона за считанные дни стала ярче. Подготовка к возможному бою с нежитью была весьма успешной, лекции Патрика Тейлора давали уверенность, да ещё и сплачивали народ: послушать чёрного мага приезжали со всей Элиорамии, — так что жизнь заметно наладилась, люди повеселели. Было приятно снова попасть на шумную по-праздничному улицу из тёмного магазинчика. К друзьям присоединился задержавшийся в книжной лавке Дима, долго листавший там последний раздел «Магии воды» — «Разрушающие заклинания», пока его не выставил продавец, заподозривший в нём шпиона.

— Книгу прячь! — Джейк вдруг пихнул сестру в бок.

Теона вовремя затолкала подарок в сумку: из Храма Ветров, располагавшегося напротив магазинчика, выходили Анна с Шаки. Девочку раз в неделю водили к Вивьен, которая своей священной

магией уменьшала нарастающую силу проклятия. Шанди, послушно сидевший возле Храма, подбежал к маленькой хозяйке. Вместе с ним (вернее, опираясь на него), Шаки поспешила навстречу компании.

— Как всё прошло? — Теона наклонилась к сестрёнке.

— Замечательно! Нашему Храму один человек из Антера пожертвование оставил, большое очень, теперь можно целебный источник восстановить! Вода из него ведь сильнее действует, чем из нашего?

Теона посмотрела на неработающий фонтан у входа в Храм:

— Гораздо сильнее. С помощью этой воды нельзя было разве что мёртвых воскрешать.

— И меня вылечат? — захлопала глазищами Шаки.

— Обязательно! — Теона подхватила девочку на руки и закружила, обе сестры смеялись.

Внезапно на площадь перед храмом спикировала Айрис на пегасе, следом за ней приземлился весь её отряд.

— Тревога! — выкрикнула женщина прежде, чем её крылатый конь притормозил. — В деревню идёт многочисленная группа хранителей закона. С ними — несколько боевых магов и драконы. Очевидно, они собираются напасть на нашу деревню. Люди Мартина появятся здесь с минуты на минуту, готовьтесь!

Толпа, собравшаяся вокруг Айрис, ахнула. Шаки испуганно прижалась к Теоне, Дима возмущённым шёпотом спросил Дерика:

— Зачем? Что им от нас нужно?!?

— Это неважно, — нахмурился парень. — У них есть привычка сообщать о цели визита только после того, как они полдеревни с землёй сравняют.

— И что теперь делать?! — запаниковал Дима.

— Тихо ты! Для жителя королевства это глупый вопрос. Если хранители ведут с собой магов, значит, будет атака огненными волнами. Прятаться надо! Или отступать! — еле сдерживаясь из-за вспышки понятного гнева, объяснил Дерик и громко спросил Айрис: — С какой стороны двигается группа?

— Со стороны Неорана! — во весь голос ответила женщина. — Слышите? По идее, надо отступать к Зальвану, а это, я более чем уверена, ловушка! Из столицы ничего не стоит выслать подкрепление! Прячьтесь в домах, укрытиях, или бегите в леса!

Она хлестнула своего пегаса, конь тут же оторвался от земли, за Айрис потянулись ученицы. Все парни и мужчины на площади успели за долю секунды отметить, что воительницы в небе выглядят великолепно: глаза горят, волосы развеваются, — но любоваться красавицами дальше было опасно для жизни.

Предстояло невыполнимое: мгновенно определить для себя, прятаться ли в деревне или скрыться в чаще, найти и оповестить родных — и это в условиях невероятной паники и давки!

К огромному счастью, все Винсенты и четверо студентов оказались в одном месте в одно время, а за Джессику беспокоиться не было смысла: девушку всё равно не остановишь, Отряд Лесных Воительниц мчался задержать незваных гостей.

— До нашего дома далеко, отступаем в лес! — скомандовал Дерик. — Держитесь за руки!

— Куда… В каком направлении? — металась Алина, пока Джейк не схватил её за рукав.

— В Солнечный Лес или в Западный? — крикнул парень матери.

— В Западный!

— Туда! — указал он свободной рукой и потащил девушку за собой.

— Не убегай вперёд! — перепугалась Анна. — Нам нельзя терять друг друга из виду!

— Нет, ты с девочками беги дворами, там безопаснее, а мы — по дороге, — твёрдо возразил Дерик. — О, Ветры! Почему мы теряем столько времени!!

Он, потащив за собой Дашку и Теону с Шаки, рванул в проулок, собственным словам последовав частично. Впрочем, убеждать Анну дальше — может слишком затянуться, а сестёр и подругу надо срочно отвести в безопасное место.

«Видела бы это Джессика, — усмехнулась про себя Дашка. — Я начинаю понимать, почему Анна её так раздражает».

Сзади засопели остальные: Анна, Алина, Джейк, Дима и Саша. Шанди, высунув язык, летел на уровне глаз впереди всех, иногда оборачиваясь. Наверное, дракону происходящее казалось забавной игрой. А может, и нет, так как смотрел он каждый раз на свою маленькую хозяйку. Чтобы удостовериться, что с ней всё в порядке? Возможно. Дашка старалась не думать о ситуации, чтобы ужас её остался за пределами понимания вампирши и не позволил начаться истерике. Она доверилась Дерику, который не отпускал её от себя. *Он знает, что делать — значит мне этого можно не знать, парень за меня всё продумает.*

И тут прогремел взрыв.

Глава 22 Пора принимать себя иную

Дашку отшвырнуло взрывной волной, вампирша пролетела несколько метров и ударилась головой об угол дома. Если бы она не была вампиршей, получила бы неслабое сотрясение мозга, но физические повреждения Дашка получать не могла, поэтому сразу вскочила на ноги.

Дым рассеялся, открыв малоприятную картину. Пострадали все, кто находился на улице. Счастливчики, которых было немного, отделались глубокими порезами: стёкла окон и витрин (люди не успели покинуть полную магазинчиков Центральную улицу) разлетелись на ранившие всех осколки. Многие пострадали серьёзнее. Дашка огляделась в поисках своих. Дерика увидела сразу, у парня рубашка была мокрая от крови, потом — бледную-бледную Алину, держащуюся за плечо. К девушке подошла, сильно хромая, Анна, что-то спросила, и обе стали осматриваться. Тоже заметили Дерика, он поспешил к ним одновременно с Дашкой.

— На ногах держитесь? Где все? — беспокоилась Анна.

— Мы здесь! — неожиданно возникла Теона с огромным синяком в пол-лица, судорожно хватающаяся за Сашу, она явно ударилась головой.

У молодого человека же сочилась кровь из многочисленных ссадин, и пальцы левой руки были неестественно изогнуты: переломал.

Последними обнаружились Дима и Джейк. Студент ударился носом, который у него ещё не зажил после конфликта с Джессикой, а Винсент вывихнул руку.

— Шаки в безопасности, — сказал Джейк, не дожидаясь вопроса матери, — Шанди её спас, подхватил и улетел с ней.

— Что это было? — простонала Алина.

— Ты о взрыве? Глянь в небо, — вздохнул Дерик.

На высоте метров десяти парил дракон, на спине которого сидел мужчина в мантии наподобие тех, что носили хранители закона, но только синего цвета.

— Королевский боевой маг, — сухо пояснил парень.

— Это он взрыв сделал? Он один?!? Но у него же нет ни жезла, ни посоха! — не верилось Алине.

— А ты что хотела? На короля работают только самые сильные. Высший уровень мастерства — это когда… Ладно, сейчас не время рассказывать! — опомнился Дерик.

Дашка стала с ужасом, но вместе с тем и с восхищением понимать одну ясную мысль: какую же мощь таит в себе магия,

если единственный человек может нанести такой урон, не пользуясь ничем, кроме этой загадочной, необъяснимой силы… Она была уверена, что заклинание взрыва далеко не самое разрушительное из тех, которыми владеет королевский боевой маг.

— Что задумалась! Бежим! — одёрнул её Джейк, потянув за собой; всеобщая суматоха возобновилась так же мгновенно, как прервалась из-за взрыва.

— Почему мы бежим в другую сторону?!? — смогла сообразить Дашка. — Обратно к Храму Ветров?!?

— Маг готов метнуть огонь в толпу, если мы не повернём.

Она тут же задрала голову и обернулась. Дракон залетел чуть вперёд, туда, куда пять минут назад неслись люди, маг небрежно подкидывал на ладони огненный шар.

Несколько человек всё равно попытались проскочить в том направлении. Маг резко опустил руку вниз в то мгновение, когда смельчаки были под драконом — шар сорвался с пальцев и рухнул точно на непокорных, превратившись в огненную волну, которая за долю секунды подожгла всё: и дома, и деревья, и одежду. Та кучка людей, в которых попал шар пламени, горели заживо, заставляя всю улицу содрогаться от их криков.

— Хотят собрать нас на площади, — бормотал Джейк, не отпуская Дашку. — Великие Ветры, зачем?!

— Туда народ со всей деревни гонят! — в отчаянии крикнула какая-то девушка.

Действительно, перед Храмом Ветров был невообразимый хаос. Вся королевская группа уже добралась сюда, несмотря на то, что отряд Айрис Ави пытался противостоять им. И девушки со своей удивительной предводительницей, и хранители закона с боевыми магами потратили друг на друга уже немало сил. У людей Мартина было численное превосходство и преимущество в том, что у них была магия. Ко всему прочему — четыре дракона. Зато воительницы были проворнее, и ни один выброс магической энергии волшебного жезла, ни одна молния, ни один огненный шар не попал в цель. В попытках причинить вред наглым девчонкам и ведьме-воительнице «зелёные мантии» и колдуны своим же оружием попадали по коллегам — к огромному удовольствию народа. В конце концов, наездницам на пегасах принадлежал воздух, а ненавистной группе — всего лишь клочок земли.

В рядах королевской группы появлялись первые жертвы: воительницы были превосходными лучницами, а Айрис с поразительной точностью метала в своих главных врагов острейшие клинки, пролетавшие так, что отрезали противникам

головы. Одним щелчком женщина заставляла все клинки возвращаться ей в руку, и бросала их снова.

Боевые маги, следящие за тем, чтобы никто не удрал с площади, вынуждены были включаться в битву, оставляя людям отличную возможность спастись, и все растекались по улицам. Винсенты, Дашка, Алина и Саша мчались домой, а кто-то, прихватив верного дракона, коня или пегаса, спешил на площадь, противостоять неприятелям.

— Леди! Умоляю! Спасите меня! — внезапно в Теону вцепился человек с отвратительной кровоточащей раной на боку. — Вы ведь целительница!

Каждое слово отбирало у него не то что силы — жизнь.

Остановилась вся компания.

— Мальчики, подхватывайте его, — нервно бросила Анна. — Надо торопиться!

— Дома поздно будет! — воспротивилась Теона. — Ему надо срочно помочь!

Человек рухнул, потеряв сознание. Она упала на колени возле него и, сосредоточившись, принялась за исцеление.

— Не время! — Анна рывком подняла приёмную дочь с земли. — И ты сама нездорова! Еле на ногах стоишь!

— Он же погибнет! — возмутилась молодая целительница, наверное, это был первый раз, когда она вот так спорила с матерью.

— Ну что же вы… — заметно нервничал Саша. — Все идите домой, а я с кем-нибудь останусь с Теоной.

— Я с тобой! — мгновенно отозвался Дерик. — Бегите отсюда!

— Но я не могу вас здесь оставить! У вас нет оружия, и вы не владеете ни боевой, ни защитной магией, — Анна растерялась.

— Мама! После Денаувера им ничего не страшно! — Джейк потащил упирающуюся мать дальше. — Дмитрий, мы уходим!

Но он не успел и сдвинуться с места: всеобщий гвалт перекрыл пронзительный крик Тинзо Цельсия:

— Из столицы подкрепление послали! Деревню со всех сторон окружают, и они на боевых пегасах все!

Новость была настолько шокирующей, что в толпе воцарилось молчание чуть ли не на минуту. Даже друзьям из Большого Мира, ничего в этих делах не смыслящим, было ясно: теперь перевес на стороне людей короля Мартина настолько нечестный, что и сражаться-то смысла нет. Однако гордость жителей деревни не допускала и мысли о том, что можно сдаться без боя. Это была отличительная черта характера всех коренных фатонцев — нежелание делать то, что хочет от них король (нет,

жители маленькой деревни подчинялись бы приказам справедливого и доброго правителя, но таких Альдана не знала давно). Этим Фатона была известна на всё королевство. Ещё бы! Она находилась в паре километров от столицы и до сих пор успешно сопротивлялась! В чьих-то глазах эта слава была дурной, в чьих-то — великой, но все признавали, что деревня скорее исчезнет с лица земли, чем начнёт исправно приносить королевству доход.

Друзьям этого не говорили, но трое из них начали об этом догадываться, когда увидели, что народ моментально собрался с духом. Многие торопились заскочить домой, чтобы взять оружие и верного друга: дракона или пегаса.

— Что мы делаем?! — Анна никак не могла успокоиться. — Мы бросили их в момент, когда вот-вот здесь всё крушиться начнёт! — бормотала она, оглядываясь назад, надеясь, что давно пропавшие из виду Теона и парни догонят их.

— Я за ними вернусь, — решил Джейк, тоже всерьёз засомневавшийся в том, что с сестрой, братом и другом всё будет в порядке.

— Могу пойти с тобой, — предложила Дашка. — Оружием меня не убить, так что опасности для меня никакой нет.

— Балда! А магия?! — вспыхнул молодой человек. — Перед ней все равны.

— Я ведь левитировать могу. Мне просто уклоняться от выстрелов магии. А тебя одного отпускать страшно, — и она тут же смутилась, всё-таки в способностях своих вампирша была не совсем уверена, но самый последний довод в пользу того, что ей стоит сопровождать Джейка, приводить «в чистом виде» казалось неудобно.

Анна хотела сказать, что думает по этому поводу, но над улицей нависла тень и прогремел другой голос:

— Ваши девчонки-воительницы перебили почти всех наших людей. Неужели их воспитанием никто не занимается? Драться ведь нехорошо. Хотел бы я поговорить с их родителями, но ведь так долго выяснять, кому эти паршивки приходятся родной кровью… Поэтому отвечать за них будут все! — говорящий захохотал.

Это был командир подкрепления, группы из человек пятидесяти хранителей закона, боевых магов было примерно в два раза меньше.

— Дометис, ты ошибся, — к нему подлетела Айрис, отряд остановился за её крылатым конём. — Мы уничтожили *всех* людей Мартина, посланных сюда. Да, кстати, один из боевых магов опалил мне рукав. Так меня в жизни никто не оскорблял, и

вы все за это поплатитесь. Женщин оскорблять — очень дурной тон, неправда ли, Дометис?

— Дометис Шезард, — командир назвал своё полное имя. — Кто ты такая, чтобы фамильярничать со мной, Главным Хранителем Закона?

— Ты прекрасно знаешь, я предводительница Отряда Лесных Воительниц, Айрис Ави, — женщина ничуть не теряла самообладания. — Впрочем, вы считаете меня полубезумной ведьмой, а моих учениц — ничего из себя не представляющими выскочками, возомнившими себя героинями. У вас не возникало вопроса, Дометис, почему лучшие королевские отряды не могут справиться с ними? Может, пора уже менять своё мнение?

— Ты… Ты… — не находил слов Шезард, приходя в ярость из-за того, что и в словесном бою он проигрывает.

— Что-то беседа затянулась, Дометис. Не пора бы перейти к действиям? — она сделала какое-то движение пальцами, и в её руке появился сверкающий клинок.

Шезард направил на неё жезл, остальные хранители закона сделали то же самое. Айрис встряхнула руку — вместо одного клинка стало несколько, она держала их как веер. Через долю секунды сражение началось.

Очень жестокое сражение. Подкрепление состояло из действительно хороших воинов. Справиться с Отрядом они, правда, не могли, как и все их предшественники, но у Лесных Воительниц тоже не получалось разделаться хотя бы с одним человеком. Зато королевские боевые маги и хранители закона успевали палить магией по людям на улице.

Дашка моментально потеряла в человеческой массе семью Винсентов и одногруппников: сначала вампирша увернулась от ударившей магической молнии, потом отскочила в сторону от огненного шара, ещё от одной молнии — это за каких-то пару мгновений. Этой ничтожной частицы времени хватило, чтобы оказаться на значительном расстоянии от друзей и Анны.

— Ой! — кто-то налетел на неё сзади.

Дашка резко обернулась: это была Теона!

— Где парни?! Саша и Дерик!!? — вцепилась в неё Дашка.

— Где все?! — в ответ воскликнула Теона. — Где Вайрес?.. — беспомощно пролепетала она, Дашка догадалась, что целительница имеет в виду раненого, которого только что пыталась вылечить.

— Я не… Осторожно!!! — не договорив, вампирша оттолкнула Теону: в волшебницу летел огненный шар.

— Спасибо, — Теона поднялась. — Ой! Их тут много! — взвизгнула она, пригнувшись.

Над её головой мелькнули ещё несколько огненных шаров и, подняв кучу брызг, упали в источник, расположенный в одном из дворов. Стало ясно: это всего лишь стайка летунчиков, в которую попало брошенное пламя. Дашка и Теона тут же повернули головы туда, откуда появились бедные создания: посреди улицы опустился один из пегасов с всадником-магом, посылавший в разные стороны жуткие волны пламени. Он направил руку на подруг, из его ладони вырвался огонь…

Кто-то сбил молодых женщин с ног, сам повалившись на них, огонь пролетел над ними и врезался в забор, вспыхнувший.

Спасительницей была Джессика. Она не сказала не слова и даже не встретилась взглядами с ними — быстро огляделась в поисках своего крылатого коня. Пегас, с которого всадница спрыгнула так внезапно, кружил невысоко, но не успел приблизиться к Джессике: его сбил магический луч, а на девушку нёсся хранитель закона, замахиваясь жезлом.

Ему не следовало этого делать. В один момент Джессика сделала четыре дела: уклонилась от магического выстрела, вонзила в хранителя закона кинжал, спихнула мужчину с пегаса и запрыгнула в освободившееся седло.

— Возвращайтесь на Центральную улицу! — крикнула им она, уже оказавшись высоко в небе. — Мы этих собак задержим!

Не задумываясь, Дашка и Теона кинулись туда. В сознании никакой мысли зародиться уже не могло, они жили сейчас только инстинктом самосохранения. Центральная улица началась неожиданно быстро.

— Надо укрыться в помещении! — наконец, Дашка снова начала соображать.

Они нырнули в первую попавшуюся дверь. Помещение казалось знакомым. Осмотревшись, Дашка узнала таверну «Золотой пегас». Той самой, где Патрик Тейлор дал друзьям задание. По сути, именно здесь и началась вся эта малоприятная история, зародилась новая Дашкина жизнь.

— Дарья! Теона! — послышался голос Шаки.

Молодая целительница и вампирша вздрогнули от неожиданности и тут же почувствовали настолько существенное облегчение, что разгром королевского отряда представлялся совершенно очевидным, равно как и не было ни единого сомнения в безопасности братьев, Анны, Саши, Димы и уж тем более Джессики.

— Ты в порядке? — Теона протянула руки к торопливо направляющейся к ней девочке, потом словно опомнилась и сама кинулась к ней.

— Я цела, — послушно ответила девочка. — Я уже давно тут

нахожусь. Шанди меня сюда доставил.

Дракон, услышав своё имя, вылез из-под стола и подошёл к ним.

— Умный он у вас, — Дашка погладила его по голове, дракон зажмурился и засопел, очевидно, от удовольствия.

— Просто он привязан к Шаки, — Теона наклонилась к нему, обняв за шею. — Драконы домашних пород могут растеряться, если им самим опасность грозит, но когда хозяин в беде — проявляют чудеса сообразительности. В такие моменты они бывают умнее людей. Но только мы не знаем, какой породы Шанди. Нам его один человек подарил. У него был целый выводок детёнышей дракона, он их хотел в столице продать. В нашем доме он по пути на ночлег остался, и в благодарность за гостеприимство оставил нам одного. Ты же не считаешь, что Шанди может оказаться… неправильной породы?

— Что ты! — замотала головой Дашка. — Если он такой надёжный охранник для Шаки — зачем вам надо знать его породу?

— Шанди не охранник. Он мой друг, — вдруг сказала девочка, причём весьма твёрдо.

— Извини. Я не хотела его обидеть, — Дашка ещё раз его погладила.

— Я тебе верю, — серьёзно посмотрела на неё Шаки.

Вампирша, убедившись, что всё хорошо, принялась изучать обстановку. Таверна была переполнена, свободных мест ни за столиками, ни за барной стойкой не было. Практически все посетители пили бокал за бокалом что-то алкогольное, что не удивляло. Дашка бы сама не отказалась от напитка покрепче, но денег с собой у неё не было, да и не знала она, действует ли алкоголь на вампиров.

— Отойдём куда-нибудь, а то мы мешаемся, — спохватилась Теона.

Они устроились на подоконнике. Центр противостояния ещё не переместился на эту улицу: Отряд Лесных воительниц превосходно справлялся со своей задачей. А сюда постепенно подтягивался народ. В окнах было видно: тесно стало почти в каждом здании на улице.

— Что, нашлись родные? — к подоконнику подошла официантка, улыбаясь Шаки.

— Да, — девочка улыбнулась в ответ.

Официантка удалилась, но потом вернулась с подносом, на котором стояли три стакана с чем-то горячим и ароматным.

— Это вам за счёт заведения, — она вздохнула. — Кто знает, сколько нам всем тут сидеть.

Она отошла и вернулась ещё раз, принесла костей для Шанди.

Звуки сражения всё приближались, и через некоторое время на улице уже вовсю творились разрушительные заклинания, летали стрелы воительниц и клинки Айрис. Спокойствие осталось воспоминанием, теперь Дашка с Теоной ощущали острейшую душевную боль за друзей и родных, о которых неизвестно: смогли ли где-нибудь укрыться или им так и не удалось покинуть поле боя? Этим терзались все, кто наблюдал за сражением из окон улицы. Но недолго. Начало твориться совсем уж невообразимое.

Один за другим стали рушиться здания. Дашкин разум отказывался воспринимать действительность. Она плохо понимала, как ей и сёстрам удалось выскочить на улицу, когда в таверне задрожали стены и зазвенели стёкла окон, куда, в каком направлении они потом бежали… Их толкали со всех сторон…

Разум заработал, когда Теона, не издав ни звука, упала. Ей же было плохо, у неё сотрясение… Дашка, не переставая ругать себя за то, что постоянно забывает о своём умении летать — а в данной ситуации эта способность могла бы здорово выручить! — бросилась к ней. Шаки беззвучно плакала, пытаясь привести сестру в чувство. Верного дракона видно не было, должно быть, он серьёзно пострадал. Дашка некстати подумала: вдруг он умер, — и это стоило ей замешательства, потому что она представила, какой удар это будет для Шаки, и на секунду у неё в глазах появились слёзы. Очнувшись, она попыталась взвалить на себя Теону, но эй оказалось слишком тяжело, к тому же, надо было ещё прижимать к себе девочку, чтобы ребёнка не оттеснила толпа.

Взгляд вампирши упал на кулон на шее Теоны. Всё стало проще. Этот артефакт связывает целительницу и её, Дашку. Стоит вампирше захотеть на кого-то напасть — сила кулона тут же переносит Теону к ней…

Дашка схватила на руки Шаки и взмыла вверх. Сначала надо *захотеть* крови. Кто-нибудь из боевых магов или хранителей закона — да, вампирша безумно зла на них. Безумно! Ряды прибывшего подкрепления не слишком-то поредели. А вдруг у этих мерзавцев до сих пор ни одной жертвы!?!

Только что перед ней боевой маг пустил огненный шар в Храм Ветров. Покусился на святое! *Тебе не жить.*

Вампирша кинулась на него, забыв, что держит беззащитную Шаки. Маг был умён, он решил заставить Дашку помучиться целиком: и морально, и физически. Он бросил ледяную стрелу не в неё. В Шаки.

Случилось то, на что он рассчитывал: Дашка застыла от

ужаса, когда из раны в груди девочки потекла кровь. Следующей атакой был пущенный в ребёнка ядовито-зелёный сгусток чёрной магической энергии, выбивший девочку из рук вампирши. Третья атака огнём предназначалась уже Дашке.

Такой адской боли она никогда не знала. Правда, кошмар длился пару секунд: мгновения, когда огонь проходил через вампиршу. Оставшаяся боль была слабее, но, тем не менее, не позволяла сосредотачиваться на том, чтобы удерживаться в воздухе. Дашка начала падать.

Боевой маг поразил её огненным шаром ещё два раза. Третий шар в цель не попал — кто-то поймал Дашку на лету, не останавливаясь. Она сперва боялась поверить в спасение и открыть глаза и посмотреть на своего спасителя, но спустя несколько секунд сделала это.

Она была обязана жизнью Кеану Мортису.

Вампирша сейчас не видела ничего, кроме его лица.

— А ты смелая, — усмехнулся он. — Как жаль, что между бесстрашием и безрассудством нет баланса.

— Простите, — пробормотала Дашка. Ей стало неудобно, почти гадко.

— Эй! Ты обиделась? — Кеану растерялся. — Я не то имел в виду! Люди в опасных ситуациях думать не успевают, даже те, кто в обычной жизни мудростью отличаются! Так что… Я не считаю тебя глупой — наоборот!

Он выглядел испуганным. Дашка вздохнула. Вероятно, он так носится с ней, потому что ей суждено войти в историю. А может и нет… Может, ей опять не повезло. Все красавчики, которым внимание противоположного пола нужно в качестве допинга, влюбляют в себя сто девушек, а в сто первую вдруг влюбляются сами.

— Ты кого-нибудь из моих видел? — перебила она саму себя.

— Шаки поймал Тейлор, при этом чуть не убился сам. Звучит цинично, но за него переживать не стоит: он так корил себя за то, что отправил вас в Мрачный Лес и этим самым испортил вам по отрезку жизни, а тебе в каком-то смысле и всю оставшуюся жизнь, что будет считать, что парочка полученных сегодня травм — это справедливое наказание, и одним грузом на совести у него станет меньше.

— А остальные? Теона осталась там, посреди улицы! Я бросила её, надеясь с помощью вот этого, — Дашка сжала в кулаке и с силой дёрнула магический кулон на своей шее, — перенести её в безопасное место, — она со вздохом опустила глаза. — Не обманывайте себя, мистер Мортис. Я полная дура. Вам правильно казалось.

— Мне не казалось! — твёрдо сказал Кеану. — Я понял, в чём заключалась твоя идея, и должен заметить, она не так уж плоха. Наоборот — весьма оригинальна! Ты просто не освоилась в новом обличье. И в этом мире. Когда в тебе появится немного хладнокровия, ты будешь действовать быстрее. Вам ведь суждено сделать что-то великое для Альданы? Ты просто создана для этого.

— Не старайтесь, мистер Мортис, — Дашка пришла в себя и теперь оглядывалась: они летели на чёрном пегасе с серебряными крыльями и гривой, которого она уже видела; в небе не было ни души, внизу все улицы пустели. — За месяц я могла бы научиться быть вампиром. Не могу я к себе привыкнуть. Да и противна я теперь себе. Какой из меня толк, если своей сущностью я управлять не могу, а если пытаюсь — получается катастрофа?

— Ты не сладила с собой два раза, опрометчивый поступок совершила единожды. Это ещё не повод, чтобы разочаровываться в себе. Ты стремишься помогать людям — это главное. Пафосная фраза, да? — взгляд Мортиса вдруг потеплел. — Но так оно и есть. Душа-то у тебя продолжает жить. И сердце. Хоть биться перестало, но от этого не стало злым. Ты справишься с задачей. Может, даже спасёшь королевство. Тебя ведь даже стихия твоя охраняет едва ли не настолько сильно, как это вообще возможно. В тебя два раза попали огненным шаром — ты жива осталась. Боль ты чувствовала. Но длилась она всего ничего, не так ли? Твоя стихия не приносит тебе вреда.

— Она могла бы оберегать меня ещё сильнее. Вы только что упомянули об этом.

— Полная неуязвимость, когда магия соответствующей стихии даже боли не причиняет, встречается невероятно редко. Это единичные случаи.

— Мистер Мортис, да что вы от меня хотите? — рассердилась Дашка. — Выбора-то у меня нет. Кстати, и у Саши, и у Алины, и у Димы его тоже нет. Нас ведь четверо, помните? — с издёвкой спросила она. — И в послании Кевина Гранда не было ни слова о том, что кто-то из нашей компании должен взвалить всю ответственность на себя.

— Дерзкая ты, — Мортис задумчиво посмотрел на неё без тени усмешки. — Мне нравится. Как и полагается настоящим героям. Бросать вызов любому, кто начинает их раздражать. Это вас выделяет.

— Я стану стандартным, заурядным героем! — с сарказмом воскликнула вампирша. — Да! Теперь и это можно низвести до такой степени. Одуматься не хотите, мистер Мортис?

— Думай или нет — выбор-то у вас отсутствует, — хмыкнул

он. — И если бы я считал, что герои из вас получатся неважные — сослался бы на то, что, раз ты так нужна королевству, то каким-то образом избежишь смерти, и не стал бы тебя спасать.

— Интересная у вас логика, мистер Мортис! — язвительно протянула Дашка. — Получается, чем больше вероятность, что я буду достойным героем, — тем меньше шанс, что высшие силы уберегут меня от преждевременной гибели?

— Ты очаровательна! — расхохотался Мортис. — И ты достойная героиня Альданы!

— Мистер Мортис, вы не ответили на вопрос.

— Я спас тебя, потому что оказался рядом. Не мог же я спокойно смотреть, как по тебе стреляют магией!

— Вы ушли от ответа. Зачем вы затеяли разговор о том, что, моей смерти не допустят и я, в принципе, неуязвима, пока не сделаю то, что от меня требуется? Это ведь неправда, а вам надо было придумать какую-то причину, чтобы объяснить то, что вы меня спасли. Но разговор повернул не туда, куда надо. Всё-таки вы считаете меня дурой. Так вот, мистер Мортис, я этого не люблю, поэтому шансов у вас нет. Прощайте, — она освободилась от его поддержки и полетела вниз.

— Нет, это я не подумал! — всполошился мужчина и кинулся её догонять.

Скорее всего, пегас был особой породы, потому что быстро поравнялся с вампиршей.

— Ну *что* вы не подумали? — раздражённо бросила Дашка.

— *Я* не подумал, — крикнул он. — *Ты* — да. У тебя очень интересные мысли, ты не дурочка, нет, я не считаю! Хотя сейчас ты ею прикидываешься. Зачем, скажи?

«Жду, когда вам это надоест и вы отстанете от меня», — хотела честно ответить Дашка и уже повернула голову, но не успела и рта открыть: врезалась в не замеченный секунду назад фонарный столб.

Разумеется, больно не было, но обидно и стыдно… «Ну кем ты притворяешься!? — проснулся внутренний голос. — Тебе бы радоваться, что месяц назад не казнили, а сейчас не убили магией. Правильно ты думала: пока не прекратишь забывать о том, что ты вампирша, молчи и не лезь не в своё дело».

Она хотела подняться на ноги, но они её не держали. Вампирша разрыдалась. И от тех мыслей, что сейчас потревожили, и от осознания того, что она выставила себя перед Кеану Мортисом в таком свете. Прислонилась к столбу, чтобы и краем глаза не видеть своего спасителя, и перестала пытаться сдерживаться.

— Эй… Не надо! — он потряс её за плечо. — Тебе от этого

потом очень плохо будет… У меня был один раз похожий случай, и я потом себя так ненавидел за то, что вот так не сдержался перед человеком, которому не собирался демонстрировать ни малейшего признака того, что мне паршиво.

Почему ты прав?!?

Она прислонялась уже не к фонарному столбу, а к его груди.

— Пошли домой?

— Пошли…

Глава 23 Предательство

— О, Ветры, жива! — воскликнула Анна, увидев на пороге Дашку и мистера Мортиса. — Скажите, там всё закончилось, да? — она умоляюще посмотрела на него.

— Нет ещё, — Кеану перестал обнимать вампиршу за плечи, давая понять, что ей надо идти в дом, а у него нет времени здесь оставаться. — Силы теперь сравнялись, так что битва будет длиться до вечера. Дарью я спас от Герберта Хартона, еле успел.

— Хартон там?!? — ужаснулась Анна.

— Да. Шезард, Хартон, Ордан, Райман — все самые лучшие бойцы, — Мортис сделал шаг назад, собираясь уйти.

— И там остались мои дети?!? — женщина побледнела.

— Анна, я возвращаюсь туда и попробую остановить воинов, — отчётливо и громко произнёс мистер Мортис, отступил ещё на шаг, развернулся и запрыгнул на подлетевшего пегаса, словно читающего мысли хозяина.

— Герберт Хартон… Быть того не может, — Анна сползла по стене на пол.

— Он настолько опасен? — Дашка закрыла дверь, проводив взглядом Кеану.

— Это единственный человек, которому удалось убить Лесную Воительницу, — тихо сказала женщина. — Но тревожит меня не только то, что он может одержать победу над непобедимыми. Убитая девушка, Андреа Лорана, была невестой Дерика. Вряд ли мой сын сможет сдержаться…

— Я так не думаю, — произнесла Дашка. — Он спокойный, рассудительный. Не то, что я, — добавила она чуть слышно, почти про себя.

— Дерик стал таким после смерти Андреа. А раньше он совсем безголовым был. Джейк по сравнению с ним тихоней казался. Слишком глубокая рана оказалась. Четыре года прошло — парень до сих пор в себя не пришёл. Дерик не упустит шанса отомстить, — она замолчала, уставившись в одну точку.

— У Айрис, наверное, к Хартону особая ненависть. Все девушки отряда ей ведь как дочери. Да и гордость, к тому же: Лесные Воительницы ни разу поражения не знали. Вдруг госпожа Ави убьёт Хартона прежде, чем Дерик до него доберётся?

— Не знаю, — Анна начинала злиться. — Честь Отряда Лесных Воительниц для неё слишком много значит. Айрис порывалась с девушками захватить замок в столице, чтобы найти там Хартона и уничтожить. Фредерик её с трудом отговорил. Полубезумная старуха, хоть и выглядит не старше двадцати с

чем-то лет! А девушки её слушают, уважают… За что? Она судьбы им ломает, а дурочки её второй матерью считают, а Отряд — второй семьёй.

— Не стоит её так осуждать, — осторожно, но уверенно возразила Дашка. — Да, Айрис бывает жестока, но она своим ученицам добра желает. То, что девушки становятся сильными, выносливыми, смелыми — это им никак не во вред.

— Эта женщина не оставляет им выбора, — не собиралась уступать Анна. — До двадцати пяти лет, пока Айрис занимается с молодыми воительницами, девушки не видят ничего, кроме тренировок и походов, а потом, когда ученицы становятся свободными, оказывается, что они ничего не могут, кроме как махать мечом и метко стрелять из лука. Путь один — делать военную карьеру.

— Вряд ли девушкам-воительницам пришлась бы по вкусу какая-либо иная, если бы была возможность выбирать, — резонно заметила Дашка. — Они ведь осознают, на что идут. И потом, если у кого-то из них есть желание, то они находят время и для чего-то другого. Для любви, например. Как Андреа Лорана. Как я поняла, эта девушка собиралась замуж за вашего сына?

— Да. Влюблённые даже не желали ждать, когда Андреа закончит обучение у Айрис. Девушку убили за день до свадьбы, — Анна ушла в свою спальню.

Из комнаты напротив выглянул Джейк:

— Не бери в голову. Мама быстро остывает. Некогда ей кипятиться.

— Понимаю. То есть не понимаю, но допускаю, — Дашка задумалась.

— Вот это правильно. Знаешь, мама недолюбливала Андреа. Из невесты брата не вышло бы идеальной жены. Как ты можешь догадаться, домашнее хозяйство — не её дело. Вообще дом и молодая воительница — два несовместимых понятия. Дерик говорил, что собирается с Андреа в военные походы ходить. Мама против была, конечно. Так что девушку ей совершенно не жаль, — усмехнулся Джейк.

— Родителей не выбирают, — грустно заметила Дашка.

— Ты мудра, — неожиданно сказал парень. — Наверное, ты первый мудрый человек в этом доме.

— Нет, Джейк. Я столько раз ошибалась. И просто так, и в самой себе, — тяжело вздохнула Дашка.

— Не ошибаются в себе только ненастоящие люди: те, которых алхимики искусственным путём создают в лабораториях, да плоды опытов некромантов, — жизнеутверждающе заявил Джейк. — А если ты не понимаешь, что у тебя в душе творится,

значит, у тебя там всё кипит, всё меняется — так должно быть!

— Спасибо. А ты настоящий человек? — задала она провокационный вопрос.

— Я… — Джейк замялся.

— Ой… Извини. Извини! — она, спотыкаясь на ступеньках, кинулась наверх. — Извини!

Дашка, не видя ничего, влетела в комнату и рухнула на кровать лицом в подушку. *Почему меня в последнее время так тянет умничать? Я считаю себя лучше других?! Это же так гадко…*

— Кого-то убили?!? — отдыхавшая в спальне Алина растолковала поведение подруги по-иному. — Смертельно ранили!?!

— Надеюсь, нет, — буркнула Дашка, приподняв голову.

— Напугала ты, — Алина опять растеклась по своей половине постели. — Кроме тебя, пока никто не вернулся. Мы с Анной, Джейком и Димой умудрились держаться вместе по дороге, никого не потеряли. И всё. Где остальные — неизвестно.

— Теону и Шаки я видела. До того, как мистер Мортис меня утащил… спас. Где-то на Центральной улице, — говорила Дашка, не глядя на Алину. — Теоне стало плохо, она упала в обморок. Шаки точно спасли, а что с Теоной…

— Джейк говорит, что такие атаки — обычное дело, — произнесла Алина. — Эти… как их там… хранители закона народ запугивают, и только. Уничтожить они хотят только Айрис и её отряд, другие жизни им не нужны.

— Никому от этого не легче. Хоть они не задаются целью перебить тут всех жителей — весь народ почему-то страдает, — съязвила Дашка.

— Но в конечном счёте почти все остаются живы, — Алина села, обхватив колени руками. — Мне самой трудно вот так спокойно к этому относится, а надо. В Альдане, судя по всему, таков основной закон жизни. Кровь, боль, ужас и крики — это настолько привычное явление, что они не должны нас останавливать. Да, этот день оставит после себя сотни раненых… И что? Их вылечить можно… Это слова Джейка, — печально пояснила она.

— И почему в любом мире возникает столько жестокости? — Дашка закрыла глаза. — Всё. Спи давай.

— Пошёл вон! — мистер Тейлор выбросил вперёд руку, выпустив из ладони огненную стрелу, предназначавшуюся озверевшему зомби.

В ночь после того, как деревню разгромили люди короля

Мартина, Фатона содрогнулась от новой беды: поселение наводнили восставшие из мёртвых. Кошмар продолжался уже третий день.

Дашка посмотрела на свои руки.

— Пока не вздумай! — пригрозил ей Патрик. — Тебе ещё учиться и учиться, прежде чем сможешь так же. Сколько раз ты занималась? Два? Три?

— Один, — виновато ответила Дашка. — Мне мистер Цельсий объяснил, как управлять своей магией, чувствовать её. Но я не собиралась ничего колдовать.

— Я не сомневаюсь в том, что ты трезво оцениваешь свои способности, но магия — такая штука, что иногда может действовать против нашей воли. Вот ты представишь, какие бы ты огненные атаки могла делать — а у тебя с пальцев пламя само по себе сорвётся. Если бы сейчас это произошло и слабый, пока не имеющий никакой разрушительной силы огонь попал в зомби — этот ходячий труп бы просто взбесился. Хочу сразу сказать: тебе понадобится в лучшем случае семь уроков, чтобы научиться метать такой огонь, чтобы он мог кому-то причинить вред, — предупредил маг.

Патрик Тейлор в совершенстве владел огненной магией, которой особенно боялись живые мертвецы, поэтому мог быть надёжным телохранителем для своих друзей. Он только что проводил Джейка, Дерика, Диму и Сашу на Центральную улицу (она была очень сильно разрушена после нападения, и на восстановительных работах трудилась вся мужская половина деревни), а сейчас вместе с Дашкой и Алиной шёл к себе домой. Патрик обязался учить их кое-какой магии, чтобы подруги могли защищаться сами.

Все готовились. Все ждали. Все собирались с духом и с силами. В деревне все были уверены: скоро, совсем скоро Повелитель Тьмы проявит себя. Все, кроме одного человека.

— Я не могу… Ничего не могу! — чуть не плача, бормотала Теона.

— Откажись, — почти приказным тоном сказала Джессика. — Ты им ничем не обязана.

— Судьба королевства зависит от меня, — молодая волшебница подняла красивые, но такие грустные, с отчаянием безнадёжности глаза.

— Ну и что?! — вспыхнула сестра-воительница. — Королевство — это толпа близнецов-идиотов. Ладно бы все разные глупости совершали, так нет! Повторяют друг за другом, других этому учат. Лучше бы все люди на одно лицо были, чем на

одну голову. А ты очень от других отличаешься! Не превращайся в безликую тень, очень тебя прошу… — в её взгляде тоже появилось отчаяние.

— Всем лучше будет, если я соглашусь, — дрожащим голосом Теона пыталась объяснить выбор, который она всё-таки сделала. — И вам тоже: тебе, мама, Шаки, Джейку, Дерику… Война обещает быть самой жуткой из всех, которые случались в нашем королевстве. Я не хочу, чтобы вы все погибли.

— Никто из нашей семьи не стоит твоей жизни, Теона, — Джессика вцепилась в руку сестры так, что волшебнице стало больно. — Пожалуйста… Не делай этого…

— Не говори так! — она накрыла ладонью пальцы Джессики, сжимающие её запястье.

— Но так оно и есть! — она отдёрнула руку. — Даже я, хоть люблю тебя и желаю тебе добра, причиняю тебе слишком много страданий.

— Их легко пережить. Ты ведь не со зла.

Глаза Джессики быстро наливались слезами, впервые молодая воительница чувствовала полное поражение. Девушка молчала, тяжело дыша, собирая последние силы. Они ей понадобились для того, чтобы дать Теоне пощёчину.

— Идиотка! До конца твоего существования об тебя будут ноги вытирать! — выкрикнула Джессика уже в дверях.

Она хотела исчезнуть из дома до утра следующего дня, но во дворе столкнулась со Вивьен. Девушка знала, зачем священница пришла сюда.

— Джессика, вы с сестрой ещё здесь? — сердито спросила женщина.

— Теона должна была дать согласие, — тоном, не терпящим возражений, сказала воительница. — А вы решили за неё. Это против правил. Причём вы не только решили, но и известили о решении всю деревню.

— Согласие — это формальность, — парировала Вивьен, — мы же все понимаем, что от обязанностей Солнечной Принцессы никто не отказывается.

— И что? А моя сестра не может их принять, — девушка шагнула в сторону, видя, то священница хочет её обойти, и преградила ей путь.

Всё-таки у Джессики оставалась надежда. Предстоял один бредовый обряд, Обряд Признания. Через него проходили те, на кого возлагали какое-нибудь ответственное дело, кому доверяли множество жизней: командиры войск, которые будут бороться за справедливость, старейшины, священники Храмов… Обряд ожидал и Теону. И только от Джессики зависело, чем он

закончится.

— Ладно. Мы идём. Я её позову, — согласилась она и вернулась в дом за сестрой.

Теону от страха трясло. После болезни она и так выглядела неважно, а сейчас — совсем плохо. Пока целительница, священница и воительница шли к башне старейшины, месту проведения Обряда Признания, Вивьен приходилось с помощью своей магии восстанавливать Теоне силы.

Наконец, показалась невиданная толпа народу. Перед башней Фредерика нередко собиралась толпа, но в этот раз тут были жители деревни все до одного. Народ сразу расступился, заметив на холме Теону с Вивьен и Джессику. Воительница примкнула к чёрно-белой части толпы в первых рядах — девушкам в форме из Отряда, впереди которых стояла Айрис, величественно оглядывая народ. Две носительницы священной магии прошли к башне. Их встретил Фредерик, держащий злополучный Жезл Света. Толпа сомкнулась и замолчала. Даже звуки природы вдруг затихли, однако тишина была не пугающей, а торжественной, под стать моменту.

— Итак, жители Фатоны…. - начал Фредерик.

Все не только продолжали хранить молчание, но и замерли.

— …мы собрались здесь, чтобы узнать, достойна ли девушка, стоящая передо мной, Теона Винсент, стать Солнечной Принцессой.

В толпе появилось напряжение, охватившее каждого. И по-прежнему — ни звука.

— Сейчас я прошу преклонить колени всех, кто уверен в Теоне Винсент и согласен признать её Солнечной Принцессой. Те, кто считает, что такая ответственность — не для неё, пусть остаётся стоять. Если среди нас окажется хоть один такой человек — его голос будет решающим, и леди Теона не станет тем, кем должна. Королевство подождёт, пока не найдётся другая девушка с такой мощной святой силой, — и Фредерик опустился на одно колено.

То же самое сделала Вивьен. И вся толпа быстро-быстро, ряд за рядом повторила этот жест. Даже оказавшиеся здесь летунчики выразили таким же образом своё признание. И совершенно невыносимые обычно информеры. Чуть-чуть промедлили двое: Саша и Дашка. Они понимали, как это всё тяжело для Теоны. Нет, Джессика не просила их демонстрировать протест. Эти друзья вообще получили представление об Обряде Признания только после слов старейшины — а до этого им просто велели прийти сюда в назначенное время. Они догадывались, что ещё не было случая, чтобы, когда Солнечная Принцесса проходит Обряд

Признания, кто-нибудь был против неё. Но вдруг именно *они* должны поступить так? Им же предстоит сделать что-то выдающееся… С другой стороны, если над королевством нависла опасность — они не вправе лишать его защиты. И сомнения развеялись быстро. Друзья преклонили колени.

Теперь среди всех одиноко возвышалась Джессика.

Она вчера слышала, как Теона в Храме просила прощения у духов за то, что надеется: её сестра во время Обряда покажет несогласие и не даст ей впоследствии истязать себя, ведя жестокую войну в своём внутреннем мире. И Джессика хотела освободить Теону. Сёстры пристально глядели друг на друга. Теона — с беззвучным криком о помощи. Джессика — с нарастающей тоской. Если с Теоны снимут тяжкий груз — дурочка будет счастлива. Но мир состоит не только из счастья. Разочарования там тоже есть. Раз молодая волшебница выбрала себе такую судьбу — пусть узнает, на что идёт. Сестрёнке надо учиться.

Джессика, сжав кулаки, послала Теоне последний взгляд, теперь извиняющийся. И опустилась.

Жезл в руках старейшины засветился голубоватым светом: перекрыл путь назад.

Фредерик встал и довольно произнёс:

— Леди Теона Винсент, наша новая Солнечная Принцесса.

Последовал такой взрыв радостных криков и аплодисментов, что, наверное, вся Элиорамия узнала о событии.

— Поздравляю, — произнесла сияющая Вивьен, а Фредерик, улыбаясь, протянул Теоне Жезл, переставший, наконец, испускать свет.

Она, ничего не ответив, приняла артефакт. Хотелось поскорее оказаться дома, но толпа не пропускала, каждый норовил что-то сказать новой Принцессе. Джессика подумала, что могла бы помочь ей добраться домой, отгоняя от неё возбуждённый народ, но не хватало духу заставить себя приблизиться к ней. Попросить кого-то из парней об этом — тоже. Но столкнувшийся с ней Саша успел сообразить, что у новой подруги за мысли прежде, чем она исчезла у него из-под носа. Парень протолкался к Теоне и потянул за собой, распихивая постоянно возникающие вокруг них плотные неугомонные человеческие кольца.

Выбравшись из толпы, добраться до дома Теона могла спокойно: в ней была ощутимая святая сила, не позволяющая нежити набрасываться на неё, а вот других бы зомби задержали. И тем не менее, Саша решил не оставлять её. Мечом парень уже владел хорошо, с оружием не расставался, так что ему не составило труда обороняться по пути.

Дома Теона заперлась в комнате, зачем-то извинившись перед Сашей. Он немного постоял перед закрытой дверью, пытаясь понять, не плачет ли волшебница. Вроде бы нет. Но Саша подумал, что лучше бы плакала.

Вернулись все (естественно, кроме Джессики) очень скоро. В абсолютно праздничном настроении. Что ж, понять их можно. Надежда на спасение — это серьёзно. И, как это не печально, одна-единственная, пусть и настолько уникальная душа проигрывает многомиллионной душе целого королевства, если смотреть с точки зрения здравого смысла.

Саша сказал, что Теона очень устала и сейчас спит. Ему поверили, потому что она двое суток подряд не могла сомкнуть глаз. Все полагали, что это из-за волнения.

— Конечно, пусть отдохнёт, — понимающе кивнула Анна. — Чуть позже можно будет устроить маленький праздник.

— Верно, — протянул мистер Цельсий, который вместе с Патриком Тейлором защищал компанию по пути домой. — Всем нам положено за то, что мы столько пережили.

— Да уж. И спасибо вам за то, что вы вылечили Шаки магическую рану, — Анна перевела взгляд на младшую дочь, потом — на Тейлора: — И вам спасибо. Останетесь у нас на ужин?

— Насчёт Зонаруса не знаю, а я вот не могу, — развёл руками Патрик. — Мне надо сопровождать дочку мистера Раффа в столицу. Вы уже слышали, что нежить уже и там?

— Кошмар… Но Теперь всё кажется не таким уж безнадёжным, — улыбнулся Джейк. — Идея страшная, но… Хочется, чтобы побыстрее всё случилось — и быстрее закончилось.

— Ты сам признал эту мысль кошмарной, — хмыкнул мистер Цельсий. — Повелитель Тьмы — это тебе не обычный захватчик. Самые мощные заклинания Книги Смерти из тех, что доступны обыкновенным людям, способны превратить в руины деревню вроде нашей. А какой урон может принести особая магия, тайны которой могут быть известны только самым сильным, избранным?

— Начинать верить в чудеса никогда не поздно! — заявила впихнувшаяся в узкий, битком набитый коридор Марика.

В доме Винсентов она не появлялась почти целую неделю.

— Я только что летала, так сказать, на разведку, до Зальвана и обратно, — она сняла плащ и повесила на один из крючков для одежды. — В лесу, через который лежит дорога в столицу, часто людей хоронят? А то слишком уж много восставших из мёртвых направляется оттуда во все стороны Элиорамии.

— Да, Лунный Лес — идеальное место для Обрядов

Упокоения, — ответил Тейлор. — Подожди, так дорога кишит нежитью?

— Вас это пугает? — хмыкнула вампирша.

— Что вы, мисс Новиш, просто я по-другому представлял себе размеры бедствия. Думал, что все живые мертвецы, мешающие жителям столицы, родом с местных кладбищ. А оказывается, вся нежить — с нашего леса.

— А Повелитель Тьмы — откровенный хам, — Марика усмехнулась. — Подобное надругательство над священным лесом — вызов духам.

— Лунный Лес не священный, — нахмурился Дерик. — Три месяца назад Мартин подписал указ об изгнании оттуда всех духов предков. А продолжают хоронить погибших там потому, что новую обитель духов до сих пор не нашли.

— Что ж, Мартин основательно подготовился, — подвёл итог мистер Цельсий. — Всё-таки разговоры о том, что он и есть повелитель Тьмы — правда.

— Зато когда мы его победим — у нас будет новый правитель, — мудро заметила Марика.

— Возможно, ты права, — не стал спорить Тейлор. — Ну, я побежал. А то совсем заболтался с вами. Семейство Рафф, наверное, уже вовсю ругается на меня нехорошими словами, я за Элмайрой должен был зайти десять минут назад.

— Ой, последний вопрос, Патрик, — затараторила Марика. — Элмайра Рафф ведь будет сдавать вступительные экзамены в Магическую Академию? На какой факультет она собралась поступать?

— Ты и это знаешь! — С шутливым возмущением воскликнул мистер Тейлор. — Факультет Призывательского Искусства.

— Если там до сих пор преподаёт Джеральд Лорис, напомните ему, что он должен мне три литра замораживающего зелья! — хихикнула она. — До свидания! Счастливого пути!

— Берегите себя! — попрощался мистер Тейлор и ушёл.

— А что? — невинно протянула Марика. — Я с ним поспорила, когда преподавала в Академии, что декан факультета Демонологии завалит на экзамене больше половины группы. И выиграла спор: с первого раза экзамен сдали из сорока человек четыре.

— Что сдавали-то? — заинтересовалась Дашка.

— Он принимал теорию демонологии у некромантов. Зачем она нужна — студенты догадывались, зачем она нужна *им* — бедные первокурсники так и не поняли, — с сарказмом (по отношению не к студентам, к преподавателю) произнесла Марика.

— Студенческие истории могу слушать до бесконечности, но расходитесь по дому, не толпитесь в коридоре, — напомнила Анна. — Зонарус, так вы остаётесь?

— Увы, мне надо забрать сына с Центральной улицы, — вздохнул мистер Цельсий.

— До свидания! — хором сказали все.

— А Джеральд Лорис — очень даже интересная личность, — сказала Марика Дашке, когда они поднимались на второй этаж. — Декан факультета Алхимии. Заядлый спорщик, причём все студенты и преподаватели любили заключать с ним пари, потому что он всегда предлагал в виде своей ставки немаленькую порцию какого-нибудь редкого зелья. Проигрывал, правда, редко, но это никого не смущало.

— Весело было у вас, — Дашка открыла дверь её с Алиной спальни и пропустила подругу. — А почему ты думаешь, что он по-прежнему преподаёт в Академии? Почти двести лет прошло с тех времён, когда ты работала там. Джеральд умеет изготовлять эликсир жизни?

— Нет, он эльф, — Марика забралась на кровать с ногами.

— Любопытно. Я в королевстве эльфов не видела.

— Они живут в землях Адельтии, это далеко от Элиорамии. Это практически самостоятельное королевство. Так заведено, что короли не пытаются добиться от этих земель подчинения. Исторически так сложилось. А эльфы не стремятся отделиться совсем. Налоги исправно платят, а некоторые законы, общие для всех земель королевства, их не касаются. Уезжают из Адельтии эльфы по разным причинам. Для Джеральда его родные земли были слишком тихими. Ему нравилась городская суета, — Марика вдруг замолчала, и на лице её появилось мечтательное выражение. — В то время он был единственным преподавателем-эльфом в Академии. Студенты не уставали замечать: вот и хорошо, что он один на всё учебное заведение. У эльфов ведь отличное зрение и слух, Джеральд любой шёпоток в аудитории слышал и любое движение замечал. Все студенты, столкнувшиеся с ним впервые, сначала терпеть его не могли, а потом готовы были на руках носить. Надеюсь, ты с ним познакомишься. Ты ведь не передумала поступать в Магическую Академию?

— Хороший вопрос. Пока что у меня способности на нуле. Максимум, что я могу — свечку зажечь, — хмыкнула Дашка.

— А я и не предлагаю отправляться в Академию сейчас. Пару лет подучишься, и сможешь сдать вступительные экзамены на «отлично».

— Думаешь, мы застряли здесь надолго? — Дашка нахмурилась.

— Считаю, что скоро жизнь королевства наладится, и вам начнёт нравиться здесь.

— Мне и сейчас кое-что нравится. А в Большом Мире порой творится беспредел и похуже вашего. Просто чувствую себя здесь как-то неуверенно. Слишком неуверенно. Постоянно проснуться хочется — а не получается.

— Ты в Альдане полтора месяца. Для некоторых — срок солидный. Для самых проницательных любой отрезок времени ничтожно мал.

— Любишь ты красивые фразы.

— Признаюсь — есть за мной небольшой грешок, — Марика смешно изобразила смущение. — Но так гораздо удобнее: сравни недлинное предложение и нудную лекцию на полчаса о том, что надо смотреть на вещи проще. Впрочем, иногда я самой себе поражаюсь, так сильно меняется моя речь. Пока жила в семье и перебиралась из приюта в приют — ругалась так, что со мной даже бродяги боялись спорить, их словарный запас такой конкуренции не выдерживал. Когда оказывалась в войне — изъяснялась совсем по-простому. Меня все бойцы дочкой начинали звать. А вот со времён преподавания в Магической Академии и стала умными фразами баловаться. Там любой учитель эту заразу подхватывает. Мне за себя первый месяц стыдно было: все люди как люди, только я одна понятно выражаюсь. Потом — ничего, приспособилась. Спасибо Фейерону Нифасу, приобщил меня к культуре Академии. Там даже традиция сложилась: студенты самые мощные высказывания преподавателей записывают, собирают. Потом их, правда на свой манер переделывают, а это уже коллекционируют учителя. И Фейерон гораздо чаще своих коллег радовал студентов изящными фразами, нередко очень остроумными.

— Интересно. А кто такой Фейерон Нифас?

— Друид, преподаватель магии природы. Кстати, сам по себе этот предмет довольно скучный. С точки зрения студентов, конечно. Как правило, посещаемость лекций по этому предмету весьма и весьма низкая. Но вот Фейерона приходил послушать весь курс. Жаль, ты его уже не застанешь. Он не гнался за долголетием.

— А это здорово, что у тебя такая сильная надежда, — на лице Дашки мелькнула чуть грустная улыбка.

— Ты про вероятность своего поступления в Академию? Тут я не уверена. Я *знаю*. Не спрашивай меня, почему. И я готова снова поспорить с Фейероном, на этот раз на то, что когда-нибудь среди студенток Академии окажется Дарья Винсент.

— Возможно, — проронила Дашка. — А скажи, ты…

Закончить вопрос она не успела, потому что от испуга вздрогнула, чуть не свалившись с кресла на пол: в окно таращился дракон. Какой-то странный, подозрительный. Дашка не могла понять, почему монстр вызывает такое впечатление, но что-то отталкивающее в драконе было.

Он разинул пасть и изрыгнул что-то зеленоватое, ударившись лбом об окно. Хоть и несильно, а сам дракон, наверное, вообще не заметил контакта с твёрдой поверхностью, — стекло зазвенело.

— Это что? — севшим голосом прохрипела Дашка.

— Виверна, — с Марики сошла вся её обычная безмятежность. — Мёртвый дракон, оживлённый колдуном.

— Повелитель Тьмы?

— Очевидно. Создать виверну — сложнейшая работа, не всякому некроманту под силу. Никто из жителей деревни этого сделать не мог. Если бы кто обладал такой мощной магией — уничтожил бы королевский отряд, напавший недавно на Фатону, одним заклинанием, и не было бы такого побоища. К тому же невозможно быть настолько безответственным, чтобы пускать виверну свободно бродить по улицам. Это определенно демонстрация возможностей Повелителем Тьмы. А теперь — прочь из комнаты. Всем нам надо спрятаться так, чтобы никого не было видно из окон. Виверны туповаты, — пояснила она, когда подруги выскочили в коридор, — эта тварь побродит вокруг дома и уйдёт, не разглядев здесь никого живого. Она не сообразит, что мы прячемся.

Марика ошиблась. «Немного» продлилось чуть ли не до утра, когда какая-то неведомая сила отозвала виверн прочь из деревни.

Глава 24 Игры в любовь

— Мне надо с тобой поговорить, — Джессика вошла в комнату, прикрыв за собой дверь.

— Ты? А я думал, ты, наконец-то, убралась отсюда, — с раздражением бросил Дима, даже не взглянув на девушку.

Она вздохнула. Ей действительно следовало находиться сейчас где-то в десятке километров от Фатоны вместе с группой охотниц на вампиров. Девушки во главе с Айрис Ави намеревались покинуть деревню через неделю, посвятив всё это время тренировкам, но после вчерашнего появления виверн планы так резко поменялись. Опыт, который молодые воительницы могут получить в походе по Элиорамии, принесёт большую пользу, чем тренировки, а нежить, управляемая Повелителем Тьмы, не станет ждать семь дней. Два часа назад группа должна была начать движение, но к тому времени Джессика, главная надежда группы, так и не определилась, стоит ей говорить с Димой или нет, спустя полчаса пришла к выводу: да, стоит, — но никак не могла решиться. Она знала, группа без неё не уйдёт, хоть Айрис будет в ярости. Но Джессике было всё равно. Этот разговор слишком важен.

— Я по поводу вас с Теоной, — девушка села на кровать, пытаясь успокоиться.

— Бесполезно. Если ты не догадываешься, я собираюсь в полной мере воспользоваться твоим отсутствием, — парень отошёл к окну и стал смотреть на улицу.

— Я в тебе не сомневалась, — из-за унизительного волнения Джессика принялась перебирать свои волосы. — Скажи, ты думаешь, что я мешаю вам с Теоной потому, что у самой личная жизнь не сложилась и мне надо на ком-то злость сорвать? Или потому, что я привыкла так открыто выражать свою неприязнь к людям?

— Ты не понимаешь, почему у тебя не сложилась личная жизнь? — хохотнул Дима.

— Вот я-то понимаю, и не сильно беспокоюсь по этому поводу. А ты мог вообразить что угодно. Ну так отвечай, я тебе вопрос задала, — она вызывающе посмотрела на него.

— Да я над этим и не задумывался. По какой причине ты бы ни кидалась на людей — это всё равно ненормально, не так ли?

— Значит, ты не догадываешься. Попробуй выслушать меня.

— Ну? — он отвернулся от окна и встал, опираясь локтями на подоконник. Поза была не совсем удобная, тем самым говорящая: начинай и заканчивай побыстрее.

— Тебе ведь не нужна её любовь.

— Бред. Покажи мне хотя бы одного человека, которому не нужна любовь.

— Вот именно, Дмитрий, *любовь*. А некоторым, в том числе и тебе, нужна не любимая девушка, а постоянная сучка для удовлетворения некоторых естественных желаний. От Теоны тебе ведь ничего больше не нужно, так ведь?

— Ну-у-у… — Дима понял, что, в принципе, так оно и есть, но не видел в этом ничего предосудительного.

— А она ведь тебя *любит*, Дмитрий, любит! — Джессике хотелось завыть от отчаяния. — И не за смазливую мордашку! Разглядела в тебе что-то особенное… Да так внимательно, что купилась на это… Но нет смысла обсуждать, раз это уже случилось. А ей тяжело любить, Дмитрий, очень! Ей ведь себя поменять пришлось. Она раньше ни в чём другим не отказывала, а теперь ей приходится. Теоне тяжело говорить «нет», когда её просят о чём-то. Не потому, что бесхарактерная — она счастлива только тогда, когда кого-то счастливым делает. А если отказывает — то чувствует то же самое, будто ей самой отказали. Сколько лет она жила — столько лет весь мир любила, а вдруг ты появился, и появился в её мире центр, которому нужно отдавать больше, чем другим… Других придётся оставить. Предать, если тебе так понятней будет. Она сильная, справится. Но только ради чего? Сестра моя готова тебе целый мир отдать, а тебе даже клочка земли не нужно. Знаешь избитую фразу — в любви надо не только брать, но и отдавать? Ты не только не сможешь ей дать ничего — ты и брать ничего не хочешь. Это же безответная любовь! Тебе же от Теоны ничего, кроме плоти, не нужно…

— Я твою сестру не прошу из меня героя делать.

— А зачем ей подыгрываешь? У нас в деревне много красавиц. Да, красивее Теоны нет никого, но ты вряд ли сильно разборчивый.

— Зачем ты мне всё это сказала? Понимаешь ведь, что без толку.

— Чтобы ты знал. Подожди, я сейчас вернусь, — и она через минуту возвратилась с маленькой баночкой. — Держи. Так как меня долго не будет, это дело — на твоей совести.

— Что это?

— Пыльца пещерного тюльпана. Лекарство Теоны. Так ей кажется. Она принимает это ежедневно. По чайной ложке на стакан воды в любое время один раз в день.

— Мне напоминать ей?

— Нет, давать его. Только она думает что это зелье, усиливающее белую магию.

— А на самом деле это что?

— Средство, не позволяющее ей стать матерью. Полагаю, делаться папашей ты не хочешь.

— Ненавижу маленьких детей.

— Я догадывалась. И не вздумай говорить Теоне правду. Иначе силой в неё не вольёшь.

— Спасибо.

— Я рада. До свидания.

Она вышла во двор. Впервые, покидая дом надолго, она чувствовала лёгкую грусть. Теперь Джессика оставляла не только надоевшую уже деревню и не вызывающую особенно светлых чувств семью — она оставляла двух друзей. Сейчас Дашка сидела у мистера Цельсия, дававшего ей уроки огненной магии, Саша проводил время в библиотеке Патрика Тейлора — тоже заинтересовался магией своей стихии, Земли. Можно было попрощаться с ними утром, но Джессика не сообразила: не привыкла ещё к тому, что у неё друзья. Они сами очень хотели проводить молодую воительницу, но, когда Саша с Дашкой ещё были дома, Джессика спала мёртвым пьяным сном.

Она поправила перекинутую через плечо лямку дорожной сумки и пошла.

Дашка сидела на полу в Храме и смотрела на небо через широкий, высокий вход-арку. По ночам здесь хорошо думалось. С наступлением темноты народ предпочитал находиться дома, и ей никто не мешал. Деревню и Лунный Лес хоть и очистили от зомби, но новая орда живых мертвецов, равно как и виверны, могли появиться тут в любой час.

— Изумительная ночь, правда? — в проёме возникла фигура Кеану Мортиса.

— А для меня теперь ночь — любимое время суток. Днём я могу находиться на улице, только если пасмурно, а когда светит солнце — мне приходится сидеть дома. А ночь всегда прекрасна, — Дашка посмотрела на знакомого снизу вверх.

— Ты молилась здесь?

— Нет, просто сижу. Тут тихо.

— Понимаю. Иногда так тишины недостаёт. У вас дома ведь очень шумно?

— Когда шумно — тоже нравится. У нас шумно, но весело, а не так, когда все ругаются. Анна, конечно, ворчит, но прекращает быстро. Мне раньше такого не хватало, да и будет не хватать, когда в свою страну вернусь. Но немного тишины мне нужно всегда, такой уж у меня характер.

— А я раньше тишину не выносил, но теперь это — моя

мечта. С тех пор, как попал в политику. На должность министра я был обречён, потому что мой родитель занимал ту же должность, что я сейчас. Любимчик короля, как это ни прискорбно. Поэтому меня взяли в министерство сразу после его смерти, не задумываясь. Мне было восемнадцать. Да, маловато, но Мартин души не чаял в моём отце, поэтому не подумал и передал его должность мне, носителю какой-то части его души. С тех пор я покоя не видал.

— Мне будет восемнадцать через четыре месяца. Не представляю, если меня впихнут в политику.

— Я тоже не представлял, — он подошёл к статуе, в этот момент держащей деревце, положил в её протянутые руки свиток, который достал из внутреннего кармана жёлтовато-белой мантии, и стал беззвучно проговаривать молитву.

Её услышали: свиток превратился в стайку фей.

— У вас такая длинная молитва, — протянула Дашка, когда Кеану закончил.

— Мне же ещё о вашем племени заботиться, — устало улыбнулся Мортис.

— А вы раньше, когда только стали заниматься тем, чем сейчас, не так преданно к своему делу относились? — спросила Дашка, глядя на него широко распахнутыми глазами.

— Первые два года работа в тягость была, да. Многие свои обязанности я игнорировал. Мартину такое моё отношение стало нравиться, когда я постепенно начинал осознавать, какое тяжкое у вас, не совсем живых, существование и как я могу на это повлиять.

Вампирша усмехнулась. Сейчас он не такой, Кеану Мортис. Дашка видела не самоуверенного типа, как обычно, а весьма приятного человека. Радоваться бы этому: в этот раз не пришлось антипатию к нему прогонять, которая, уходя, успевала наследить в сердце так, что противно становилось от самой себя. Но почему-то не хочется…

— Ты домой пойдёшь или ещё тут побудешь?

— Пойду, — она поднялась и вышла.

— Может, это тебя развеселит, но меня всегда умиляет, если я вижу, как кто-то ночью возвращается домой и ему кто-нибудь из семьи дверь открывает, — сказал Мортис, когда они медленно направились туда, где заканчивалась Центральная улица. — Сам я дома последний раз был в позапрошлом месяце. Работа…

— Вы не только поэтому меня провожаете.

— Это тебе решать. Ты всё ещё зовёшь меня на «вы», так что моя маленькая слабость — пока единственная причина, заставляющая меня идти рядом с тобой, хотя сегодня мне

ночевать в башне старейшины.

— Но вы надеетесь.

— Пока что ты позволяешь мне это.

Разговор прекратился до тех пор, пока они не оказались в парке на холме за домом Винсентов. Видеть это место пустым было очень непривычно.

— Что ты так оглядываешься? — заметил Мортис.

— Грустно этот парк смотрится, когда здесь никого нет. Тут всегда парочки гуляют.

— Со стороны кажется мило и трогательно. Но, как мне кажется, если все влюблённые будут приходить сюда, в этом романтическом уголке будет тесновато и как-то не до романтики. Не задумывалась?

— В какой-то мере так оно и есть. Но можно представить, что, находясь здесь, среди таких же наслаждающихся любовью, ты и твоя половинка принадлежите к особому классу людей… Пожалуй, к высшему. Истинная любовь возвышает… Здесь — особенный мир, и ты — его часть. Это же прекрасно…

— Верно, — Мортис вдруг остановился.

— Что такое? — Дашке пришлось остановиться тоже.

— Мне понравились твои слова. Когда-нибудь я повторю их.

— Я рада. Идём дальше? — вампирша ощутила напряжение.

— Нет, — он положил руку ей на плечо.

Захотелось спросить: «Почему?», — но ответ был слишком очевиден, чтобы вопрос не показался ядовитым.

Внутренний голос цинично заявил, что продолжать ломаться дальше — это уже по-хамски. Всё-таки этот человек жизнь ей спас, и надо его хоть как-то отблагодарить…

Поэтому она не стала сопротивляться, когда он принялся её целовать сначала в губы, потом — в шею, начал расстёгивать пуговицы на её блузке… Ни отвращения, ни раздражения Дашка не чувствовала — только полнейшее безразличие. Потом ситуация стала казаться забавной: Дашка не подыгрывала Кеану ни единым движением и, скорее всего, напоминала сейчас безжизненную куклу (сходство должно было быть ещё сильнее, потому что у неё, как у всех вампиров, не билось сердце и не было дыхания), а он никак не замечал этого. Было бы всё понятно, если бы он сейчас думал исключительно о себе, но Кеану явно стремился доставить удовольствие ей.

Мужчина продолжал целовать её всё ниже и ниже, когда он приспустил на ней брюки — Дашка еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться в голос. Она упорно прожигала его таким насмешливым взглядом, всё внутри у него давно должно было заледенеть, а сам Кеану — поспешно ретироваться. Да, жестоко

так говорить, но страсть, слепая на оба глаза и глухая на оба уха, смешна. Только над Сашей тогда смеяться не хотелось, а над Кеану — очень даже. Когда Мортис резко поднялся на ноги, ей на полсекунды показалось, что он очнулся. Но только на полсекунды. Кеану освободился от мешающейся мантии и протянул руки вниз, чтобы избавиться, наконец, от предмета одежды, мешающего ещё больше и уже стеснявшего плоть, одновременно наклонившись, чтобы снова поцеловать Дашку в губы. Она успела увидеть его глаза: полубезумный взгляд фанатика. Тяжёлый случай…

Впрочем, в этот раз ей было гораздо приятнее. Не зря он старался. За это Дашка, когда Мортис проводил её до двери, обхватила его шею одной рукой, приподнялась на носки и подарила ему ещё пять минут блаженства. По правде, и самой себе тоже.

— Ай! — Саша потёр висок, только что ушибленное место.

— Алекс, ну соберитесь же! — воскликнул Патрик Тейлор. — У вас же отлично получалось!

Маг с полудня учил парня простому, но действенному заклинанию магии Земли: камнепаду. Заключалось оно в том, что колдующий обрушивал на жертву град немаленьких булыжников, размер которых мог быть и больше, в зависимости от силы мага. На Тейлоре, выпившем бутылку зелья неуязвимости, Саша и оттачивал своё умение. Когда парень достаточно хорошо освоил заклинание, Тейлор усложнил ему задачу, применяя чары, перенаправляющие магию противника на него самого. Ученик успешно справлялся и с этим, пока не стал отвлекаться, а последние несколько попыток, закончились для него совсем плачевно: один камень (а они уже получались у начинающего мага весьма увесистыми) отбросило так мощно, что он попал прямо в Сашу.

— Я стараюсь!

— Знаете что? Давайте мы закончим на сегодня. Вас надо отдохнуть, Алекс.

— Я плохой ученик, да? — пробормотал Саша.

— Что вы! — возмутился Тейлор. — У вас не просто способности — у вас магический талант. Видите, как Тимберт его чует?

Тимбертом он прозвал своего информера. Мерзкий зверёк всякий раз, когда Саша произносил слова заклинания, довольно урчал.

— Похоже, моя магия ему нравится. Можно, я ещё потренируюсь, пока снова не добьюсь приличного результата — и

на этом на сегодня всё.

— Вряд ли сегодня ты удачно повторишь. Ты разволновался что-то. Поэтому — до завтра. Успокаивайся и набирайся сил, — Тейлор подобрал свою валяющуюся в стороне сумку (ту самую, бездонную), отряхнул её, запустил туда руку и выудил оттуда бутыль литра на три с серебристо-зелёной жидкостью, в которой плавали изумрудные огоньки. — Это тебе. Заслужил.

— Красивая! — по-детски вырвалось у Саши.

— Учти, это не деталь интерьера, — усмехнулся Патрик, — а вполне полезная штука, восстановитель магических сил. Сил магии Земли, так что с другими делиться смысла нет. Должно хватить на месяц.

— Спасибо!

— Да не за что! — он пошёл по своим делам.

А Саша принялся снова созерцать источник своих неудач на уроке магии.

Возле фонтана, метрах в тридцати от молодого человека, никак не могли оторваться друг от друга Дашка и мистер Мортис.

Да, Дашка решила развлечься, узнать, долго ли Кеану будет заблуждаться насчёт неё. Во взгляде её появился интерес, и ничего не подозревающему человеку казалось, что она не так-то поверхностно увлечена этим длинноволосым брюнетом.

— Ты надо мной издеваешься, — Мортис, поднял, наконец, голову от её лица. — Мне через час надо быть в Чёрных Гаванях, что через шесть земель отсюда, а я всё никак не могу попасть даже на Центральную улицу!

— Я тебе не держу, — хмыкнула Дашка.

— Ошибаешься.

— Нет. Удерживала бы я тебе вот так, — тут она сама прильнула к нему с поцелуем, и только через несколько минут отступила назад.

— Не вздумай больше так делась! — вспыхнул Мортис, разумеется, наигранно. — Теперь я точно отсюда не уйду!

И они продолжили.

Саша не мог взять в голову, почему он до сих пор не развернулся и не ушёл. Каждая секунда того времени, что он их разглядывает, накаляла так, что внутри уже всё болело от ожогов. Впрочем, через какой-то отрезок времени, определить длину которого парень был не в состоянии, парочка всё-таки разъединилась, и Мортис торопливым шагом направился туда, куда ему было надо. Дашка умылась водой из фонтана и кинула взгляд на закрытые ворота дома мистера Тейлора, разочарованно скривилась и тут заметила Сашу:

— Тейлора долго ещё не будет, не знаешь?

— Без понятия, — сердито ответил парень.

— А где он, тоже не знаешь?

— Не имею ни малейшего представления. Я его не спрашивал. И вообще, Тейлор здесь был, когда вы тут появились. Могла бы спросить, что тебе нужно.

— Он был занят!

— Не так, как ты.

— А, что с тобой разговаривать, — махнула рукой Дашка. — Идём домой? Сегодня там в кои-то веки все в сборе.

— И что с того?

— Ой, дурак ты, — неожиданно она обняла его, похлопывая по спине. — Дурак.

Саша не отрицал. Но пока и Дашка, и Джессика признают его право быть таковым, поэтому он никак не решится приняться за искоренение этого в себе.

Дома действительно были все. Предполагалось мероприятие: поход в Зальван, где было празднество в честь какой-то известной личности, которой бы исполнилось сегодня пятьсот лет. Кроме того, Анне надо было купить в столице ингредиентов для зелий, братья хотели отдать своё оружие одному известному мастеру, чтобы он вложил в него особую магическую силу (Саше предложили сделать то же самое), Марика мечтала заглянуть в родную Магическую Академию. Настроение у всех было просто неприлично радостное для времени, когда ожидается появление Повелителя Тьмы. Алине с Дашкой вообще хотелось идти вприпрыжку и с песней. Впрочем, к удовольствию всей деревни и собственной компании, начало пути до того момента, когда Фатона закончилась и впереди был только лес и дорога, подруги преодолели именно так, и к ним присоединилась ещё и Марика. Пока не вышли к столице, она напевала по очереди гимн Академии и гимны каждого из её факультетов.

Дома остались только двое: Теона, которая уже не могла заставлять себя изображать, что она в порядке, и сослалась на сильную головную боль, и Дима, решивший не упускать такую возможность…

Он успел только об этом подумать. Дима стоял на балконе, куда выходила дверь спальни Алины и Дашки: отсюда был самый лучший вид во всём доме, очень нравившийся молодому человеку. Он уже собирался вернуться в помещение, как услышал шаги позади себя, руки Теоны обвили его.

Парень обернулся. Теона сейчас была особенно красива. Было впечатление, что он не замечал её красоту, а теперь вдруг прозрел. Но в чём-то это и было правдой. Дима до сих пор не обращал внимания на её великолепные глаза. Сколько же в них

всего… В глазах Теоны всегда было одно главное на этот момент чувство, и множество тех, которые тихо подпевают основному. Сейчас они выражали спокойствие, защищённость. Такая ровная, аккуратная красота. Губы Теоны не улыбались, но, казалось, хранили на себе улыбку.

— Всё хорошо будет, — уверено сказал Дима, толком не зная, из-за чего последние дни Теона места себе не находит.

— Да, — коротко ответила она.

Ей не удавалось убедить в этом саму себя, а ему Теона безоговорочно верила. Она прижалась к нему, обхватив сзади. Дима чмокнул её в макушку, Теона, продемонстрировав блеск страсти в глазах, подставила ему лицо. Парень нащупал шнуровку её корсажа, стал развязывать…

К моменту, когда они рухнули на кровать, вся их одежда уже была разбросана по полу. Набросившись друг на друга, они почти не прерывались, — просто не могли, им было мало, хотелось ещё… Отдыхали, наверное, минуты по две, если не меньше, им их не хватало, чтобы отдышаться, но Дима с Теоной слишком изголодались, чтобы позволять себе отдыхать чуть дольше, да и в эти минуты они не расплетали объятия. Иногда, правда, когда уже начало темнеть, проскакивала мысль о том, что надо заканчивать, но за ней следовала другая — что следующий раз последний. Сколько это длилось, они и примерно представить себе не могли, сколько раз наслаждение испытывали, давно считать перестали, в пространстве комнаты уже не ориентировались — бурная была любовь.

— Ты бесподобна, — произнёс парень, уронив голову на подушку.

Вот теперь точно всё. Пора бы одеваться и привести в нормальный вид кровать — они её, конечно, не расстилали, но покрывало сползло на пол, а одеяло и простыня сбились. Уже темнеет, скоро все вернутся.

Теона встала и прошлась по комнате, подобрав своё бельё и платье. Парень взглядом проследил за ней, рассматривая её изумительную фигуру.

Потом они смотрели с балкона, как садится солнце. И снова целовались. Ночь была великолепной. Дул легкий ветерок, и поднимающиеся огоньки магических источников летели в их сторону.

Жизнь понеслась совсем другая. Именно понеслась. За изучением магии уже месяц пролетел. Саша, Дашка и Алина были в панике: целый месяц, а их успехи такие незначительные! Дима, взявшийся за магию позже всех, только усмехался, что вызывало

бурю нападок троицы других начинающих волшебников. Это была добрая зависть: парень относился к этому делу несерьёзно, но магия его получалась такой же сильной.

Дашка была в восторге оттого, что магические кулоны её и Теоны работают так, как надо. Она несколько раз атаковала людей, и целительница всегда оказывалась рядом через мгновение. Некоторые стали побаиваться молодую вампиршу после того, как она впервые с момента возвращения в деревню напала на человека. Это была совсем молоденькая девушка, младше самой Дашки, и случилось это прямо на Центральной улице, днём, когда там было полно народу. Но Теона помогла девушке вовремя, ничего страшного не произошло. Скоро все поняли: Дашку можно вообще считать безвредной.

Когда приступы случались ночью, Дашке и вовсе нравилось. В тёмное время суток это по-особенному захватывает. Чувствуется, что ты в такие моменты имеешь какую-то власть над людьми и полную свободу.

Наладившуюся жизнь немного портило то, что побочные эффекты, которые мог приносить магический кулон, проявлялись все: рвота, обмороки, тошнота. Но в свете того, что в душе никакого беспорядка, это такие пустяки! Ко всему прочему, поднадоевшему Дашке мистеру Мортису было поручено задание в землях Лейшард, центром которых были печально известные Чёрные Гавани, и он не появлялся здесь.

Возвратились в деревню девушки-воительницы с Айрис. Они теперь были известны не только в Элиорамии, но и в некоторых других землях королевства. По рассказам новых героинь и их предводительницы (в правдивости которых никто не смел сомневаться), во многих городах и деревнях Элиорамии дела обстоят гораздо хуже: нежити там больше, вся она агрессивнее, а в кое-каких поселениях не хватает целителей и магов, чья сила могла бы наносить урон живым мертвецам.

— И как они справляются? — ахнула Теона, вместе с Дашкой и Алиной слушающая Джессику.

— Никак! — разозлилась девушка.

Она уже целый час подробно описывала все ужасы, происходящие в деревнях, где никто толком не знает магию: люди не могут перебраться в другое место, потому что орды нежити бродят вокруг поселения, в некоторых поселениях даже со двора — да что со двора — из дома! — выйти нельзя, взбесившиеся зомби и вампиры ломятся в двери и крушат всё, их во много раз больше, чем людей, и воины, у которых из оружия только мечи да факелы, физически не могут уничтожить всю нежить. Нередко поселение оказывается заражено, и люди

постепенно умирают от болезни.

Всё это в подробностях, в деталях — а Теона раз в шестой переспрашивает, как людям удаётся справляться!

— Через неделю мы подошли к городу Шедар, — продолжила Джессика, поигрывая серебряным кинжалом, оружием, которое получила каждая из избранных воительниц (и даже не по одному, а по два), — он прямо в лесу находится, прямо как в эльфийских землях, а в этом лесу есть гора, на которой драконье кладбище.

— Подожди! Ты же не закончила про Риадею! — перебила её сестра.

— Я всё сказала, — жёстко ответила девушка.

— Как всё? Там же оставалась умирающая семья!

— Мы воительницы, но не целительницы! Айрис может лечить некоторые болезни, но им нужен был целитель высшего уровня!

— Вы бросили их? — в ужасе прошептала Теона.

— Да! Облегчили их страдания, как могли, и…

— Но это жестоко!

— Заткнись! Ты не понимаешь? У нас не было возможности! И запомни — в мире есть несправедливость!

— Но… — глаза Теоны стали стремительно наливаться слезами.

— Что? Жестоко, да? — не унималась Джессика. — А ты сможешь заявить, что жизнь состоит из побед добра над злом? Объясни мне, я этого в упор не вижу!

Теона беспомощно смотрела на сестру, и вдруг всхлипнула один раз, другой — и заревела в голос. Она что-то бормотала, но из-за рыданий было невозможно разобрать.

Джессика растерялась. Девушка постоянно разговаривала с Теоной в подобном тоне с тех пор, как целительница появилась в их доме — но такой реакции ещё не видела. Теона обычно вздыхала и оставляла Джессику в покое, реже — пыталась отстаивать свою точку зрения. Её не задевали оскорбления, она прощала молодой воительнице избиения, а сейчас её неизвестно почему прорвало.

Девушка не знала, что делать. Извиниться ей в голову не пришло, а Дашка с Алиной, не менее шокированные, так как уже становились свидетельницами сцен, когда Джессика обращалась с сестрой и похуже, а Теона даже не переживала особо.

Но Теона прекратила реветь сама: утёрла слёзы и прошелестела:

— Хорошо, Джесс, рассказывай дальше.

Завершила повествование девушка быстро, так как опасалась говорить неприятные вещи, из которых её история состояла почти

целиком.

Глава 25 Назад пути нет

— Ты как, нормально? — снова спросил Саша.

— Да, — соврала Дашка, что, впрочем, не имело смысла: слишком она неважно выглядела.

За последние два месяца Дашка и так потеряла весь загар, так как вынуждена была избегать солнца, а сейчас совсем побледнела, да ещё и чувствовала такую слабость, что каждые два шага ей приходилось хвататься за что-либо или за кого-либо, чтобы не упасть. На улице сегодня очень ярко светило солнце, была духота, плохо становилось даже людям, а бедная вампирша и вовсе еле держалась.

Вышла из дому она по единственной причине: сегодня был день инициации Теоны, с которого новая Солнечная Принцесса должна была не расставаться с её великим артефактом, Жезлом Света. Инициация, как говорила вся деревня, представляла собой неописуемо красивое зрелище, и не увидеть его было бы преступлением.

— Тень бы найти, — обеспокоено бормотал Саша, поддерживая Дашку, вернее, уже волоча её на себе.

Происходить всё должно было на поляне у обрыва за домом старейшины, поэтому рассчитывать на место там не приходилось. Люди ожидали чуда в тени деревьев, поляну окружающих, а нагло встать в центре нельзя было по двум причинам. Во-первых, чтобы не мешаться Теоне, во-вторых, чтобы не получить убойную дозу солнечных лучей.

Друзья подошли к обрыву. Большинство жителей собиралась внизу, на берегу реки, где обычно проходили тренировки учениц Айрис. Там все тени тоже были заняты.

Пока компания оценивала ситуацию, к ним подлетел дракон Гордон.

— Ладно, спустимся вниз, — махнул рукой Джейк. — Смотреть-то больше неоткуда.

Они забрались дракону на спину, он спустил их. Компания принялась энергично вертеть головами, выискивая, куда можно встать. Саша не выдержал:

— Мистер Тейлор, пропустите Дашку, ей нельзя находиться на солнце!

— Разумеется! — маг тут же вынырнул из-под дерева, плакучей ивы с серебристо-зелёными листьями, под кроной которой сидело ещё человек пять.

Дашка устроилась между волшебницей, держащей на коленях магический шар и общающейся с его помощью с каким-то

стариком, и продавцом из книжной лавки.

Скоро к друзьям подбежала Джессика. Отряд Лесных Воительниц находился тут с самого утра — тренировка была, — и Айрис только сейчас закончила высказывать девушкам своё недовольство результатами.

— Айрис тебя посмотрит, — выдала Джессика согласие тренерши.

Госпожа Ави, как известно, была не только воительницей, но и неплохо разбиралась в магии, в том числе и исцеляющей, и обещала помочь Дашке, которую побочные эффекты от действия волшебного кулона в последние дни мучили довольно сильно.

— Ой, кажется, начинается! — Алина пальцем показала вверх, на обрыв: на краю его стояли старейшина и Вивьен и смотрели на народ своей деревни, ожидая внимания.

Все, кто на этот момент сидел, встали. Многие подошли поближе.

— Это проявление уважения к предкам, — тихо сказал Дерик, нагнувшись к Дашке. — Понимаю, тебе тяжело, но надо подняться и выйти вперёд.

Она подала ему руку: ну ладно, я потерплю солнце.

Старейшина со священницей переглянулись, ещё раз опустили глаза вниз, на собравшихся. Наверное, Фредерик и Вивьен сейчас гордились людьми Фатоны.

И вот народ, стоящий наверху, расступился, дав дорогу Ей.

Теона казалась напуганной. Шла она медленно, неуверенно, словно после каждого шага задумывалась: делать следующий или нет?

Фредерик и Вивьен поклонились ей. Остальные не стали этого делать, очевидно, этот поклон был особым ритуалом, выражающим то, что два главных человека деревни уже не главные.

Она отдала священнице Жезл Света, который несла так, будто вот-вот его выронит, и приблизилась к обрыву.

Духота сразу исчезла, повеяло прохладой, да такой, что Дашка, у которой давно притупились все ощущения, её почувствовала сполна. А на Теону подул ветер… Нет, это были все пять Великих Ветров королевства, слившиеся в один воздушный поток. В нём кружились и разноцветные огоньки Предостережения и Надежды, и листья Слёз, и бутоны Смуты, и лепестки Перемен. И среди них ещё то, чего не было ни в одном Ветре — маленькие пёрышки, такие белоснежные, что казалось — светятся.

Теона скрестила руки на груди, зажмурилась, чувствуя, как прохлада проходит сквозь неё, вдохнула и выдохнула, открыла

глаза и развела руки в стороны, будто потянулась после хорошего сна, задержалась так на несколько секунд и протянула их ладонями вверх. Ей не объясняли, что нужно делать, она догадывалась сама. Похожая инициация была у избранных людей всех времён и земель королевства, и каждый вёл себя по-своему.

А наблюдающие люди видели, как Теона перестаёт воспринимать всё, кроме этого единого Великого Ветра, собравшего в себя души мудрейших предков. Это был своеобразный диалог: она отдавала им вою готовность принять новую судьбу, а они ей — своё одобрение.

Ослепительно-белоснежные перья тем временем собирались за спиной Теоны, образуя крылья, как у ангела. Как только они сформировались полностью — сразу ожили и затрепетали, приподняв Теону над землёй. Волшебница медленно, чувствуя, как её наполняет силой, позволяющей летать, отдалялась от обрыва, от людей, которые смотрели на неё, несмотря на слепящее глаза солнце, и боялись моргнуть и пропустить хоть секунду этого великолепия. За ней тянулся шлейф перьев, некоторые из них падали вниз, к берегу реки.

Джессика поймала одно из них в кулак, так сжав пальцы, что потом на ладони остались следы от ногтей. Она закрыла глаза, вздохнув. Всё кончено… Девушка уже не видела, как её сестра кружится в небе в танце, который у Теоны тоже получался интуитивно. Джессика больше не могла заставить себя глядеть в небо.

К счастью для неё, танец закончился быстро. Когда Теона опустилась на землю и народ стал расходиться, Айрис обратилась к ученице:

— Что ж, отойдём туда, где потише. Дарья-то где?

— Я здесь! — вампирша сделала шаг в их сторону и больше не смогла: накатила слабость, и она вынуждена была сесть.

— Ой, беда с вами, — Айрис покачала головой. — Эй, вы! — крикнула она братьям Винсент, которых из всей компании зацепила взглядом первых. — Помогите ей дойти вон туда, — тренерша выбросила руку, указывая место, где собиралась проводить осмотр. — Что ты так уставилась? — она посмотрела на Дашку с несколько раздражённым видом. — Да, разбираться с тобой будем прямо здесь! Мне некогда идти к вам домой. Терпи неудобства. На мягкой кровати будешь валяться сколько угодно потом.

Дашка хотела сказать, что ей всё равно, где — лишь бы поскорее, но в момент, когда она собралась произнести это, её вытошнило.

— О, Ветры! — воскликнула Айрис, глядя на безобразно

кровавую лужу рвоты.

— Это не так ужасно, — простонала Дашка, ложась на траву: силы, чтобы держать спину, ушли. — Я сегодня утром кровь пила.

— Точно, — облегчённо вздохнула женщина. — Так, кто-нибудь ей поможет?

Джейк, опередив Сашу, подхватил вампиршу на руки и отнёс в тень. Компания переместилась туда же.

— Я уже начинаю понимать кое-что, — протянула Айрис, садясь по-турецки возле Дашки. — Ты ведь вчера вечером два раза на людей бросалась, так?

— Да, — разлепила губы Дашка, теперь и говорить становилось трудно.

— И позавчера два раза?

Вялый кивок.

— Три дня назад?

Аналогичный ответ.

— Слишком часто, не кажется? Если магия кулонов действует постоянно — разумеется, это тебе вредит! Так же, как лекарства в больших дозах наносят вред здоровью. Так что контролируй себя, девочка. Ты всегда не отказываешь себе в свежей крови?

— Нет, — Дашка говорила еле-еле, с большими паузами между словами, — за месяц, когда в ссылке была, всего два раза. Я знаю, это не дело, по нескольку раз в день… Но это сильнее меня… У меня помешательство какое-то…

— Верю, — согласилась Айрис. — Такое бывает перед полнолунием.

— Это нормально? — вампирша приподняла голову.

— Да. Не у всех, но случается, — успокоила она Дашку. — А в тебе тёмное начало сильно выражено, так что… Не бери в голову! Сейчас тебе станет полегче.

Айрис положила крест-накрест ладони ей на грудь, там, где находилось два месяца не бьющееся сердце. Дашка почувствовала, как по телу растекается теплота, которая делалась всё горячее и уже начинала казаться неприятной. По-видимому, все действия Айрис по отношению к другим (а может, и к себе тоже) носили характер «неприятно, но быстро и эффективно».

— Госпожа Ави, можно вас спросить? — подала голос Алина.

— Спрашивай.

— Вы маг, а у вас информера нет. Почему?

— Мои клинки лишили жизни и изувечили многих хранителей закона и боевых магов короля. К счастью, это их всех чему-то научило.

— В Агринже один священник нашёл способ, как усыплять информеров, — поделился новостями Джейк. — Думаю, это скоро

и до нашей деревни доберётся.

— Агринж — город белых магов, — произнесла Айрис, — практикующих контрзаклятия. Я полагала, что они придумают что-то подобное. Информеры целиком состоят из чёрной магии, так что маги Агринжа просто обязаны были изобрести то, что эту магию нейтрализует.

— Скорей бы их секрет до нас дошёл, — протянул Дерик. — Мы вчера налог за магию выплатили — просто кошмар какой-то. У Шаки опять острый приступ был, Теона её долго лечила потом, у девочки совсем ноги отнялись — вот, мы весь заработок за последние три задания этим грабителям отдали. А собирались на эти деньги обзавестись драконом.

— Думаешь, Теона только Шаки лечила? — усмехнулась Джессика. — Она же домашний доктор у всей нашей улицы и двух соседних. А деньги брать отказывается. Хорошо, мать не знает.

— Мистер Тейлор завтра едет в Агринж, — проинформировала компанию Айрис. — Разведает всё. Ну, я закончила, — она убрала руки от Дашки. — Как ощущения? Лучше?

— Намного. Спасибо вам, — вампирша поднялась без всякой опоры, бледность её перестала быть такой пугающей.

Они распрощались. Компания отправилась домой.

Вечером следующего дня по деревне вовсю распространялись ценные секретные сведения, добытые Патриком Тейлором в городе белых магов Агринже. Информатором дома Винсентов был, как обычно, Тинзо Цельсий.

— Значит так, — говорил он с набитым ртом (он и четыре слушательницы: Теона, Джессика, Дашка и Алина, — сидели на кухне, и юные леди активно угощали парнишку, как очень дорогого гостя, непомерным количеством чая с печеньем), — нужно любое заклинание белой магии защитного характера высшего уровня, оказывающее массовое действие, состоящее из трёх и более слов… — Тинзо выпалил это на одном дыхании и снова потянулся к тарелке с выпечкой.

— Ну же, что дальше? — сгорала от нетерпения Алина.

— Подожди, — парнишка запихал в рот печенье и запил чаем.

— Мы уже полчаса ждём! — возмущённо протянула Джессика. — За это время ты слопал две тарелки печенья, выдул четыре чашки чая и не сказал ни одного умного слова, не считая твоей последней фразы.

— Я не пообедал!

— Какой же ты трудный. Если доешь и эту тарелку — больше

не получишь, пока всё не расскажешь.

— Вредная ты! Значит, вспоминаем такое заклинание, берём информера и шесть раз произносим это заклинание ему в ухо.

— Сколько-сколько? — поразилась Теона. — Но мало у кого хватил магической силы, на столько мощных заклинаний зараз! У меня получается только четыре, а у мамы — всего лишь два.

— Секундочку, — он достал из кармана брюк скомканный клочок бумаги и положил перед Теоной. — Вот! Рецепт особого зелья. Увеличивает силу в зависимости от того, сколько его выпить.

Она развернула, прочитала про себя то, что там написано, и спросила:

— Получается, если выпить зараз пол-литра, то силы станет больше в четыре раза? Это же неправдоподобно! Ты ничего не напутал? Если б состав зелья был сложным, редких ингредиентов, сомнений бы не возникло. Но тут элементарно всё! На нашей кухне всё необходимое есть, я могу хоть сейчас зелье сварить!

— Всё гениальное просто, — вспомнила Дашка известное утверждение.

— Вот именно! — тряхнул головой Тинзо. — Да никому в голову не придёт, что избавиться от информера так просто.

— Это зелье можно просто так пить, — задумалась Теона. — Оно всё — из полностью безвредных составляющих. И швыряться мощными заклинаниями направо и налево.

— Да, это так, — подтвердил он. — Главное, чтобы этот рецепт не прознали королевские алхимики.

— А ты точно всё правильно записал? — колебалась Джессика.

— Почерк моего папы, — обратил внимание девушки парнишка.

— Мистер Цельсий рассеянностью никогда не отличался, — признала она.

— Так, я ещё не закончил! Процесс умерщвления информера надо…

— Умерщвления?! — с округлившимися глазами перебила его Теона. — Но говорили, что это их только усыпляет!

— Сказать много чего могут. А тебе что, жалко? — фыркнул Тинзо. — Информеры, конечно, миленькие зверюшки, но такие мерзкие по натуре!

— Их такими создали! — Теона нащупала своего информера, который постоянно прятался в её локонах, до безобразия запутывая их, так что ей по вечерам приходилось очень долго расчёсывать волосы. — Почему они должны отвечать за прихоти короля Мартина? — она поднесла магическое создание к лицу,

зверёк завилял хвостиком.

— Да разорение одно — эти информеры! — справедливо высказался Тинзо и продолжил объяснение: — Значит, эти гадёныши, такого выброса белой магии, который бывает от шести сильных заклинаний, не выдерживают и умирают. Вроде как они вспыхивают зелёным пламенем и сгорают, в пепел рассыпаются.

— Его… убить… — она в отчаянии смотрела на информера, её глаза подозрительно заблестели — и она заплакала, в этот раз не навзрыд, а тихо всхлипывая.

— Да они не почувствуют ничего, просто исчезнут, — попробовал смягчить ситуацию Тинзо, на ходу придумав про лёгкую и безболезненную смерть.

— Да что с тобой, — и тут Джессика сделала то, чего в жизни не делала: обняла сестру. — Понимаю… Натерпелась… Прости меня… — она гладила Теону по голове, сама кое-как сдерживая слёзы.

— Позволите мне договорить? — робко поинтересовался парнишка.

— Конечно, — всхлипнула Теона, уже успокаиваясь.

— Ну, если вы надумаете… это… от информеров избавляться… То делать это надо в полнолуние.

— Оно скоро, — произнесла молодая целительница. — Я понимаю всё. Избавлюсь от информера. Шаки ещё не оправилась, я с её лечением не закончила. Из-за моей магии мы совсем без средств к существованию останемся.

«Последним событиям удалось сделать тебя умнее… — подумала про себя Джессика, — и тем самым придать тебе посредственности. Это я полная дура, не ты…»

— Ошибаетесь! — воскликнул Тинзо. — До полнолуния далековато. Три дня назад была полная луна.

— Нам Айрис сказала, что полнолуние скоро, — возразила Джессика.

— Госпожа Ави, конечно, великая женщина, — осторожно стал растолковывать парнишка, — и без её деятельности наша деревня давно бы исчезла с карты Альданы, а мы все служили бы материалом для опытов некромантов, но она слишком увлечена своим делом. Это, конечно, хорошо, но госпожа Ави из-за занятости плохо ориентируется во времени и в таких мелочах, как толщина луны. Она могла заметить на небе месяц две недели назад, а ей всё кажется, что видела его вчера.

— Можешь дальше не убеждать, — отмахнулась Алина.

Подруг взволновало другое: *если не полнолуние, то что тогда?*

— Спасибо тебе, Тинзо, — прервала молчание Джессика. —

привет от нас твоему папе.

— Выгоняете, — мальчик покорно отставил чашку. — Что ж, я пошёл.

Когда Джессика закрыла за Тинзо дверь и вернулась на кухню, разговор возобновился:

— И что теперь? — недоумевала Алина.

— Идём к Вивьен, — решительно сказала девушка, не садясь за стол, и подруги сорвались с места, не задавая вопросов.

Женская компания застала Вивьен в Храме и наперебой принялась излагать проблему.

— Тихо, — велела им священница. — Тихо… Я что-то чувствую…

Подруги замерли и замолкли. Вивьен ещё и глаза закрыла, сосредоточившись и делая какие-то пасы руками.

— Жизненная сила… Её много… — бормотала она.

— Жизнь? Да я труп ходячий! — не сдержалась Дашка.

— А в тебе она есть… я чувствую…

— Зато *я* — нет!

— Скоро ощутишь. В тебе жизнь… потому что ты скоро станешь мамой.

Такой тишины, которая в момент заполнила Храм Ветров, не было даже тогда, когда Теона проходила Обряд Признания. Полминуты спустя подруги позакрывали рты, а Алина, вздохнув, спросила:

— Отец — мистер Мортис, да?

— Он, — буркнула Дашка, в мыслях устраивавшая себе жесточайший разнос с использованием полного арсенала ругательств, большей частью ненормативных; из цензурных же выражений на ум шло только одно: *что, нормальная цена за попытку вырастить в себе стерву?*

Потом оно сменилось коротким, но ёмким: *доигралась?!?*

— Скорее всего, поэтому ты всегда голодна и крови хочешь, — сделала вывод Алина. — И не в побочных эффектах и приближении полнолуния тут дело.

— Я уверена, ты будешь отличной мамой, — улыбнулась Теона.

— Подождите… Тихо… — Вивьен опять уловила что-то. — Теона, ты тоже.

— Что — тоже? — вздрогнула она.

— У тебя тоже будёт ребёнок.

— Правда? Это чудесно!

Дашка чуть-чуть успокоилась, глядя на Теону. Сама она к своему будущему ребёнку не испытывала абсолютно ничего тёплого. Сейчас он представлялся ей исключительно фактором

несвободы. А молодая целительница, похоже, уже обожает своего сына или дочку. Можно надеяться на её заразительный пример.

Алина пребывала в шоке, который постепенно рассеивался, и из-под него проглядывал интерес: каково это, воспитывать детей? А она не сомневалась, что в воспитании обоих малышей будет принимать активное участие.

Джессика не спешила определяться со своим отношением к детям. Сейчас в центре её души… Нет, всю душу целиком занимала ненависть. К Дмитрию Фёдорову.

Она выскочила на улицу, оставив подруг в Храме.

Все остальные уже были дома, отдыхали по комнатам. Взлетев наверх и пинком открыв дверь мансарды, занимаемой Сашей и Димой, она попросила выйти первого. Саша, видя её ярость, молча покинул комнату. Приятель ему в красках описывал все ночи с Теоной, и Саша подозревал, в чём причина появившейся плаксивости молодой целительницы, однако всё ещё верил в убеждение друзей, что это от нервов. Оказалось, его подозрение было правильным, общее предположение — ложным. Он спустился на кухню.

Разговор Джессика начала в свойственной ей манере: ударом отправила Диму в угол комнаты.

— Дмитрий… — начала она предательски дрожащим голосом.

Этот человек перед ней, пытающийся принять вертикальное положение, хватаясь за стенку, был сильнее её, бесстрашной воительницы, потому что оружием своим выбрал магию Вуду, позволяющей наносить удары, не находясь на поле боя… и в качестве куклы ему была Теона.

— Дмитрий, скажи, разве в этом доме тебя так часто о чём-то просят, что ты забываешь про обещания?

— О чём ты?!

— Помнишь, я тебя просила перед тем, как уйти из деревни?

— Да… — он опять сполз вниз, догадываясь, к чему клонит девушка.

— Теона беременна.

Он ничего не ответил — не знал даже, что подумать, не то что сказать. Была бы на месте Теоны другая, и происходи действие в Большом Мире, парень бы не стал забивать себе голову: да такое сплошь и рядом, хочешь — мучайся, хочешь — аборт делай. А тут… Теона от ребёнка точно не избавится, всё семейство будет знать — не отвертеться.

— Ты не рад, — без намёка на вопрос сказала Джессика.

— Нет! — выпалил Дима, не успев подумать о том, чтобы соврать — ложь могла бы дать отсрочку, а отсрочка — по

обстоятельствам.

— Что будешь делать, когда тебе об этом сообщит сама Теона?

Вопрос мгновенно отрезвил. При всём своём цинизме Дима ни за что не решился бы предложить Теоне не то что прервать беременность (да и возможно ли здесь такое?) — он бы не признался, что ребёнок ему совершенно не нужен, и вообще, дети в его представлении — ужас, кошмар и никакой личной жизни.

— Соврёшь ей, что счастлив? — теперь вопрос послышался, но не из-за сомнений, а потому что голос дрогнул опять.

— А что мне ещё остаётся? — пожал плечами Дима.

Джессика, сверкнув глазами, подошла к нему, схватила за воротник рубашки и притянула к себе, чтобы их взгляды оказались на одном уровне:

— Запомни: *так* врать Теоне я не позволю.

— Но правды-то она не вынесет! Она для неё слишком жестока!

— А обманывать Теону — подло!

— И что прикажешь делать?

— Убирайся отсюда, — процедила она, не отпуская его.

— Куда, интересно?

— Из Фатоны. Мне всё равно, куда ты пойдёшь и чем будешь заниматься — главное, чтобы тебя тут не видели.

— Исключено, — нагло усмехнулся Фёдоров. — Полагаешь, я такая дрянь, что моему внезапному исчезновению все обрадуются и никто не подумает меня искать? И представь, какой удар будет для Теоны! Она изведётся вся, а от этого может потерять ребёнка!

На мгновение Джессика ослабила хватку, задумавшись. В словах Фёдорова был резон, да ещё какой, и, тем не менее…

— Убирайся, — повторила она. — Твоя ложь будет страшнее всего. Проваливай!

Дима физически чувствовал её ярость. Джессика не шутила. Сейчас она, наверное, готова была убить его… чтобы он точно не вернулся.

— Вдруг я смогу полюбить ребёнка? — по инерции пытался защищаться парень.

— Это всего лишь *вдруг*. Неизвестно, случится ли это вообще, и случится ли оно прежде, чем Теона поймёт твое изначальное отношение к собственному малышу, — и она разжала пальцы и отступила на несколько шагов, освободив ему проход.

Дима повиновался. Он вышел, Джессика — следом, но девушка не спустилась на первый этаж, чтобы закрыть за ним дверь, а заперлась в своей комнате. Когда парень, покидая ставший родным двор, оглянулся, Джессика стояла на балконе.

Она не следила за Димой — она смотрела вслед ему невидящими глазами, в которых билась ненависть… беспомощная, обессилившая её ненависть. Но этот взгляд пугал до дрожи.

Парень побрёл в сторону столицы. Была ночь. Он размышлял: если сейчас отправиться в город, где сегодня ночевать точно придётся на улице — это рискованно. Столичные порядки вряд ли лояльны к бездомным. До конца тёмного времени суток перебиться в деревне — тоже сомнительное решение, так как неизвестно, когда его начнут разыскивать Винсенты и троица одногруппников. Но в кармане звенели несколько монет — может хватить на дешёвенькую гостиницу (найти бы!). Дима выбрал Зальван.

Вскоре он благополучно миновал площадь перед дворцом (долго смотрел на Звёздный Портал, пока не ощутил укус тоски по родному городу) и свернул на одну из улиц. Ночная жизнь столицы была не менее шумная, чем дневная, только персонажи отличались: стаи бандитского вида, пьяницы и дамочки определённого рода занятий (женщинами назвать их было нельзя, так как совершеннолетних среди них почти не встречалось).

Гостиницы Дима в упор не видел, открыты были только двери питейных заведений. Он решил спросить, и стал выискивать, у кого бы. В его поле зрения были три человека — двухметровый детина, у которого в руках блестело что-то, сильно смахивающее на холодное оружие, странная неприятная старуха-ведьма и продажная девица, казавшаяся самой безобидной. Он обратился к ней:

— Не подскажешь, где тут ближайшая гостиница или что-нибудь в этом роде?

Девчонка оглядела его и деловито поинтересовалась:

— Из дому выгнали? На странника ты что-то не похож. На бродягу — тоже. Ухоженный ты для бродяги слишком.

— А какая разница?

— Там, где ночлег дешёвый, всякий сброд собирается. Там тебя так обворуют — голым останешься. А где дорого, там… Дорого! Или у тебя денег с собой достаточно? Ты вроде не из бедной семьи.

— С чего так решила? — усмехнулся он.

— Одет хорошо!

— Так получилось, — вздохнул он. На нём была та одежда, в которую старейшина превратил его свитер и джинсы: красная рубашка и чёрные брюки и плащ; всё весьма приличное, потому что было заколдовано и периодически становилось новым. — Денег у меня золотых десять, по-моему. Мало!

— Жаль! — подвела итог девчонка, собравшаяся было

предложить молодому человеку свои услуги. — Но бандиты вряд ли подумают, что у тебя карманы пустые. Сначала по голове треснут, потом обыщут, потом с досады ещё врежут.

— И… и как мне тогда? — волнение Димы в момент превратилось в страх с мёртвой хваткой.

— Возвращался бы ты, откуда явился, — протянула она.

— Там ещё хуже, — вздохнул парень.

— Так и быть — сегодня пущу ночевать к себе.

— Ты серьёзно? — подскочил он.

— Ну да. Если ты вор — то у нас ничего не возьмёшь. Нечего!

— Честное слово, в жизни ничего не крал!

— Тогда пойдём?

— Клиента ловить не будешь? Или ты не по работе стоишь?

— Сначала тебя пристрою! Пока я дождусь кого, тебя уже обработают!

У Димы всё наладилось.

Глава 26 Последние дни старой Альданы

Дима был прав — в доме Винсентов началась паника, когда в три часа ночи его не обнаружили дома. Поднятый шум, правда, пока не выплёскивался за границы деревни, где был проверен каждый квадратный метр, в том числе и камеры Управления. Все считали, что он пошёл в таверну и в силу каких-то причин не вернулся, поэтому во всех тавернах барменам был устроен допрос: заглядывал ли в их заведение пропавший. Разумеется, его никто не видел.

Марика, как много чего натерпевшаяся и навидавшаяся, предположила, что какой-нибудь ненормальный колдун мог позариться на его магическую силу, которая у парня мощная и в чистом виде, и гипнозом испортить ему сознание и привести в своё логово, чтобы отнять магию. Всех пугала до угрозы остановки сердца мысль о том, что Дима мог попасть в зону, не расчищенную от нежити. Он мог пойти в столицу и угодить в Управление там. На него могли напасть разбойники….

В суматохе от Теоны узнали только под утро, что Дима — отец её будущего ребёнка. Ахать и охать было некогда — предстояло развивать бурную поисковую деятельность. Молодая женщина еле держалась, уже перестав обращать внимание на собственные слёзы, которые текли из её глаз непрерывно.

Джессика, видя всеобщие терзания домашних, уже собралась покаяться Дашке и Саше, как объясняется исчезновение их приятеля, при условии, что они будут держать это в тайне. Передумала она не потому, что опасалась, что кто-то из них не поймёт и выдаст её, — ей не хотелось впутывать их в ложь.

А Дима устроился нормально. Шейла (девица, к которой он обратился с вопросом о ночлеге) с её подругой Флориной (да, той самой, с которой Дашка сидела в Управлении) позволили ему жить в их квартирке, пока он не определится, что ему делать дальше. Дом, в котором у них был угол, заселяли такие же сомнительные личности, как Шейла и Флорина. Первый этаж занимали три приятеля, приехавшие издалека поступать в Магическую Академию, провалившие вступительные экзамены, но собравшиеся попробовать силы ещё раз; чтобы продержаться год, они занимались мошенничеством: выдавали себя за целителей и, если за их помощью обращался одинокий, поили больного снотворным зельем под видом целебного и уносили из квартиры деньги и ценности. В соседней квартире жили два некроманта, умудрявшиеся ставить свои опыты в условиях трёх претесных комнатёнок. В одной комнате жили, во второй — творили, в

третьей — хранили трупы. Куда некроманты девали свои творения — было не совсем понятно. Кажется, продавали разным людям в качестве рабочих. На втором этаже снимали квартиру музыкант с писателем, которые, не имея на руках ни одного законченного произведения, в моменты острой нужды (наступающие с завидной периодичностью раз в неделю) приказывали утончённой половине своей натуры замолчать и шли на более доходные, но гораздо менее лекальные заработки, сущность коих держалась в тайне ото всех. Другая квартира на этаже принадлежала, собственно, домовладелице госпоже Стелле Лиртен. На третьем этаже жили брат с сестрой, которых выгнал из дому отец, и теперь они работали на алхимика, известного в соответствующих кругах специалиста по ядам и вредоносным препаратам, да Шейла с Флориной и теперь ещё Дима.

Жил этот удивительный народ единым сообществом, куда Диму приняли легко. Истинную причину своего появления здесь он озвучивать не стал, сказав, что он задолжал одному чёрному магу, и колдун обещал его уничтожить, если парень не вернёт ему долг вовремя, а нужных средств у Димы, конечно же нет, поэтому он вынужден скрываться в такой дыре. Поверили ему безоговорочно и дружно посочувствовали, пообещав в случае чего прикрыть.

Жизнь потекла бедная, но терпимая. Дима был основательно напуган подробными рассказами соседей по дому о том, как буйно на подобных улицах цветёт преступность, к тому же его знаний про мир Альданы пока было недостаточно, чтобы проявлять самостоятельность, поэтому вопрос с трудоустройством он решал тем, что решение каждый день переносил на завтра. Таким образом, существовал он за счёт приютивших его подруг, а им от нового знакомого было достаточно того, что он в немалых количествах пересказывал ему истории Джейка (не делая себя самого очевидцем их исключительно из соображений безопасности: вдруг спросят какую-нибудь подробность, а он не знает, вот так и всплывёт нечаянно его происхождение, что не есть хорошо). Некроманты и несостоявшиеся студенты с первого этажа имели доход побольше, чем у остальных квартирантов дома, поэтому иногда помогали, чем могли, троице с третьего. Общение с ними было тёплое, близкое к дружескому. У них отсиживались, когда Шейла или Флорина приводили на квартиру клиента, а ещё новоявленные приятели учили его несложной магии. Дима сочинил себе биографию: будто раньше не брался за изучение магии, потому что из-за детской болезни он потерял все магические способности (так бывает, Дима от Джейка узнал); и его желание изучать магию

с азов выглядело естественным.

В общем, парень ни на что не жаловался, а в доме Винсентов уже восьмой день все ходили с гудящими головами. Одно непонятное исчезновение и две беременности — самое то для появления головной боли.

К вечеру напряжение возросло: в Фатону должен был приехать Кеану Мортис, и с одной проблемой что-нибудь обещало проясниться.

В семь часов к Винсентам постучался Тинзо Цельсий:

— А мистер Мортис уже у старейшины сидит!

— Шпион! — усмехнулась впустившая парнишку Алина. — Ой, пожелай нам удачи… — с её лица разом сошла весёлость.

Дашка с Джессикой и Сашей сидели во дворе, и она пошла уведомлять их и обсуждать план действий.

— Ну что, — вздохнула она, — настало время. Мортис прибыл.

— Не бойся. Мы с тобой! — воскликнул Саша.

— Не стоит, — Дашка отвела глаза. — Все вместе — это как-то… Как будто он в чём-то виноват. А вина его не превосходит мою.

— И в самом деле, Алекс, это же личное дело, — поддержала Дашку Джессика.

Вообще-то ей хотелось добавить, что Дашка здесь — полная дура, сама себе создала проблему, но два обстоятельства ей мешали. Джессика чувствовала, что потеряла все права, чтобы осуждать других, и что Дашка вряд ли затеяла игру в любовь только для того, чтобы развлечься.

— Я пойду сама, — сказала вампирша. — Только кто-нибудь один со мной… Джесс, ты можешь?

— Конечно, — пробормотала девушка. Она считала, что её не стоит в такие важные дела посвящать… Если её любовь выражается в том, что она намеренно причиняет боль, и моральную, и физическую, дорогим ей людям, то им не следует тянуться к ней, Джессике. Но обижать подругу отказом она не хотела.

Перед дверями башни у Дашки и Джессики сработал тормоз волнения. Им захотелось, чтобы сейчас выяснилось: мистер Мортис уже ушёл, — и потратить ещё чуть-чуть времени на то, чтобы найти министра. Потому что они не знали, что сейчас делать и говорить. Обе не представляли себе это по пути. Дашку так трясло, что собственных мыслей было не расслышать, а Джессика уже опасалась думать что-либо насчёт друзей: могла додуматься до такого, что потом самой от себя противно.

Тут дверь открыли. Мистер Мортис.

Сперва он поцеловал любимую, потом спросил, решив, что если Дашка с Джессикой, значит, пришла не лично к нему:

— Леди, что вам нужно?

— Кеану… Это… надо с глазу на глаз, — Дашка всё ещё не собралась с духом.

— Что-то серьёзное? Пойдём, — он поманил её за собой.

— Я снаружи буду, — бросила Джессика и захлопнула дверь.

— Что ж, — Кеану вернулся на несколько шагов и повернул ключ в замке, вытащил и положил всю связку в карман мантии. — Будет по-вашему.

Они поднялись на третий этаж, где была маленькая комната с камином, двумя большими креслами и столиком, будто бы специально предназначавшаяся для личных разговоров. Когда они сели, на столике тут же появились два бокала, бутылка белого вина и графин красного — так могло показаться. Дашка же чувствовала (а это чувство её никогда не обманывало): в графине была кровь, — и поняла, что невыносимо голодна. Наплевав на приличия, она один за другим опрокинула в себя три бокала и подняла глаза на Кеану. Он, не притронувшись к вину, терпеливо смотрел на неё.

— Дорогая, я тебя внимательно слушаю.

Дашка пожалела, что на неё теперь не действует алкоголь.

— У нас будет ребёнок.

Мортис застыл. Полностью, даже дыхание, кажется, задержал. И ход мыслей замер. Но глаза его стали вновь наполняться осмысленным выражением стремительно — и выражение это было полубезумным восторгом. Секунду спустя на лице его появилась улыбка, а ещё через мгновение он кинулся обнимать Дашку.

— Неужели!?! О, Ветры, это случилось!

— Так ты рад? — ляпнула Дашка.

— Не то слово! Наверное, тебе трудно это понять, но… Я уже давно мечтаю о нормальной семье, какой у меня самого не было.

— Я ещё несовершеннолетняя, — пробормотала Дашка.

Когда всё слишком хорошо — это тоже плохо.

— Ты ещё одного не учла. Пока в королевстве нет закона, разрешающего союзы вампиров и людей. Я минимум через полгода добьюсь, чтобы его приняли, а тебе к этому времени уже будет восемнадцать.

— Я не хочу становиться мамой! — в отчаянии крикнула Дашка. — Извини…

— Это тебе сейчас кажется, — он сжал её ладони в своих. — Я не могу представить, что ты не полюбишь его! Ты… У тебя очень

доброе сердце. Я верю.

— Из меня будет плохая жена… отвратительная хозяйка…

— Когда мы будем жить в моём доме в Зальване — у меня там полно прислуги.

— Хорошо… Но… Я не могу так сразу сказать «Да», прости…

— А я ещё не делал тебе предложение! — улыбнулся Кеану.

— Но собираешься, — ровным утвердительным тоном произнесла Дашка.

— Да, — он с нежностью посмотрел на неё и снова поцеловал.

— Ну что? — оживилась Джессика, когда Дашка, не сопровождаемая мистером Мортисом, вышла из башни.

— Полон планов на будущее, — Дашка взяла её под руку (Джессика вздрогнула), словно ища у неё защиты… если, конечно, можно защититься от себя самой.

— То есть… ты с ребёнком ему ни к чему? — осторожно уточнила девушка, давно уверенная, что всё сложится именно так.

— Наоборот. Уже видит меня своей женой.

— Но ты ведь не собираешься соглашаться?!

Джессика думала, что перепугалась беззвучно. Она хотела задать похожий вопрос, но в более тактичной форме, пока не сообразив, как. Но было поздно.

— Семейная жизнь сейчас мне в ночных кошмарах снится, если честно, — призналась Дашка. — Вообще-то, мне было бы легче, если бы мистер Мортис стал отмахиваться. А мамой я себя хоть и могу представить, пусть такой же неважной, как и женой, но… Если мне придётся рожать и воспитывать ребёнка здесь, в Альдане — наверное, это не так страшно. Тут вы все его уже любите. Меня, рискну предположить, тоже, — она усмехнулась. — Нам пропасть не дадите. А в нашем мире… Нет, там всё слишком сложно, — Дашка вдруг замолчала и сильно замедлила шаг, задумавшись: — Слушай… А если я смогу вернуться в свой мир, когда мой ребёнок подрастать будет? Как ему тяжело будет! У нас совершенно другое всё: магии нет, техника одна, шумно, всё большое вокруг, давит, пугает… Природы нет почти, она — отдельно от человека, потому что он с ней в мире существовать не может — только воевать. Вот так вот всего лишить ребёнка — это жестоко!

Джессика успокаивалась. *Любит своего будущего малыша Дашка, больше, чем все мы, вместе взятые. Что бы ей сейчас не казалось. Значит, скоро у неё будет своё счастье, большое и прочное.* Если она, конечно, не согласится на предложение

мистера Мортиса…

А Дашка впервые подумала о том, что, возможно, останется в Альдане навсегда.

Дома, узнав о том, что мистер Мортис намеревается сделать Дашку своей женой, все по очереди приклеивались к будущей маме с советами, пожеланиями, предостережениями и прочим арсеналом средств для доведения до кипения. Анна постоянно надоедала ей своей радостью: хорошего ты себе мужа отхватила, Дарья, богатого и при должности, только ты не зазнавайся, про нас не забывай, дом у тебя будет огромный, приглашай в гости (читай — к себе жить). Теона от Анны не очень-то отставала, но радость её была другого характера: ой, как замечательно, вы так друг друга любите, вы так друг другу подходите, он тебя на руках готов носить, малышу вашему повезло, что у него такие родители, как здорово, когда ваш ребёнок и мой подружатся, будем дружить семьями, а вдруг у вас будет мальчик, а у нас девочка, или наоборот, тогда, может быть, они друг друга полюбят и поженятся, какая у нас большая и дружная семья будет! Дерик, так и не ставший своей возлюбленной мужем, кидал Дашке одну-единственную фразу: «Как я тебе завидую!» — но с такой частотой, что вампирша определилась, чью кровь будет пить в следующий раз. Джейк заявлял, что это сумасшедший дом, и особняк мистера Мортиса превратится в то же самое, и что «мы от вас так просто не отстанем, и Мортис такого нашествия не вынесет, бросит тебя ко всем чертям и сбежит куда-нибудь в Чёрные Гавани, оставив тебе и особняк, и состояние». Алина довольно отмечала, что теперь мистеру Мортису можно с чистой совестью давать от ворот поворот. Оказавшаяся дома Марика принялась вспоминать знакомые семейные пары и на их примерах расписывать Дашке все особенности семейной жизни. Даже Шаки не осталась в стороне, всё расспрашивала вампиршу, сильно ли её любит мистер Мортис — так, как герои древних легенд своих возлюбленных (детальные пересказы прилагались).

Только Джессика и Саша не принимали в этом участия. Девушка верила, что Дашка не позволит вот так сразу забрать у неё весёлую, яркую жизнь взамен на другую, лишённую красок. Саша тихо терзался, не желая никого видеть. Ревность — откуда она взялась? Его чувства к Дашке давно преобразовались в дружеские… Так ему уже начинало казаться. А с тем, что у него шансов нет, он давно смирился, на её сердце не претендует… Так что это уже какое-то чувство собственности — я этим не пользуюсь, только любуюсь, но лишь *я*, и никто больше. Так к старым вещам относятся — никакой пользы, а выкинуть рука не

поднимается. Душевные вопли перешли сначала в вой, потом — в повизгивание, под которое парень и задремал.

Его вырвал из дремоты скрип двери: в мансарду заглянула Джессика:

— Ой… Разбудила?

Саша сел, спрятал лицо в ладони и медленно опустил их, глянул на часы на стеллаже, сориентировался — три часа ночи, потянулся, упёр мутный взгляд на девушку и подумал, что ответить. Дремота его была неглубокой, он улавливал отдельные звуки на улице, в основном громкие голоса. Но надёжной — избавляла от необходимости разбираться в мыслях и чувствах. Впрочем, с Джессикой он не прочь поговорить, поэтому был выбран ответ:

— Нет, я не спал… Я просто задумался.

— Понятно. Ну, как ты? — Джессика зашла в комнату.

— Тяжело мне, — простонал Саша. — Скажи, вот на что я рассчитываю? На то, что Даша всю жизнь одинокой будет, и я смогу спокойно по ней вздыхать? И кто я после этого?

Джессика аккуратно закрыла дверь и приблизилась к нему.

— Нет, ты не подлец. Ты глухой на оба уха и слепой на оба глаза. Или же упрямый до одурения.

— Пусть будет так. Только что ты хочешь этим сказать?

— Если бы ты перестал себе повторять, что тебе, страдальцу разнесчастному, суждено мучиться от безответной любви до скончания дней, — давно бы радовался жизни. Я же вижу, что ты не из тех, кто предпочитает строить из себя мученика. Если б всё ещё любил — попробовал бы ещё раз, получил отказ, второй, успокоился бы и подумал, что это не конец света и что всё ещё впереди. Обманывать нехорошо: ты сам себе невесть чего насочинял, вот и получается болото, из которого выбраться не можешь.

— Увяз по самые уши, — усмехнулся Саша. — Но выкарабкиваться надо, согласен. Ты, случайно, не знаешь, как?

— Знаю, — она быстрыми движениями расстегнула и сняла с себя рубашку, упавшую к её ногам, и подошла к нему; в возникшей тишине отчётливо отдавался стук её каблучков.

— Ты… соображаешь, что делаешь? — Саша, наконец, уловил исходящий от девушки запах спиртного.

— Превосходно, — промурлыкала Джессика, положив ладони ему на грудь.

— Но… ты… — запинался он, чувствуя, что сейчас сломается.

Ладони Джесс скользнули вверх, ему на плечи. Она улыбнулась, убедившись, что взгляд молодого человека перестал дёргаться (Саша прекратил попытки смотреть Джессике, не

носившей под рубашкой белья, прямо в глаза, а не ниже).

— Давно пора было, — прошептала она, едва не касаясь своими губами его губ.

Саша сдался.

Пролетел час… Они лежали в постели, обнявшись.

— Как ты теперь? — игриво спросила Джессика.

— Уже лучше! — хмыкнул он.

— Но ещё не совсем хорошо? — Джессика перевернулась на живот, и её лицо оказалось над Сашиным. — Хочешь ещё?

— Когда ты окажешься в здравом уме, ты не прибьёшь меня за то, что я воспользовался твоим состоянием? — он заправил прядь её волос ей за ухо.

— Зануда ты! — Джессика, притворно обидевшись, села, спустив ноги с кровати. — Всё! Одеваюсь и ухожу!

— А я тебя отсюда не выпущу! — не вставая, Саша обхватил её за талию одной рукой.

Они повторили ещё раз.

— И всё-таки, — сказал парень, когда они закончили и оделись, и теперь сидели на кровати, глядя в окно на звёзды. — Зачем ты это сделала?

— А ты что, не остался доволен?

— Нет, что ты, всё замечательно было… Но ответь, пожалуйста, на мой вопрос.

— Не могла я смотреть, как ты убиваешься. Тебе срочно была нужна помощь. Кроме меня, предложить её было некому, — протянула Джессика.

— Что? — всполошился Саша. — Так ты…

— Успокойся, — усмехнулась она, движением руки не дав ему вскочить на ноги, — моей жертвы тут нет, я и себе в удовольствие тоже. Естественные потребности — что такого? К тому же, мне уже надоела моя девственность.

— У меня слов нет! — вспыхнул парень. — Ты… ты…

— Понимаю, знакомая ситуация, — закивала Джессика, — но мне правда так захотелось.

— Всё равно в голове не укладывается. Я думал, ты… без любви не станешь…

Да люблю я тебя, люблю! Только ты об этом никогда не узнаешь. Чувство принимает уродливые формы, истязает… А по-другому я не умею.

— Скажи, как мне тебя убедить, что всё в порядке? — она заглянула ему в глаза.

— Ладно, я отставил сомнения. Но если всё же поймёшь, что зря так поступила — можешь от души врезать мне за то, что я вовремя тебя не отговорил, — Саша прищурился: — А, пока ты не

передумала, можно я тебя поцелую?

— Да пожалуйста!

Утро наступило незаметно. Но оно стало одной из важнейших дат в истории королевства Альданы…

Деревню облетело известие, что всем жителям следует собраться возле башни старейшины. Это никого не удивило: все важные объявления и сообщения всегда озвучивались там. Когда из башни вышел один мистер Мортис, это тоже было воспринято абсолютно нормально: старейшина позволял важным людям, останавливающимся в Фатоне, доносить до жителей деревни необходимые сведения без его наблюдения.

Министр что-то держал за спиной и улыбался, ожидая, когда народ подтянется сюда. Когда толпа собралась приличная, он показал всем, что держит в руках — огромную чёрную книгу.

— Книга Смерти! Её нашли! — восторженно крикнул кто-то.

— У кого она была? — прозвенел нетерпеливый девичий голос.

Мистер Мортис поднял руку: тихо всем! Толпа, жаждущая всё узнать, послушалась.

— Что ж, люди Фатоны, вы достойны узнать правду первыми. Сообщаю вам, что Книга Смерти всё это время находилась у меня.

Все одновременно вдохнули воздух, нехватка которого стала ощущаться очень остро.

— Да, мой горячо любимый народ, совсем скоро я получу безграничную власть над королевством! Я владею необходимой силой, я неоднократно испытывал её. Одно лишь заклинание — и все, кто был похоронен в Лунном Лесу, восстали из мёртвых. Ещё несколько слов чёрной магии — и целые стаи вампиров, повинуясь мне, нападают на города и деревни. Умело наложенные чары — и мне преданно служат виверны. Я подготовился к непродолжительной войне с вами, мой народ — сохранил жизни сотням вампиров, которые все будут подчиняться мне. Да, в этом была суть моего последнего закона — увеличить число тех, кто будет сражаться на моей стороне, пусть и не по своей воле, — он прервался, наслаждаясь эффектом своих слов: никто не мог вымолвить ни звука возмущения, протеста или ещё чего, даже Айрис Ави, задыхаясь от негодования, только сжимала кулаки. — Но вы, мой народ, все года, когда я занимал должность министра, горячо любили меня, поэтому я и сейчас проявлю заботу о вас, заранее предупреждая, что намереваюсь произнести Высшее Заклинание через три дня и две ночи. Готовьтесь, я даю вам шанс. Правда, я не знаю, что вам с этого будет — вы не сможете подготовиться, чтобы противостоять моему тёмному войску, даже если у вас в запасе будет год. Но нападать внезапно

на беззащитных — это нечестно, так что я проявляю благородство.

— С нами Солнечная Принцесса! — за его спиной появился Фредерик. — Подумай, в твоих руках невероятная чёрная магия, в наших — светлая, — ему с трудом удавалось сохранять ровный тон. — Силы равны, стоит ли тратить их, чтобы достичь ничьей? Мы-то сохраним мир, а ты своего не добьёшься.

— Солнечная Принцесса? — Мортис расхохотался. — Не смеши меня! Она хоть и поддалась вашему давлению и замарала себе руки, приняв Жезл Света, но вряд ли леди Теона заставит себя сотворить чудо и вызвать день, полный убийственного солнца.

— У тебя нет одного доказательства того, что ты есть истинный Повелитель Тьмы, — произнёс Фредерик. — Ребёнок-демон. У тебя ведь вообще нет детей.

— Ошибаешься, — ухмыльнулся Мортис. — У меня скоро будет наследник. В твоей деревне есть юная леди, которая носит его под сердцем. Это демон, не сомневайся. Несколько лет назад одна женщина родила от меня дочь — та оказалась демоном, но мать, испугавшись, убила её. Поэтому всё сходится, Фредерик.

— Мы убьём её! — выкрикнула Айрис, очнувшись. — Если твоему отродью будет не суждено появиться на свет — тебе не осуществить своих намерений!

— Это исключено, — притворно огорчился Мортис. — У этой леди есть невидимая защита в лице духа старины Кевина Гранда.

— Не оскорбляй его! — рассвирепела Айрис, в её руке появился веер клинков. — Он не станет покровительствовать негодяям!

— Да? А известно тебе, что нашим гостям из Большого Мира предстоит сделать что-то значимое для королевства? Такова воля Гранда. И он не допустит, чтобы кого-то из них вот так просто прикончили. Он защитит их! Мать моего ребёнка — леди, которую вы все знаете как Дарью Винсент, молодую вампиршу. Кевин Гранд не указал ведь, для какой стороны она должна стать великой — для светлой или для тёмной, для добра или зла, — он взмахнул рукой, и из воздуха появился его чёрный пегас. — До скорой встречи, мой народ! Да, кстати, — крикнул он, когда его крылатый конь уже набрал высоту, — те люди, которые трудятся в вашем Управлении, не стали искать книгу не потому, что они на моей стороне — просто я пригрозил им расправой, долгой и мучительной! Не осуждайте их!

— Безумец, — пробормотал старейшина и обратился к толпе: — Кто-нибудь верит в то, что Кевин Гранд допустит такое?

— Фредерик, в нашем королевстве всё с ног на голову

переворачивается, — вздохнул мистер Цельсий. — Может случиться так, как говорил Мортис. Я утратил всякую веру в превосходство как добра, так и зла.

— Всё рано или поздно случается. Но, как бы всё не сложилось — мы дадим достойный отпор, — громко сказала Айрис.

В поражённой толпе каждый перестал слышать других, провалившись в бездну шока. Некоторые высказывались, отдельные люди даже пытались спорить, победит свет или тьма, но споры эти были ненужными и бессмысленными, поэтому быстро затихали.

Дашка изнемогала от понятного всеобщего внимания. Взгляды были то настороженные, подозрительные, то откровенно презрительные, то боязливые, то сочувственные. У тех, кто достаточно знал Дашку, они были взволнованные. Вампирша заметила, что девушки-воительницы избегают смотреть ей в глаза. Оно и понятно — может быть, одна из них скоро убьёт её. Дашке стало обидно: жизнь только наладилась, перспектива материнства её уже не раздражала, волшебный мир нравился всё больше и больше, успехи в изучении магии впечатляли, — и тут такой крах, громкий, с треском!

Ребёнок… Любви к нему оставалось совсем немного, чтобы превратиться из инстинктивной, бессознательной, в явственно ощущаемую. А теперь? Как можно любить *это?!* Гарант великой трагедии Альданы — ему она станет матерью. Матерью великого горя.

— Домой, — велела Марика, схватившая её за руку. — Тебе сейчас нельзя никого слушать.

Дашка и не стала сопротивляться.

Толпа перед башней рассасывалась быстро. Три дня и две ночи — хоть ничтожный, но срок, и люди не желали тратить ни минуты этого времени впустую. Надо успеть освежить в памяти пригодные в бою заклинания, боевые навыки, выучить новые, проинструктировать и обезопасить домашних, попросить у всех прощения и самому всех простить, оставить молитву в Храме…

Старейшина наблюдал, как все расходятся, и собирался уже вернуться в башню, как к нему подбежала Теона. Она опять плакала, но это была уже не плаксивость беременной женщины, а настоящие слёзы.

— Как он мог?! — Теона кинулась ему на грудь. — Он… он… он столько делал для нас! Был так добр к нам! Он… Он всегда защищал нас от прислужников короля Мартина! Неужели… можно быть способным на такое? На такую подлость…

— Без таких злодеев наша жизнь немыслима, — вздохнул

Фредерик. — Плачь, пока можешь, Теона, — он обнял её, по-отечески поглаживая по голове. — Ты хотя бы находишь это ужасным, отвратительным — нам же с детства объясняли, что даже самые дикие злодеяния естественны. Для тебя нет мира, где правит жестокость и обман — мы живём с истиной, что они неистребимы. Так что, если тебе больно — не скрывай. Не стыдись плакать от этой боли, как стыдимся этого мы.

— Фредерик, — она всхлипнула. — А если я… не смогу? Как мистер Мортис рассчитывал? — Теона нащупала рукой висевший у неё на поясе Жезл.

— Тут уж тебе решать…

Глава 27 Свет и тьма

Шокирующая новость распространилась по королевству на следующий день. Король Мартин непрерывно раздавал приказы поймать Мортиса и уничтожить — безуспешно; бывший министр, изучивший последний, сложнейший раздел легендарной Книги Смерти, играючи отбивался от отрядов лучших боевых магов.

Решимость противостоять армии Мортиса стремительно улетучивалась по мере приближения назначенной им даты. Трясло даже бесстрашных жителей Фатоны. Про то, что в знаменитой деревне тоже паника и хаос, твердила вся столица, в том числе и дом на грязной бедной улице, в котором нашёл себе приют Дима Фёдоров.

— Ужас какой! Они там, наверное, от стыда за самих себя сгорают, — озабоченно протянула Флорина.

— Да брось ты! — Шейла подошла к окну и посмотрела на улицу, полупустую. — Такого нельзя не бояться. Страха перед смертью нет только у ненормальных.

— Я ведь всю жизнь в Фатоне жила, — вздохнула Флорина. — И если для нормального человека естественно бояться смерти — люди в этой деревне рождаются безумцами.

Дима вздрогнул: когда девица произнесла слово «рождаются», он вспомнил о том, что у него должен появиться ребёнок. Ну и Теону не мог не вспомнить, и друзей-одногруппников, и Винсентов, и саму деревню.

— Вы же слышали про Айрис Ави, — продолжала Флорина, — и её отряд… Забыла, как он называется!

— Отряд Лесных Воительниц, — машинально напомнил Дима.

— Да-да, он самый! Так вот, эти девушки группы боевых магов десятками на тот свет отправляют! Некоторые ученицы Айрис теперь профессиональные охотницы на вампиров и прочую нежить, сама госпожа Ави, говорят, вообще бессмертна — и, имея таких защитниц, жители деревни паникуют?!

— Айрис не бессмертна, — поправил Флорину Дима, опять сам того не заметив. — Да, живёт четыреста лет, но у неё только молодость вечная, не жизнь.

— Ты что, её лично знал? — встрепенулась она.

— Я там тоже жил. Два с половиной месяца, — признался парень.

Удерживать правду он больше не мог, но и рассказать всё как есть он не решился. Поведал он подругам лишь то, что его выгнали из дома.

— А у кого ты там жил? Или сам по себе? — спросила Флорина.

— У дальних родственников. Винсенты — ты наверняка их знала, очень колоритное семейство! — ответил Дима, последнюю фразу сказав от души, не приврав.

— Подожди, — насторожилась Шейла, — Дарья Винсент — мать будущего ребёнка этой твари Мортиса, так ведь? И она, если уж тему затронули, не из Альданы, а из Большого Мира.

— Что? Вот этого я ещё не слышал! — парень напрягся.

— Из Большого Мира в королевство четверо молодых людей попали, два парня и две девушки, — принялась растолковывать Шейла, не поняв, что имел в виду Дима. — Ну, одна теперь не девушка уже… Обратно они попасть не могут, потому что Портал не пускает. Домой им суждено вернуться только в том случае, если они для королевства сделают что-то великое.

— Освободят Альдану, — прошептала Флорина.

— Некоторым так казалось, но теперь все пришли к другому выводу, — жёстко возразила Шейла. — У Повелителя Тьмы обязательно должен быть ребёнок-демон, а эта Дарья, раз беременна таковым, обеспечит ему возможность дорваться до короны, а королевству — тёмное будущее. Согласись, она станет исторической личностью, но не для нас, а для стороны мистера Мортиса, чтоб его собственным заклинанием убило!

— Я была знакома с Дарьей один день, вернее, несколько часов, — произнесла Флорина. — И точно уверена: не в этом её судьба! Увидите, Альдана не погрузится во тьму!

— Я тоже из Большого Мира, — пробормотал Дима. — Простите, дамы, я должен вернуться в деревню, даже если одна особа там меня четвертует!

Он выбежал на улицу и кинулся прочь.

Возвращению его были безмерно рады, но сил радоваться вслух и активно ни у кого не было. Лица все были те же… но в то же время совсем другие. Теона измучилась так, что вся живая красота её слиняла и молодая женщина стала похожа на бездушную куклу. Заранее чувствуя вину перед всеми, она боялась попадаться на глаза домашним и редко выходила из комнаты, почти ничего не ела. Дашка как-то потускнела, даже стало казаться, что глаза её не ярко-красные, а карие. Ей тоже кусок в горло не шёл, и иногда у кого-нибудь мелькала мысль, что она нарочно морит себя голодом, чтобы ещё не родившийся ребёнок погиб. Джейка парень впервые увидел серьёзным, Марику — обеспокоенной, Джессику — притихшей, Алину — печальной.

Дима сказал, что той ночью что-то дёрнуло его прогуляться

до города и обратно, проветриться и подышать свежим ночным воздухом, но на площади у замка его схватили хранители закона, приписали ему какое-то нарушение и так долго держали в камере местного Управления. Придираться к рассказу никто не стал — не до этого было.

Компания продолжала заниматься магией, но дела продвигались плохо. Можно было подумать, что мистер Мортис наслал на королевство чары повальной усталости: все ходили вялые, всё валилось из рук, даже мысли в голову не шли, какая уж тут учёба, особенно такому сложному искусству, как магия.

Тренировки Отряда Лесных Воительниц — и те проходили кое-как. Девушки собирались на берегу реки в назначенное время исключительно потому, что так положено, занимались они вполсилы, даже хуже. Человеку незнающему могло показаться, что молодые воительницы работают на тренировках на пределе своих возможностей, но эти леди способны были на гораздо большее. А Айрис словно не замечала, что ученицы совсем не стараются. Она вообще, хоть и присутствовала на тренировках, как занимаются её воительницы, не видела, смотря на них пустыми глазами и думая о своём… *Вдруг Андреа Лорана не последняя?* А вперемешку с этими мыслями — *до чего я докатилась…*

Джессика на тренировки ходить и вовсе перестала. Зачем? Толку от них теперь никакого. Она всё время проводила на заднем дворе, сидела на качелях и глядела на своё отражение в серебряном клинке кинжала. Она не могла объяснить, почему. Будто хотела там прочитать ответ на главный вопрос, задаваемый себе каждым жителем королевства: *что нас ждёт?*

В день перед страшным событием, от осознания неумолимого приближения коего кровь у всех превращалась в ледяную родниковую воду, Джессика зашла к Теоне.

Молодая женщина, ещё неделю назад прекрасная, как ангел, теперь выглядела просто трупом. Теона лежала на кровати, остекленевший взгляд упёрся в потолок, спутанные волосы разметались по кровати. Но, когда сестра села рядом, Теона вздрогнула.

— Скажи, — произнесла Джессика медленно, будто сдерживала слёзы, — что ты сейчас чувствуешь?

— Почему он так сделал? — вместо ответа спросила Теона. — Зачем? Его раньше все любили, а теперь ненавидят — что, неужели власть дороже?

— Ты теперь сама убедилась, — вздохнула сестра.

— Я… — Теона вдруг села и, вцепившись в Джессику, прокричала: — Я тоже ненавижу его! Как он мог! — и

пробормотала совсем тихо: — В кого я превратилась… Из-за него…

Теона, кажется, боялась не только нового странного чувства, которое в доброте её сердца застряло занозой, но и того факта, что она *обвиняет* кого-то.

— Вот ты и повзрослела… сестра, — Джессика вдруг улыбнулась, вмиг став выглядеть не истерзанной ожиданием чудовищной беды, а просто усталой. — То, что Мортис вызывает в тебе — это нормально. Конечно, любое зло надо стараться прощать, но… То, что он уже сделал и сделает этой ночью, заслуживает неприкрытой ненависти. А вообще, в чём-то ненависть — хорошее чувство. Потому что оно яркое. А яркое чувство — это всегда хорошо. Так что ты имеешь на это полное право…

Кеану Мортис поднялся на холм, откуда открывался вид на Бесталонское кладбище, крупнейшее в королевстве. Бесталон — центр земель Нерфастон, самых опасных в Альдане. На севере и востоке они граничат с территорией, которую занимает многотысячное племя риксов — агрессивный народ, едва ли не каждый месяц делающий набеги на города Нерфастона. Люди здесь гибнут постоянно, и бескрайнее кладбище с великолепно выполненными надгробиями — едва ли не единственная достопримечательность Бесталона. Конечно, можно было начать колдовство и в другом месте, но такого зрелища — легионы вырывающихся на свободу мертвецов — не увидеть больше нигде. У других кладбищ размеры поскромнее… Мортис долго колебался между Бесталоном и знаменитой обителью вампиров Чёрными Гаванями. Всё-таки в Бесталоне наблюдать приятнее: вампиры, услышав волю Повелителя, сразу летят туда, куда им приказано, а зомби выбираются из заточения в земле — можно сказать, это чудо рождения… рождения Зла.

Он раскрыл Книгу, тяжёлую, в обтянутом чёрным бархатом переплёте, и положил перед собой прямо в воздухе — она осталась в таком положении, — раскрыл. Страницы светились ядовито-зелёным цветом, цветом чёрной магии. И запах у неё был, ледяной. Тем, кто относится к чёрной магии как… как к чёрной магии, науке, которую надо изучать, потому что она полезна, но не как к части жизни, неотъемлемой и главной, показалось бы, что страницы воняют серой, а свет резал бы им глаза. Хладнокровному магу, ради достижения легко согласившемуся не вести счёт загубленным жизням, она показывала себя с лучшей стороны.

Очень длинное заклинание. Он читал его с выражением, как

актёр на сцене. Из бесчисленных могил вырывались столбы ядовито-зелёного цвета до самых небес, земля, оберегавшая покой захороненных, разверзлась, мертвецы оставляли убежища, смотря перед собой пустыми глазами, на самом дне которых едва виднелась решимость, уверенность: идти к столице, убивая всех, кто будет преграждать им путь. Со всех сторон летели вампиры, устремляясь в том же направлении, что и толпы зомби и скелетов, в их орду вливались оборотни…

Мортис захлопнул Книгу и поднял, наконец, взгляд. Изумительно. Несколько минут он стоял, любуясь, потом кликнул своего пегаса, вскочил на него и помчался сквозь принудительно-верное войско вперёд, к Фатоне. К своей невесте, вынашивающей его демона.

А деревня неподалёку от столицы содрогалась от атак нежити. Живым мертвецам приказано было убивать белых магов и священников, не дожидаясь, когда они начнут применять свою светлую силу. Воины Тьмы, чуя омерзительную для них светлую магию, врывались в дома и терзали главных своих врагов, а вместе с ними и тех, кто пытался защищать магов, виновных лишь в том, что их волшебство чистое, светлое.

Дашка, отпихнув от себя двух зомби, пробралась в мансарду. Сила Высшего Заклинания давила на молодую вампиршу, требуя рваться к Зальвану, и проявление воли вызывала давно забытую физическую боль во всём теле, в каждом внутреннем органе. Магия постепенно брала верх, Дашка приблизилась к окну, отойти назад уже не получалось, за спиной будто бы появилась стена, в которую вампирша ещё вжималась, отворачиваясь от окна, отделяющего от ночной улицы… от цели… не своей…

Магия победила: Дашка, разбив стекло, пулей вылетела, развернулась, и её понесло невидимым течением к столице. Её догоняла Марика, в глазах старшей подруги пылал огонь азарта.

Вдруг невеста Мортиса остановилась, увидев внизу девушку, которая целилась в неё прозрачным серебристым переливающимся шаром, сгустком святой силы, приносящей гибель всем неживым. Дашка подчинилась слову Повелителя: убей! — и кинулась на неё.

Она преследовала девушку до Центральной улицы, но не успела догнать: волшебница угодила в лапы зомби, расправившимся с несчастной. Но Дашка выбрала новую жертву, Вивьен.

Священница выходила из Храма, но тут же инстинктивно подалась назад, когда на неё бросилась разъярённая вампирша, через секунду сообразив, что из помещения теперь не ускользнуть. Было поздно: Дашка сбила Вивьен с ног и хотела уже

вцепиться в священницу. Но вдруг дёрнулась назад, уклонившись от брошенного в неё серебряного кинжала.

Под аркой-входом стояла Джессика Винсент, сжимающая второй кинжал.

— Уходи! — в отчаянии крикнула воительница. — Уходи, или я буду вынуждена поразить тебя в сердце вторым клинком!

Дашка смутно понимала, что она от неё требует, но могла покинуть Храм только одним способом: напав на Джессику.

Ученица Айрис в растерянности позволила повалить себя на землю, но защищалась упорно. Борьба было долгая. Джессика несколько раз ранила противницу (она нарочно не прицеливалась, иначе воткнула бы ей кинжал прямо в сердце, моментально умертвив), а вот вампирша её не щадила. Чувствуя, что выдыхается, Джессика с горечью произнесла: «Прости меня», — и выбросила руку с кинжалом вперёд, в этот раз метя точно.

Через мгновение она облегчённо вздохнула: Мортис подоспел вовремя, втащив Дашку на своего крылатого коня, и Джессика лишь рассекла кинжалом воздух.

Повелитель Тьмы одну руку приложил Дашке ко лбу, таким жестом проверяют температуру, а второй накрыл ей глаза. Он очищал её разум от помешательства, и через минуту убрал руки.

— Любовь моя, — Мортис сжал в ладонях её лицо, приблизив к своему, — мне жаль, но тебе в это ввязываться не стоит. Убить могут вместе с малышом — а как я без него?

— Отпусти! — Дашка рывком высвободилась, но он схватил её за плечи.

— И бросить тебя здесь? Милая, я не допущу, чтобы ты погибла, — Мортис с силой прижал её к себе.

— О, Ветры, где Теона? — Фредерик вбежал в дом Винсентов.

В коридоре не было ни души, в комнатах — тоже, и везде погром.

— Мы здесь! — донеслось со второго этажа, и по лестнице спустились Анна, Шаки, Теона, парни и Алина.

— Теона! — взмолился старейшина. — Ну что же ты медлишь, у нас уже десятки раненых и убитые!

Теону спасло от ответа то, что заднюю стену дома пробила голова виверны и разинула пасть, готовая изрыгнуть ядовитые испарения: все моментально испарились из дома, услышав во дворе, звук долгого выдоха.

— Бежим! Анна, молодые люди, вы спасайтесь! Я смогу защитить Теону! — в доказательство он потряс своим оружием, огромным мечом, клинок которого был окутан магической

серебристой дымкой, и за руку потащил слабо сопротивляющуюся Теону за собой.

Они продирались через поток зомби, двигавшийся к Зальвану. Маги и воины, пытающиеся остановить хотя бы часть живых мертвецов, бросали их и кидались к старейшине с Теоной.

— Куда идёте? Мы расчистим вам путь!

— Леди Теона! Мы до конца жизни будем молиться за вас!

— Спасительница!

У Солнечной Принцессы голова шла кругом. Каждый восторженно-отважный возглас хлестал её пощёчиной. Но целительницу вели вперёд… До обрыва, где состоялась недавно её инициация.

Теона глянула вниз: там шло жуткое побоище. Человек двадцать мужчин и молодых парней хотели одолеть двух виверн. Бой был очевидно неравный, хотя воины сражались, как могли. Один парень упал, уже бездыханный, — и тут же ожил, превратившись в зомби, и продолжил битву, но против тех, кому минуту назад помогал. Такая же судьба ожидала ещё одного воина, и ещё одного… Среди них не осталось людей.

— Леди, что с вами? — испуганно обратился к Теоне один из магов.

— Ой, — молодая женщина очнулась, вспомнив, что от неё ждут. — Я готова.

Она взмахнула Жезлом, про себя читая заклинание. Из ниоткуда зазвучала музыка, и слова заклинания полились песней, за спиной Теоны вновь появились два белоснежных крыла. Волшебница выбросила руку, в которой держала Жезл, вверх, из него вырвался столб света, ударивший в небо, и Теона, поднявшись высоко над землёй, снова стала исполнять танец.

В том месте небосвода, куда попал столб света, пущенный из Жезла, засияло пронзительно-голубое пятно и начало, будто клякса, расползаться. Чернильное ночное небо сменялось ослепительным дневным.

— Что?!? — по-прежнему не отпускавший Дашку ни на миллиметр от себя, Мортис остановил пегаса и обернулся. — Быть этого не может!

Темнота стремительно отступала, всё пространство вокруг заполнялось предсмертными воплями вампиров, воем оборотней и хрипом зомби.

— Ты проиграл, — усмехнулась Дашка.

— Ты меня недооцениваешь, милая!

Пегас спикировал во двор чьего-то дома. Спешиваясь, Мортис ослабил хватку — Дашка выскользнула из его рук, взлетела и обрадовалась — увидела братьев Винсент, Диму, Алину и Сашу и

кинулась к ним.

— Ты в здравом уме?! Ура! — воскликнул Саша.

— Живо в дом! — Дерик кивнул туда, откуда надвигался дневной свет.

Осознав, что секунд через двадцать её настигнет солнечная смерть, Дашка моментально оказалась в ближайшем доме, благо ничто не препятствовало, дверь была сорвана с петель. В коридоре вампирша обернулась: друзья стояли на улице.

— Сиди тут! — велел Дерик. — А мы пойдём — сражение надо продолжать.

Как только он это сказал, земля рядом с компанией разверзлась, и из образовавшейся расщелины стали вылетать кости — таким жутким фонтаном. В воздухе они складывались в скелет огромного дракона. И покой этого существа был потревожен явно для того, чтобы уничтожить компанию из пяти человек, двое из которых могли предложить против орды нежити свои мечи и стрелы, двое — магию, а один — и то, и другое.

Так быстро никто из друзей ещё не бегал. Дракон-скелет не успел щёлкнуть челюстью — компания уже спряталась в доме. Но то ли кошмарное существо было умнее виверн, то ли в его черепе отдавались приказы Мортиса — оно, громыхая костями, сунуло морду в проём входной двери и стало тянуться вглубь, клацая зубами.

— Соберитесь, — произнёс Джейк, почувствовав спиной стену, где не было двери на задний дворик, как в доме Винсентов, — попробуйте-ка одновременно, по моему сигналу долбануть этой зверюге по черепу магией.

— Хорошая идея, — отозвался Саша.

— Готовы? Атака! — скомандовал Джейк.

В дракона полетели четыре шара: Дашкин оранжево-красный, Димин голубой, Алинин серебристо-белый и Сашин изумрудно-зелёный. Все вместе они обеспечили такой потрясающий взрыв, что стены дома чуть не обрушились. Но драконий скелет остался невредим, его лишь отбросило на некоторое расстояние.

— Не медлим! Надо призвать все свои силы! — после такого конфуза Саша сориентировался первым. — Мне кажется, если атака будет более мощная, эта тварь рассыплется на части. Ну же!

Четыре мага приготовились применить волшебство снова, замахнулись — на этот раз взрыв был таков, что они сами отлетели к стене, а то, что происходит перед глазами, скрылось за гигантским облаком пыли. Это рушился фасад дома, делая для чудовища доступ к людям, этим презренным ничтожным созданиям, которых надо давить, как комаров, свободным!

— Атакуйте в третий раз! — крикнула откуда-то сверху…

Марика Новиш!

— Как ты… освободилась от чар? — изумилась Дашка.

— Ты уверена, что третья атака что-то даст? — вяло спросил Дима.

— Так надо! — выпалила Марика. — Алекс правильно сказал, скелет дракона можно разбить, просто атаки ваши были недостаточно сильные! А сейчас к ним я свою добавлю, этого должно хватить! Я уверена! Давайте, мы сможем!!! Раз… Два…

Принимать смерть без боя было как-то неловко, да и знания Марики вряд ли были ошибочны… Все вскинули руки, напряглись…

— ТРИ!!!

Когда пыль осела на землю, все по-детски завопили от восторга: дракона-скелета больше не было, только раскиданные по двору кости.

— Неужели, — вздохнул Джейк, сползая на пол от усталости, которую он смог почувствовать только сейчас — до этого у него не было ни секунды времени, чтобы отвлекаться на такие пустяки.

— Решено. Поступаю в Магическую академию, — заявила Дашка и осеклась.

Оттуда, где пару минут назад была стена дома, а сейчас в образовавшемся проёме держалась в воздухе Марика, падал и кружился зелёный прах.

— Ты… — прошептала Дашка, подняв голову.

— Да, прекращаю своё существование, — вампирша спустилась к друзьям. — Я прожила человеческую жизнь длиной в двадцать три года, а сегодня закончилась моя жизнь вампира. Тёмное во мне уже не берёт верх. Как видите, я сейчас вполне успешно сопротивляюсь чарам Кеану Мортиса, помешательство моё недолго длилось — значит, я уже почти человек, но в оболочке вампира. Она и умрёт сейчас.

— Отойди в тень! — растерянно воскликнул Джейк, не понимая, почему вампирша до сих пор стоит под губительными лучами солнца. — Тебе… необязательно ждать смерти, — пробормотал он совсем беспомощно. Ты же ещё двести лет проживёшь!

— А зачем? — возразила Марика с такой отстранённо-безмятежной улыбкой, какой могла улыбаться только она. — Мой век вампира завершился. К чему мне вторая жизнь человека? Я в первой сделала достаточно. Да и физически я по-прежнему вампир. Который, пока в нём ещё была тёмная, любящая человеческую кровь натура, тоже начал и довёл до конца немало дел, последним из которых было убедиться, что наше королевство

вступило в новую эпоху. Меня больше в мире смертных ничего не держит.

— Что ты такое говоришь? — Дашка сидела в тёмном углу и очень хотела подойти к подруге, но солнце вовсю заливало двор и ту часть дома, которая превратилась в руины. — Мир ведь большой, в нём всегда можно найти своё призвание! Ты можешь учить нас магии! — придумала она.

— У вас уже есть учителя. Очень хорошие. А вы очень способные ученики. Вы не дадите своему таланту пропасть, да и маги, взявшиеся за вас, этого не допустят. Я это знаю, и не боюсь оставлять вас в мире смертных, — Марика оставалась невозмутима.

— Разве ты не хочешь увидеть новую эпоху?! — из последних моральных сил пытался удержать её Саша.

— Я могу увидеть её глазами духа, — ответила вампирша. — А справитесь с этой частью истории королевства вы и без меня.

— Ты отговорки придумываешь?! — не выдержала Алина.

— Нет, — так же спокойно продолжала Марика. — У меня нет ни малейшего сомнения в том, что Альдана попадёт в надёжные руки. Я знаю многих людей молодого поколения, ваших ровесников — каждый из них достоин того, чтобы быть правителем Альданы. Я научила их тому, что получила от поколений предыдущих и что познала сама. Вас я тоже не обделила этим. Что ещё можно желать? Пожалуй, если в жизни сделано всё, что задумано — остаётся мечтать только о красивой смерти. Смерть от солнца — что может быть красивее? — она вышла на середину двора, обернулась, чтобы в последний раз увидеть друзей: — Спасибо вам. За то, что вы есть.

Марика глядела на чистейшее, солнечное небо. Её обдувало ветерком, продолжавшим срывать с неё зелёный прах всё интенсивней… После очередного порыва он потоком посыпался с неё. Марика на глазах исчезала — друзьям невыносимо было смотреть, как они теряют её. Хватать вампиршу и тащить в тень было уже бесполезно: спасать было уже нечего, от неё оставались только голова, шея, грудь и руки… А через миг Марики не стало.

Ветерок гонял по двору зелёную пыль.

Никто не мог ничего сказать, потому что любое слово повлекло бы за собой рыдания. Парни бы сдержались, но Дашка с Алиной, ляпни кто-нибудь что-то для смягчения ситуации, разревелись бы точно. Но молчать было тоже тяжело. К облегчению компании, Дашка заговорила.

— Её выбор. А вы идите… Всё равно мы тут ничего не изменим, а битва ещё идёт — ваше участие необходимо. Фатона нуждается в воинах и магах! — ей удалось улыбнуться. —

Вампиры умирают, а зомби-то ещё держатся!

— Мы за тобой вернёмся, — Саша поднял с пола свой меч и подошёл к тому месту, где раньше был порог дома. — Нам пора быть там, куда мы, прежде чем встретить тебя, спешили.

— На нашей улице такая бойня! Пыль — столбом, кровища — рекой, — Джейка от возбуждения передёрнуло. — Маму с Шаки еле увели.

— Пока мы ещё тут — скажи, а ты устояла перед чарами тоже потому, что… — быстро спросила Алина, но Дашка её перебила.

— Нет, Мортис заботу проявил, — усмехнулась она. — Мне же драться нельзя — ребёнка потерять могу.

Странный мир… Нам не понадобилось и пяти минут, чтобы оправиться от смерти пусть не подруги, но очень хорошей знакомой. А для меня и вовсе названой сестры…

Компания, держа оружие, холодное, стрелковое и магическое, наготове, выскочила во двор… но ей опять не суждено было добраться до цели.

Из соседнего дома выбежали два зомби, вооружённые огромными мечами, принадлежавшими совсем недавно двум жителям деревни, отцу и сыну Гартисам. Оружие это изготавливал Артур Эригайл, известный мастер. Вся Фатона знала: мечи его обладают мощным свойством — того, кто окажется ранен ими, мгновенно парализует, и он становится совершено беспомощен. Такие артефакты в лапах зомби — недопустимое дело!

Но одновременно с компанией вооружённую нежить заметил другой человек, молодой колдун. Он опередил друзей, кинув в живых мертвецов сгусток магической энергии, в полёте превратившийся в ледяную стрелу, но в момент, когда парень замахивался, его толкнул на землю выпрыгнувший откуда-то оборотень, и магия выстрелила в несколько другом направлении.

Эти события длились секунду — а затем…

Ледяная стрела, от которой оборотень спас «боевых товарищей», угодила в полуразрушенный дом, где пряталась Дашка и который только что покинули остальные друзья, и снесла ему ещё одну стену.

Солнце ударило в глаза вампирше, свет пролился на неё — и она рухнула без сознания, по полу стали разбегаться первые пылинки зелёного праха.

— Даша!!!

Сбивая друг друга с ног, друзья бросились к ней. Первым, в три прыжка, перемахнув через груду обломков, возле Дашки оказался Саша.

— Очнись!!! — он встряхнул её за плечи, но голова вампирши

безжизненно болталась.

— Храм! В Храме, может, помогут, — сказал Дерик. — Бери её, бежим!

Ему не пришлось два раза повторять.

Глава 28 Свершилось!

— Вот она! — Мортис, на лету спрыгнув с пегаса, схватил Книгу Смерти, валявшуюся на земле; он выронил её здесь, возле Храма Ветров, когда бросился к Дашке.

— Ну скорее, прошу вас!

К Храму выскочила растрёпанная, грязная и колоритно оборванная компания. Всем друзьям было необязательно бежать сюда, два парня бы вполне справились, доставили бы сюда Дашку, но никто не решался бросить подругу и умчаться в бой размахивать мечом или посохом, к тому же все побаивались: «Вдруг случится что, без нас не справятся!».

И опасения эти начали сбываться.

— Как мило, — картинно протянул Мортис, раскинув руки в стороны будто бы для объятия, и подошёл к компании, преградив вход в Храм. — Вы присмотрели за моей ненаглядной. Что ж, дальше о ней позабочусь я.

— Нет! — выпалили одновременно Джейк и Саша, но все друзья на шаг отступили назад.

— Сожалею, но мне эта леди нужна больше, чем вам, — Мортис приблизился к ним — они отодвинулись от него, в руке Повелителя Тьмы появился зелёный шар магической энергии, стремительно увеличивающийся в размерах: — Парень, что ты встал, как вкопанный, отнеси Дарью в Храм, ей вредно находиться на солнце.

Саше пришлось подчиниться: не хотелось рисковать жизнями друзей.

— Что медлишь? — разозлился Мортис, когда молодой человек, положив вампиршу на пол в Храме, задержался возле неё, надеясь, что она откроет глаза.

— Она же вот так просто не очнётся, — Саша посмотрел на злодея, оставшись стоять там же, где стоял. — Ей чья-то помощь нужна, священницы или целителя, не знаю…

— Да, ты прав, — процедил Мортис. — Ищите Вивьен, если её ещё не убили.

Никто не шелохнулся. Оставлять Дашку *с ним*?! Безумие!

— Хорошо, я подожду, — усмехнулся злодей. — Я заставлю вас найти того, кто исцелит мою невесту, — он вошёл в Храм, отстранил Сашу, нагнулся к вампирше: — Если бы ты, дорогая, не была в положении, солнце вредило бы тебе не так быстро и сильно, ты могла бы полдня промаяться под его палящими лучами. Но зато, раз ты так уязвима, твоими верными друзьями так легко манипулировать! — он рывком поднял её на ноги, но

Дашка всё ещё была без сознания, поэтому обмякла в его руках.

Угрожая остолбеневшей компании магией, он вынес вампиршу на улицу.

— Под солнцем жить ей осталось минут двадцать, — громко сказал он. — Или вы срочно ищите священницу или ещё кого-нибудь, кто спасёт её — или она погибает.

— Она же тебе нужна! — хмыкнула Алина, позабыв о том, что Мортиса злить опасно для жизни.

— Вам тоже! Я-то достаточно хладнокровный, чтобы смотреть на мучения, которые ей предстоят, но вы — вряд ли.

Уже минуту спустя друзья признали — расчёт Мортиса оказался верным. Хоть Дашка не очнулась и никакой боли поэтому не чувствовала, все дико боялись, что она вот-вот рассыплется в прах.

— Я в катакомбы, — нахмурился Дерик, содрогнувшись от выскочившей усмешки на лице Мортиса.

— Молодец, всё понимаешь, — издевательски похвалил его злодей.

Катакомбы находились в подземелье башни старейшины, но пользовались ими редко: или совесть не позволяла отсиживаться в укрытии, или туда было просто не пробраться, потому что, если в деревне начиналась бойня, вокруг башни старейшины обязательно разворачивалась самая кровавая битва. Но риск для жизни Вивьен был слишком велик, чтобы находиться в сражении…

— Катакомбы… Дерик, ты слышал, что там творится? — завопила Алина, сообразив, куда хочет сунуться парень: та часть деревни, у которой была возможность, говорила о том, что возле башни старейшины побоище, невиданное даже по меркам Фатоны.

— Да! Кто-нибудь должен идти со мной!

— Ступайте все, — наигранно посоветовал Мортис. — Там виверны и доживающие последние часы вампиры. Я лично приказал им направляться туда. Кто-то же должен прикончить дурочку Теону, — он демонстративно вздохнул.

Друзья предпочли бы подумать, что Мортис сказал это нарочно, чтобы избавиться от них. Но такая мысль непозволительна, так как слова его могут оказаться правдой…

Верными оказались оба предположения. Чёрный маг не стал утаивать, что натравил на Теону своих чудовищ-рабов, но сделал это с целью отправить компанию с глаз долой.

— Послушные ребята, — удовлетворённо произнёс он, когда компания пропала за углом. — Эдриан! — подозвал он пегаса.

Крылатый конь поднял их на просторный балкон одного из

зданий. Дашку Мортис оставил под навесом, а сам, раскрывая Книгу, подошёл к перилам. Человек, написавший этот фолиант, был очень предусмотрительным. На последних страницах было заклинание, рассчитанное на то, что люди будут оказывать слишком уж достойное сопротивление. Но предварительно необходимо кое-что заполучить.

Заберите у девчонки Жезл и принесите мне.

Его слугам было очень трудно это сделать. Те, кто механически исполняют чей-то приказ, слабее тех, кто действуют потому, что сами этого желают. Виверны и издыхающие вампиры рвались к Теоне, потому что какая-то непонятная сила велела им так. Народ, расправившийся с нежитью по всем остальным углам и улицам деревни и теперь собравшийся здесь, сознательно боролся с вивернами, сознательно защищая Теону.

Так как опасность не обращала внимание ни на кого, кроме Солнечной Принцессы, четверо парней и девушка пробрались в катакомбы беспрепятственно. Женщины и дети, томящиеся в укрытии, оживились:

— Что, всё закончилось?

— Так быстро?

— Мой сын жив, не знаете?

— Что с Теоной? Что с моей девочкой? — они услышали Анну.

— Нежить пытается схватить её, но безуспешно, — доложил Джейк. — Всё боеспособное население деревни собралось там и противостоит. Не знаю, насколько это растянется. Мама, ты не видела, Вивьен здесь?

— Что ты хотел? — из толпы показалась священница Храма Ветров.

— Дарье плохо! Она попала под солнце.

— Разложение уже началось? — помрачнела Вивьен.

— Что? — не понял Саша.

— Эта зелёная дрянь с неё осыпается, — объяснил Дерик и ответил на заданный вопрос: — Да, началось.

— Ведите меня к ней, быстрее! — забеспокоилась Вивьен.

— Дарья — это та, которая должна родить демона Мортису? — подала недовольный голос какая-то пожилая женщина. — Пусть умрёт, это разрушит планы мерзавца.

— Клеа, мы же видели в магическом шаре — орды нежити, после того, как сотня за сотней начали вымирать вампиры, терпят сплошные поражения, — возразила другая женщина. — Мортис в любом случае своего не добьётся, а Дарья — очень хороший человек… Ладно, не человек — вампир, но это ничего не меняет.

Тот, кого вспоминали сейчас в катакомбах, в этот момент

задумался: *почему мои слуги не торопятся? Кто-нибудь, объяснитесь, сию секунду!!!*

На его зов прилетел умирающий вампир, в воздухе оставляющий за собой дорожку зелёного праха:

— Повелитель, людей слишком много, они мешают нам. Среди них много магов, они… — договорить вампир не успел — исчез, рассыпался.

Надо сделать так, чтобы не палили своим колдовством куда ни попадя… Отвлеките их как-нибудь, идиоты!!!

В катакомбах людей интересовало другое:

— Почему мы медлим? Надо спешить к Дарье! — воскликнула Вивьен.

— Постойте! — взмолилась Анна. — Возьмите с собой Шаки, отведите её домой — ей надо принять целебное зелье, ей плохо стало!

Компания увидела больную девочку, над которой колдовали две целительницы, но у них не очень-то получалось хотя бы притупить боль.

— Конечно! — Саша подбежал к ней, поднял на руки — Шаки тут же доверительно вцепилась в него. — Где у вас зелье хранится?

— Я покажу, — простонала Шаки.

Разросшаяся компания двинулась к выходу.

Когда она выбралась на улицу, тут же угодила в поле зрения одного из последних в Альдане вампиров. В этот же момент в голове его раздался приказ Повелителя — перехитрить смертных. Вампир был умён, и сразу понял, как помочь своим соратникам вырвать победу…

Друзья не ожидали, что на них кто-то нападёт. Их секундного замешательства вампиру хватило, чтобы утащить Шаки наверх. План его сработал не совсем так, как было задумано. Вампир предполагал, что, когда Теона заметит сестру в лапах противника, ужаснётся, остолбенеет, в эти мгновения, кто-то выхватит у неё Жезл. А получилось лучше: он сам замер, похвалив свой гениальный план, и Теона вызволила девочку из его хватки… помчавшись на своих крыльях в сторону Центральной улицы, где ожидал Повелитель Тьмы. Сестру надо было унести в безопасное место. Вампир велел вивернам пропустить Теону, а людям показалось, что оживлённые драконы оказались неповоротливыми.

Всё заворожено следили за её полётом. Потом Саша спохватился:

— Нам же к Дашке нужно!

Они помчались на Центральную улицу, не зная, что Теона

уже там и что Мортис обрадовался, её увидев.

Волшебница опустилась, чтобы перевести дух, возле Храма.

— Мы победили? — пробормотала Шаки, оглядывая пустынную улицу, где, хоть и царил разгром, не было видно ни души. Ни единой неживой души.

— Да, солнышко моё, — Теона вздохнула.

— Это тебя все Солнышком называют, — улыбнулась Шаки.

— Да, я это слышал, — ледяной голос Кеану Мортиса в тишине прозвучал зловеще. — Тебе такое прозвище братья придумали, помню. Что ж, Солнышко, сейчас ты погаснешь.

Он, проговаривая что-то, пристально посмотрел на Жезл Теоны, и артефакт исчез, оказавшись у него в руке.

— Что… ты… собираешься делать!? — пролепетала Теона, поднявшись на крыльях на уровень балкона.

— Ты можешь успеть предупредить народ, что сейчас будет торжество Зла нал Добром, — «посоветовал» Мортис. — Заклинание я буду читать долго, смакуя каждое слово.

Сама не понимая, почему, волшебница послушалась. Да и как она могла ему воспрепятствовать, безоружная, не владеющая магией, способной причинить ущерб врагу? Теона, подхватив дрожащую от страха и хныкающую от боли Шаки, помчалась назад, прочь от этого ужасного человека.

— Ты куда? — окликнул её Дерик, уже раздираемый плохим предчувствием; компания как раз выходила на Центральную улицу. — И где твой Жезл?!

— К башне, — Теона опустилась вниз, чтобы отпустить сестру, — предупредить всех, — она снова взмыла вверх и сверху крикнула: — Жезл забрал Мортис, он готовит что-то жуткое! Остановите его, если успеете! И позаботьтесь о Шаки! — она унеслась.

Как быстро не бежали друзья, не летела Теона — Мортис опередил их. Он всё-таки решил не растягивать удовольствие, а сделать всё быстро: произнёс нужные слова и нанёс удар тем концом Жезла, за который надо было держаться, по раскрытой Книге Смерти. Жезл вонзился в неё — не потому, что Мортис ударил с такой силой. Ею обладал фолиант, втянувший в себя то, что хранило в себе свет и добро. Втянул, чтобы больше не отдавать.

Мало кто знал, что на берегу реки Неоран, где проводились тренировки Отряда Лесных Воительниц, был похоронен Ардес Фарлен, автор Книги Смерти. Он ненавидел белую магию как при жизни, так и в загробном мире, и, услышав заклинание, молитву о том, чтобы она исчезла из королевства если не навсегда, то надолго, внял просьбе.

На месте его захоронения вспыхнул огненный круг, а в нём белым пламенем — изображение черепа, такое же, какое было на обложке Книги, всё остальное пространство внутри круга стало чёрным… и превратилось в пустоту. Затягивающую в себя. Ненавистную белую магию. И её носителей.

По всему королевству священники, целители и белые маги одновременно почувствовали, как лишаются светлой силы, опустошаются, слабеют. Жуткая чёрная пустота, появившаяся на краю Фатоны, поглощала её всю. А в самой деревне разворачивалась абсолютная трагедия.

Пустота засасывала вместе с магией и людей. Она никого не щадила: ни тех, кого призвана была уничтожить, ни тех, кто пытался их удержать. Люди пытались зацепиться хоть что-нибудь… хоть за землю… за край обрыва, с которого они падали прежде, чем попасть в черноту пустоты… И крики повсюду…

Теона вдруг остановилась: почувствовала жжение в спине. Это опадали и улетали к берегу белоснежные перья. Сначала она лишилась крыльев — в тот же миг её саму потянуло туда, где обрывались жизни.

Стремительно уходила магическая сила Храма Ветров — когда исчезла последняя её капля, грохнул взрыв. Храм стал рушиться. Ему незачем было больше стоять, из священного места он превратился в обычное помещение, тесное и ненужное. Он рушился медленно. На глазах у Дерика, Джейка, Алины, Димы и Саши. И Кеану Мортиса, но друзья и злодей друг друга не видели.

— Что со мной!?! — взвизгнула Алина. — Меня куда-то тянет!!!

В девушке жила белая магия. Её пока было немного, но жуткая пустота и эту малость почувствовала.

— Держите меня!

— Это проклятие! — крикнула Вивьен, с ней творилось то же самое, и бороться с притяжением ей было гораздо труднее: светлая магия переполняла её, чёрная пустота чувствовала её сильнее.

Алину и Вивьен потащило туда, в то жуткое место. Парни вцепились в них и старались ухватиться за что-нибудь — усилия были напрасными, всех волокло к пустоте. Их разъедал такой ужас, что казалось — они именно от него и умрут. Из-за него друзья не могли не звука произнести — только беззвучно открывали рты, когда им хотелось вопить от страха.

— Красота, — Мортис довольно улыбнулся. — Ты сделал это, приятель! Осталось вознаградить себя созерцанием поражения главного своего врага. Если эту девчонку можно назвать врагом.

Вдруг его сильно дёрнули за мантию сзади. Он развернулся:

— Дарья? Странно, что ты ещё не погибла. Пора бы! Не видишь — всё свершилось, добро повержено! И ты мне теперь без надобности.

Дашка ничего не ответила, но и не шелохнулась. И взгляд её застыл, ненавидящий, испепеляющий. Он бы мог заставить ретироваться нормального человека.

— Хочешь как-то удержать меня? Отговорить? Вразумить?

Ничего не изменилось.

— Что тогда? Впрочем, некогда мне выяснять, я могу опоздать к последнему акту!

Он оттолкнул её, Дашка упала, опять без сознания — осталась лежать под губительным солнцем, а Мортис запрыгнул на пегаса и поспешил к могиле Ардеса Фарлена, которая становилась могилой для белой магии.

Изумительный хаос! *А девчонка упрямая! Держится! Ну, тем приятнее лицезреть, как она, наконец, исчезнет в бездне.*

Теона старалась удержаться за дерево, но силы заканчивались… Но в тот момент, когда пальцы соскользнули — возле неё оказались Дима и Джессика.

В этот самый момент Дашка очнулась. Первым, что бросилось ей в глаза, была Книга Смерти с воткнутым в неё Жезлом. От него исходило ярчайшее свечение: священная магия оказывала последнее сопротивление…

…Теона сорвалась вниз. Парень и воительница уже не могли втянуть её: пустота была слишком близко, а сила притяжения — слишком мощна…

…Дашка схватилась за Жезл. Слёзы хлынули водопадом, для вампирши артефакт на ощупь казался раскалённым добела железом. Она, уже не замечая безумной боли, расползающейся по всему телу — будто вся изранена, а раны кто-то раздирает, — рванула его на себя…

…ТЕОНА!!!

Джессика и Дима оцепенели с протянутыми вниз руками. А Теона падала вниз…

Внезапно огненный круг, чернота и изображение черепа внутри него испустили короткое серебристое сияние — и всё это исчезло. Теона упала на траву, а вокруг неё прямо из воздуха стали появляться тела тех, кого пустота успела поглотить. Бездушные тела.

Из-под головы молодой женщины растекалась кровь.

— По-крайней мере, в этом есть плюс, — к обрыву подошёл Кеану Мортис. — Ардес Фарлен отдал вам мертвецов, но не магию.

— Ты чудовище, — Джессика, пошатываясь (бедро у неё было

разодрано до кости), встала, подошла к нему, положила руки ему на плечи — вынуждена была опереться на него. — У тебя всё было: и власть, и богатство, и уважение — жизнь, идеальная и без господства над Альданой! Получить его было твоей прихотью, и ради прихоти ты… Посмотри, что ты сделал! — она показала вниз, на трупы, один из которых был её сестрой, пусть не родной, но её Джессика любила сильнее, чем собственную мать.

— И что такого? — сделал презрительную гримасу Мортис. — Сколько ты внушала своей драгоценной сестричке, что три четверти людей Альданы — подлецы и негодяи?

— Ты мог бы быть уникальным человеком. А стал одним из этих трёх четвертей.

— Скажи, Винсент, ты причисляешь себя к уникальным людям? — неожиданно спросил злодей.

— Да! — с вызовом ответила она.

— Так вот, уникальный человек, ты сейчас сдохнешь, как и твоя не менее уникальная сестра, а я, серость, буду жить…

— Не будешь! — Джессика толкнула в грудь; слабо — рана совсем обессилила её, — но Мортис стоял слишком близко к краю обрыва, и мужчине нужно было лишь потерять равновесие, чтобы его нога соскользнула вниз…

Он упал, размозжив себе голову о камень.

У обрыва постепенно собирались фатонцы — все, кто выжил.

— Мерзавец мёртв, — констатировал старейшина.

— Погодите, — Айрис натянула лук и выпустила стрелу, угодившую Мортису прямо в сердце. — Вот теперь он точно мёртв.

— Зло побеждено, — вздохнула Вивьен.

— Но и добро не выиграло, — Фредерик покачал головой. — Сколько погибших… И отнятая белая магия. И маги.

— Серьёзно раненых много, — мистер Цельсий оглядел народ, собравшийся вокруг. — А сколько среди нас осталось людей, кто может исцелять раны? Вивьен, Айрис, Патрик, Фредерик, я, — он присмотрелся, выискивая в толпе нужные лица, — сёстры Роуз, Астерия Рафф — остальных мы потеряли.

Медленно все спускались на берег. Каждый надеялся: вдруг он сверху не разглядел, и среди бездыханных тел нет его родных или друзей. Надежды не сбывались… За единственным исключением.

Друзья окружили Теону (Джессика, которой на пути попался труп Мортиса, наступила на него), к ним подбежали Анна с Шаки.

— Доченька…

— Сестрёнка…

— Солнышко…

Джессика первой сломалась, зарыдав на груди у сестры. Остальные, опустившиеся на колени, сделали по нескольку взмахов ресницами и разревелись тоже. Им вторили со всех сторон, оплакивали тех, кто ушёл из жизни в этом противостоянии Света и Тьмы.

Неожиданно Джессика затихла и изумлённо распахнула глаза, приподнялась:

— Она ещё дышит… Дышит!

— Я… жива!? — Дашка чуть-чуть разлепила веки, так что мир виделся в узкой полоске.

Зрачки поплыли вверх, к небу, потом вниз. Взгляд остановился, потому что поймал нечто невероятное.

На её ладони каким-то образом появились порезы. Они побаливали. На них блестели капельки крови.

Дашка села, поднесла руку к глазам — зрение не обманывало. А чудеса продолжались! Она увидела в окне отражение, грязное, лохматое, измученное — но своё! Когда молодая женщина пригляделась, то поняла, что глаза вернули естественный цвет, серо-зелёный.

— Ты жива? — теперь этим вопросом озадачились подоспевшие друзья, а выразил общее мнение Саша. — Ты цела?

— Даже лучше, — счастливо вздохнула Дашка и подняла руку, показав порезы.

Если полчаса назад деревня содрогалась от криков страха, то теперь её встряхнуло от восторженных возгласов.

Анна, Шаки, Джейк, Дерик, Джессика, Дашка, Алина, Дима и Саша мерили шагами участок земли, который ещё вчера ночью был двором перед домом Винсентов. Шанди сидел смирно, но тихо скулил. Фредерик и Вивьен сейчас осматривали Теону в её комнате. Всем можно было подождать и в доме, но волновались так, что необходимо было метаться из стороны в сторону, что в условиях тесноты дома не представлялось возможным.

Наконец, на крыльцо вышел старейшина. Все замерли, развернувшись к нему.

— Смерть Теоне не грозит, — огласил он результат его с Вивьен действий.

Никто не отмер — у всех перехватило дыхание от радости.

— Не всё гладко, вы понимаете? — продолжал Фредерик. — Вместе с магическими силами Теона потеряла и часть жизненных. В обычных условиях такая болезнь лечится быстро и легко, но у кого из целителей осталось столько энергии на это? Наших совместных с Вивьен усилий хватило лишь на то, чтобы привести

Теону в чувство и предотвратить заражение. А вчера наша священница могла воскрешать мёртвых. Мы можем только поддерживать жизнь Теоны, но помочь ей выздороветь — никак.

— Как нам быть? — пробормотала Анна. — Что с ней будет? И что будет с Шаки?

— Не отчаивайтесь, — тепло произнёс старейшина. — Мир не может существовать без белой магии. Она обязана уравновешивать чёрную. И это равновесие установится.

— Новая эпоха должна начаться как положено, — предположил Джейк. — Неясно кто, неясно как, но вернёт всё, как было. Возвратит нам белую магию.

— Хорошо сказал, — поддержал его Фредерик. — Ох, я должен сказать вам ещё кое-что, не очень приятное. Теона потеряла ребёнка.

Все грустно вздохнули. Догадывались, что это случится, но не хотели, чтобы предчувствия подтвердились. Не повезло…

На крыльцо выглянула Вивьен:

— Всё нормально, угрозы для жизни нет, — она прервалась, когда все заулыбались. — Теона спит. Не беспокойте её пока, ладно? А, когда надумаете её проверить, не вламывайтесь к ней всей толпой, очень вас прошу. Ей тишина нужна.

— Можно считать, что всё обошлось, — подытожила всё Анна. — Пройдёмте в дом?

У входа Вивьен остановила Дашку:

— Я бы хотела тебя осмотреть. Не возражаешь?

Они поднялись в спальню. Священница недолго водила руками по животу Дашки, задумалась и сказала:

— Да, так мы с Фредериком и объяснили то, что ты снова стала человеком, — она прикусила нижнюю губу, по-видимому, собираясь с духом, чтобы рассказать это Дашке. — Печальное совпадение получилось, — она начала издалека, снова замолчала, но всё же собралась: — Вы с Теоной одновременно забеременели — и одновременно потеряли детей.

— Да, — без эмоций проронила Дашка, ловя себя на том, что этот факт скорее принёс облегчение, чем расстройство.

— Твой демон, развиваясь у тебя под сердцем, впитывал в себя то тёмное, злое, что было в тебе. Он забрал всё, и дух его, покидая тебя, унёс это с собой. Известны такие случаи. Но дитя оказалось слишком уж ненасытным, — она рассмеялась и сразу сделалась серьёзной: — Вероятно, дар чёрной магии ребёнок у тебя тоже отнял.

— Я не хочу терять свои способности! — перепугалась Дашка.

— А ты проверь! Ведь ты и твои друзья теперь великие люди, духи бы стали возражать, если бы тебя оставили без дара,

который ты так усердно развиваешь.

— Кто мы? — не поверила она.

— Как? — Вивьен изобразила возмущение. — Фредерик общался с вами целых пять минут и не успел вам ничего сказать? Хотя, — она хитро усмехнулась, — тут пяти минут не хватит. Значит, ждите, он вас скоро обрадует. Спускайтесь к остальным.

Довольная, Дашка выскочила из комнаты. Внизу гудели голоса, молодая женщина поспешила присоединиться.

Картина там была забавная. Старейшина собирался что-то объявить (Дашка понимала — Ту Самую Новость о том, что четверо друзей свой долг выполнили), но ни в одной комнате все обитатели дома не могли разместиться так, чтобы видеть Фредерика. Поэтому старейшина встал посреди коридора, а все заняли места в дверных проёмах. В Дашкином распоряжении оказалась лестница.

— Итак, друзья мои, — произнёс Фредерик с нескрываемым удовольствием, — все помнят о сообщении, которое оставил мне, а предназначил вам, Кевин Гранд?

— Помним! — выпалила Алина и пересказала его по-своему: — Как только, так сразу!

— Этот момент наступил!

После того, как друзья передушили друг друга в объятиях и отзвучали бешеные восклицания «Мы сделали это!», «Мы молодцы!», «Вы молодцы!», «Мы вами гордимся!» и тому подобных, Димой был задан закономерный вопрос:

— А в чём же наша заслуга-то? С Дашкой ясно всё, она эту бездну ужасную закрыла, королевство от катастрофы спасла! Додумалась, как! Но мы?

— Вы поддерживали её. Были рядом, — улыбка старейшины становилась всё шире.

— Если б не они, я бы тут вообще не оказалось. Вы же помните? — воскликнула Дашка вопросительно и с лёгким раздражением — очевидного не понимают, глупые!

— Признаю! Было дело! — выпалила Алина.

Все вместе они до конца вечера рассказывали Винсентам, Фредерику и Вивьен о том, как же случилось так, что друзья обнаружили Звёздный Портал и попали через него в королевство. Всё с самого начала. Потом повторили эту захватывающую историю для Зонаруса Цельсия и Тинзо, которые явились узнать о самочувствии Теоны. С этой же целью у Винсентов побывали Айрис Ави, Патрик Тейлор и ещё десять человек. Им тоже об этом поведали. И всем прочим жителям деревни, которые приходили в этот дом уже специально за этим.

Глава 29 Мы лишь говорим «До свидания»…

Предстоял тяжёлый день — сегодня хоронили погибших на берегу реки Неоран: таков был обычай, погибшие в сражении обретали вечный покой на поле боя. Ритуал завершался, как водится, обрядом Упокоения, на котором присутствовали все жители деревни.

Все внимательно следили за движениями Вивьен, обряд проводившей, но думал каждый о своём. Вернее, о своих. О тех, кому не суждено уже увидеть новую эпоху, потому что отнятые жизни их послужили для неё фундаментом.

Впрочем, эти мысли были несколько ошибочными — погибшие не могли прочувствовать новое время физически, но могли наблюдать за ней глазами духов.

Духи… Бестелесные фигуры поднимались из могил и искали среди собравшихся тех, кто хотел бы с ними попрощаться: родных и друзей. Призраки были безмолвны, но и не нужно было ничего говорить. Было достаточно взглядов, грустных, нежных, спокойных, ласковых и счастливых одновременно. Такой взгляд может быть только у духа, покидающего земной мир. А смертные смотрели по-другому, сквозь слёзы, и что-то бормотали, то, что не успели высказать тем, кто сейчас покидал их, при жизни. Духи слушали, улыбаясь.

Друзья собрались было уходить: им было прощаться не с кем, — но неожиданно перед ними вырос призрак.

Марика обняла всех по очереди (друзья ощутили только холодок). Дашка вздохнула:

— Теперь мы все точно знаем: ты умерла человеком.

Когда дух поднялся к облакам, растворившись в них, компания побрела домой.

Дима поднялся к Теоне. Он думал просто посидеть с ней рядом — молодая женщина была слаба даже для того, чтобы сказать хоть слово. Но вышло по-другому. Прошло несколько минут, и она — Дима думал, что ему показалось, но, приглядевшись, понял, что это не обман зрения, — стала выглядеть намного лучше. Тот, кто не имел представления о том, что Теона тяжело больна, заявил бы, что красавица просто спит.

— Ты остался, — прошептала она, распахнув засиявшие глаза.

— Я вернулся, — парень взял её за руку.

— Вернулся? — Теона удивилась. — Из дома?

— Нет, я был… на обряде Упокоения, — Дима не понимал, к чему она клонит.

— Дарья, Элли и Алекс тоже здесь?

— Да. А куда они должны были… — тут он осёкся, сообразив, что Теона имеет в виду. — Все мы тут. Пока не думали, когда в Большой Мир возвратимся. Можно хоть сейчас, но…

— Мы скучать по ним будем… А может быть, когда-нибудь ты мне свою страну покажешь. И мы увидимся. Наверное, совсем скоро, как только я поправлюсь.

— Ты о чём? — насторожился Дима.

— Ты ведь останешься, — продолжала Теона мечтательно, но без малейшего сомнения в том, что мечты её осуществятся. — И у нас всё же будет ребёнок… Даже двое, наверное. Мы переживём этот кризис. Мы сможем.

— Дети? Куда тебе рожать сейчас? — воскликнул парень. — Ты из постели встать не можешь! У тебя жизненных сил и на себя не хватает!

Тут он остановился. В то, что он только что сказал, *уже* верилось плохо. Теона поправлялась с каждой минутой. Дима бы не удивился, если вечером она бы спустилась ужинать.

— Нет, хватит! Потому что ты рядом, — сказала она серьёзно.

Это был явно не романтический бред. Присутствие Димы действительно вызвало в ней приток энергии.

— Я хоть сейчас готова, — она села, прильнув к нему сзади. — Хочешь? — она принялась целовать его.

— Нет! — заорал Дима, отскочив в другой конец комнаты. — Прости… Я должен был тебе сразу сказать… Я… не хочу я семью. И детей тоже. Во всяком случае, не сейчас.

— Мы справимся, — ободряюще протянула она. — Король Мартин погиб, нежить успела прорваться в замок. Новый правитель должен отменить несправедливые налоги. Легче будет жить, намного.

— Не об этом речь! — вспыхнул парень, отчаявшись.

— А о чём же? — недоумевала Теона.

— Тебе не понять таких, как я! — он рухнул на колени, этот разговор его изматывал так же стремительно, как исцелял Теону.

— Эй! Перестань шуметь! — в спальню ворвалась Анна. — Дмитрий, вам же… О, Ветры, Теона, тебе лучше!?

— Да, мама, гораздо, — закивала она с улыбкой.

— Но как так? — поразилась женщина, и вдруг замерла, когда её взгляд упал на Диму. — Это… из-за него?

— Из-за него, — вторила ей дочь. — Чудесно, правда?

— Ты всегда была удивительным человеком, — Анна вздохнула и присела на край постели. — Вивьен предполагала,

что ты можешь быть способна… на такое.

— На что, мама?

— Это редчайший случай. Некоторые целители могут восстанавливать собственные жизненные силы, если рядом находится их любимый человек. Между ними устанавливается особая связь, которую до сих пор не могут объяснить… Но это не важно. Может быть, так происходит потому, что желание жить становится таким мощным, что возвращает целителю часть его излечивающей магической энергии, — женщина посмотрела на молодого человека. — Дмитрий… Мне поговорить с вами надо. Пройдёмте на кухню.

Она ушла. Дима пожалел, что Джессика в тот день, когда узнала, что Теона беременна, его не убила. Он, конечно, любит Теону… Но недостаточно любит, получается.

— Дмитрий, я всё понимаю, — начала Анна, спотыкаясь на каждом слове, когда парень плюхнулся за кухонный стол, — вы и так потеряли в нашем королевстве слишком много времени, три месяца. У вас в Большом Мире дел полно, наверное? Там семья ваша, друзья. Очень трудно это всё бросить, но… Вы любите Теону?

— Люблю! — искренне ответил Дима.

— Я не настаиваю… Но… Вы не могли бы остаться с ней? С вами она скоро одолеет болезнь, без вас — совсем завянет. Впрочем, поступайте, как хотите. Ваши друзья собираются покинуть Альдану завтра утром. Решайте.

Остаток дня прошёл в суете. Дашке, Алине, Саше и Диме надо было в последний раз увидеться со всеми, с кем успели сдружиться, а таких было полдеревни. Вечером они зашли к старейшине. Он едва ли не считал их своими детьми. Впрочем, Фредерик почти ко всем фатонцам относился как к своим детям, братьям и сёстрам.

— Рады вы, что побывали здесь? — спросил старейшина.

— Безмерно! — затараторила Алина. — Я, конечно, сейчас скажу очевидную вещь, но всё-таки — в нашем мире мы бы такое не пережили, так что эти три месяца мы будем всю жизнь вспоминать! Спасибо вам!

— Мне-то за что? — усмехнулся Фредерик.

— Ну, вы нас так поддерживали, — протянул Саша. — Кто знает, что было бы, пойди мы не в деревню, а в город. Кинули бы нас в управление…

— Мы бы оттуда сбежали, и это была бы совсем другая история, — вспомнила Дашка известную фразу, которая была тут как нельзя уместна.

— Вот в этом уже ваша заслуга. Я вас в свою деревню чарами не заманивал, — он рассмеялся.

— Чары — это что-то, — вздохнул Саша. — Пожалуй, тут я немного жалею, что нам уже домой пора. Волшебству я бы ещё поучился. А не известно ли, в Большом Мире магия действует или нет?

— На этот вопрос ответа мы не получили, — развёл руками Фредерик. — Узнаете сами.

— А мне даже чуть-чуть страшно возвращаться, — призналась Алина. — Вы представляете, что нас ожидает? Нас уже из университета отчислили, наверное. Сколько мы его посещали? Неделю!

— Как мы будем объяснять наше столь длительное отсутствие? — Саша обеспокоился; прежде никто из друзей не задумывался о том, что родственники и одногруппники считают их пропавшими без вести.

— Дома все уже с ума посходили, — Дашка нахмурилась.

— Вам не придётся, — уверенно сказал старейшина. — По расчётам Кевина Гранда, тот, кто попадает в королевство из Большого мира, исчезает из памяти тех, кто его там знал.

— Нас никто не вспомнит? — оторопел Дима.

— Сознание прояснится при встрече. Так что ваши семьи, друзья и университетская группа и не подозревают, что вас нет. Бурной радости по поводу вашего возвращения не ждите. Будьте осторожны! — предостерёг он. — Вам придётся притворяться первых несколько дней. Помните, для них всех вы и не пропадали никуда, так что скрывайте, что соскучились.

— Пустяки! — отмахнулся Саша. — Мы всё это время изображали из себя уроженцев королевства, а это более сложная задача, чем скрывать эмоции после расставания, — он глянул в окно: стемнело. — Ну, мы пойдём. До завтра.

— Ещё раз вам спасибо, — пропела Алина.

— Спокойной ночи! — пожелала Дашка.

— До свидания, — буркнул Дима.

Он всё решил. То есть *не решился*.

На следующий день друзья были готовы к двенадцати часам. Провожать их собралась вся деревня, многие уже двинулись к королевскому замку. Сами виновники столпотворения медлили: нужно было проститься с Теоной, которая, убитая выбором любимого, сильно ослабела и впала в забытье.

Когда настала пора уходить и все спустились во двор, Дима задержался. Это жестоко — бросить её, но он не может вот так резко изменить свою жизнь. Когда-нибудь, вероятно, он вернётся

сюда. Но наступит ли это *когда-нибудь?* Дима наклонился и в последний раз поцеловал её. Вряд ли Теона почувствует. Это и хорошо, что она без сознания. Горечи момента расставания она тоже не узнает.

Но Теона очнулась. Дима поднял голову — в её глазах был отчаянный крик «Не уходи!». Она, подскочив, прижалась к нему. Слёз не было — беда её всю иссушила.

— Останься… — Теона посмотрела ему в лицо.

— Прости… — он покачал головой, отвёл её руки от себя, встал, подошёл к двери — не выдержал, обернулся.

Теона застыла, на миг поверившая в чудо… или просто отупевшая к душевной боли. Парень, хлопнув дверью, вылетел в коридор.

Молодая женщина, прислонившись к окну, смотрела, как Дима выбежал со двора, пулей догнал друзей, которые очень неторопливым шагом отдалялись от дома… В таком положении она провела почти сутки.

На площадь перед замком пришли не только все жители Фатоны, но и горожане. Все хлопали им. Старейшина подвёл друзей к воротам, компания развернулась, махая толпе руками. Джейк, Дерик, Анна, Шаки, Айрис с девушками-воительницами, Патрик Тейлор, Вивьен, Зонарус Цельсий, Тинзо — стоят ближе всех. Много уроков друзья от них получили, больше, чем кажется самим учителям.

Ворота открылись. В самую верхнюю башню, откуда можно попасть в портал, компанию проведёт незнакомый человек. Старейшина произнёс:

— До встречи. Она когда-нибудь состоится. Это не пророчество, не предсказание — это будет ваша воля.

Сверху друзьям улыбался дух Марики Новиш.

Перед тем, как они оказались за воротами, Джессика сорвалась с места. Она с Сашей попрощалась так, как это бывает у влюбленных. Парочка не печалилась. Дождутся новой встречи — замечательно, встретят кого-то — значит, не суждено. Друг другу они желали лучшей участи, то есть новой любви, в то же время надеялись, что счастье они обретут вместе, воссоединившись.

В замке все ликовали. Короля Мартина больше нет, в королевстве должна воцариться справедливость. Новая эпоха обязывает!

Компания и проводник миновали многочисленные покои и попали в башню, абсолютно пустую. Единственное, что в ней было — выход на балкон. Незнакомец попросил друзей пройти туда, а сам этого делать не стал.

С балкона они могли видеть только пестроту на площади, но пестрота, как только друзья вышли, зашумела. Над головами их мерцали звёзды Портала. Компания протянула руки, дотронулась…

Вспышка — и всё пропало. Вокруг — лес. Зимний. Всё в снегу. А на них — обычная одежда. Но не осенняя, в которой они были в тот день, когда очутились в Альдане, а тёплая, по соответствующему сезону. Как всё легко, прямо не верится…

Легко получилось везде. В университете удалось всё уладить, с родителями и друзьями проблем не возникло, как и обещал старейшина. Тяжело было только на душе. Это знак — всё ещё будет…

Всё просто, неправдоподобно просто, а они уже не могли понять, что для них правда, Большой Мир или королевство Альдана.